

ГОЛОСЬ МИНУВШАГО

№ 5—6. Май—Іюнь. 1917.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. КЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЦАРИЗМА.	
1. Адамъ Мицкевичъ. Петербургъ	3
2. Д. В. Давыдовъ. Воспоминанія о цесаревичѣ Константииѣ Павловичѣ . .	36
3. Б. Д. Федоровъ. Николай I въ произведеніяхъ А. И. Герцена.	47
4. На смерть Николая I. (Стихотв. 50 гг.)	60
5. Ю. Оксманъ. Мѣры николаевской цензуры противъ фурьеризма и коммунизма.	69
6. Гр. Антонина Блудова. (Къ характеристикѣ двора 60-хъ гг.). Перев. съ нѣмецк. П. Степановой.	73
7. Письмо имп. Александра II къ королю Вильгельму Прускому.— Пер. М. А. Хохловкина.	81
8. Дилюнъ. Александръ III.	84
9. Черевинъ и Александръ III.	96
10. Ф. Дилюнъ. Смерть Скобелева.	102
11. Мелочи прошлаго. 1) Николай I передъ дверями рая. 2) Путешествіе Николая II по Европѣ. 3) Наглядный урокъ конституонализма.	103
II. РОССІЯ И ГЕРМАНІЯ.	
1. М. Н. Покровскій. Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній.	107
2. В. Н. Перцевъ. Политика Гогенцоллерновъ.	154
III. ЮБИЛЕЙ Н. И. КОСТОМАРОВА.	
1. И. Житецкій. Профессорская дѣятельность Н. И. Костомарова.	234
2. Н. И. Костомаровъ. Неизданная глава изъ автобіографіи.	249
IV. ИЗЪ МАТЕРИАЛОВЪ ОХРАННОГО ОТДѢЛЕНІЯ.	
1. М. А. Цявловскій. Николай II въ Москвѣ въ 1912 г.	267
V. ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.	
1. Г. Цыперовичъ. Изъ зарубежной жизни.	312
VI. ОБЪЯВЛЕНИЯ.	

ГОЛОСЬ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія V)

№ 5—6. Май—Іюнь. 1917.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
I. КЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ЦАРИЗМА.	
1. Адамъ Мицкевичъ. Петербургъ	3
2. Воспоминанія Д. В. Давыдова о цесаревичѣ Константииѣ Павловичѣ	36
3. Б. Д. Федоровъ. Николай I въ произведеніяхъ А. И. Герцена.	47
4. На смерть Николая I.	60
5. Ю. Оксманъ. Мѣры николаевской цензуры противъ фурьериизма и коммунизма.	69
6. Гр. Антон на Блудова (Къ характеристику дворца 60-хъ гг.). Перев. съ нѣмецк. П. Степановой.	73
7. Изъ одного письма имп. Александра II къ королю Вильгельму Прускому. Пер. М. А. Хохловкина.	81
8. Александръ III. Очеркъ Диллона.	84
9. Черевинъ и Александръ III.	96
10. Ф. Дюбюкъ. Смерть Скобелева.	102
11. Мелочи прошлаго. 1) Николай I передъ дверями рая. 2) Путешествіе Николая II по Европѣ. 3) Наглядный урокъ конституционализма.	103
II. РОССІЯ И ГЕРМАНІЯ.	
1. М. Н. Покровскій. Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній.	107
2. В. Н. Перцевъ. Политика Гогенцоллерновъ.	154
III. ЮБІЛЕЙ Н. И. КОСТОМАРОВА.	
1. И. Житецкій. Профессорская дѣятельность Н. И. Костомарова.	234
2. Н. И. Костомаровъ. Неизданная глава изъ автобіографіи.	249
IV. ИЗЪ МАТЕРІАЛОВЪ ОХРАННОГО ОТДѢЛЕНІЯ.	
1. М. А. Цявловскій. Николай II въ Москвѣ въ 1912 г.	267
V. ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.	
1. Г. ЦЫПЕРОВИЧЪ. Изъ зарубежной жизни.	312
VI. ОБЪЯВЛЕНИЯ.	

Тип. Т-ва Рябушинскихъ. Москва.

Петербургъ—Адамъ Мицкевичъ.

Поэтический отрывокъ «Петербургъ», представляющій самостоятельную часть драматической поэмы «Дзяды» написанъ Мицкевичемъ въ 1832 г. въ Дрезденѣ, написанъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ разгрома Польши въ 1831 г.—насилія, совершеннаго надъ Польшей Россіей Николая I. Самъ поэтъ называетъ свое произведеніе «чашей яда», говорить о «жгучей и разъѣдающей горечи» его рѣчи—горечи, которую—онъ «высо-салъ изъ крови и слезъ отчизны».

Но все же и въ этотъ моментъ величайшей ненависти къ Россіи царской поэтъ хочетъ, чтобы горечь его рѣчи разъѣдала и жгла не русскій народъ, а его оковы.

Мицкевичъ зналъ николаевскую Россію, онъ прожилъ въ ней около пяти лѣтъ съ 1824—1829 г. Прибывъ въ Россію въ качествѣ административно высланного незадолго до разгрома декабристскаго движенія, польскій поэтъ прежде всего сошелся съ вождями этого движенія, въ особенности съ Рыльевымъ и А. Бестужевымъ, которыхъ онъ трогательно вспоминаетъ въ своемъ посвященіи «Петербурга» друзьямъ-москалямъ. Сынъ поэта разсказываетъ, что Адамъ Мицкевичъ долго хранилъ альбомъ, въ которомъ были страницы исписанныя Рыльевымъ и Бестужевымъ. (Альбомъ этотъ, къ сожалѣнію, былъ утерянъ поэтомъ въ 1836 г.).

Память о декабристахъ является свѣтлой точкой въ воспоминаніяхъ Мицкевича о Россіи. Основной же фонъ этихъ воспоминаній трагиченъ и черенъ, какъ та николаевская ночь, которая опустилась на Россію послѣ 14 декабря 1825 г., и среди которой поэтъ и прожилъ нѣсколько лѣтъ. Въ эти годы Мицкевичъ близко сошелся съ московскими и петербургскими кружками русской интеллигенціи. И о русской интеллигенціи онъ сохранилъ на всю жизнь высокое мнѣніе, которое нашло свое выраженіе въ его статьѣ о Пушкинѣ въ 1837 г.

Мицкевичъ говоритъ въ этой статьѣ о неподкупной честности русской интеллигенціи, онъ говоритъ, что всѣхъ тѣхъ денегъ, которыя тратитъ царское правительство на подкупъ иностранной печати, не хватило бы, чтобы купить хотя бы одного русскаго писателя съ именемъ. Но въ то же время въ эти годы реакціи

у него сложилось представлениe о без силії русской оппозиції. Онъ говоритъ, что въ Россіи всѣ недовольны правительстvомъ, на словахъ всѣ ругаютъ правительство, и слушая эти рѣчи недоумѣваешь, какъ можетъ существовать правительство, вызывающее всеобщее неудовольствіе, а оно существуетъ однако и стоить непоколебимо.

Въ поэмѣ «Петербургъ», за исключениемъ нѣсколькихъ строкъ о декабристахъ, ничего не говорится о русскомъ обществѣ, здѣсь лишь царская Россія и безмоловствующій русскій народъ. Впослѣдствіи, въ парижскихъ лекціяхъ о славянской литературѣ Мицкевичъ говорилъ о великомъ будущемъ русскаго крестьянства, которое пойметъ, что служить орудіемъ въ рукахъ царизма, и пресытится военной славой. Въ «Петербургѣ» мы видимъ лишь рабскій народъ, который знаетъ лишь одинъ героизмъ, героизмъ «неволи».

Картина Россіи, нарисованная Мицкевичемъ въ «Петербургѣ», печальна и трагична, но не безнадежна. Россія Николая I представляется поэту въ видѣ «страны льдовъ», но поэтъ задается вопросомъ, что будетъ, если солнце свободы засіяетъ и теплый вѣтеръ согрѣетъ эту страну.

Россія—еще бѣлый неисписанный листъ бумаги. И Мицкевичъ задается вопросомъ, кто будетъ писать на этомъ листѣ: Богъ ли, Который начертаетъ на немъ, что любовь должна управлять міромъ или же вѣчный непріятель Бога, который напишетъ, что люди созданы для кнута?

Въ «Петербургѣ» есть мысли относительно Россіи, очень напоминающія мысли Чаадаева, и трудно рѣшить, кому здѣсь принадлежитъ пріоритетъ. Съ другой стороны, мысли относительно нерусского характера Петербурга, критика Петра очень сближаютъ Мицкевича со славянофилами. Но нельзя утверждать, какъ это дѣлаетъ проф. Погодинъ въ своей книжѣ о Мицкевичѣ, что онъ заимствовалъ эти мысли у русскихъ славянофиловъ. Творцы русского славянофильства, съ которыми Мицкевичъ сошелся въ Москвѣ въ 1827—28 гг., братья Киреевскіе и Хомяковъ, были еще юношами, и славянофильского ученія еще не существовало. «Петербургъ» Мицкевича—одинъ изъ рѣдчайшихъ памятниковъ литературы, въ которомъ слиты черты истинно-поэтическаго произведенія и политического памфлета. Получилась поистинѣ жуткая картина царской Россіи, сатира, не имѣющая равной себѣ и въ русской литературѣ.

Помимо своего общаго идеяного и политического интереса, «Петербургъ» представляетъ еще специальный интересъ для историковъ русской литературы, благодаря тому вліянію, какое оказала эта поэма Мицкевича на творчество Пушкина. Пушкинъ

зналъ это запрещенное въ Россіи произведеніе и его «Мѣдный Всадникъ» является несомнѣнно отвѣтомъ Мицкевичу. «Мѣдный Всадникъ» писался подъ впечатлѣніемъ мрачнаго обвинительнаго акта противъ петербургской Россіи и отсюда его апологическій тонъ. Мысль эта, впервые высказанная краковскими профессорами Третьякомъ въ его этюдахъ «Mickiewicz i Puszkin» въ послѣднее время нашла признаніе, хотя и съ оговорками, и въ русской литературѣ.

На русскій языкъ это произведеніе Мицкевича за исключеніемъ посвященія «Друзьямъ-москалямъ» и стихотворенія «Памятникъ Петру В.» не переводилось. Переводъ Мицкевича стихами представляется дѣломъ исключительной трудности, благодаря тому, что стихъ Мицкевича представляетъ собой рѣдкое сочетаніе необычайной по простотѣ естественности рѣчи съ силой и образностью языка.

Печатая «Петербургъ» въ переводѣ В. М. Фишера, редакція «Гол. Мин.» отлично сознаетъ, что переводъ далеко не адекватенъ подлиннику. Переводъ В. М. Фишера во всякомъ случаѣ даетъ возможность русскому читателю познакомиться съ этимъ запрещеннымъ раныше произведеніемъ Мицкевича.

Ред.

*Этотъ отрывокъ друзьямъ-
москалямъ посвящаетъ авторъ.*

Друзьямъ-москалямъ.

Вы помните-ль меня? Летя мечтой къ темницамъ,
Къ друзьямъ-изгнаникамъ, томящимся въ цѣпяхъ,
Я мыслю и о васъ; я вашимъ чуждыемъ лицамъ
Права гражданства далъ давно въ моихъ мечтахъ.

Гдѣ вы? Рылѣева возлюбленная шея,
Которую, какъ братъ, я обнималъ,—въ ночи
На подломъ деревѣ повисла, коченѣя...
Проклятье вамъ, своихъ пророковъ палачи!
Бестужевъ нѣкогда протягивалъ мнѣ руку,—
Пѣвецъ и воинъ... Царь ту руку оторвалъ
Отъ сабли и пера, обрѣкъ на трудъ и муку
И вмѣсть съ польскими руками заковалъ.

Быть-можеть, на иныхъ—проклятье воли Божьей:
Быть-можеть, кто, крестомъ иль чиномъ осрамленъ,
Пожертвовалъ душой свободной,—и въ прихожей,
Въ прихожей у царя гнуть спину осужденъ.
Подкупнымъ языккомъ царя, быть-можеть, славить,
Быть-можеть, радуясь судьбѣ своихъ друзей,

Голосъ Минувшаго.

Льетъ кровь мою въ моей отчинѣ, плахи ставить,
Хвалясь передъ царемъ работой палачей.

Когда изъ дальнихъ странъ, гдѣ вольные народы,
Мои элегіи на сѣверъ залетятъ,
Звуча надъ краемъ льдовъ,—пусть вамъ зарю свободы
Какъ журавли весну, онѣ благовѣстятъ!
Узнаете меня по голосу!.. Коварно,
Въ оковахъ ползая, я съ деспотомъ хитрилъ,
Но вамъ всѣ тайны чувствъ открылъ я благодарно
И кротость голубя для васъ всегда хранилъ.
Я выливаю въ міръ весь ядъ изъ этой чаши!
Ѣдка и жгучая рѣчъ моя, затѣмъ что въ неї
Вся кровь, вся горечь слезъ—слезъ родины моей!
Пускай же єсть и жжетъ—не васъ, но цѣпи ваши!
А если я отъ васъ услышу жалобъ вой,—
Сочту ихъ лаемъ пса, который привыкаетъ
Носить покорно цѣпь и, наконецъ, кусаетъ
И руку, рвущую ошейникъ роковой!

Дорога въ Россію.

По снѣгу, въ глушь дичающаго края,
Какъ вихрь, летить кибитка, чуть мелькая;
Мои глаза, какъ пара соколовъ,
Подхваченныхыхъ могучимъ ураганомъ,
Кружатъ надъ безпредѣльнымъ океаномъ.
Кружатъ — и не находятъ береговъ,
И средь стихій чуждой и безбрежной
Имъ кажется погибель неизбѣжной.

Ни городовъ, ни памятниковъ нѣть;
Природа край здѣсь одарила скучно;
Земля пуста и такъ кругомъ безлюдна,
Какъ будто бы вчера лишь созданъ свѣтъ.
А между тѣмъ, случайный даръ потопа,
Здѣсь мамонтъ изъ земли встаетъ порой
И языкомъ, для русскаго холопа
Невнятнымъ, говорить про вѣкъ иной,
Когда, волнуя море голубое,
Здѣсь съ Азіей торговля шла при Ноѣ.
А между тѣмъ и книга, что тайкомъ
Сюда проникла съ Запада случайно,
О краѣ томъ свидѣтельствуетъ тайно,
Что многихъ онъ народовъ былъ гнѣздомъ.
Но протекла здѣсь бурно хлябъ потопа,

Русла не оставляя за водой;
 Шли орды здѣсь, впитала ихъ Европа,
 И нѣть слѣдовъ ихъ жизни кочевой.
 Лишь гдѣ-то тамъ, на Альпахъ отдаленныхъ,
 Остался слѣдъ отсюда бившихъ волнъ,
 И дальше—Римъ воспоминаній полнъ
 О варварахъ, отсюда занесенныхъ.

Пустынныи край — весь бѣлъ онъ и отверзть,
 Какъ ждущая руки съ перомъ бумага...
 Писать на ней ли станетъ Божій перстъ
 Ту истину, народамъ всѣмъ во благо,
 Что правитъ человѣчествомъ любовь,
 Трофеи-жъ міра—жертвы? Или вновь
 Врагъ Господа старинный въ этой книгѣ
 Мечемъ нарѣжетъ страшныя черты,
 Что человѣкъ жить долженъ въ вѣчномъ игѣ,
 Трофеи-жъ человѣчества—кнуты?..

Въ пустыняхъ бѣлыхъ вѣтеръ свирѣпѣтъ
 И рветъ метель на бѣлые куски;
 Но море снѣга, вздувшись, не чернѣеть:
 Чуть только вихрь порветъ его тиски, —
 Вотъ ужъ оно окаменѣло снова
 И падаетъ, бѣло, мертвъ, сурово.
 Отъ полюса несется ураганъ,
 Неудержимъ въ грозѣ безумной бѣга,
 Мететъ равнину до Эвксинскихъ странъ
 И по пути взметаетъ тучи снѣга,
 Въ нихъ, — какъ самумъ, исполненный огня, —
 Дорожныя кибитки хороня.
 Однообразный, бѣлый плать метели
 Пронзили стѣны черныя кой-гдѣ,
 И вотъ—торчатъ, какъ острова въ водѣ:
 То сѣверныя пихты, сосны, ели.

Порубленныя грубымъ топоромъ,
 Лежать кой-гдѣ обтесанныя бревна;
 Ихъ въ видѣ стѣнъ укладываютъ ровно,
 И кроютъ ихъ, и называютъ: домъ.
 Гдѣ сотнями лежать такія кучи,
 Изъ трубъ въ морозъ пуская дымъ летучій;
 Гдѣ окна ихъ во тьмѣ ночной горятъ;

Гдѣ эти дома выстроились въ рядъ,
И снѣжный плать ихъ кровлями распоротъ,—
Тамъ полкъ такихъ домовъ зовется: городъ.

Встрѣчаю человѣка: коренастъ,
Широкоплечъ, затылокъ—жира пластъ..
Здѣсь люди, какъ животныя, какъ дубы,
Всѣ на подборь—здоровы, свѣжи, грубы.
Но лица ихъ—подобье ихъ страны:
Открыты, пусты, дики и ровны.
Изъ ихъ сердецъ, какъ изъ вулкановъ скрытыхъ,
Огонь еще на лицахъ не взошелъ,
Ни на устахъ улыбкой не расцвѣлъ
И не застылъ въ морщинахъ, имъ прорытыхъ.
Такъ лица Западъ, такъ Востокъ ваяль;
На нихъ печать событий, годъ отъ года,
Страстей, обидъ, надеждъ онъ налагалъ,
И каждое есть памятникъ народа.
Какъ города, глаза здѣсь у людей —
Большиe, тихиe; души смятенье
Нѣмыхъ зрачковъ не приведеть въ движенье,
Надолго грусть не омрачить очей.
Такъ издали величественны, чудны,
И такъ вблизи пустынны и безлюдны! ¹⁾
Ихъ тѣло—точно коконъ, гдѣ душа,
Какъ червячикъ, зимуетъ, не дыша,
И для полета, въ коконѣ безсилья,
Готовить грудь, и ткетъ, и красить крылья...
Когда же солнце вольности блеснетъ,
Отсель какая бабочка пойдетъ?
Взовѣется ль мотылекъ въ просторъ алмазный,
Иль выпадетъ слѣпень, сынъ ночи грязный?

Пустынность мѣсть прорѣзали дороги;
Не промыселъ торговый ихъ открылъ,
Не каравановъ вытоптали ноги,—
Ихъ пальцемъ царь въ столицѣ начертилъ.

¹⁾ Сравн. слова Чадаева: «Мнѣ кажется даже, что въ нашемъ взглѣдѣ есть какая-то странная неопределенность, что-то холодное и неувѣренное, напоминающее отчасти физиономію тѣхъ народовъ, которые стоять на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы. Въ чужихъ странахъ, особенно на югѣ, гдѣ физиономіи такъ выразительны и такъ оживленны, не разъ, сравнивая лица моихъ соотечественниковъ съ лицами туземцевъ, я поражался этой нѣмотой нашихъ лицъ». («Философическія письма», I).
В. Ф.

Коль съ польской деревенькою убогой
 Встрѣчался путь, — ее сметали вонь,
 Съ землею встрѣчный замокъ былъ сравненъ;
 Обломки ихъ засыпалъ царь—дорогой.
 Въ снѣгахъ полей — дорогъ не сыщеть взоръ, —
 Онъ въ лѣсной замѣтны гущѣ сонной:
 Всѣ къ сѣверу стремятся неуклонно,
 Свѣтясь въ лѣсахъ, какъ рѣки между горъ.

Кто ъздитъ по дорогамъ тѣмъ? Подъ снѣгомъ
 Вотъ конница несется легкимъ бѣгомъ;
 Тамъ, межъ кибитокъ, пушекъ и возовъ,
 Пѣхота показалась изъ лѣсовъ.
 Полки идутъ по царскому приказу
 Съ Востока биться съ сѣверомъ, не то —
 Отъ сѣвера задвигались къ Кавказу, —
 Куда, зачѣмъ? — не вѣдаетъ никто,
 Спросить нельзѧ. Монголь косой, скуластый, —
 И бѣдный и больной мужикъ съ Литвы;
 Блескъ англійскихъ винтовокъ; коренастый
 Калмыкъ стрѣлу спускаетъ съ тетивы.
 Ихъ офицеры? Нѣмецъ безпечальный
 На Шиллера слова сентиментальный
 Поетъ романсь, и встрѣчныхъ бѣть солдатъ;
 Француузъ мотивъ какой-то либеральный
 Насвистываетъ въ нось, и ждетъ наградъ
 Блуждающій философъ; вотъ онъ даже
 Бесѣдуетъ со старшимъ калмыкомъ,
 Какъ лучше заработать на фуражѣ;
 Хоть выморятъ поль-арміи,—о томъ
 Печали нѣтъ; захватять половину
 Зато казны,—никто не услѣдить,
 А тамъ министръ ужъ выдастъ имъ по чину,
 А царь за бережливость наградить.

Но вотъ летить кибитка. Все предъ ней
 Сторонится: передовые стражи,
 И госпиталь походный, и вождей
 Катающіеся важно экипажи.
 Летить кибитка. Кулакомъ тузить
 Жандармъ возницу, а возница хлещеть
 Бичомъ солдатъ; все мчится, все трепещетъ, —
 Того гляди кибитка налетитъ.

Кто єдетъ въ ней? Объ этомъ не рѣшится
 Спросить никто, жандармъ въ столицу мчится.
 «Изъ-за границы»,—молвилъ генералъ,—
 «Его везутъ, должно быть. Кто ихъ знаетъ?
 Возможно, что подъ царскій гнѣвъ попадъ
 Король французскій, прусскій,—такъ бываетъ,—
 И нѣмца царь въ тюрьму везти велѣлъ.
 Быть можетъ, поважнѣе кто промчался;
 Быть можетъ, и Ермоловъ самъ попался¹⁾.
 А узникъ на соломѣ какъ глядѣлъ!
 За нимъ обозъ раскинулся просторный;
 Не свѣта-ль это челяди придворной?
 Какъ смотрять всѣ надменно! Я бъ сказалъ,
 Что каждый—камергеръ иль генералъ,
 А это—малышей отрядъ задорный.
 «Не грѣшенъ ли король какой-нибудь?
 Его дѣтей сомнительныхъ забрали».
 Такъ офицеры тихо толковали.
 — Кибитка все къ столицѣ держитъ путь

Предмѣстья столицы.

Ужъ издали замѣтно, что столица.
 Дорогой величавою встаетъ
 Дворцовъ великолѣпныхъ вереница;
 Часовня тутъ подъ куполомъ, а вотъ—
 Подъ снѣгомъ и соломой, точно стоги,
 Фигуры мерзлыхъ статуй у дороги;
 Тамъ рядъ колоннъ коринѣскихъ, а за нимъ
 Домъ въ итальянскомъ стилѣ, легкій, плоскій;
 Японскіе, китайскіе кiosки;
 Вотъ мелко передразниваютъ Римъ
 Классическія новыя руины

¹⁾ Въ Россіи въ народѣ увѣрены, что царь можетъ всякаго короля посадить въ кибитку. Дѣйствительно, неизвѣстно, что бы отвѣтили въ нѣкоторыхъ государствахъ фельдъегерю, который бы приѣхалъ съ подобной цѣлью. Вѣро то, что Новосильцевъ часто говорилъ: «не будетъ мира, пока мы не заведемъ въ Европѣ такой порядокъ, чтобы нашъ фельдъегерь могъ выполнять одни и тѣ же приказы въ Вильнѣ, Парижѣ, Стамбулѣ съ равною легкостью». Отставка въ Грузіи генерала, очень популярнаго, считалась дѣломъ болѣе важнымъ, чѣмъ побѣда надъ какимъ либо маленькимъ европейскимъ королемъ. Этому мнѣнію русскихъ не слѣдуетъ удивляться. Припомните, что Его Высочество герцогъ Виртембергскій, осаждая съ союзниками Гданскъ, писалъ генералу Раппу, что русскій генералъ равенъ достоинствомъ королю и могъ бы носить этотъ титулъ, если бы такова была воля императора. (См. Дневникъ генерала Раппа).

A. Мицкевичъ.

Классическихъ временъ Екатерины;
Дома всѣхъ формъ, всѣхъ стилей средь оградъ,
Какъ звѣри здѣсь заморскіе стоять
Въ жѣлѣзныхъ клѣткахъ. Нѣтъ здѣсь только зданья
Въ отечественномъ стилѣ, нѣтъ созданья
Ихъ генія—межъ чуждыхъ колоннадъ.
Но какъ тонка строеній тѣхъ работа:
Каменьевъ столько яркихъ средь болота!
Для цезарскихъ дворцовъ Римъ древнихъ дней
Лилъ золото рѣкой¹⁾ себѣ на горе,
А здѣсь, здѣсь слуги подлые царей
Настроили притоновъ на просторѣ,
И нашихъ слезъ, и крови выливъ море.

Чтобъ камни свезть для этихъ обелисковъ,
Пришлось составить сколько тайныхъ списковъ,
И сколько заговоровъ изобрѣсть,
И сколько жертвъ изгнать или известъ!
Неслыханный грабежъ, необычайный!
Цѣной литовской крови, слезъ Украины
И злата Польши—царь купить сумѣль
Все, чѣмъ Парижъ, чѣмъ Лондонъ ни блестѣлъ,
Шампанскимъ перемыть полы буфетовъ
И выпотпатъ ихъ шагомъ менуэтовъ.

Теперь здѣсь пусто. Дворъ зимой въ столицѣ,
А стаи мухъ придворныхъ вереницей
Летятъ за царской падалью туда.
Лишь вѣтеръ пляшетъ въ залахъ. Пустота.
Летитъ кибитка въ городъ. Снѣжно было,
На городскихъ часахъ двѣнадцать было,
А солнце ужъ склонялось на закатъ;
И небо было чисто и прозрачно,
Безцвѣтно, блѣдно, и однако мрачно,
Какъ путника скончавшагося взглядъ.

Надъ городомъ другой возникъ—туманный
Воздушный градъ; колышутся ряды
Колоннъ и стѣнъ, и кровель призракъ странный,
Какъ будто вавилонскіе сады.
Такъ дымы трубъ безчисленныхъ несутся

¹⁾ Слова готскаго короля, впервые увидавшаго Колизей въ Римѣ.
A. M.

Обильно, густо, прямо: то горятъ
Рубинами, то мраморомъ блестятъ.
А тамъ вверху сгибаются и вьются,
И призраки рисуютъ крышу и стѣнъ¹⁾.
Такъ призрачные грады возникаютъ
Среди пустынь иль средиземныхъ пѣнъ,—
Стоять, манятъ, и вѣчно убѣгаютъ.
Но цѣпь снята, ворота отворяютъ,
Томятъ, трясутъ, изслѣдуютъ, впускаютъ.

Петербургъ.

Въ Италіи и въ Греціи, бывало,
Народъ ютился у своихъ святынь,
У водныхъ нимфъ, среди лѣсныхъ пустынь,
Иль отъ врага гора его скрывала.
Возникли такъ Аѳины, Спарта, Римъ.
Въ вѣкъ рыцарскій, подъ башнями барона,
Гдѣ края находилась оборона,
Народъ, тѣснясь, пристраивался къ нимъ.
Порой у рѣкъ жилища возникали,
Гдѣ трудъ кипѣлъ,—и грады возрастали.
Въ честь божества вставали города,
Какъ мѣсто обороны иль труда.

Столицы русской каково начало?
Что-жъ тысячи славянъ сюда пригнало
Съ чухонцами и моремъ воевать,
Чтобъ городъ въ мокрыхъ дебряхъ основать?
Здѣсь почва не даетъ плодовъ, ни хлѣба;
Здѣсь царствуетъ ненастье, снѣгъ, туманъ;
То пасмурно, то слишкомъ жгуче небо,
Капризно и сурово, какъ тиранъ.
Но царь на тѣ мѣста простерь десницу,
Облюбовалъ, и строить приказалъ
Не городъ людямъ, а себѣ столицу,—
Не здѣсь ли мощь свою онъ показалъ?

Во глубь песковъ зыбучихъ, въ топи блатъ,
Богнать сто тысячъ кольевъ приказалъ онъ,

¹⁾ Сравн. Достоевскаго: «Мнѣ сто разъ, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: «А что какъ разлетится этотъ туманъ и уйдетъ кверху, не уйдетъ ли съ нимъ вмѣстѣ и весь этотъ гнилой, склизлый городъ, подымется съ туманомъ и исчезнетъ, какъ дымъ....» («Подростокъ», ч. I, гл. 8).

Потомъ сто тысячъ тѣль людскихъ втопталь онъ;
 Потомъ на кольяхъ и тѣлахъ солдатъ
 Грунтъ заложивъ, иное поколѣніе
 Запрягъ въ телѣги, въ тачки, въ корабли,
 Чтобы съ пучинъ морскихъ, со всей земли
 Свозить и тесъ, и бревна, и каменъя.

Царь былъ въ Парижѣ,—по-парижски роетъ
 Онъ площади; увидѣлъ Амстердамъ,—
 Пускаетъ воду онъ и шлюзы строить;
 Слыхалъ про Римъ, что много пышныхъ тамъ
 Стоить дворцовъ,—дворцы встаютъ толпою.
 Венеція, которая изъ водъ
 Прекрасною сиреною встаетъ,
 Плѣняетъ императора красою,—
 И вотъ мосты повисли надъ рѣкою ¹⁾,
 Прорѣзаны болота; царь провелъ
 Каналовъ сѣть и напустилъ гондолъ.
 Венеція, Парижъ и Лондонъ новый...
 Гдѣ жъ красота, искусство, шумъ торговый?
 Межъ зодчими пословица живеть,
 Что Римъ людьми построенъ величаво,
 Венецію жъ творило божество;
 Кто видѣлъ Петербургъ, тотъ скажеть, право,
 Что выстроили дьяволы его.

Всѣ улицы къ рѣкѣ сбѣгаютъ, длинны,
 Широки, какъ ущелія въ горахъ;
 Дома изъ камня или въ кирпичахъ,
 И мраморъ вперемежку съ липкой глиной.
 Все скучной поражаетъ прямотой;
 Въ самихъ домахъ военный виденъ строй.
 А на домахъ—таблицы и записки;
 Смѣсь языковъ—столицы той удѣль;
 «Ахметъ»,—гласитъ таблица,—«ханъ киргизскій,
 Сенаторъ и правитель польскихъ дѣль».
 А вотъ «Мосце Жоко; парижскій говоръ;
 Дасть уроки; онъ—придворный новаръ,
 Смотритель школъ и сборщикъ съ кабаковъ».
 Вотъ надпись вновь, и смыслъ ея таковъ:
 «Синьоръ Пьячере Джоко; снявъ передникъ

¹⁾ Переводчикъ пользовался выраженіями Пушкина изъ «Мѣднаго всадника», вліяніе на которого поэмы Мицкевича установлено.

И бросивъ изготовку сальцесонъ,
Онъ женскій открываетъ пансіонъ».
Вотъ надпись: «Пасторъ Динеръ, проповѣдникъ
И кавалеръ всѣхъ царскихъ орденовъ».
Учить съ амвона нынче онъ готовъ,
Что царь есть папа, Господа намѣстникъ,
И совѣсти, и вѣры провозвѣстникъ.
Сегодня пасторъ выяснилъ законъ,
Который принялъ императоръ русскій,
А съ нимъ король—его союзникъ—prusскій;
На общее зоветъ собранье онъ
Социніанъ и братьевъ кальвинистовъ
А съ ними заодно—анабаптистовъ¹⁾).
Здѣсь «ноты» продаются, тамъ «кресты»,
Тутъ «платья», тамъ «игрушки», тамъ—«кнуты».

Снуютъ ландо, кареты, экипажи
По улицамъ и быстро, и легко,
Безшумны на полозьяхъ, какъ мираны,
Какъ призраки; на козлахъ высоко—
Возница бородатый; иной бѣлый
Его покрылъ, онъ точно посѣдѣлый.
Величественно хлопаетъ бичомъ;
Предъ нимъ несутся мальчики верхомъ
Въ шубенкахъ,—дѣти истыя Борея;
Свистятъ,—народъ сторонится, робъя,
И санки предъ каретою—точь-въ-точь,
Какъ утки предъ баркасомъ,—рѣютъ прочь.
А люди здѣсь бѣгутъ,—морозъ ихъ гонить;
Охоты постоять, потолковать
И даже посмотреть—ни у кого нѣтъ;
Закрываютъ глаза, торопятся бѣжать
И звонко дробъ зубами отбивать.
Лишь изо ртовъ валять здѣсь пара клубы,
И, глядя на дымящійся народъ,
Подумаешь, что дымовыя трубы
Гуляютъ здѣсь. Куда жъ толпа идетъ?

¹⁾ Вѣроисповѣданія, отдѣлившіяся отъ римской церкви, пользуются въ Россіи особой поддержкой, прежде всего потому, что послѣдователи этихъ вѣроисповѣданій легко переходятъ въ греческую вѣру, по примѣру нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ; затѣмъ—потому, что пасторы—лучшіе столпы деспотизма и внушаютъ народу слѣпое повиновеніе свѣтской власти, даже въ вопросахъ совѣсти, въ которыхъ католики обращаются къ решению церкви. Извѣстно, что вѣроисповѣданія аугсбургское и женевское, по приказу прусскаго короля, соединились въ одну церковь. А. М.

По сторонамъ идутъ они въ два ряда,
 Какъ шествіе церковнаго обряда,
 Какъ быстрой рѣчки прибережный ледъ,
 Какъ соболи, безчувственные къ стужѣ;
 И холодно, и вѣтрено; кому же
 Придеть на умъ прогулку совершать?
 Но въ этотъ часъ изволить царь гулять,
 Царица, дворъ за нею... Чинны, прямы,
 Чиновники, и маршалы, и дамы,
 Выходять, точно карты игрока,
 Когда ихъ мечеть быстрая рука:
 Валеты, короли, тузы и дамы,
 Десятки, двойки, красны и черны,—
 По улицамъ и по мостамъ открытымъ
 И устланнымъ сияющимъ гранитомъ.
 Вотъ впереди придворные чины;
 Одинъ въ плащѣ и тепломъ, но открытомъ,
 Чтобъ всѣмъ въ глаза бросались ордена:
 Промерзнетъ, но покажетъ ихъ сполна!
 Себѣ онъ равныхъ ищетъ взоромъ сытымъ,
 Ползя походкой медленной жука.
 Вотъ модники идутъ, молокососы
 Гвардейскіе, затянуты, какъ осы,
 Тонки, какъ пики; шею гнуть слегка
 Чиновники, и смотрять осторожно,
 Кому поклонъ отдать, кого толкнуть,
 Кого избѣгнуть надо какъ-нибудь.
 За пестрыхъ мотыльковъ принять здѣсь можно
 Нарядныхъ дамъ въ уборахъ дорогихъ
 И съ ножками въ ботинкахъ мѣховыхъ:
 Бѣлы, какъ снѣгъ,—какъ раки, красны лица.
 Но шествіе остановилось. Дворъ
 Готовъ отбыть. Несется вереница
 Готовыхъ экипажей. Точно соръ,
 Сметаются нбрежью пѣшеходы.
 Такъ корабли кормою рѣжутъ воды
 Среди пловцовъ купающихся. Вотъ
 Отѣхали; расходится народъ.
 Иной, хоть и покашливаетъ больно,
 Однако говоритъ самодовольно:
 «Царя я видѣлъ, шапку я снималъ
 Предъ генераломъ, съ пажемъ толковалъ!».

Шло человѣкъ одиннадцать, несхожихъ
 Со здѣшними одеждой и лицомъ;
 Они едва взирали на прохожихъ,
 Но городъ весь ихъ поражалъ кругомъ.
 По стали, по граниту, по громадамъ
 Массивныхъ стѣнъ, по кровлямъ, по фасадамъ
 Скользимъ ихъ взоръ, какъ будто бы гранить
 И крѣпость массъ испытываютъ взглядомъ,
 И думаютъ они: «не сокрушить
 Ихъ человѣкъ!» И опускаютъ руки
 Въ томительной отчаянія мукѣ.
 Ушли. Одинъ остался пилигримъ,
 Со злобой засмѣялся, и съ тоскою
 Ударилъ въ камень гнѣвною рукою,
 Но городъ камней былъ несокрушимъ.
 И руки на груди скрестивъ безмолвно,
 Въ дворецъ царя вонзилъ онъ, думы полный,
 Ножи очей. Стоялъ онъ, какъ Самсонъ,
 Когда въ цѣпяхъ, измѣнной подлой схваченъ,
 Задумался у вражьихъ онъ колоннъ.
 Скитальца ликъ и блѣденъ былъ, и мраченъ;
 На гордый и недвижный лобъ его
 Упала тѣнь, какъ будто вечеръ темный
 Спускался съ неба прежде на него,
 Чтобъ послѣ тѣнью міръ покрыть огромный.

А справа—человѣкъ другой стоялъ
 На улицѣ,—не странникъ; видно было,
 Что онъ давно въ столицѣ проживалъ:
 Какъ бѣдняковъ рука его дарила,
 Онъ называлъ по именамъ людей
 И спрашивалъ про женъ ихъ и дѣтей.
 Отправивъ бѣдныхъ, о гранитъ прибрежный
 Оперся онъ, направилъ онъ въ упоръ
 На зданья и дворецъ печальный взоръ;
 То не былъ пилигрима взоръ мятежный:
 Стыдливымъ состраданьемъ онъ сіялъ,
 Коль бѣдняка на улицахъ встрѣчалъ.
 Безмолвный незнакомецъ къ небу руки
 Въ безвыходномъ отчаяніи возвелъ
 И такъ смотрѣлъ, небесной полонъ муки,
 Какъ ѡерувимъ, который низошелъ
 Въ чистилище, и цѣлые народы

Увидѣлъ тамъ въ мученяхъ, ихъ удѣлъ
Постигнулъ чуткимъ сердцемъ, ихъ невзгоды,
Увидѣлъ, какъ далекъ еще предѣлъ,
Какъ далеко спасенье—рай свободы.
Оперся онъ, рыдая, о гранитъ;
Съ рѣсницъ на снѣгъ ронялъ онъ слезы въ горѣ;
Богъ ихъ сберетъ, сочтетъ и подаритъ
За каждую слезу—услады море.

Ужъ поздно было. Двое было ихъ
На улицѣ—хоть близкихъ, но нѣмыхъ.
Но, наконецъ, другъ друга увидавши,
Присматривались долго въ тымъ ночной,
И молвили съ правой стороны стоявшій:
«Братъ, вижу—ты одинъ въ странѣ чужой,
Покинутъ здѣсь, окутанъ скорби мракомъ;
Прошу, откроися, именемъ Христа;
Христіанинъ, полякъ, тебя я знакомъ
Привѣтствую—гоненія и креста.

Но пилигримъ былъ слишкомъ углубленъ
Въ себя—умчался съ набережной онъ.
Но утромъ, мысли приведя въ порядокъ,
Теряется онъ въ тысячи догадокъ,
И чудака жалѣсть онъ того.
Теперь его рѣшился онъ при встрѣчѣ
Остановить; хотя лица его
Не помнить онъ,—по голосу, по рѣчи,
Его какъ будто знаетъ пилигримъ,—
Онъ, можетъ-быть, во снѣ встрѣчался съ нимъ.

Памятникъ Петра Великаго.

Стояло двое юношей въ ненастье,
Держась за руки подъ однимъ плащомъ.
Одинъ изъ нихъ былъ жертвой самовластія,
Былъ съ Запада безвѣстнымъ пришлецомъ,
Другой—поэтомъ русскаго народа,
На сѣверѣ прославленнымъ пѣвцомъ.
Знакомство ихъ еще не длилось года,
Но съ первыхъ дней связала дружба ихъ.
Ихъ души выше всѣхъ преградъ земныхъ—
Какъ родственныя горнія стремнины:

Голосъ Милувшаго. № 5.

Хоть водный токъ навѣкъ ихъ разорвалъ,
Чуть слышатъ, какъ шумитъ враждебный валъ
И близять поднебесныя вершины¹⁾.
Задумался о чёмъ-то пилигримъ
Подъ статуей Петра, а русскій геній
Промолвилъ тихимъ голосомъ своимъ:

«Царю, творцу чудесныхъ превращеній,
Царицею кумиръ воздвигнутъ былъ.
Ужъ царь, отлитый великаномъ мѣднымъ,
Готовъ скакать, движенiemъ побѣднымъ
На буцефала мѣдного вскочивъ.
Но для Петра въ отчизнѣ мѣста мало,
И для него за моремъ пьедестала
Бѣгутъ искать; отъ финскихъ скалъ гранить
Оторванный, велѣніемъ царицы,
Плыть по морю, по землѣ бѣжитъ
И падаетъ къ ногамъ императрицы²⁾.
Ужъ пьедесталь готовъ,—и царь летить,
Царь мѣдный, кнутодержецъ въ римской тогѣ;
Скаакунъ вскочилъ упрямо на гранитъ
И дыбомъ тамъ на заднія всталъ ноги.

Но въ старомъ Римѣ вовсе не таковъ
Племенъ любимецъ, оный Маркъ Аврелій:
Онъ началъ тѣмъ стремленье къ славной цѣли,
Что выгналъ всѣхъ шпіоновъ и льстцовъ.
Когда же смирилъ грабителей онъ дома,
Пактолъ и Рейнъ онъ обагряетъ въ кровь
Свирѣпыхъ ордъ,—и бросивъ мечъ разгрома,
Въ спокойный Капитолій їдетъ вновь.
Прекрасный лобъ сіяетъ подъ короной,
Объ общемъ благѣ полонъ думъ благихъ:
Онъ поднялъ тихо руку, какъ бы оной
Благословляя подданныхъ своихъ.
Другой—поводья держитъ, наклонился,
Владѣя своенравнымъ скакуномъ,
И видно, что народъ кругомъ толпился
И Цезаря, встрѣчая, звалъ отцомъ.

¹⁾ Мицкевичъ имѣеть въ виду себя и Пушкина. Знакомство поэтовъ относится къ 1826—29 гг., когда они встрѣчались въ Москвѣ и Петроградѣ.

²⁾ Этотъ стихъ взятъ у русскаго поэта, имени которого не помню.
(Прим. Мицк.).

А Цезарь всѣхъ дарить отцовскимъ взоромъ
И єдетъ тихо подъ толпы напоромъ;
Конь рвется, мечсть изъ очей огонь,
Но знаетъ онъ, какого дорогого
Везеть онъ гостя, всѣмъ отца родного,—
И самъ себя удерживаетъ конь.
Отецъ доступенъ дѣтямъ,—какъ ихъ много
Здѣсь льнеть къ нему! Вотъ почему идетъ
Конь ровнымъ шагомъ, ровною дорогой...
Да, путь такой къ бессмертію ведеть!¹⁾)

Царь Петръ пустилъ поводья скакуна,
И онъ летѣлъ, давя людей копытомъ.
На край вскочивъ, повисъ онъ надъ гранитомъ,
Но бездна ждетъ, зіаетъ глубина!
Стоитъ онъ вѣкъ, вѣкъ скачетъ, не спадая:
Таковъ каскадъ, когда зима сѣдая
Его, схвативъ, надъ бездною скуетъ.
Когда же солнце вольности блеснетъ,
Согрѣеть вѣтеръ западный стихіи,—
Что станется съ каскадомъ тиранії?..

Смотръ войскамъ.

Есть площадь—мѣсто травли: тамъ упорно
На звѣря царь натравливаетъ псовъ.
Его зовутъ и вѣжливѣй—уборной:
Тамъ занять царь примѣркою обновъ,
Чтобъ, въ дула, пики, пушки наряженный,
Онъ могъ предстать Европѣ восхищенной
И королей поклоны принимать.
Едва ль, на балъ придворный выѣзжая,
Захочеть столько времени терять
Предъ зеркаломъ кокетка записная
И столько въ немъ гримасъ изображать,—
Что царь на этомъ мѣстѣ ежедневно.
Иные же усматриваютъ гнѣвно
Въ той площади питомникъ саранчи,
Которую разводить царь упорно:
Придетъ пора, и взрѣетъ тучей черной

¹⁾ Здѣсь описанъ колоссальный конный памятникъ Петра, работы Фальконета, и статуя Марка Аврелія, находящаяся теперь въ римскомъ Капитоліи. (Прим. Мицк.).

Она надъ міромъ, кроя всѣ лучи.
 Зовутъ ту площесть мастерской хирурга:
 Ланцеты царь оттачиваетъ въ ней,
 Чтобъ, руку протянувъ изъ Петербурга,
 Европу оперировать вѣрнѣй;
 Пока она увидитъ, что за рана,
 И какъ потеря крови велика,
 Прорѣжетъ царь пульсъ шаха иль султана
 И пустить кровь Сарматіи слегка.
 Но скажемъ, словъ держась официальныхъ,
 Что это—плацъ парадовъ генеральныхъ.

Десятый часъ утра; толпа пришла
 Глазѣть на смотръ и площесть облегла.
 Такъ темными чернѣеть берегами
 Бѣлѣющее озеро. Народъ
 Толкается, на середину претъ,
 Но любопытный тотчасъ казаками
 Отъ плаца оттѣсняется назадъ,
 И сыплется нагаекъ рѣзкій градъ.
 И кто бы, какъ лягушка изъ болота,
 Ни высунулся,—пятится въ народъ.
 Глухой, однообразный гулъ растетъ,
 Какъ молотовъ или цѣповъ работа;
 То барабанъ, обычный вождь полковъ,
 И строй рядовъ идетъ однообразный...
 Мундиры зеленѣютъ средь снѣговъ...
 Такъ много лицъ, такъ сходны и такъ разны!
 Колонны, точно рѣки, здѣсь текутъ
 И въ площесть всѣ вливаются, какъ въ прудъ.

Туть, Муз, дай уста мнѣ ста Гомеровъ,
 Въ нихъ по-сто вклей парижскихъ языковъ,
 Дай перья всѣхъ бухгалтерскихъ писцовъ,
 Чтобъ мнѣ назвать всѣхъ этихъ офицеровъ,
 Полковниковъ, а также унтеровъ,
 И строевыхъ исчислить молодцовъ!

Но такъ, увы! однообразно скучны
 Герои здѣсь! Мужикъ за мужикомъ,
 Какъ лошади у стойла за кормомъ,
 Какъ снопъ колосьевъ или однозвучный
 И мертвый рядъ безжизненныхъ стиховъ,

Какъ коноплей поросшіе просторы,
 Какъ съверныхъ салоновъ разговоры.
 Замѣтилъ я одно: у молодцовъ
 Повыше ростомъ (это—grenадеры)
 Чугунныя на шапкахъ буквы есть;
 Все это парни ростомъ футовъ въ шесть;
 Три удалось такихъ мнѣ роты счѣсть.
 За этими большими усачами
 Въ рядахъ пониже были молодцы,
 Какъ подъ листвой на грядкахъ огурцы.
 Но чтобы различить полки съ полками
 Въ пѣхотѣ этой, надо обладать
 Естественника острыми глазами,
 Привыкшими глисты сортировать.

Чу! звуки трубъ: то конные полки,
 Уланы и драгуны, и гусары;
 На нихъ—кирасы, шапки, шишаки;
 Подумаешь, что шапочникъ товары
 Злѣсь разложилъ. И точно самовары—
 Окованные мѣдью мужики;
 А морды лошадиныхъ подъ ними—
 Какъ согнутые цѣпкіе крюки.
 Столь разные и пестрые полки
 По лошадямъ и различать должны мы;
 Такъ тактика новѣйшая велитъ,
 И русскій такъ обычай говоритъ.
 Въ одномъ конѣ, не въ человѣкѣ, лѣло,—
 Такъ Жомини, великий генераль,
 Въ великому руководствѣ написалъ,
 И русскіе вымѣниваютъ смѣло
 На доброго гвардейского коня
 Трехъ человѣкъ, по чести ихъ цѣнѧ¹⁾.
 Даютъ за офицерскаго дороже:
 Даютъ писца, арфиста, денщика
 А иногда и поваренка тоже.
 Худыхъ казенныхъ клячъ цѣна низка,

¹⁾ «Лошади русской конницы красивы и дороги. За солдатскаго гвардейского коня платить часто нѣсколько тысяч франковъ. Человѣка соответствующаго роста можно купить за тысячу франковъ. Женщины, во время голода въ Бѣлоруссіи, продавали въ Петербургѣ по двѣсти франковъ. Со стыдомъ приходится признаться, что нѣкоторые польскіе помѣщики изъ Бѣлоруссіи были поставщиками этого товара».
 (Прим. Мицк.).

Ихъ запрягаютъ въ госпиталь полка;
Когда жъ за фараономъ сводятъ счеты,
Двухъ бабъ за клячу отдаютъ съ охотой.

Вотъ первый полкъ явился—вороной;
Такой же, англизованный,—другой;
За ними—два гнѣыхъ, затѣмъ—буланый,
Седьмой—опять гнѣдой; затѣмъ восьмой
Былъ сѣръ, какъ мышь; девятый—великаны,
Десятый—малорослый, а за нимъ
Шелъ вороной—безхвостый; плѣшью бѣлой
На лбу сияль двѣнадцатый; такимъ,
Какъ воронъ, былъ послѣдній. Загремѣло:
Несутся пушки—сорокъ восемь ихъ,
И ящиковъ до сотни боевыхъ.
Въ такой толпѣ, чтобы точно счесть ихъ сразу,
Твой нуженъ глазъ, Наполеонъ, иль твой,
О русскій интенданть пороховой!
Вѣдь твоему скользнуть лишь стоять глазу
По ящикамъ,—и ты ихъ сосчиталъ,
И знаешь, сколько въ каждомъ ты укралъ.

Ужъ площадь вся зелеными пестрѣеть
Мундирами, какъ зеленями лугъ.
Лишь кое-гдѣ подъемлясь зеленѣеть
Походный ящикъ, какъ болотный жукъ
Иль клопикъ полевой съ зеленою спинкой;
Вотъ сѣла пушка со своей начинкой,
Чернѣя на лафетѣ, какъ паукъ.

У паука переднихъ ногъ четыре,
Четыре заднихъ; это—канониры
И бомбардиры. Каждая нога
Среди дороги движется слегка,
Какъ будто бы отъ тулова отдѣльно,
И точно рѣтъ въ воздухѣ животъ.
Но пушка, чутъ заслышишь зовъ смертельный..
Свою дремоту тяжкую прервѣть.
И, какъ степной тарантулъ,—если дунуть
Ему въ лицо,—готовясь ядомъ плюнуть,.
Колѣни поджимаетъ, ноги гнетъ
И морду канонирами все кроетъ:
Такъ муха черный ротикъ долго моетъ,

Въ мышьякъ свой нось засунувъ невпопадъ,
 Переднія воротитъ лапки взадъ
 И задними вертить, и задомъ крутить;
 А послѣ лапы судорога скрутить,—
 И вотъ изъ черной пасти рвется ядъ..

Полки остановились. Ёдетъ цары!
 Съ нимъ нѣсколько несется адмираловъ,
 Строй адьютантовъ, куча генераловъ,
 А впереди той свиты—государь.
 Причудливъ, пестръ уборъ роскошной свиты:
 Злѣсь, точно арлекины, перевиты
 Всѣ лентами, всѣ въ пряжкахъ и въ звѣздахъ,
 Тѣ—въ голубыхъ, тѣ—въ желтыхъ поясахъ;
 Нѣть пуговицамъ счета, и портретамъ,
 И ключикамъ на розовыхъ тесьмахъ.
 Не собственнымъ они сіяютъ свѣтомъ:
 Лучи на нихъ идутъ съ очей царя.
 Но каждый, царской милостью горя,
 Какъ свѣтлячокъ, тускнѣеть, меркнетъ хило,
 Лишь лѣто царской милости пройдетъ;
 Не ёдетъ за-границу, вѣкъ уныло
 Влачить въ глухи невѣдомыхъ болотъ.
 Боецъ въ огонь помчится—и не охнетъ:
 Царь улыбнется, на него смотря;
 Но если взоръ немилостивъ царя,
 То генералъ слабѣеть, блекнетъ,—дохнетъ..

И стоики среди придворныхъ есть:
 И гнѣвъ царя когда ихъ постигаетъ,
 Ихъ ни болѣзнь, ни смерть не поражаетъ;
 Въ свои усадьбы прячутся, чтобъ вѣсть
 Оттуда приступъ: пишутъ къ камергерамъ
 (А кто полиберальнѣй—къ конюхамъ),
 Къ метрессамъ иль придворныхъ просятъ дамъ,—
 Къ великорушнымъ приблѣгая мѣрамъ,
 Налаживаются дѣло по частямъ.
 Такъ издыхаетъ жалкая собака,
 Когда ее прогонять, подъ окномъ,
 А кошка помяукаетъ,—однако,
 Вставъ на ноги, тихонько входитъ въ домъ...
 Пока же стоикъ сей въ деревнѣ дальней
 Все критикуетъ—тихо, либерально

Въ зеленомъ царь мундиръ, съ золотымъ
Воротникомъ, на пышный смотръ вѣзжаетъ.
Мундиръ его, какъ кожа, облегаетъ;
Царь никогда мундира не снимаетъ:
Растеть, живетъ и истлѣваетъ съ нимъ.

Для трона предназначенный ребенокъ
Елва успѣть выйти изъ пеленокъ,
Уже ему костюмъ гусара шьютъ.
Его игрушка—шашка или кнутъ.
Учась читать, по книжкѣ, какъ указкой,
Игрушечною шашкой водить онъ;
Когда при гувернерахъ занятъ пляской,
Тактъ отбивать кнутомъ онъ пріученъ.
Подросши, онъ въ солдатики играеть,
Собравъ въ свои покой малышей;
Командуетъ, муштруетъ, пріучаетъ
Ихъ къ дисциплинѣ палокъ и бичей.

Такъ каждый царь готовится къ правлению,
И хвалить ихъ Европа, что есть силь.
Такъ умника, по баснописца¹⁾ мнѣнию,
Дуракъ не переспорилъ, но побилъ.
Достоинъ Петръ Великій вѣчной славы
За этой Царопедіей уставы.
Царямъ онъ путь къ величию указалъ;
Европу посмотрѣвши, онъ сказалъ:
Образовать Россію я сумѣю,
Обрѣжу полы, бороды обрею.
Сказалъ,—и полы у бояръ, князьковъ,
Какъ вѣти въ паркѣ, въ уровень стригутся,
А бороды купцовъ и мужиковъ,
Какъ листья въ бурю осенью, сѣкутся.
Штыки и барабаны онъ завелъ,
Построилъ тюрьмы, баръ погналъ въ кадеты,
Велѣлъ плясать придворнымъ менуэты,
И въ общество насильно женщинъ ввелъ.
Затѣмъ поставилъ стражу у кордоновъ,
Въ цѣпь заковалъ прибрежныя мѣста,
Создалъ сенатъ, сановниковъ, шпіоновъ,
Чины, и откупы, и паспорта;

¹⁾ Мицкевичъ имѣеть въ виду польского баснописца Красицкаго,

Обрилъ, умылъ и нарядилъ холопа,
 Набилъ ему карманъ, вооружилъ,—
 И въ восхищены крикнула Европа:
 Великій Петръ Россію просвѣтилъ!
 Преемникамъ метать осталось громы,
 Устами дипломатовъ грязно лгать,
 Штыки тиранамъ въ помощь присылать,
 Устраивать пожары и погромы,
 Къ рукамъ своихъ сосѣдей прибирать,
 Обкрадывать своихъ для чужеземцевъ,
 И собирать рукоплесканья нѣмцевъ
 И похвалы французовъ принимать!

Французы, нѣмцы! Вы-то тутъ при чемъ?
 Когда вѣсъ оглушить указовъ громъ,
 И градъ кнутовъ вѣсъ всѣхъ настигнетъ разомъ,
 И запылаютъ ваши города,—
 Смотрите,—вамъ не хватить словъ тогда!
 Какъ повелять вамъ гимны пѣть указамъ,
 Сибири, и кибиткамъ, и кнутамъ,
 Прибѣгнете ужъ вы къ инымъ словамъ,
 Сказавъ прости высокопарнымъ фразамъ!

Влетя, какъ шаръ, что палкой подгоняемъ,
 Царь возгласомъ привѣтствовалъ солдатъ.
 Раздался ропотъ: «Здравія желаемъ!»,
 Какъ бормотанье сотни медвѣжатъ.
 Порхнулъ приказъ сквозь царственные зубы;
 Попалъ, какъ мячъ, онъ коменданту въ губы,
 А тотъ изъ устъ въ уста его погналъ
 И до сержанта крайняго домчалъ.
 Раздался лязгъ ноженъ и ревъ орудій,
 Смѣшалось все и закружилось въ мглѣ...
 Кто видѣлъ на линейномъ кораблѣ
 Большой котелъ, гдѣ кашу варять люди,
 Когда въ него, какъ изъ большой рѣки,
 Накачиваютъ воду изъ насосовъ,
 И сыплются крупа изъ рукъ матросовъ,
 Потомъ есмѣшаютъ моряки;
 Кто наблюдалъ палату депутатовъ
 Французскую—бурливѣе котла,
 Когда въ нее комиссія внесла
 Проектъ, и наступаетъ часъ дебатовъ;

И думаетъ Европа нашихъ дней,
 Что тамъ уже свободу варятъ ей;
 И пышетъ тамъ изъ устья, какъ изъ насосовъ,
 Либерализмъ; о вѣрѣ говорятъ;
 Волнуется палата; невпопадъ
 О вольностяхъ читаютъ рядъ запросовъ,
 Толкуютъ о намѣреньяхъ царей,
 О гнетѣ тираническихъ цѣпей...
 Къ порядку дня!—кричать тутъ съ нетерпѣніемъ,
 И вдругъ министръ финансовъ съ извлеченьемъ
 Бюджетнымъ выступаетъ, какъ съ дублемъ,
 И говоритъ уныло о процентахъ,
 О пошлинахъ, оплатахъ, взносахъ, рентахъ;
 Въ палатѣ поднимается содомъ;
 Она кипитъ и брызжетъ къ небу пѣной;
 Народамъ—радость, кабинетамъ—страхъ;
 И наконецъ, увидятъ непремѣнно,
 Что рѣчь-то вся была—о податяхъ!
 Кто съ кашею видаль котель подобный
 Иль онуя палату,—тотъ пойметъ,
 Какой содомъ поднять полки способны,
 Когда приказъ ихъ царскій обойдетъ.
 Трехъ сотенъ барабановъ громъ раздался;
 Построилась пѣхота, и помчался
 За строемъ строй; предъ каждымъ—командиръ
 И барабанъ; какъ солнце, царь сіяетъ,
 Предъ нимъ полковъ плыветь планетный клиръ.
 Вотъ свору адъютантовъ царь спускаеть,
 Какъ воробьевъ изъ клѣтки иль собакъ;
 Несутся; надрываясь, вопить всякъ:
 Ревъ генераловъ, ротмистровъ, сержантовъ,
 Громъ барабановъ, визги музыкантовъ...
 Пѣхота вдругъ, какъ якорный канатъ,
 Развившись, растянулась всей длиною,
 И стѣны стройной конницы спѣшатъ,
 Соединяясь, единой стать стѣною.

Какіе дальше были обороты,
 Какъ налетала конница стремглавъ
 На тяжело смыкавшіяся роты
 (Такъ псарня, рогъ призывный услыхавъ,
 На связанныго звѣря нападаетъ,
 Когда намордникъ пасть его сжимаетъ);

Какъ жался полкъ пѣхотный, строй держа,
 Щетинясь наподобіе ежа,
 Почуявшаго пса надъ головою;
 Какъ конница затянутой уздою
 Смиряла бѣгъ, коней насторожа;
 Какъ взадъ, впередъ орудія таскали,
 По-русски, по-французски какъ ругали,
 Какъ били въ шею, подъ арестъ хватали,
 Какъ падали съ коней, какъ замерзали,
 И какъ царя учтиво поздравляли,—
 Когда бы все величье это я
 Умѣль воспѣть, себя покрылъ бы славой;
 Но гаснетъ муга бѣдная моя,
 Теряясь въ этихъ бѣдныхъ риомахъ... Право,
 Я какъ Гомеръ, въ разгарѣ битвъ боговъ,
 Среди парада задремать готовъ.

Войсками ужъ продѣланы всѣ штуки
 Передъ царемъ, который зналъ въ нихъ толкъ
 По книгамъ иль по слухамъ—безъ науки.
 Среди глазѣвшей черни говоръ смолкъ.
 Въ поддевкахъ, шубахъ, потирая руки
 Отъ холода, расходится народъ.
 И стынеть все отъ холода и скуки,
 А во дворцѣ накрытый завтракъ ждетъ.

Посланники правительствъ иностранныхъ,
 Что, несмотря на эти холода,—
 Чтобы льстить царю въ куреняхъ постоянныхъ,
 Смотровъ не пропускаютъ никогда,
 Разъ въ тысячу четвертый съ новымъ жаромъ
 Прибѣгли къ комплиментамъ очень старымъ,
 Что въ тактике-то царь непостижимъ,
 Что всѣ вожди идти готовы съ нимъ,
 Что, не видавъ, нельзя составить мнѣнья,
 Какъ пылко здѣсь солдатъ одушевленъ.
 Окончилась бесѣда, какъ всегда,
 По адресу Наполеона шуткой.
 Ужъ на часы смотрѣли съ дрожью жуткой,
 Боясь галоповъ новыхъ, господа:
 Крѣпчалъ морозъ, пронзителенъ былъ холодъ,
 Томила скука, донималъ и голодъ.

Но царь стоялъ, командой оглушая
Буланые и сивые полки
И двадцать разъ пѣхоту то пуская,
То стягивая маниемъ руки:
Вотъ замкнутымъ квадратомъ ихъ построилъ,
Вотъ разогнулъ ихъ вѣромъ, вотъ сдвоилъ;
Такъ старый шулерь: не съ кѣмъ ужъ играть,
Ушли, а онъ играетъ самъ съ собою,
Тасуетъ карты дряхлою рукою,
И мечеть, и мѣшаеть ихъ опять.
Царь, наконецъ, наскучивъ, повернулся,
И генераловъ строй за пимъ сомкнулся.
И лишь войска, хоть царь оставилъ ихъ,
Не двигаясь, стояли все на мѣстѣ.
Вотъ, наконецъ, при звукахъ боевыхъ
Военныхъ трубъ и барабановъ—двѣсти
Колоннъ закопошилось, и пошло,
И въ улицы глубокія втекло.
Не таковы альпійскіе потоки,
Несущіе съ ревомъ по скаламъ,
Чтобъ, въ озера войдя затонъ глубокій
Дать свѣтлый миръ измученнымъ волнамъ;
Тамъ воды очищаются отъ бури
И льются вновь въ сияющей лазури,
Сверкная изумрудами въ лучахъ.
Полки пришли, такъ свѣжи, чисты, бѣлы;
Ушли, стирая кровь, и потъ, и прахъ,
Отъ стаявшаго снѣга почернѣлы,
Въ грязи, ногами вырытой во льдахъ.

И зрителей не стало, и актеровъ.
На площади пустынной двадцать тѣль
Осталось мертвыхъ; на грязи бѣлѣль
Кавалеристъ; а на иныхъ уборовъ
Не различишь: одинъ солдатъ забить
Въ снѣгъ силою невидящихъ копыть.
Замерзли тѣ, предъ фронтомъ прямо стоя,
Какъ знаки путеводные для строя;
Тотъ, сбившись, въ лобъ прикладомъ получилъ
Упалъ и вмѣстѣ съ трупами застыль.
Несутъ ихъ полицейскіе, чтобы вмѣстѣ
И раненыхъ, и мертвыхъ хоронить:
Кому случилось ребра проломить,

Кто пушкой перехватъ былъ на мѣстѣ,
 И внутренности вывалились вмигъ
 Изъ живота; раздался страшный крикъ —
 Къ немалому майору возмущенью;
 Онъ закричалъ: «не смѣть, не смѣть кричать,—
 Услышитъ царь!» И такъ къ повиновенью
 Привыкъ солдатъ, что губы тотчасъ сжать
 Онъ поспѣшилъ. Чтобы царь его случайно
 Не увидалъ, накрыли поскорѣй
 Его плащомъ. Видъ смерти чрезвычайно
 Гнететъ царя, и это тѣмъ болѣй,
 Что во дворцѣ все къ завтраку готово;
 Тогда жъ лицо царя весьма сурово:
 Увидѣвъ кровь и мясо натощакъ,
 При этомъ онъ нервируется такъ,
 Что ужъ не єсть за завтракомъ мясного.

Однако непріятность предстояла:
 Одинъ повергъ всѣхъ въ ужасъ: несмотря
 На кнутъ и на угрозы генерала,
 Стоналъ онъ громко—проклиналь царя!
 Сбѣжались всѣ, какъ вспугнутое стадо
 Надъ мученикомъ пышнаго парада.
 Какъ говорятъ, скакалъ съ приказомъ онъ;
 Вдругъ конь его уперся,—какъ убитый!
 А сзади мчался цѣлый эскадронъ;
 И конь былъ смятъ, и всадникъ, наземь сбитый,
 Подъ конницей скакавшей обомлѣль.
 Но лошади добрѣй, чѣмъ люди: съ звономъ
 Пронесся эскадронъ за эскадрономъ,
 И лишь единый конь его задѣль,
 Сломавъ лопатку. Кость мундиръ прорвала,
 И острѣемъ бѣлѣющимъ торчала
 Изъ грубаго зеленаго сукна;
 Лицо же было блѣдно, какъ она.
 Собравъ остатокъ силъ, другую руку
 Онъ поднялъ къ небу; побѣждая муку,
 Онъ зрителей, казалось, призывалъ,
 Какие-то совѣты имъ давалъ....
 Боясь шпіоновъ, зрители бѣжали.
 И только встрѣчнымъ шопотомъ сказали,
 Что раненый, по-русски говоря
 Довольно плохо, поминалъ царя

Въ неясной рѣчи, какъ они слыхали...
 Болтали, что растоптанный солдатъ
 Былъ юношою, рекрутомъ, литвиномъ,
 Большого рода, князя, графа сыномъ,
 Изъ школы въ рекруты насильно взять;
 Что не любилъ его начальникъ, точно,
 Далъ дикаго коня ему нарочно,
 Сказавъ: пусть ляхъ-собака пропадеть!...

Но кто онъ былъ,—не вѣдаетъ народъ,
 И имени его никто не скажетъ.
 То имя, царь! на совѣсти твоей!
 Его искать когда-то будутъ въ ней,
 И чортъ его средь тысячей укажеть,
 Средь тысячей именъ людей другихъ,
 Что ты сгноилъ иль бросилъ подъ копыта,
 Увѣренный, что уничтожилъ ихъ!

Собака выла глухо и сердито
 На слѣдующій день, присѣвъ на снѣгъ
 За площадью. Сѣжившейся толпою
 Былъ вырыть трупъ нашедшій здѣсь nochlegъ,—
 Трупъ мужика-солдата, съ бородою,
 Но стриженої по формѣ головою;
 Онъ въ мѣховой былъ шапкѣ, подъ плащомъ
 Военнымъ, и казался денщикомъ.
 Сидѣлъ онъ здѣсь на шубѣ господина;
 Оставленный, приказа ожидалъ
 И здѣсь замерзъ, въ сѣгу до половины;
 Но песъ его почуялъ, отыскалъ.
 Замерзъ онъ, но не смѣлъ укрыться шубой;
 Одинъ зрачокъ засыпанъ снѣгомъ былъ,
 Но глазъ другой онъ съ вѣрностию сугубой
 На площадь въ ожиданы обратилъ.
 Велять слугѣ сирѣть, и онъ садится
 И будеть ждать. Велять не шевелиться,
 И съ мѣста онъ никакъ ужъ не сойдетъ;
 Онъ на Судѣ лишь Страшномъ развѣ встанетъ
 Хоть безъ души, но вѣрности оплотъ:
 И здѣсь еще, и здѣсь онъ шубу станеть
 Господскую держать и сторожить...
 Онъ только плащъ натягивалъ на руку
 Свободную, и стойко вынесъ муку.

А господинъ его и не искалъ,
 И не спросилъ, — небреженъ ли чрезмѣрно,
 Чрезмѣрно остороженъ ли... Но вѣрно,
 Что въ Петербургъ недавно онъ попалъ
 Изъ дальнихъ странъ; парады посѣщалъ
 Онъ не по долгу службы, щеголяя
 На нихъ сіяніемъ новыхъ эполетъ;
 Пошелъ ли онъ съ парада на обѣдъ,
 За женщиной ли вслѣдъ помчался, тая,
 Иль, можетъ-быть, у друга-игрока
 За картами забылъ про денщикака...
 Быть-можеть, и отъ шубы отказался,
 И отъ слуги,—стыдясь, что шубу взялъ,
 Что лютаго мороза испугался,
 Которымъ даже царь пренебрегалъ;
 Сказали бы, что въ шубѣ, какъ безумецъ,
 На смотръ войскамъ онъ ѻздитъ, вольнодумецъ!

Мужикъ-бѣдняга! Героизмъ такой,
 Такая смерть — заслуга для собаки,
 Она жъ для человѣка грѣхъ большой.
 Былъ вѣренъ, какъ собака, скажетъ всякий.
 И только улыбнется господинъ...
 О, бѣдный, бѣдный! Что жъ слеза невольно
 Изъ глазъ течетъ, и сердце бьется больно,
 Чуть вспомню, какъ ты погибалъ одинъ...
 Ахъ, жаль тебя мнѣ, бѣдный славянинъ!
 Твоей мнѣ жаль, народъ несчастный, доли:
 И героизмъ твой—героизмъ неволи!

Олешкевичъ¹⁾.

День наканунѣ петербургскаго наводненія 1824 года.

Вотъ лютостью мороза небо рѣбѣтъ;
 Вдругъ посинѣло, пятнами чернѣтъ.
 Такъ мерзлый лицъ покойника свѣло
 Отъ холода; согрѣтый печки жаромъ,
 Не дышитъ онъ,—гніенъя вѣеть паромъ;
 Въ немъ жизни нѣтъ, осталось лишь тепло.
 Тепло дохнуло. Паръ людскихъ дыханій,

¹⁾ Олешкевичъ, художникъ, извѣстный въ Петербургѣ своею добродѣтелью, глубокой ученостью и мистическими пророчествами. (См. некрологъ его въ петербургскихъ газетахъ 1830 г.). *M.*

Воздушный градъ гигантскихъ очертаній,
 Какъ призракъ тираническихъ угрозъ, —
 Все рухнуло, упало, расплылось
 И смѣшиваясь съ теплымъ, влажнымъ паромъ.
 По улицамъ рѣками плавалъ дымъ;
 Снѣгъ таять сталъ, и Стиксъ подъ солнца жаромъ
 Болотистый потекъ по мостовымъ.
 Ужъ санокъ нѣтъ; ландо съ полозьевъ сняты,
 И стукъ колесъ звучитъ по мостовой,
 Но экипажи гулкіе объяты
 Туманною и влажной пеленой.
 Мерцаютъ только фонари безъ счета,
 Какъ огоньки блудящіе болота.

По берегу Невы огромной шли
 Тѣ молодые странники. Смеркалось,
 И менѣе чиновниковъ встрѣчалось
 И сыщиковъ, съѣгавшихъ издали.
 Не русскія звучали тихо рѣчи,
 Врывался въ нихъ иной страны наїздъ;
 Смолкали чужеземцы, посмотрѣвъ,
 Не слушаетъ ли кто? Но шли безъ встрѣчи.
 Шли, наг҃ѣвая тихо іѣснь тоски,
 Вдоль невскихъ волнъ; какъ по стремнинѣ тѣсной,
 И тамъ остановились, гдѣ отвѣсный
 Путь высѣченъ въ гранитѣ до рѣки.
 И видятъ—тамъ, на берегу пустынномъ,
 Былъ человѣкъ съ фонарикомъ въ руцѣ.
 То не былъ сынщикъ: что ему въ рѣкѣ?
 Ни перевозчикъ: кто жъ плыветъ по льдинамъ?
 Конечно, это не былъ и рыбакъ —
 Съ фонарикомъ и ворохомъ бумагъ.
 На путниковъ очей не обращая,
 Онъ изъ воды тянуть бечевку сталъ,
 Узлы въ ней счелъ, и счетъ ихъ записалъ,
 Какъ будто глубину зѣбѣсь измѣряя.
 Таинственныея книги озаря,
 На то лицо, склоненное надъ свѣчкой,
 И желтое, какъ облако надъ рѣкой,
 Со льдины падалъ отблескъ фонаря.
 Черты прекрасны были, свѣтлы, строги;
 Онъ книгу такъ внимательно читалъ,
 Что на шаги и голосъ у дороги

Вниманія почти не обращалъ.
Давало знать руки лишь мановене,
Что онъ молчанья требовалъ и ждалъ.
Такъ странно было тихое движене,
Что путники, смѣясь, можетъ-быть,
Въ душѣ надъ нимъ, умолкли въ то же мгновене
И ничего не смѣли говорить.
Одинъ взглянулъ въ лицо, узналъ и крикнулъ:
То онъ, то онъ, полякъ, художникъ онъ;
Скорѣй волхвомъ быть долженъ нареченъ:
Ужъ отъ кистей и красокъ онъ отвыкнулъ.
Лишь Библію да кабалу готовъ
Всегда читать да вызывать духовъ.

Художникъ между тѣмъ поднялся съ грудой
Своихъ бумагъ и молвилъ: «Завтра тотъ,
Кто будетъ живъ, большое узрить чудо:
Искусъ второй, но не послѣдній ждетъ.
Богъ потрясетъ Ассирию лю трона;
Богъ потрясетъ основы Вавилона;
Но третьаго зресть, Господи, не дай».
Сказалъ, и тутъ же путниковъ оставилъ,
Путь съ фонаремъ по лѣстницѣ направилъ
И вышелъ, обогнувъ ограды край.
Никто не понималъ, что это значитъ;
Одни—смѣясь, другіе—удивясь,
Воскликнули: «А волхвъ-то нашъ чудачить!»
И постоявъ немного, въ поздній часъ,
Подъ кровомъ ноги, хладной и бурливой
Къ себѣ домой помчались торопливо.

И лишь одинъ, на лѣстницу взойдя,
По набережной мчался, догоняя
Того, кто шель, съ фонарикомъ мелькая,
Какъ звѣздочка, сквозь мутный вихрь дождя.
Его лица не видѣлъ онъ при встрѣѣ
И толкамъ про него онъ не внималъ;
Но голосъ, но таинственный рѣчи
Онъ вспомнилъ, потрясенный, и узналъ,
И побѣжалъ за нимъ, что было мочи,
Путемъ безвѣстнымъ ночи.
Фонарь мерцалъ, но потухалъ у рукъ
Спѣшившаго, то разгорался снова,

И наконецъ остановился вдругъ
На плошали, средь пустыря глухого.
Сѣща, на плошаль странникъ приѣжалъ;
Лежали камни грудой тамъ высокой;
На нихъ стоялъ художникъ одиноко.

Во тмѣ ночной нелвижно онъ стоялъ,
Съ открытою на вѣтеръ головою
И съ поднятою правою рукою:
Онъ направлялъ сіянье фонаря
И сумракъ взора на дворецъ царя.
Въ углу дворца одно окно сѣтилось,
И на него онъ очи обратилъ,
Шепталъ слова моленій тайныхъ, мнилось,
И снова про себя онъ говорилъ:

«Не спиши ты, царь! Повсюду ночь глухая,
Спить дворъ, а ты покоя не нашелъ.
Господь тебѣ шлетъ духа, чтобъ, спасая,
Предостеречь предчувствіями золъ.
Но царь заснуть пытается упорно,
И онъ заснетъ... О, сколько ясныхъ грезъ
И знаменій хранитель-ангелъ несъ
Его душѣ, бывало, ночью черной!

Онъ не былъ золъ, — вѣдь онъ былъ человѣкъ,
Но сталъ тиранъ; и ангелы Господни
Ушли, а онъ все глубже и навѣкъ
Отдалъ живую душу преисподней!
Онъ тихаго предчувствія черту
Прогонить прочь, какъ праздную мечту;
По морю лести, гдѣ и прежде плавалъ,
Вновь поплыть, а тамъ—погубить дьяволъ...

«Тѣ подданные въ низенькихъ домахъ,—
На нихъ спадеть на первыхъ кары страхъ!
Громъ начинаетъ сверху—съ гордыхъ башенъ
И горныхъ кручъ; когда-жъ въ людей онъ бьетъ,
То снизу разрушеніе ведетъ,
Тѣмъ, кто другихъ невиннѣй, прежде страшенъ.

«Заснули въ пьянствѣ, въ смѣхѣ, въ ссорахъ шумныхъ»
Но кто жъ проснется завтра—не мертвѣцъ?

Да, спите сномъ животныхъ неразумныхъ!
Пусть Божій гнѣвъ спугнетъ васъ, какъ стрѣлецъ,
Который, все уничтожая, рыщетъ
И логовища звѣря только ищетъ!

«Чу... вихри... тамъ... встаютъ съ полярныхъ льдовъ
Ихъ головы, какъ чулища морскія;
И крылья ткуть сеѣѣ изъ облаковъ;
На волны сѣвѣ, лишаютъ ихъ оковъ.
Разнузланиая меется стихія
И узы ледяныя гѣвно рветъ,
Подъ облака хребетъ вздымаеть ярый...
Лишь цѣпь одна и держится... вотъ-вотъ
И раскуютъ... чу... молотовъ удары...».

Сказалъ, и тутъ, сосѣда увидавъ,
Задулъ свѣчу и скрылся въ мглѣ ненастья.
Блеснулъ, исчезъ предчувствіемъ несчастья,
Предчувствіемъ, которое, запавъ
Къ намъ въ сердце вдругъ тоской неотразимой,
Уходитъ,—страшно и непостижимо.

Пер. Влад. Фишеръ.

Воспоминанія Дениса Вас. Давыдова о цесаревичъ Константинъ Павловичъ¹⁾.

Въ памити всѣхъ не можетъ не быть запечатлѣннымъ образъ цесаревича Константина Павловича; одаренный замѣчательною физическою силою, будучи средняго роста, довольно строенъ, нѣсколько сутуловатъ, онъ имѣлъ физіономію, поражавшую всѣхъ своею оригинальностью и отсутствіемъ пріятнаго выраженія. Пусть всякий представить себѣ лицо съ носомъ, весьма малымъ и вздернутымъ кверху, у котораго густая растительность лишь въ двухъ точкахъ надъ глазами замѣнила брови; носъ ниже переносицы былъ украшенъ нѣсколькими свѣтлыми волосиками, кои, едва замѣтные при спокойномъ состояніи его духа, приподнимались вмѣстѣ съ бровями въ минуты гнѣва.

Неглупый отъ природы, нeliшенный доброты, въ особенности относительно близкихъ къ себѣ, онъ остался до конца дней своихъ полнымъ невѣжіею. Не любя опасностей по причинѣ явнаго недостатка въ мужествѣ, будучи одаренъ душою мелкою, неспособною ощущать высокихъ порывовъ, цесаревичъ, въ коемъ нерѣдко проявлялось разстройство разсудка, имѣлъ много сходственного съ отцомъ своимъ, съ тѣмъ однако различіемъ, что умственное поврежденіе императора Павла, которому нельзя было отказать въ замѣчательныхъ способностяхъ и рыцарскомъ благородствѣ, было послѣдствіемъ тѣхъ ужасныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекла его молїдость, и полнаго недостатка въ воспитаніи, а у цесаревича, коего образованіемъ также весьма мало занимались, оно повидимому было наследственнымъ. Цесаревичъ говорилъ однажды нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ себѣ особъ: «не смѣя обвинять отца моего, я не могу однако не сказать, что императрица Екатерина, обративъ все свое вниманіе на брата моего Александра, вовсе не занималась мною въ дѣтствѣ».

¹⁾ Впервые было напечатано въ заграничномъ изданіи «Записяхъ Дениса Васильевича Давыдова». Londres, Bruxelles. 1863. B. C.

Будучи предоставленъ самому себѣ, вовсе не любя, подобно и младшимъ братьямъ своимъ, умственныхъ занятій, онъ не былъ окружены съ самаго дѣтства своего наставниками, отъ которыхъ императоръ Александръ заимствовалъ тѣ возвышенныя взгляды на вещи, тотъ просвѣщенный умъ, ту очаровательную обходительность въ обращеніи, которыя не могли не произвести обаятельныйнаго дѣйствія на самого Наполеона. Конечно, блестящій ученикъ Лагарпа, коего подозрительный и завистливый характеръ не мало всѣмъ извѣстенъ, не были лишенъ недостатковъ; вполнѣ исконное кокетство этого Агамемнона новѣйшихъ временъ было очень замѣчательнымъ. Я полагаю, что это было главною причиною того, почему онъ съ такою скромностью не разъ отказывался отъ подносимой ему Георгіевской ленты, которой черныя и желтые полосы не могли идти къ блондину, какимъ былъ императоръ Александръ. Но эту слабость, столь несвойственную и непростительную мужчинѣ, онъ вполнѣ искупалъ тонкимъ, просвѣщеннымъ умомъ, мужествомъ, хладнокровiemъ и очаровательнымъ обращеніемъ. Но великий князь Константина Павловичъ рѣзко отличался во всѣхъ отношеніяхъ отъ своего брата; то же отсутствіе образованія было замѣтно и въ младшихъ его братьяхъ, коихъ воспитаніемъ занималась императрица Марія Федоровна.—Столь высокая обязанность далеко превосходила силы этой добродѣтельнѣйшей царицы, не обнаруживавшей никогда большого ума и не мало любившей придворный этикетъ. Она однажды сказала князю П. И. Багратіону, назначаемому въ началѣ царствованія императора Александра лѣтнимъ комендантомъ Павловска: «Любезный князь, прикажите производить смычу карауловъ безъ музыки, а то дѣти, услышавъ барабанъ или рожокъ, бросаютъ свои занятія и бѣгутъ къ окну; послѣ того они въ теченіе всѣго дня не хотятъ ничѣмъ другимъ заняться».

Вступивъ на дѣйствительную службу, цесаревичъ, бывшій неумолимо взыскательнымъ начальникомъ относительно своихъ подчиненныхъ, позволялъ себѣ нерѣдко, въ порывѣ своего звѣрства, бить юнкеровъ, кои не обнаруживали быстрыхъ успѣховъ въ знаніи службы. Участвовавъ въ итальянской войнѣ, онъ имѣлъ при себѣ, въ качествѣ наставника и руководителя, безстрашнаго и благороднаго генерала Дерфельдена, высоко уважаемаго самимъ Суворовымъ. Будучи однажды недовольнымъ распоряженіемъ цесаревича, Суворовъ отдалъ въ своихъ замѣткахъ следующее: «зелено, молоко, и не въ свое дѣло прошу не вмѣшиваться»; встрѣчаясь съ нимъ, Суворовъ говорилъ ему обыкновенно: «кланяюсь сыну великаго моего государя». Въ теченіе этой войны цесаревичъ, оцѣнивъ блестящія достоинства князя Багратіона, не переставалъ питать къ нему чувство самой искренней пріязни.

Завѣдуя въ началѣ царствованія императора Александра Днѣстровскою инспекціею, онъ квартировалъ въ Дубно, куда еще съѣзжались со всѣхъ сторонъ на время контрактовъ множество помѣщиковъ и торговцевъ; онъ здѣсь сблизился съ генераломъ Бауеромъ, высыпавшимъ цѣлые эскадроны гусаръ для конвоирования контрабандистовъ, удѣлявшихъ ему зато значительную долю изъ своихъ барышей. Предаваясь пьянству съ Баусромъ и Пасекомъ (отравившимъ себя послѣ событія 14 декабря 1825 г.), цесаревичъ нерѣдко позволялъ себѣ съ ними весьма неприличныя выходки. Такъ напримѣръ, они, будучи одѣты въ мундирахъ, катались по городу безъ нижняго платья. Но зато на службѣ, во время похода или дороги, цесаревичъ, не дозволявшій себѣ ради удобства ни малѣйшаго отступленія отъ формы, былъ по истинѣ мученикомъ безумно-понимаемаго имъ долга. Хотя онъ никогда не обнаруживалъ отваги на полѣ браны, но на военномъ совѣтѣ, въ 1812 году, въ Смоленскѣ, онъ предложилъ наступательное противъ непріятеля движение. Впослѣдствіи Барклай, недовольный тѣмъ, что окружающіе цесаревича дозволяли себѣ публично порицать его дѣйствія, и стѣсняясь присутствіемъ его въ арміи, рѣшился выслать его подъ благовидномъ предлогомъ въ Петербургъ; ему было поручено лично передать государю письмо важнаго содержанія. Онъ былъ заблаговременно извѣщенъ объ этомъ намѣреніи главнокомандующаго начальникомъ штаба Ермоловымъ и правителемъ канцеляріи Барклая Закревскимъ.

По установленіи русскаго владычества въ Варшавѣ, цесаревичъ, сначала довольно-милостивый къ полякамъ, далъ вскорѣ полную волю своему дикому, необузданному нраву. Посѣща я полки во время ученья, онъ нерѣдко, въ припадкахъ бѣшенаго гнѣва, врѣзываясь въ самые ряды войскъ, осыпалъ всѣхъ самыми неприличными бранными словами. Онъ говоривъ начальникамъ при всѣхъ: *Vous n'êtes que des cochons et des misérables, c'est une vraie calamité que de vous avoir sous mon commandement; я вамъ задамъ конституцію!* Вообще хотя въ эпоху правленія Польшею цесаревича заботливостью нашего правительства благосостояніе этой страны было увеличено, но это было вполнѣ тяжкое для поляковъ время. Никакія заслуги, никакія добродѣтели не спасали тѣхъ, кои имѣли несчастіе заслужить неблаговоленіе цесаревича, дѣйствовавшаго лишь по своему капрізному произволу. Хотя онъ долгое время виждалъ лишь зрѣлище любви и подобострастія къ себѣ въ полякахъ, но сердца ихъ не могли быть преисполнены большою къ нему нѣжностью. Отсутствіе личнаго права, несправедливыя дѣйствія цесаревича и

безумное злоупотребление силы не могли не возбудить всеобщаго негодованія. Къ довершенню всего, онъ, въ припадкахъ ярости, часто лично наказывалъ тѣхъ, кои возбуждали его подозрѣніе. Эта порядокъ вещей не могъ долго продолжаться; мы видѣли, что ничтожное покушеніе нѣсколькихъ подпрапорщиковъ послужило сигналомъ къ явному противъ насть возстанію.

Но цесаревичъ, столь дерзкій во фронтѣ, былъ у себя во дворцѣ отмѣнно-вѣжливъ относительно всѣхъ. Во время обѣдовъ во дворцѣ на одномъ концѣ стола сидѣлъ обыкновенно самъ цесаревичъ, а на противоположномъ—Курута, около котораго тѣснились всѣ любившіе выпить хорошаго вина, въ коемъ ощущался недостатокъ на половинѣ его высочества, довольствовавшагося въ послѣднее время одною рюмкою посредственаго вина. Цесаревичъ, воспитанный лишь для парадовъ и разводовъ, чувствовалъ себя весьма неловкимъ среди дамской компаніи. Однажды онъ, полагая необходимымъ поддерживать разговоръ, рассказалъ въ одномъ изъ значительнѣйшихъ домовъ Варшавы о непріятностяхъ, возникшихъ между нимъ и его женою. Я никогда не пользовался особымъ благоволеніемъ царственныхъ особъ, коимъ мой образъ мыслей, хотя и монархическій, не совсѣмъ нравился, а потому я убѣдился по опыту, что между ними и частными людьми близкихъ отношений существовать не можетъ и не должно; мудрость частнаго человѣка, какъ бы высоко ни стоялъ онъ на служебной лѣстницѣ, должна заключаться въ томъ, чтобы постоянно держать себя въ почитительномъ отъ нихъ отдаленіи, имѣя у себя всегда готовый имъ отвѣтъ.

Хотя цесаревичъ не могъ имѣть дѣтей по причинѣ физическихъ недостатковъ, но госпожа Фридрихсъ, мужъ которой возвысился изъ фельдъегерей до званія городничаго, сперва въ Луцкѣ, а потомъ въ Дубно, будто бы родила отъ него сына, названнаго Павломъ Константиновичемъ Александровымъ. Хотя е. и. в. лучше чѣмъ кто-либо могъ знать, что это былъ не его сынъ, и даже не сынъ г-жи Фридрихсъ, надѣявшшейся этимъ средствомъ привязать къ себѣ навсегда великаго князя, но онъ очень полюбилъ этого мальчика; состоявшій при немъ медикъ, будучи облагодѣтельствованъ его высочествомъ, и терзаемый угрызеніемъ совѣсти, почелъ нужнымъ открыть истину цесаревичу, успокоившему его объявленіемъ, что онъ уже обѣ этомъ обстоятельствѣ давно зналъ. Надобно отдать справедливость, что г-жа Фридрихсъ, не показываясь нигдѣ съ великимъ княземъ, вела себя весьма скромно; во время расположения гвардіи въ окрестностяхъ Вильны предъ самою отечественною войною, она появлялась на празднествахъ въ сопровожденіи какого-либо

угодливаго штабъ-офицера. Однажды, послѣ отъѣзда государя и императрицы Маріи Федоровны, говорившихъ безъ сомнѣнія цесаревичу о возможности для него вступить на престолъ, онъ сказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ окружающихъ: «я эту шапку и самъ надѣть сумѣю». Возвращаясь въ 1815 году изъ Вѣны въ Варшаву, цесаревичъ, проѣзжая черезъ Краковъ, поспѣшилъ навѣстить болѣнаго Ермолова, который сказалъ: «Вы, в. и. в., спѣшите въ свое вице-королевство», на что цесаревичъ отвѣчалъ: «ты все шутнишь, а я нахожу, что было бы гораздо полезнѣе учредить въ Польшѣ русскихъ губернаторовъ и исправниковъ». Цесаревичъ, никогда не любившій Барклая, говорившій о немъ въ этомъ же году: «зачѣмъ у него такой большой штабъ? Онъ вѣроятно хочетъ подражать Потемкину, но этотъ лишь по волѣ императрицы окружалъ себя во время войны съ турками большою свитою, затѣмъ, чтобы при заключеніи мира она не уступала свитѣ турецкаго паші; впрочемъ у насъ есть свой фельдмаршаль въ Краковѣ» (Онъ разумѣлъ Ермолова).

Около 1820 года цесаревичъ познакомился со вдовою Грудзинскою, имѣвшую трехъ дочерей. Необыкновенная красота и превосходное воспитаніе трехъ сестеръ, которые были этимъ обязаны одной англичанкѣ, избранной покойнымъ ихъ отцомъ, не могли не привлечь вниманія цесаревича; онъ былъ можно сказать, обвороженъ одною изъ нихъ. Вдова Грудзинская, замѣчательная по своимъ ограниченнымъ способностямъ, вступила во второй бракъ съ гофмаршаломъ Броницомъ, человѣкомъ весьма веселаго свойства и отличнымъ собутыльникомъ, у котораго во время семилѣтняго странствованія по чужимъ краямъ было конфисковано и продано самимъ беззаконнымъ образомъ его имѣніе. Этихъ трехъ лѣвицъ ожидали различныя судьбы: на одной изъ нихъ женился Гутаковскій, котораго императоръ Александръ назначилъ своимъ флигель-адъютантомъ; на другой—одаренной замѣчательнымъ умомъ—женился полковникъ Хлановскій, весьма способный отъ природы человѣкъ, бывшій нѣкогда флигель-адъютантомъ (*officier d'ordonnance*) Наполеона; вынужденный цесаревичемъ оставить русскую службу, онъ проживалъ обыкновенно въ Познані. На третьей, получившей титулъ княгини Ловичъ, женился самъ цесаревичъ, утратившій чрезъ это право на всероссійскій престолъ.

Прибывъ въ 1826 году въ Москву для присутствованія во время обряда коронованія императора Николая, цесаревичъ былъ встрѣченъ симъ послѣднимъ на дворцовой лѣстницѣ; государь, ставъ на колѣни предъ братомъ, обнялъ его колѣни; это вынудило цесаревича склонить то же самое. Такимъ образомъ

свидѣлись оба царственные брата предъ коронованіемъ, по совер-шениі котораго цесаревичъ, выходя изъ собора, сказалъ Ф. Н. Опочинину: «теперь я отпѣть». Цесаревичъ, которому публика и народъ оказывали лучшій пріемъ чѣмъ государю, постоянно уѣзжалъ съ баловъ и театрловъ нѣсколько ранѣе своего брата.

Въ послѣднее время состарившійся цесаревичъ крайне опу-стился: онъ, который прежде не выходилъ изъ мундира, проси-живалъ по цѣлымъ часамъ въ халатѣ и туфляхъ; страдая ногами, онъ даже съ трудомъ садился на лошадь. Не являясь по цѣлымъ недѣлямъ на разводы, онъ однажды сказалъ: «если поляки плю-нуть мнѣ въ глаза, я лишь имъ дозволю обтереть себя». Любя поляковъ по-своему, онъ, какъ единогласно всѣ утверждаютъ, восхищаясь во время войны дѣйствіями ихъ противъ насъ, не разъ восклицалъ: «каковы мои! молодцами дерутся». Онъ думалъ послѣ окончанія войны просить себѣ мѣста военнаго губерна-тора въ Твери, въ память довольно продолжительного пребыванія великой княгини Екатерины Павловны въ этомъ городѣ. Во время войны цесаревичъ, котораго Хлаповскій, сдѣлавшійся парты-заномъ, называлъ въ своихъ письмахъ *cher beau-frère*, и угро-жаялъ захватить въ плѣнъ, находился при нашей арміи. Опасаясь плѣна, онъ выслалъ нѣкоторыхъ изъ окружающихъ его особъ въ Слонимъ и самъ въ сопровожденіи большого конвоя отправился въ Витебскъ, гдѣ и умеръ отъ холеры. Вскорѣ послѣ него скон-чалась въ Царскомъ Селѣ княгиня Ловичъ, вслѣдствіе полнаго разложенія внутренностей.

Цесаревичъ, никогда не принадлежавшій къ числу безстраш-ныхъ героевъ, въ чемъ я не одинъ разъ имѣлъ случай лично убѣдиться, страстно любилъ, подобно братьямъ своимъ, военную службу; но для лицъ, не одаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключается лишь въ несносно-педантическомъ, уби-вающемъ всякую умственную дѣятельность, парадированіи. Глу-бокое изученіе ремешковъ, правиль вытягиванія носковъ, равне-нія шеренгъ и выдѣлыванія ружейныхъ пріемовъ, коими щего-ляютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верхомъ непогрѣшимости, служать для нихъ источни-комъ самыхъ высокихъ поэтическихъ наслажденій. Поэтому и ряды арміи постепенно наполняются лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военного устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе различными частями войскъ, что приносить этимъ личностямъ значительныя, беззаконныя, материальныя выгоды, которыя правительство пови имому поощряетъ. Этотъ

порядокъ вещей получиль, къ сожалѣнію, полную силу и развите со времени вступленія на престолъ императора Николая; онъ и братъ его великий князь Михаиль Павловичъ не щадять ни усилій, ни средствъ для доведенія этой отрасли военного искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительное равненіе шеренгъ и выдѣлыванія темповъ, наша армія безспорно превосходитъ всѣ пропія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку. Эги бездарные невѣжды, истые любители изящной ремесковой службы, полагаютъ, въ премудрости своей, что война, ослабляя пріобрѣтенные войскомъ въ мирное время фронтовыя свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцій на Марсовомъ полѣ. Прѣслуживъ не одну кампанію, и сознавая по опыту пользу строевого образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ неимовѣрнаго количества мелочей, не поясняющихъ, но крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что надлежить весьма осторегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ стѣснять частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія коихъ должно вполнѣ зависѣть приложеніе къ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Налагать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности—это верхъ безмыслия. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонять отовсюду способныхъ людей, которые, убитые безмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельного дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремится правительство, не понимающее истинныхъ требованій вѣка, и какія заботы и огромныя материальныя средства посвящены имъ на гибельное развитіе системы, которая, если продолжится, надолго, лишить Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Не дай, Боже, убѣдиться намъ на опытѣ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха. Это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ, татарскому игу!—М.г., уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если къ тому времени, когда дѣ-

ятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будеть ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ окружено лишь толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усилія этихъ лицъ не допускать до него справедливыхъ требованій вѣка могутъ ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ.

Начальникомъ главнаго штаба и гофмейстеромъ двора цесаревича, находился графъ Дмитрій Дмитріевичъ Курута. Этотъ хитрый, но неспособный грекъ пользовался большими довѣріемъ великаго князя и снискалъ признательность многихъ поляковъ, кои могли весьма легко содѣлаться жертвами бѣшенаго и своенравнаго цесаревича. Въ минуты безумнаго гнѣва, когда онъ, съ пѣною у рта, приказывалъ строго наказать виновнаго, имѣвшаго несчастіе возбудить эту бурю какимъ-нибудь ничтожнымъ отступлениемъ отъ установленныхъ формъ, Курута успокаивалъ цесаревича словами «цейчасъ будетъ исполнено». Давъ время успокоиться его высочеству, Курута успѣвалъ большую частью убѣдить его смягчить свои приговоры. Хотя эти дѣйствія Куруты заслуживали величайшихъ похвалъ, но неспособность его и другія свойства не могли внушать къ нему большого уваженія. Хотя и носились слухи, что Курута, любившій жить открыто и весело, не отказывался отъ приношеній городскихъ жителей, но онъ не оставилъ однако послѣ себя большого состоянія. Я слыхалъ отъ многихъ, что навѣшавшиѣ его каждый вечеръ полковые командиры, проигрывали ему суммы значительныя, кои онъ издерживалъ на угощеніе своихъ посѣтителей. Невзирая на благоволеніе цесаревича, Курутъ нерѣдко приходилось выслушивать строгія и оскорбительныя замѣчанія его высочества. Брать мой Евдокимъ, увидѣвъ однажды, что разъяренный цесаревичъ говорилъ что-то Курутъ съ особеннымъ жаромъ на греческомъ языкѣ, освѣдомился у него о значеніи одного изъ сказанныхъ ему словъ. Курута отвѣчалъ ему весьма хладнокровно: «c'est du j... f..., mon cher, mais dans la meilleure assertion du mot» (т.-е. нѣчто въ родѣ еб... м..., но только въ лучшемъ значеніи слова).

Услыхавъ однажды о томъ, что Курута получилъ въ одно время знаки бѣлага и краснаго орловъ, я невольно воскликнулъ: «на эту ст...ву слетаются всѣ хищныя птицы». Завѣдя впослѣдствіи войсками, входившими въ составъ резервной арміи графа Толстого, Курута имѣлъ дѣло съ поляками близъ Вильны на Понарской горѣ: оно безъ сомнѣнія не кончилось бы въ нашу пользу, если бы Куруту не выручилъ генералъ Сакенъ (Дмитрій Ерофеевичъ).

Хотя цесаревичъ, бывшій яростнымъ врагомъ либерализма,

не терпѣлъ ни малѣйшаго возраженія или противорѣчія со стороны своихъ подчиненныхъ, онъ однако простиралъ до того свое благоволеніе къ А. П. Ермолову, которому онъ оказывалъ покровительство съ самой войны 1805 года, что нерѣдко терпѣливо выслушивалъ рѣзкія замѣчанія этого генерала. Цесаревичъ, любившій Ермолова, отзывался о немъ въ слѣдующихъ словахъ: «Ермоловъ въ битвѣ дерется какъ левъ, а чуть сабля въ ножны, никто отъ него не узнаетъ, что онъ участвовалъ въ бою. Онъ очень уменъ, всегда веселъ, очень осторѣ и весьма часто до дерзости». Письма свои къ Ермолову Е. В. начиналъ слѣдующимъ образомъ: «любезнѣйшій, почтеннѣйшій, храбрѣйшій другъ и товарищъ». Въ одномъ изъ нихъ, писанномъ еще въ 1818 году, находится слѣдующее мѣсто: «вы, вспоминая древнія римскія времена, теперь прогонсуломъ въ Грузіи, а я префектомъ или начальствующимъ легіонами на границѣ Европы или лучше сказать въ срединѣ оной». Въ другомъ письмѣ того же года цесаревичъ, иногда называвшій Ермолова Натеромъ Груберомъ¹⁾, пишетъ ему между прочимъ: «я всегда былъ и буду одинаковъ съ мою къ вамъ искренностью, и оттого между нами та разница, что я всегда къ вамъ былъ какъ въ душѣ, такъ и на языку, а вы—любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ и товарищъ, иногда съ обманцомъ бывали».

Ермоловъ имѣлъ не разъ съ цесаревичемъ весьма сильныя столкновенія, которые для другого могли бы повлечь за собою очень непріятныя послѣдствія. Однажды передъ самою отечественною войною е. и. в., оставшись недовольнымъ фронтовымъ образованіемъ баталіона гвардейскаго морскаго экипажа, коимъ командовалъ капитанъ-командоръ Карцовъ, выѣхавшій на смотръ на лошади, убранный лентами и бубенчиками, велѣлъ написать на его имя весьма строгій выговоръ; этотъ приказъ, написанный дежурнымъ штабъ-офицеромъ Кривцовымъ, былъ въ присутствіи е. и. в. предварительно прочтенъ всѣмъ частнымъ начальникамъ; когда Кривцовъ готовился уже выйти изъ комнаты для отданія приказа въ печать, Ермоловъ, командовавшій въ то время гвардейскою пѣхотною дивизіею, въ составѣ которой входилъ и гвардейскій морской экипажъ, сказалъ ему: «приказъ хорошъ, но онъ не долженъ быть извѣстенъ за порогомъ квартиры его высочества». Такимъ образомъ, этотъ приказъ, заключавшій въ себѣ выраженія, оскорбительныя для храбрыхъ моряковъ, и бывшій вполнѣ несвоевременнымъ, ибо въ это время полчища Наполеона

¹⁾ Груберъ былъ генералъ ордена іезуитовъ, жилъ въ Петербургѣ въ царствованіе императора Павла и нѣкоторое время пользовался его отмѣнною благосклонностью.

готовились уже переступить Нѣманъ, не былъ никогда обнародованъ. Весьма замѣчательно, что это не возбудило гнѣва цесаревича, и не вызвало ни малѣйшаго съ его стороны замѣчанія.

Получивъ въ томъ же году извѣстіе объ отдѣленіи корнуза графа Витгенштейна, Ермоловъ въ разговорѣ своемъ съ цесаревичемъ, назвалъ это *придворнымъ маневромъ*. «Помилуй, братецъ, сказалъ цесаревичъ, это тебѣ такъ кажется, а сестра Екатерина Павловна не знаѣть, гдѣ родить». На это Ермоловъ отвѣчалъ: «возможно ли, чтобы Наполеонъ, идя на Москву, послалъ корнузъ на Петербургъ, *d'autant plus qu'il peut être tourné et culturé dans la Baltique*». Онъ боялся объ закладъ, что непріятель не пройдетъ чрезъ Псковскіе лѣса и болота, за 30 червонцевъ, которые были ему выданы Курutoю.

Однажды въ 1815 году, великая княгиня Екатерина Павловна просила цесаревича представить ей Ермолова. Увидавъ его, она сказала ему: «я желала весьма съ вами познакомиться; я слышала, что графъ Витгенштейнъ и другіе прослѣдуютъ васъ и успѣли даже очернить васъ въ глазахъ государя». Ермоловъ отвѣчалъ ей: «Эти господа несправедливо обвиняютъ меня лишь затѣмъ, чтобы оправдать свои неудачи; они подражаютъ Наполеону, который свое пораженіе подъ Лейпцигомъ приписываетъ лишь полковнику, слишкомъ рано взорвавшему мостъ; что же касается до неблаговоленія государя, я, будучи награжденъ наравнѣ съ лицами, къ коимъ его величество наиболѣе милостивъ, не имѣю повода замѣчать этого». Цесаревичъ сказалъ ей: «ты, матушка, слышешь у насъ въ семье вострухуо, не пускайся съ нимъ слишкомъ далеко, потому что онъ тебя двадцать разъ прощастъ и выкупить». Ермоловъ сказалъ великой княгинѣ: «я почитаю себя весьма несчастливымъ тѣмъ, что, не будучи извѣстенъ в. в., я представленъ вамъ въ столь неблагопріятномъ свѣтѣ его высочествомъ, который безспорно первый іезуитъ». Цесаревичъ, разсердившись, гнѣвно спросилъ: «а почему?» Въ отвѣтъ на это Ермоловъ указалъ ему на вензель государя, украшавшій генераль-адъютантскіе эполеты, лишь за два дня передъ тѣмъ пожалованные цесаревичу. Великая княгиня расхохоталась.

Однажды, въ 1814 году, былъ назначенъ во Франкфуртъ парадъ, на который опоздалъ прибыть съ полкомъ мужественный флигель-адъютантъ Удомъ, командовавшій лейбъ-гвардій литовскимъ полкомъ.—Хотя этотъ полкъ явился на смотръ задолго до прибытія государя, но разгнѣванный цесаревичъ повторилъ два раза Ермолову приказаніе арестовать сего штабъ-офицера; такъ какъ оно было ему объявлено передъ фронтомъ, то Ермоловъ былъ вынужденъ лишь безмолвно опустить свою саблю. Когда, по окончаніи смотра, е. и. в. еще разъ подтвердилъ это прика-

заніе, Ермоловъ смѣло возразилъ ему: «виноватъ во всемъ я, а не Удомъ, а потому я къ саблѣ его присоединю и свою; снявъ съ себя однажды эту саблю, я, конечно, ея въ другой разъ не найдѣну». Это обезоружило цесаревича, который ограничился легкимъ выговоромъ Удому.

Въ 1815 году Ермоловъ, находясь близъ государя и цесаревича на смотрѣ англійскихъ войскъ, съ коими Веллингтонъ повторялъ маневръ, употребленный имъ въ сраженіи при Витторіи, обратилъ вниманіе государя и великаго князя на одного англійскаго офицера, одѣтаго и маршировавшаго съ крайнею небрежностью. На отвѣтъ государя: «что съ нимъ дѣлать? вѣдь онъ лордъ». Ермоловъ отвѣчалъ: «почему же мы не лорды?»

Въ 1821 году Ермоловъ, будучи вызванъ изъ Грузіи въ Лайбахъ для начальствованія надъ союзною арміею въ Италіи, былъ встрѣченъ въ Варшавѣ съ большою торжественностью; цесаревичъ, приготовивъ ему квартиру и караулъ со знаменемъ, приказалъ всѣмъ своимъ министрамъ представиться ему: Ермоловъ, не принявший этихъ почестей, остановился въ гостинице. Избѣгая официальныхъ встрѣчъ съ польскими министрами, онъ выѣхалъ изъ гостиницы весьма рано утромъ, многіе генералы и полковые командиры, къ коимъ цесаревичъ не благоволилъ, зная милостивое расположение е. и. в. къ Ермолову, просили его похвалить во время смотра завѣдываемыя ими части. Въ самомъ дѣлѣ похвалы Ермолова этимъ частямъ войскъ не остались безъ послѣдствій; по окончаніи смотра е. и. в. объявилъ имъ свою признательность. Цесаревичъ, имѣя въ виду, чтобы во время парадовъ всѣ почести были-бы отдаваемы Ермолову, а не ему, постепенно осаживалъ свою лошадь: это вынуждало Ермолова дѣлать то же самое, но такъ какъ великий князь не переставалъ осаживать своей лошади, то Ермоловъ въ присутствіи многихъ генераловъ сказалъ ему: «Вы меня, в. и. в., заставите явно ослушаться Васъ», послѣ сего цесаревичъ занялъ свое мѣсто. Хотя е. и. в. писалъ Государю, что онъ въ предстоящей войнѣ весьма бы радъ служить подъ начальствомъ Ермолова, но онъ былъ весьма недоволенъ дѣйствіями сего генерала во время пребыванія его въ Варшавѣ. Онъ въ присутствіи многихъ лицъ, сказалъ ему: «государь желаетъ слить Польшу съ Россіей, но вы, пользуясь огромною репутациею въ арміи, выказываете явное пренебреженіе къ полякамъ; вы даже не хотѣли принимать, явившихся къ вамъ польскихъ министровъ». Ермоловъ возразилъ ему на это: «меня въ грубомъ обращеніи относительно подчиненныхъ, а тѣмъ менѣе поляковъ, никто не можетъ упрекнуть; подобными качествами можетъ лишь щеголять молодой и заносчивый корнетъ уланского полка вашего императорскаго высочества!»

Николай I въ произведеніяхъ А. И. Герцена.

Сочиненія А. И. Герцена, разрѣшавшіяся къ печатанію въ Россіи, были въ значительной степени сокращаемы и искажаемы цензурными условіями, усердно воздвигавшимися старой властью на пути проникновенія горячаго слова великаго публициста въ русскую среду. Неудивительно поэтому, что многое изъ произведеній Герцена, вышедшихъ за границей—въ Лондонѣ, Женевѣ, Парижѣ,—осталось совершенно неизвѣстнымъ широкой читающей публикѣ въ Россіи: цензура «по многимъ понятнымъ причинамъ»¹⁾ заботливо оберегала русское общество отъ вліянія «слабаго, одареннаго при томъ безграниценнымъ самолюбіемъ, тунеядца!». Истребляя въ прекрасныхъ произведеніяхъ «безхарактернаго самолюбца» мѣста «крайне неприличнаго свойства», цензурные критики тѣмъ самымъ нерѣдко искажали не только форму, но и внутреннее содержаніе многочисленныхъ статей великаго изгнанника.

Однимъ изъ такихъ «коньковъ» А. И. Герцена, которые, по мнѣнію цензурныхъ критиковъ, можно было «легко устранить» въ сочиненіяхъ, предполагавшихся къ изданію въ Россіи, былъ императоръ Николай I и «все его царствованіе», котораго, какъ признавался самъ авторъ цитируемаго доклада, Герценъ «не выносить». Не разрѣшая «просто ради приличія» помѣщать въ русскихъ изданіяхъ разсыпанные почти по всѣмъ произведеніямъ Герцена ядовитые, дышащіе возмущеніемъ, ненавистью, сарказмомъ и презрѣніемъ, «коньки» о Николаѣ I и его дѣятельности, цензура, конечно, затрудняла и дѣлала почти невозможнымъ вѣрное пониманіе оцѣнки Герценомъ всего царствованія и правительственної дѣятельности «высочайшаго фельдфебеля»²⁾.

Настоящая замѣтка и имѣеть цѣлью заполнить эту пробѣлъ хотя бы путемъ простого суммированія наиболѣе характерныхъ цитатъ изъ произведеній опального писателя съ тѣмъ,

¹⁾ Здѣсь и ниже мы цитируемъ «Докладъ цензора Касовича» въ цензурномъ комитетѣ. См. «Голосъ Минувш.» 1917 г., № 1.

²⁾ «Тюрьма и ссылка». Лондонъ. 1858 г., стр. 183.

чтобы читатель уже самъ составилъ себѣ, на основаніи приведенаго матеріала, болѣе цѣльную характеристику «царя-фельдфебеля» ¹⁾. При этомъ считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку, что, во-первыхъ, нами будутъ привлечены не всѣ, а лишь наиболѣе, по нашему мнѣнію, характерныя и яркія мѣста въ произведеніяхъ Герцена и, во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для должностной полноты, мы не будемъ отказываться отъ цитированія и сочиненій, изданныхъ въ Россії. Наконецъ, допускаемъ возможность и нѣкоторыхъ пробѣловъ въ настоящей замѣткѣ, такъ какъ не всѣ произведенія писателя, изданныя за-границей, могли быть нами использованы. Тѣмъ не менѣе, привлекая такимъ образомъ лишь часть страницъ и строкъ, посвященныхъ Герценомъ Николаю, мы получаемъ яркую и живую картину мрачнаго тридцатилѣтняго царствованія. Глядя на эту картину, отдѣльные штрихи которой мы находимъ въ различныхъ произведеніяхъ Герцена, мы невольно заражаемся тѣмъ чувствомъ ненависти художника, которымъ онъ наполнилъ созданную имъ картину и центральную фигуру ея—фигуру «разсвирѣпѣлого деспота зимняго дворца» ²⁾. Глядя на эту картину, нельзя не чувствовать, до какой степени фигура Николая, этого «Далай-Ламы въ ботфортахъ» ³⁾, раздражала Герцена. Всматриваясь въ художественно изображенные Герценомъ отдѣльные штрихи этой картины, нельзя не замѣтить ту непримиримость художника, всю свою жизнь отдавшаго на борьбу съ произволомъ и рабствомъ, съ котою онъ бичуетъ представителя абсолютизма, основавшаго свою дѣятельность на рабствѣ и произволѣ.

«Царствованіе Николая,—читаемъ у Герцена,—начинается огромнымъ заговоромъ. Онъ идетъ короноваться въ Москву подъ тріумфальными воротами пяти висѣлицъ. Сотни заговорщиковъ съ цѣпями на ногахъ отправляются въ рудники. Гурьба молодыхъ людей слѣдуетъ за ними и исчезаютъ въ Сибири ⁴⁾». Таково было начало царствованія. Измѣнилось ли оно въ дальнѣйшемъ? Герценъ отвѣчаетъ на это цѣлой серіей замѣчаній въ своихъ статьяхъ. «Николай Павловичъ... держаль тридцать лѣтъ кого-то за горло, чтобы тотъ не сказалъ *чего то* ⁵⁾». «Съ

¹⁾ Ibid., стр. 146.

²⁾ Ibid., стр. 192.

³⁾ «XXIII годовщина польского восстанія въ Лондонѣ» въ сборникѣ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ». Лондонъ. 1863. Стр. 73.

⁴⁾ «Народный сходъ въ память февральской революціи» въ сборникѣ «Десятилѣтіе вольной русской типографіи въ Лондонѣ». Лондонъ. 1863. Ст. 87—88.

⁵⁾ Здѣсь, какъ и всюду ниже, курсивъ Герцена. «Прививка конституціонной оспы». «Колоколь». № 165.

восшествія на престолъ Николая, дѣятельность правительства исключительно отрицательная—оно усмиряетъ, подавляетъ, гонитъ—и только ¹⁾). Въ 1860-хъ годахъ Герценъ, сравнивая два царствования—Николая I и Александра II, какъ бы подводилъ итоги царствования Николая и писалъ тогда въ своемъ «Колоколѣ»: «Все царствование его была ошибка, онъ не зналъ Европы, онъ не зналъ Россіи. СвиРѣйный больше чѣмъ хитрый, онъ царствовалъ одной политикой, однѣмъ гистомъ. Испуганный 14 декабря, онъ отшатнулся отъ дворянства, отъ единственной среды, связанной на животъ и на смерть съ петербургскимъ престоломъ—преступной круговой порукой крѣпостного права. Онъ въ немъ хотѣлъ подавить тѣ простыя, необходимыя стремленія къ гражданскимъ правамъ, которыя безъ ущерба себѣ имъ уступила бы каждая прусская и австрійская корона. Но отвязывая втихомолку императорскую барку отъ помѣщичьихъ плотовъ, онъ ничего не сдѣлалъ для народа. Ему хотѣлось бы отнять у дворянъ крѣпостное право, для того чтобы ослабить ихъ касту, но не давая воли крестьянамъ» ²⁾). Нѣсколько позже Герценъ вновь писалъ о царствованіи Николая, отмѣчая на этотъ разъ и вліяніе на русскаго императора европейскихъ событий 1830 и 1848 годовъ. «Николай,— писалъ Герценъ въ 1863 году,—нѣсколько оправился отъ 14 декабря... и успокоился, сгубивъ цѣлия арміи тифомъ и голодомъ въ болѣканскихъ дефиляяхъ и смѣшивъ опаснаго Ермолова на Кавказѣ бездарнымъ Наскевичемъ. Вдругъ на него обрушилась вѣсть парижской революціи 1830 г. Онъ потерялся. Онъ гвардейскими офицерами, сердь совершившисъ мира, объявилъ, что скоро придется сѣсть на лошадь, и велѣлъ ставить армію на военную ногу. Онъ Людвигу Филиппу нагрубилъ безъ всякаго вызова. Только развѣ въ 1848 г. онъ превзошелъ 1830 г. въ стѣсненіи всякой заявленной мысли, всякаго слова, несогласнаго съ начальами всепоглощающаго абсолютизма. Въ это время онъ въ первый разъ водрузилъ свое дикое знамя—«Самодержавія, Православія, Народности»... съ этого времени, въ противоположность тому, что дѣлалось въ Европѣ, началось въ его головѣ то обоготвореніе въ себѣ царскаго титла, которое довело его наконецъ черезъ двадцать пять лѣтъ до совершеннаго затменія умственныхъ способностей, до того, что на маневрахъ, передъ атакой, онъ плакалъ въ три ручья, снимая каску и вслухъ прося—«о ларованіи побѣды благочестивѣшему императору Николаю Павловичу—яко съ нами Богъ»... ³⁾.

¹⁾ «Народный сходъ»..., стр. 93.

²⁾ «По поводу студентскихъ избѣній». «Колоколъ», № 113, 22-го ноября 1861 г.

³⁾ «1831—1863». «Колоколъ», № 160, 1 апрѣля 1863 г.

Не слѣдуетъ думать однако, что Герценъ, давая такую суро-вую оцѣнку царствованія и дѣятельности Николая, не старался объяснить тѣ причины, которыя обусловили мрачный характеръ всего царствованія. Напротивъ, въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ Гановеръ Румъ по случаю 23-й годовщины польского восстания, анализируя воспитательная вліянія на Николая, онъ подробно обрисовалъ развитіе характера царя и, учитывая вліяніе среды, окружавшей Николая въ бытность его наслѣдникомъ, онъ объяснилъ и характеръ дальнѣйшей дѣятельности императора. Въ виду этого мы считаемъ нeliшнимъ привести довольно обширный отрывокъ изъ этой рѣчи Герцена. Онъ говорилъ: «Не таковъ былъ членъ, шедшій за Александромъ: его воспоминанія не шли далѣе конногвардейскихъ казармъ. Онъ получила воспитаніе въ кордегардіяхъ и на вахтпарадахъ. Онъ былъ малолѣтнимъ, когда его отецъ потерялъ разсудокъ и былъ убитъ. Его мать, добрая и пустая нѣмка, была поглощена этикетомъ и своими образцовыми скотными лворами. Старшему брату было не до него, во время Наполеона; Константинъ могъ только развратить его. Никто не смотрѣлъ на него какъ на будущаго императора; наслѣдникъ престола былъ Константинъ. Не было ни одной со-стратальной луши, которая бы обратила на него вниманіе, помѣшала бы его сердцу зачестить въ атмосферѣ конюшенъ и экзерцигауза. Онъ взошелъ на престолъ, не зная своего времени. Онъ революцію принималъ за нарушеніе дисциплины—онъ самъ вписалъ въ свой формуляръ, говоря о 14 декабря «находился при защите дворца».

«Съ тѣмъ вмѣстѣ, казарменное отвращеніе отъ наукъ, презрѣніе офицера къ фрачнику, ненависть маіора къ отвѣту и возраженію; безумное властолюбіе, страсть къ безусловной покорности и все безъ опредѣленной цѣли, безъ всякой идеи, безъ всякой эксцентричности даже.

«Нельзя сказать, чтобы у него недостало времени,—печальное царствованіе его продолжается 27 голь, и онъ ничего не сдѣлалъ, ничего не создалъ, *кромѣ самодержавія для самодержавія*.

«Типъ его дѣяній — кавказская война, поглотившая цѣлья арміи и которая черезъ 25 лѣтъ не подвинулась ни на шагъ.

«Онъ мучилъ, притѣснялъ, угнеталъ всѣми средствами Польшу и не можетъ вывести изъ нея ни одного баталіона солдатъ, боясь ея восстанія.

«Онъ преслѣдовалъ въ Россіи книги и школы, профессоровъ и писателей, а въ 1849 году въ трехъ шагахъ отъ Зимняго дворца открыли революціонный клубъ.

«Онъ вспѣлъ въ 1828 году войну съ Турцией, и сгубилъ сотни

тысячъ человѣкъ убитыхъ тифомъ и горячкой, не получивъ въ замѣну ничего существенно важнаго.

«Когда онъ остается побѣдителемъ, вы можете быть увѣрены, что онъ купилъ какого-нибудь Гѣргея, какого-нибудь несчастнаго пашу, какого-нибудь злодѣя, наконецъ.

«Дѣйствительно, Николай очень несчастный человѣкъ, и онъ это чувствуетъ, отъ этого онъ безпокоянъ, мраченъ. Жизнь, которая еще тридцать лѣтъ тому назадъ кипѣла около зимняго дворца—оттолкнутая имъ, не возвращается. Ни одной великой способности, ни одного необыкновенного ума между его помощниками! Николай управляетъ ординарцами и писцами; это очень легко, но ничего не двигается, но казнокрадство, взятки, подкупы приводятся въ систематической порядокъ.

«Онъ посыпаетъ армию, она умираетъ на полдорогѣ отъ голода и холода. Онъ хочетъ освободить крестьянъ—ему показываютъ окровавленный рядъ его предшественниковъ, убитыхъ помѣщиками. Онъ не хочетъ освобождать крестьянъ—ему пророчатъ Пугачевщину.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ доноситъ ему, что оберъ-полицмейстеръ воруетъ въ Петербургѣ. «Я это знаю, отвѣчасть Николай, но я сплю спокойно, пока онъ смотрить за порядкомъ»¹⁾.

Въ другомъ мѣстѣ, отмѣчая большую роль въ правящихъ сферахъ николаевского времени «русскихъ нѣмцевъ»—«ручныхъ Нессельродовъ, цѣпныхъ Клейнмихелей, однокупостасныхъ Бенкендорфовъ и двукупостасныхъ Адлерберговъ»,²⁾ Герценъ указывалъ еще на одинъ импульсъ въ правительственной дѣятельности Николая, не отказывая себѣ въ случаѣ еще разъ наполнить свои замѣчанія о Николаѣ ядовитой, уничтожающей ироніей. «Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ нѣмцевъ, желавшихъ обрушить, былъ Николай. Чего онъ ни дѣлалъ, чтобы сдѣлаться русскимъ—и финновъ крестиль, и уніатъ сѣкъ, и церкви велѣлъ строить опять въ видѣ судка, и русское судопроизводство вводилъ тамъ, где никто не понималъ по-русски, и все иностранное гналь, и паспортовъ не давалъ за границу,—а русскимъ все не сдѣлался, и это до такой степени справедливо, что народность у него являлась на манеръ нѣмецкаго тѣчдума, а православіе проповѣдувалось на католическій манеръ; толкуя о народности, онъ даже не могъ черезъ русскую бороду перешагнуть, помня, что скриптеръ ему былъ врученъ на томъ условіи, чтобы онъ «бріль

¹⁾ «ХХIII годовщина польского восстания» въ сборнике «Десятилетіе»..., стр. 78—81.

²⁾ «Русские нѣмцы и нѣмецкіе русскіе». «Колоколъ», № 53, 1 октября 1859 г.

бороду и ходилъ по-иѣмѣцки». Этого мало: «Николай при первомъ представившемся случаѣ, когда враждебно встрѣтились интересы Россіи съ иѣмѣцкими интересами, предалъ Россію такъ, какъ ее предалъ нареченный дѣлъ его Петръ Федоровичъ. Только что они нашли разныхъ иѣмцевъ, Петръ Федоровичъ измѣнилъ Россіи въ пользу прусскаго короля, потому что Фридрихъ былъ гений: Николай измѣнилъ всему славянскому миру въ пользу австрійскаго императора, а тотъ былъ идіотъ»...¹⁾.

Одновременно съ бичеваніемъ внутренней политики Николая Герценъ, раскрывая передъ своими соотечественниками на страницахъ «Колокола» и «Полярной Звѣзды» ту бездну правительственного произвола, въ которую «Медуза Николай»²⁾ толкала Россію, не оставался безучастнымъ и къ вѣнчаной политикѣ царя и его роли на международной аренѣ. Политика Николая въ Польшѣ, которую «онъ мучилъ, притѣснялъ, угнеталъ всѣми средствами»³⁾ — общепрѣвестна; извѣстно также и отношеніе великаго поборника права и соціальной справедливости къ польскому вопросу вообще и въ частности къ польской политикѣ Николая: «царь, — говорилъ Герценъ, — ничего такъ не опасается, какъ независимости Польши. Въ тотъ день, когда въ Варшавѣ будетъ возстановлена Республика, петербургскій орелъ повѣсится за одну изъ своихъ головъ»⁴⁾. Но, какъ извѣстно, одинъ польскимъ вопросомъ виѣшняя политика въ эпоху николаевскаго царствованія не ограничивалась. Руководимый принципомъ легитимизма, Николай то и дѣло появлялся на международной аренѣ въ роли блестителя легитимныхъ правъ европейскихъ монарховъ, нерѣдко забывая государственные интересы Россіи. Это, конечно, не могло оставаться безъ вниманія Герцена, и, дѣйствительно, въ его произведеніяхъ мы находимъ немало замѣчаній о виѣшней политикѣ «сигійнаго нугала за балтійскими льдами»⁵⁾, какъ называлъ онъ Николая. На некоторыхъ изъ этихъ замѣчаній мы и остановимся. Въ 1858 году, послѣ ликвидации севастопольской войны, Герценъ въ брошюре «Англія или Франція?», говоря о роли и значеніи этихъ государствъ въ семье европейскихъ народовъ, такъ писалъ о Николаѣ: «Рыцарь печального образа, онъ... тридцать лѣтъ боролся съ мнимымъ привидѣніемъ; но, къ несчастью, его удары падали на дѣй-

¹⁾ Ibid.

²⁾ «Письма къ путешественнику». Письмо 4-е. «Колоколь», № 201.

³⁾ «ХІІІ годовщина»... въ сборникѣ «Десятилѣтіе»... Лондонъ. 1863 г., стр. 80.

⁴⁾ «Народный сходъ»... въ сборникѣ «Десятилѣтіе»..., стр. 92.

⁵⁾ «По поводу студентскихъ избѣженій». «Колоколь», № 113, 22 ноября 1861 г.

ствительную грудь его подданныхъ. Николай занимался день и ночь, болѣе нежели четверть столѣтія, однимъ только наказаніемъ за возмущеніе 1825 года и за польское восстаніе 1831 г. Его манія, его реакціонное безуміе дошло до того, что онъ, вопреки трактатамъ и расчитывая на униженіе Европы, накладывалъ свою лапу на вольные города и давалъ ихъ потомъ на водку Австріи. Чтобы поддержать принципъ неограниченной власти, онъ велъ отчаянную борьбу съ дружественнымъ народомъ и самъ потомъ въ Ольмюцѣ, указывая на статую Яна Собескаго, сказалъ: «Мы съ нимъ двое самыхъ безумныхъ славянъ: мы спасли Австрію!»

«Въ продолженіе 30 лѣтъ, въ которыя продолжалось это несчастное царствованіе, Россія существовала для другихъ народовъ только какъ щетина штыковъ, становившаяся дыбомъ при малѣйшемъ дыханіи свободы, при малѣйшемъ крикѣ независимости. Двѣсти тысячъ русскихъ штыковъ, готовыхъ при малѣйшей нуждѣ перейти границу за священное дѣло порядка и полиції, были на языкахъ всѣхъ reactionеровъ, какъ тѣ знаменитыя двѣсти тысячъ парижскихъ работниковъ, которыхъ мѣшиали во всякую демонстрацію; и едва какой-нибудь немецкій микроскопіческій принцъ былъ недоволенъ своими двумя или тремя добрыми мѣщанами, онъ передавалъ черезъ своего первого министра этимъ несчастнымъ Шульцамъ и Миллерамъ, что двѣсти тысячъ русскихъ штыковъ двигаются къ границѣ.

«За этими штыками виднѣлась мрачная, застегнутая фигура Николая, съ его огромными ботфорами и свирѣпымъ взглядомъ, который плантаторъ Дугласть находилъ кроткимъ.

«Этимъ путемъ Николай успѣлъ не только заставить ненавидѣть русское имя, но также разстроить окончательно Россію, довести ее до того печальнаго положенія, которое мы очень хорошо видѣли во время крымской войны.

«Всѣ истинные русскіе благословляютъ парижскій миръ. Эта война и этотъ миръ унизили императорскую власть. Преувеличенія разсѣялись, какъ дымъ, и печальная истина стала просвѣчивать, какъ укоръ, сквозь трещины севастопольскихъ стѣнъ.

«Съ тѣхъ поръ мужикъ на Бѣломъ морѣ такъ же хорошо, какъ и Черноморскій казакъ, увидѣлъ, что Россія не недоставало ни храбрости, ни самоотверженія, ни средствъ; но что она была побѣждена потому, что ей недоставало души, организаціи, разумнаго центра, порядка. Во всемъ несходный съ Маркомъ Коссидьеромъ, Николай создалъ *безпорядокъ изъ порядка*. Онъ замѣтилъ это слишкомъ поздно и умеръ отъ стыда»¹⁾.

¹⁾Искандеръ. «Франція или Англія?» Русскія варіаціи на тему 14 января 1858 г. London. 1858, стр. 19—20.

Эту же сторону реакціонной дѣятельности Николая Герценъ освѣтилъ въ упоминавшейся уже нами своей рѣчи въ Гановерѣ Румѣ. Отмѣчая въ ней отношеніе Европы къ русскому царю, Герценъ говорилъ полякамъ и англичанамъ: «Изъ него (Николая) сдѣлали какое-то пугало, Синюю Бороду, и дотого накричали, наговорили, нашумѣли обѣ этомъ—что въ самомъ дѣлѣ испугались. Континентъ дотого понизился, что отовсюду видна приближающаяся фигура каменного гостя, на гранитномъ утесѣ, грозящая нотами, протоколами, народами, арміями шпіоновъ, дипломатическихъ агентовъ и нѣмецкихъ принцевъ. Ему это мѣсто создала реакція. Но низость, трусость консерваторовъ не составляеть дѣйствительной силы... Этой предполагаемой мощи нѣть въ сущности его власти. Вотъ вамъ доказательство. Наконецъ по счастью у него умъ зашелъ за разумъ, и онъ на минуту повѣрилъ, что и въ самомъ дѣлѣ судьбы Европы и Азіи зависятъ отъ него. Онъ сошелъ въ арену. Ну что же? Послѣ всего шума и всѣхъ ультиматумовъ Меншиковыхъ, Горчаковыхъ, католическихъ Тѣ Д им'овъ въ Ольмюцѣ, манифестовъ съ текстами священнаго писанія и съ параграфами Куцукъ-Кийнарджискаго мира?.. Все, чтѣ онъ сдѣлалъ для православной греческой церкви, состояло въ томъ, что Омеръ Паша его побилъ, а онъ обобралъ господаря Валахскаго. Событія могутъ перемѣниться, но лучшая роль въ дѣлѣ принадлежить Абдуль-Меджиду»¹⁾.

Почти 15 лѣтъ спустя послѣ своей рѣчи въ Гановерѣ Румѣ Герценъ въ «Колоколѣ» рассказалъ одинъ курьезный эпизодъ изъ путешествія Николая по Европѣ, эпизодъ, въ которомъ страхъ передъ русскимъ царемъ одного изъ европейскихъ монарховъ—Фердинанда австрійскаго—представленъ уже въ иномъ видѣ. Этотъ анекдотъ, разсказанный Герценомъ, очень показателенъ для характеристики Николая. Вотъ онъ: «Николай Павловичъ, любившій обтекать разныя страны и ливить своеі таліей, лосиними панталонами и славно вычищенными ботфортами нѣмцевъ—былъ онъ однажды въ Вѣнѣ. Тогда еще царствовалъ въ Австріи не нынѣшній государь,... а глупенький, больной и юродивый предшественникъ его. Былъ парадъ. Когда куда пріѣзжалъ Николай, менѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ не сгонялось. Идетъ полкъ за полкомъ, идетъ наконецъ и Кайзера Николая полкъ: австрійскій императоръ дремалъ на огромной сѣрой лошади, отвѣшивъ еще больше свою габсбургскую губу, — вдругъ шумъ — увидѣвшіи свой полкъ, Николай, со свойственной ему храбростью, сталъ передъ нимъ, принялъ рапортъ, провелъ молод-

¹⁾ «XXIII годовщина»... въ сборнике «Десятилѣтіе»..., стр. 75—76.

цомъ солдатиковъ и понесся во весь карьеръ доложить императору, что все обстоитъ благополучно. Въ Австріи все дѣлается тихо и во весь карьеръ ѿзять шагомъ. Дремавшій Фердинандъ открылъ глаза и обомлѣлъ: на него летитъ Николай «съ видомъ сумрачнымъ и строгимъ», съ обнаженной саблей—ближе, ближе. Фердинандъ повернулъ свою лошадь, въ первый разъ далъ ей шпоры, да тягу. Николай, блѣдный съ досады, за кимъ—тотъ отъ него вѣль по вѣнскимъ улицамъ. «Видѣг», кричать ему, «не бось, *treu: Schwesternliebe wiedmet dir mein Herz*». Наконецъ гдѣ-то перехватили Фердинанда—но на парадъ онъ не поѣхалъ, а воротился во дворецъ и легъ въ постель»¹⁾.

Наконецъ, чтобы полноѣ представить себѣ оцѣнку Герценомъ вѣнѣшней политики Николая, необходимо привести еще одну цитату, въ которой писатель говорить уже о крахѣ этой политики въ послѣдніе годы царствованія Николая, ознаменовавшіяся, какъ извѣстно, выступленіемъ противъ Россіи могущественной коалиціи европейскихъ государствъ. Герценъ такъ писалъ объ этомъ: «Одно ужасало всѣхъ—непреодолимая сила императорской власти. Всѣ человѣческія стремленія бились безплодно въ какія-то неприступныя гранитныя ограды... Вѣра въ эту непреодолимую силу самого Николая спасла Россію — она привела въ Ботническій заливъ флотъ Sir Charles Napier'a. Николай сѣѣздили посмотретьъ на него и воротился съ состарившимися глазами, съ осунувшимся лицомъ. Онъ понялъ бѣду... чары исчезли. Съ каждымъ залпомъ въ Крыму, громовое эхо потрясало Петербургъ; стѣны зимняго дворца разсыдались. Всѣ стали догадываться, что только обшивка была гранитная, а внутри щебень. При исторически-казенной постройкѣ всероссійскаго императорства, какъ при всѣхъ казенныхъ постройкахъ, какое-нибудь интенданство крало. Николай понялъ, что скрыть этого нельзя; бродя, безъ сна, какимъ-то привидѣніемъ по заламъ своего дворца и заставляя часовыхъ молиться на колѣниахъ о побѣдѣ, онъ сталъ обдумывать *измѣны* — *измѣны* всему, что считалъ святымъ, за что вытравилъ въ себѣ человѣческое сердце и сгубилъ два, три молодыхъ поколѣнія. Онъ хотѣлъ кликнуть кличъ къ славянамъ, возстановить ненавистную Польшу и поставить на ноги только что задавленную имъ Венгрію — лишь бы снова зимній дворецъ сталъ незыблемъ и грозенъ, лишь бы гранитную обшивку снова приняли за сплошную скалу—лишь бы не было больше видно колеблющихся мачтъ Sir Charles Napier'a и не слышно эхо севастопольского грома»²⁾...

¹⁾ «Августѣйшие путешественники». «Колоколь», № 243, 15 июня 1867

²⁾ «1831—1863». «Колоколь», № 163, 15 мая 1863 г.

Въ приведенныхъ выше цитатахъ мы, такимъ образомъ познакомились съ выпуклой и яркой оценкой Герцена външней и общей внутренней политики. Однако, если ограничиться только этими выдержками, то мы обойдемъ еще одну сторону жизни русского общества, сторону, въ которой Николай оставилъ глубокий следъ своимъ «охранительнымъ» мѣропріятіями. Мы говоримъ о борьбѣ Николая съ просвѣщеніемъ, съ живымъ словомъ, съ пугавшимъ царя «свободомыслѣемъ». Вполнѣ очевидно, что и эта сторона дѣятельности Николая не осталась безъ оценки Герцена и заставляла (уже въ царствование «царя-освободителя») гудѣть герценовскій «Колоколъ», удары которого долетали до Россіи и, пугая однихъ, зажигая сердца другихъ, разносилась многоголосымъ эхомъ по всѣмъ концамъ очнувшейся послѣ николаевскаго режима Россіи. Въ своихъ статьяхъ, преимущественно въ «Колоколѣ», Герценъ то и дѣло замѣчалъ, что «литературу и университетъ... ненавидѣть знатокъ своего цѣла—Николай»¹⁾, что «Николай видѣлъ, что съ образованіемъ больше идти нельзя, не утративъ долю деспотического произвола, и отрекся отъ него, т.-е. не отъ деспотизма, а отъ образованія»²⁾. Не довольствуясь, однако, такими краткими репликами, Герценъ не разъ подробно обрисовывалъ, со свойственными ему яркостью и глубоко-искреннимъ возмущеніемъ, борьбу Николая съ русской мыслью. Вспомнимъ, что съ вступленіемъ «царя-фельдфебеля» на престолъ «Россія попытлась и взошла въ холодный непривѣтливый коридоръ, въ длинный, мрачный тунель»³⁾; вспомнимъ, что воспитаніе и развитіе русской мысли послѣ Екатерины, Павла и Александра I продолжалось «въ виду пяти висѣлицъ, на которыхъ бездарный актеръ, сыгравшій «эпилогъ и правоученіе» къ петровскому періоду, повѣсили пять благородѣйшихъ представителей юной, мужавшей мысли русской гражданственности, и въ виду троекъ, мчавшихся на каторгу, мимо народа, которому до нихъ не было дѣла и который пахалъ да пахалъ на барщинѣ, подстегиваемый разгой, и наконецъ въ виду общества, т.-е. братьевъ, сестеръ, отцовъ... повѣшеннѣхъ и сосланныхъ, плясавшихъ до упаду на праздникахъ коронацій—прежде чѣмъ тѣла однихъ испортились, а другихъ—ловезли до Сибири»⁴⁾; вспомнимъ, наконецъ, что съ воцареніемъ Николая «наступила пауза—долгая, мучительная, потратившая наше»,—писалъ Герценъ,—«поко-

¹⁾ «За пять лѣтъ». «Колоколъ», № 72, 1 июня 1860 г.

²⁾ «Письмо къ императору Александру II». «Колоколъ», № 4, 1 октября 1857 г.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ «Россія и Польша». «Колоколъ», № 37.

лѣніе и еще одно»¹⁾. И вотъ на такомъ фонѣ мрачнаго царствованія Герценъ рисуетъ главнаго «героя»: «Пока умы оставались въ тескѣ и тяжеломъ раздумыи, не зная, какъ выйти, куда идти, Николай шелъ себѣ съ тупымъ, стихійнымъ упорствомъ, затапливая всѣ нивы и всѣ веходы. Знатокъ своего дѣла, онъ съ 1831 г. началъ воевать съ дѣтми; онъ понялъ, что въ ребническомъ возрастѣ надобно вытравлять все человѣческое, чтобы сдѣлать вѣрноподданныхъ по образу и подобію своему. Воспитаніе, о которомъ онъ мечталъ, сложилось. Простая рѣчь, простое движеніе считалось такою же дерзостью, преступленіемъ, какъ раскрытая шея, какъ разстегнутый воротникъ. И это избіеніе душъ младенческихъ продолжалось тридцать лѣтъ! Отраженный въ каждомъ инспекторѣ, директорѣ, ректорѣ, лѣкарѣ — стоялъ Николай передъ мальчикомъ въ школѣ, на улицѣ, въ церкви, даже до нѣкоторой степени въ родительскомъ домѣ, стоялъ и смотрѣлъ на него оловянными глазами безъ любви, и душа ребенка ныла, сохла и боялась, не замѣтить ли глаза какой-нибудь ростокъ свободной мысли, какое-нибудь человѣческое чувство... Ограниченная личность Николая мало-по-малу отпечаталась во всемъ, всему придавая какой-то казенный, правильный видъ — все опошляя»²⁾.

Однако подъ тяжелой пятой «высочайшаго фенідфебеля» мысль русская не умерла... Наоборотъ, «мы стали приходить къ народному самопознанію въ мрачныя времена Николая. Подъ его жеизѣннымъ кулакомъ, наша мысль стала отрезвляться, онъ добилъ насъ, какъ квартальный непускающій впередъ, до муиниковъ; оскорбленные во всемъ человѣческомъ, иностранцы дома, мы, чувствуя присутствіе силы въ мысцахъ, должны были сосредоточить внутри мозга и груди всю работу — и мысль наша сѣдалась дерзка и неустрашима»³⁾. Это отлично понималъ Николай, онъ отлично видѣлъ это на примѣрѣ московскаго университета. «Онъ, мнительный и трусь, ясновидѣніемъ ненависти понялъ, что значатъ эти щѣлныя каѳедры, на которыхъ веходили люди, изуродованные малиновыми воротниками на фракѣ, и которыхъ слушали какіе-то юноши, одѣтые конно-гвардейскими юнкерами. Онъ чуялъ, что въ этихъ аудиторіяхъ, какъ нѣкогда въ римскихъ катакомбахъ, есть молодые учителя, крестившіе безшумно наукой и свѣтомъ истины одно поколѣніе за другимъ, и что эти ставленники ихъ ежегодно разлетались во всѣ четыре стороны»⁴⁾. Всюду пробивавшаяся сквозь толицу николаевскихъ

¹⁾ «Письмо къ императору Александру II». «Колоколь», № 4.

²⁾ «Лишніе люди и желчевики». «Колоколь» № 83, 15 октября 1860 г.

³⁾ «Россія и Польша». «Колоколь», № 37.

⁴⁾ «Колоколь», № 91, 1 февраля 1816 г.

репрессій опасность «свѣта истины» удесятеряла усилія Николая въ борбѣ съ этой опасностью, доведя его до попытки подчинить своему «вкусу» даже формы свободнаго по самому существу своему искусства. Такъ, «желая вездѣ и во всѣхъ убить всякой духъ независимости личности, фантазіи, воли, Николай издалъ цѣлый томъ церковныхъ фасадъ *высочайше утвержденныхъ*. Кто-бы ни хотѣлъ строить церковь, онъ долженъ непремѣнно выбрать одинъ изъ казенныхъ плановъ. Говорять, что онъ же запретилъ писать русскія оперы, находя, что даже написанная въ III отдѣленіи собственной канцеляріи флигель-адютантомъ Львовскимъ никакуда не годится. Но это еще мало,—дбавляетъ Герценъ,—что бы ему издать собраніе высочайше утвержденныхъ мотивовъ»¹⁾.

Приведенныхъ выше цитатъ изъ сочиненій Герцена, достаточно, думается намъ, для того, чтобы по нимъ можно было съ ясностью представить отношеніе великаго изгнанника, создателя вольной русской типографіи въ Лондонѣ, къ «деспоту зимняго дворца» и его дѣятельности. Какъ мы видѣли, Герценъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ, косяя по Европѣ, за всѣмъ, что рѣжалось въ Россіи Николаемъ и его тайной полиціей, составленной «изъ шулеровъ, битыхъ офицеровъ, воришекъ, пойманыхъ на кражѣ казенныхъ денегъ»²⁾. Болѣя нуждами и горестями родного народа — забитаго, приниженнаго, безправнаго,—опальный писатель не разъ раскаивался, что «отрѣзалъ себѣ пути возвращенія»³⁾ въ Россію. Но всякий разъ при мысли о возвращеніи въ «эту Сибирь, этотъ острогъ, передъ которымъ шагалъ двадцать восьмой годъ въ своихъ ботфортахъ, свирѣпый часовой со «свинцовыми пулями» вмѣсто глазъ, съ назадъ бѣгущимъ малайскимъ лбомъ и звѣриными челюстями, выдающимися впередъ»⁴⁾, — всякий разъ въ эту минуту образъ «свирѣпаго часоваго» отгонялъ мысль изгнанника о возвращеніи въ свою отчизну... Это, вѣроятно, въ еще большей степени раздражало чуткаго Герцена при всякой вѣсти изъ Россіи, при каждомъ извѣстіи о Николаѣ, рождая въ великому сердцѣ то горечь, то неизбывное чувство боли за русскій народъ, то Ѣдкую, уничтожающую иронію, направленную противъ ненавистнаго «свирѣпаго часоваго». Лишь одинъ разъ, кажется, за всю жизнь свою Герценъ, получивъ извѣстіе о Николаѣ, испыталъ чувство безграничной радости, которой онъ тотчасъ же, не откладывая ни минуты, спѣшилъ подѣлиться съ своими друзьями и... даже съ мальчишками — продавцами газетъ на улицахъ Твилема!

¹⁾ «Тюрьма и ссылка», стр. 153.

²⁾ «1831—1863». «Ко. околь», № 161, 15 апрѣля 1863 г.

³⁾ «Предисловіе къ сборнику «Десятилѣтіе»..., стр. VI.

⁴⁾ Ibid.

Это—вѣсть о смерти Николая. Самъ Герценъ такъ разсказывалъ этотъ эпизодъ¹⁾... «Утромъ 4 марта я вхожу по обыкновенію часовъ въ восемь въ свой кабинетъ, развертываю «Геймсъ», читаю, читаю десять разъ и не понимаю, не смѣю понять грамматической смыслъ словъ, поставленныхъ въ заглавіе телеграфической новости: *The death of the Emperor of Russia*. Не помня себя, бросился я съ «Теймсомъ» въ рукѣ въ столовую, я искалъ дѣтей, домашнихъ, чтобы сообщить имъ великую новость и со слезами искренней радости на глазахъ, подалъ имъ газету... Нѣсколько лѣтъ свалилось у меня съ плечъ долой, я это чувствовалъ. Остаться дома было невозможно. Тогда въ Ричмондѣ жилъ Энгельсонъ²⁾, я на-скоро одѣлся и хотѣлъ идти къ нему, но онъ предупредилъ уже меня и былъ уже въ передней, мы бросились другъ другу на шею и ничего не могли сказать кромѣ словъ: «Ну, наконецъ-то онъ умеръ!» Энгельсонъ по своему обыкновенію прыгалъ, перевѣловавъ всѣхъ въ домѣ, пѣлъ, плясалъ, и мы не успѣли еще прийти въ себя, какъ вдругъ карета остановилась у моего подъѣзда и кто-то неистово дернула колокольчикъ, трое поляковъ прискакали изъ Лондона въ Твикемъ, не дожидаясь поѣзда желѣзной дороги, меня поздравить. Я велѣлъ подать шампанского, никто не думалъ о томъ, что все это было часовъ въ одиннадцать утра или раньше. Потомъ безъ всякой нужды поѣхали всѣ въ Лондонъ. На улицахъ, на биржѣ, въ трактирахъ только и рѣчи было о смерти Николая, я не видалъ ни одного человѣка, который бы не легче дышалъ, узнавши, что это бѣльмо снято съ глаза человѣчества и не радовался бы, что этотъ тяжелый тиранъ въ ботфортахъ, наконецъ зачисленъ по химії. Въ воскресенье домъ мой былъ полонъ съ утра: французскіе, польскіе рефюжье, нѣмцы, итальянцы, даже англійскіе знакомые, приходили, уходили съ сіяющимъ лицомъ; день былъ ясный, теплый, послѣ обѣда мы вышли въ садъ. На берегу Темзы играли мальчишки, я подозвалъ ихъ къ рѣшеткѣ и сказалъ имъ, что мы празднуемъ смерть ихъ и нашего врага, бросилъ имъ на пиво и конфекты цѣлую горсть мелкаго серебра. «Уре! Уре!»—кричали мальчишки.—*Impernikel is dead!* *Impernikel is dead!*—гости стали имъ тоже бросать сниксенсы и трипенсы, мальчишки принесли элю, пироговъ, кековъ, привели шарманку и принялись плясать. Послѣ этого, пока я жилъ въ Твикемѣ, мальчишки всякий разъ, когда встрѣчали меня на улицѣ снимали шапку и кричали: «*Impernikel is dead!* — Уре!».

Б. Федоровъ.

¹⁾ «Предисловіе» къ сборнику «Десятилѣтіе»..., стр. XI—XIII.

²⁾ Авторъ—«Видѣній св. Кондратія», статьи «Что такое государство?» въ I кн. «Полярной Звѣзды» и пр. Примѣч. Герцена.

На смерть Николая I¹⁾.

Передъ гробницей позорной
Стою я съ радостнымъ чломъ,
Предвиде новый, благотворный
Въ судьбѣ Россіи переломъ.
О славномъ будущемъ мечтаю
Я для страны своей родной,
А о прошедшемъ вспоминаю
Съ негодованью и тоской.
На муки рабства и презрѣнья
Весь родъ славянскій осужденъ,
Лежитъ печать порабощенія
На всей судьбѣ его племенъ:
И Русь давно ужъ подчинилась
Иноzemенному ярму,
Давно безмолвно покорилась
Она позору своему.

Въ царі къ намъ сѣли скандинавы,
Тѣнили иѣмцы насъ, Царьградъ
Вносили къ намъ греческіе права,
И все вертѣль на новый ладъ.
Потомъ, при этомъ рабствѣ старомъ
Досталась новымъ господамъ:
Русь въ поясъ кланялась татарамъ
И въ землю греческимъ попамъ.

Сперва подъ игомъ Русь стонала,
Кипѣло мишеніе въ сердцахъ,
Но рабство и тогда сыскalo
Себѣ защитниковъ въ понахъ:
«Покорны будьте и терпите»,
Попъ въ церкви съ каѳедры гласилъ,

¹⁾) Стихотвореніе это найдено въ бумагахъ И. В. Малиновскаго; оно приписывалось Некрасову. Ред.

«Молиться Богу приходите,
Давайте намъ по мѣрѣ силъ».
Вѣка промчались. Поколѣнья
Смѣнялись быстрой чередой
Въ повиновеньи и терпѣніи
Нашла обманчивый покой.
Природными рабами были
Рабы рождались отъ рабовъ,
И какъ вѣльье Бога чтили
Ударъ кнута и звукъ оковъ.
И предъ баскаками смиренію
Князья ихъ падали во прахъ.

Но гибнетъ моиць татаръ мгновенно
Въ домашнихъ распряхъ и войнахъ.
Орда разбилась. Русь спокойна.
Но съ рабствомъ русскіе склонились:
Они не умствуютъ безплодно,
Отъ воли сами отреклись.
Зато князья увидѣвъ, ясно,
Что не рабы они теперь,
Принялись править самовластно,
Съ господъ ордынскихъ взявъ примѣръ,
Какъ изъ лакеевъ управитель,
Какъ дворянинъ изъ мужиковъ,
Такой же вышель повелитель
Царь самодержецъ изъ рабовъ!
И деспотизмъ беззаконнымъ
Доселѣ Русь угнетена;
И до сихъ поръ въ забытьи сонномъ
Молчать и терпѣть все она.
Царь сталъ для русскихъ полубогомъ,
Какъ папа средневѣковой;
Но не спокойствія залогомъ
Онъ былъ,—а гибельной грозой.
Но пусть бы такъ ... еще Россіи
Нолезны лядыки и лоза;
Пусть прелразсудки вѣковые
Разсѣять царская гроза;
Пусть заблужденья царь прогонитъ
И умъ питомца развернетъ;
Сомнѣнья искру въ немъ заронить,
Къ любви къ свободѣ приведеть,
Тогда пусть править. Но невѣдомъ

Ему языкъ высокихъ думъ,
 Но чуждъ онъ нравственнымъ побѣдамъ,
 Но грубъ и мелоченъ въ немъ умъ.
 И цѣлыхъ шестьдесятъ миллионовъ
 Онъ держитъ въ узахъ какъ рабовъ,
 Не слыша ихъ тяжелыхъ стоновъ,
 Не ослабляя ихъ оковъ.
 О, Русь, Русь! Долго ль втихомолку
 Ты будешь плакать и стонать,
 И хищнаго въ овчарнѣ волка
 Отцомъ—надѣйкой называть?
 Когда, о Русь, ты перестанешь
 Машиной фокусника быть?
 Когда проснешься ты и встанешь,
 Чтобы мучителямъ отмстить?
 Проснись, о Русь! Возстань, родная!
 Взгляни, что сдѣлали съ тобой!
 Твой царь себя лишь охраняя,
 Самъ нарушаетъ твой покой!
 И самъ въ когтяхъ своихъ сжимая
 Простыхъ и знатныхъ, весь народъ,
 Рабовъ чиновныхъ награждая,
 Такое жъ право имъ даетъ!
 И рабъ разумно разсуждаетъ;
 «Я самъ покорствую Царю;
 Какъ онъ великъ, то умолкаетъ
 Честь, разумъ, совѣсть—я творю,
 И мой рабъ, ползая во прахѣ
 Пусть, что велю ему творить,
 Пусть въ угнетеніи и страхѣ
 И умъ и совѣсть заглушить.
 Онъ мой, онъ долженъ отступиться,
 Отъ правъ, отъ чести, отъ всего;
 Онъ для меня живеть, трудится
 Мои—плоды трудовъ его!—
 И въ силу мудраго рѣшенья
 Онъ мучить бѣлныхъ мужиковъ;
 Свои безумныя велѣнья
 Закономъ ставить для рабовъ.
 Какой-нибудь крючокъ приказный
 За подлость статскаго схвативъ,
 Солдатъ безсмысленный и грязный,
 Дворянство силою дѣбывъ,

Князь промотавшійся, миллионы
Взявъ за купчию женой,
Безвѣстный нѣмецъ, жидъ крещеный,
Нажившись на Руси святой,—
Всѣ ощущаютъ вдругъ стремленья
Душами ближнихъ обладать,
Свое отъ низшихъ униженье
Чтобъ на подвластныхъ вымѣщать.
И хладнокровно приступаетъ
Къ позорной куплѣ старый плутъ,
И люди братьевъ покупаютъ,
И люди братьевъ продаютъ,
Ужасный торгъ!—О поношенье
Покупщикамъ и продавцамъ
Царю и власти униженье
Всему народу стыдъ и срамъ!
Какой законъ, какое право
Торгъ этотъ могутъ оправдать!
Какіе дикие уставы—дозволить ближнихъ продавать!
Не ты-ль, нашъ царь, съ негодованьемъ
Неволю негровъ порицалъ,
Филантропическимъ воззваньемъ
Не ты ль Европу удивлялъ?
А между тѣмъ въ твоей Россіи
Не негры—плѣнники войны,—
Свои славяне коренные—
На грустный торгъ обречены:
Скажите жъ, русскіе дворяне,
Какой же Богъ законъ изрекъ,
Что къ рабству созданы крестьяне,
И что мужикъ не человѣкъ?
Весь организмъ простолюдина
Устроенъ также какъ у васъ;
Грубѣй онъ, правда, дворянина,
Зато и крѣпче во сто разъ.
Какъ вы, и душу онъ имѣть
Въ немъ умъ, желанья, чувства есть;
Онъ ихъ высказывать не смѣеть,
Но и за это вамъ же честь.
Свобода, мысли и желанья
Его мечта; и этотъ даръ
Всѣхъ человѣковъ достоянье
Ему невѣдомъ; онъ товаръ.

Онъ самъ спокойно разсуждаетъ,
 Что рабство у него въ крови.
 И тѣ же люди прославляютъ
 Ученье братства и любви.
 Сыны любезные Христовы,
 Они сваигеліе чтуть,
 И однокровнаго, родного
 Позорю въ рабство продаютъ.
 И что за рабство!.. Цѣнь мученій,
 Лишеній, горя и заботъ.
 Не много свѣтлыхъ исключений
 Представить якагои нашъ народъ;
 Все въ угнетеныи, все страдаетъ,
 Все трепещетъ и молчитъ,
 Лишь тайно слезы проливаются,
 Да тихо, якагои твердитъ.
 Но ии любви, ии состраданья
 Нѣть въ нашихъ барахъ, палачахъ,
 Какъ нѣть природнаго сознанья
 О человѣческихъ правахъ.
 На грусть, на плачъ простолюдина
 Они съ презрѣнiemъ глядятъ;
 Рабъ—это въ ихъ рукахъ машина,
 Они вертятъ ей какъ хотятъ;
 Помѣщикъ въ карты проиграетъ,
 Заведъ машину,—дай оброкъ;
 И рабъ посмѣднее сбираетъ,
 Скрывъ въ сердце горестный упрекъ.
 Но если бѣдный, разоренный
 Неурожаемъ мужичень
 Болыпой семьей обремененный,
 Не въ силахъ выплатить оброкъ?
 Такъ что жъ? Цусть мерзнетъ, голодаеть,
 Цусть ходить по миру съ семьей:
 Свои права помѣщикъ знаетъ
 Надъ крѣпостной своей душой:
 Онъ у раба возьметъ корову,
 Отниметъ лошадь, хлѣбъ продасть
 И въ наказаніе сурово
 Ему припарку въ спину дасть.
 И рабъ покоренъ, какъ машина;
 Не хочетъ онъ и Ѣсть и пить,
 И не во власти господина

Въ немъ чувство, тѣло истребить.
 Межъ тѣмъ ихъ хлѣбъ дневной не можетъ
 Онъ, какъ хотѣлось бы, имѣть,
 Гнилую корку часто гложетъ,
 Пустые щи—его обѣдъ.
 Изба соломою покрыта,
 Въ ней тараканы, дымъ и смрадъ,
 И все это давно забыто.
 Мужикъ пускается въ развратъ,
 Пустѣть хата. Плачутъ дѣти.
 Мужъ съ горя пьетъ, да бьетъ ихъ мать;
 Не силенъ страхъ господской плети:
 У нихъ ужъ нечего отнять.
 И наконецъ мужикъ несчастный,
 Уже негодный для господъ,
 Для муки новой и ужасной
 Къ царю въ солдаты попадеть.
 Еще счастливъ, когда онъ можетъ
 Мгновенно въ битвѣ умереть
 Но чаще въ гробъ его уложить
 Трудъ, горе, бѣдность, розги, плеть.
 Одно лишь крѣпкое сложенье
 Да мысль что такъ велить судьба,
 Съ привычкой давнею къ терпѣнью
 Спасаетъ русскаго раба.
 Лишь русскій столько истязаній
 Съ терпѣнiemъ можетъ выносить,
 Лишь онъ среди такихъ терзаній
 Еще спокойно можетъ жить.
 Но есть ужасныя мученія,
 Не въ мочь и русскому они,
 И большей части поселенія
 Они въ Россіи суждены:
 Проступокъ легкій и ничтожный
 И даже мнимая вина,
 Въ чемъ мысль и правду видѣть можно
 Всегда жестоко казнена.
 Не можетъ барину свободно
 Всей правды высказать мужикъ,
 Не можетъ мыслить благородно,
 Боясь безсовѣстныхъ владыкъ,
 Не можетъ барину отвѣтить
 На вздоръ и грубости его

Не смѣеть даже онъ примѣтить
Уничоженья своего.
Владѣть имуществомъ не можетъ,
Неволенъ даже самъ въ себѣ
Затѣмъ, что баринъ имъ владѣеть,
Онъ господинъ въ его судьбѣ.
И даже брачныхъ наслажденій
Рабъ часто бариномъ лишенъ,
Тиранъ для скотскихъ похотѣній
Беретъ дѣтей, беретъ ихъ женъ.
Считая барина священнымъ,
Какимъ-то высшимъ существомъ;
Мужикъ предъ деспотомъ презрѣнныи
Поникнетъ тѣломъ и умомъ.
А тотъ собаками для шутки
Начнетъ несчастнаго травить,
Велитъ въ мѣшокъ на трои сутки
По горло вплоть его зашить,
Заставитъ голыми руками
Изъ печки уголь выгребать
Иль раскаленными щипцами
На тѣлѣ кожу прижигать;
Льетъ кипятокъ ему на руки
Сѣчетъ плетьми по животу...
Но всѣ ихъ казни, всѣ ихъ муки
Я никогда не перечту.
Одну ужасную картину
Запомнилъ я до этихъ поръ:
Какъ разъ къ вельможѣ-господину
Рабы явились на позоръ.
Съ пустымъ и злобнымъ выраженьемъ
Съ самодовольствiemъ въ лицѣ
Къ рабамъ проникнутый презрѣніемъ
Сидѣлъ онъ гордо на крыльцѣ.
И вотъ идетъ къ нему въ ворота
Безъ шапокъ куча мужиковъ
Грызетъ ихъ бѣдность и забота
Довольства нѣть въ нихъ и слѣдовъ.
Печально робкими шагами
Они къ тирану ихъ идутъ,
Стараясь угадать глазами,
Что: гнѣвъ иль милость въ немъ найдутъ!
«Скоты! Всѣ станьте на колѣни!»

Вдругъ крикнулъ баринъ. Мужики
 Со страхомъ падаютъ. Ихъ члены
 Дрожать и чувства ихъ горьки.
 Они пришли сюда съ прошеньемъ,
 Чтобы палячъ повременилъ
 Оброκъ съ нихъ братъ съ ожесточеньемъ:
 Но сразу онъ ихъ поразилъ.
 Всѣ въ землю стукаются лбами
 И на колѣняхъ всѣ ползутъ,
 Зачѣмъ? Они не знаютъ сами.
 Имъ на языкъ слова нейдутъ.
 А онъ, смотря на нихъ спѣшиво,
 Даеть имъ ближе подползать
 И точно папа горделиво
 Велить сапогъ свой цѣловать.
 Всѣ исполняютъ. Лишь несчастный
 Одинъ остался средь двора
 И сталъ безсмысленный, безстрастный,
 Теперь пришла его пора.
 «Сюда!» прикрикнулъ баринъ гнѣвно.
 Земной поклонъ ему мужикъ
 И говоритъ ему плачевно:
 «Отсохни, баринъ, мой языкъ!
 «Ей Богу, ноженьки разбило,
 «Тронуться съ мѣста не могу:
 «Я чуть доплелся... кабы силу
 «Тогда я первый прибѣгу».
 Съ лицомъ больнымъ, изнеможеннымъ,
 Дрожащій, блѣдный и худой,
 Со взоромъ тусклымъ помраченнымъ,
 Быть жалокъ онъ своей тоской.
 И баринъ крикнулъ: «Притащите
 Его ко мнѣ!» И вотъ мужикъ
 Притащенъ... «Баринъ, пощадите!..»
 Но онъ щадить ихъ не привыкъ,—
 Вскочивъ, онъ началъ кулаками
 Бить въ грудь и щеки мужика,
 И сбивши съ ногъ, топталъ ногами,
 Толкалъ пинками подъ бока,
 Потомъ за чубъ поднялъ, и снова
 Его хлыстать сталъ по щекамъ,
 И въ кровь избивши, чуть живого
 На руки бросиль мужикамъ;

И приказалъ, чтобъ двѣстѣ палокъ
 Ему прикащикъ завтра далъ;
 На завтра былъ онъ меныше жалокъ:
 Несчастный завтра не видалъ.
 И вспомнилъ я въ душѣ смятенної
 Его страдальческую тѣнь,
 Зоветъ она къ борьбѣ священной
 Суда и миценья въ грозный день,
 Но можетъ громкимъ кликомъ
 Отвѣтить Русь на этотъ зовъ:
 И въ дворянинѣ полуудикомъ
 Взволнуетъ онъ гнилую кровь,
 И рабъ, тиранствомъ угнетенный,
 Вдругъ отъ апатіи тупой
 Освободить, прервать свой сонъ,
 Свой летаргический покой.
 И встанетъ онъ въ сознаныи права,
 Свободной мыслей вдохновленъ,
 И гордыихъ деспотовъ уставы
 Быть можетъ, въ прахъ повергнетъ онъ,
 Отмстить онъ ихъ порабощенъе
 Свободы равныхъ имъ людей,
 Свои бѣды и поколѣнья
 Крестьянскихъ женъ и дочерей,
 Возстанетъ онъ, разить готовый,
 Враговъ свободы и добра.
 И для Россіи жизни новой
 Прійдетъ желанная пора.
 Уже въ ней сѣмѧ мысли зреТЬ,
 Сталъ чуточъ прежній мертвый сонъ...

Мѣры николаевской цензуры противъ фурьеризма и коммунизма.

Историческая роль фурьеризма въ усвоеніи первыхъ соціальныхъ системъ Запада русской общественностью сороковыхъ годовъ необычайно ярко была вскрыта и сурово осуждена уже знаменитымъ слѣдственнымъ дѣломъ 1849 года о «злоумышленникахъ Буташевичѣ-Петрашевскомъ, Спѣшневѣ и другихъ». Однако, упрощенная техника военного судопроизводства не мало способствовала тому, что въ пунктахъ, касающихся правительственной оценки рассматриваемыхъ теченій—наклонности къ коммунизму и соціализму, обвиненіе отличалось особой туманностью.

Обстоятельство это, отчасти подкрѣпленное неяснымъ показаніемъ самого Петрашевскаго, что «система Фурье излагается во многихъ сочиненіяхъ не только не запрещенныхъ, но положительно дозволенныхъ иностранною цензурою», ближайшимъ слѣдствиемъ имѣло ложное представление о фурьеризмѣ, какъ обученіи, терпимомъ Николаевскимъ режимомъ до революціоннаго 1848 года. (См. напр., замѣчаніе В. Каллаша, «Голосъ Минувшаго» 1914 г., № 2, стр. 201).

Публикуемые нами документы цензурныхъ дѣлъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія не оставляютъ, однако, никакихъ сомнѣній въ истинномъ отношеніи правительства къ творцамъ «возмутительныхъ» теорій.

Въ 1837 г., въ № 48 «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» извѣстіе о смерти Фурье сопровождено было небольшой замѣткой о немъ: «*Карль Фурье, статья первая*», где въ восторженныхъ словахъ прославлялся «Колумбъ общественнаго міра», где его «Traité de l'association» привѣтствовалось какъ «колossalное твореніе», которое «далеко превосходить самыхъ высокихъ геніевъ и никогда не будетъ имѣть себѣ подобнаго на землѣ, ибо невозможно два раза открыть законы общественной гармоніи». Здесь же съ сожалѣніемъ отмѣчалось, что «онъ не могъ, подобно Монсею, увидѣть богатыя долины земли

обѣтованной, земли грядущаго, къ которой отнынѣ могущество
его генія поведеть людей безъ собственного ихъ сознанія»¹⁾.
Въ тотъ же день канцеляріей Мин. Нар. Просв. былъ отправленъ
слѣдующій запросъ:

М. Н. П. Господину Попечителю
Канцелярія. С. Петербургскаго Учебнаго Округа.
27 ноября 1837 года. Въ журналѣ *Литер. Приб. къ Рус. Инв.*
№ 1498. № 48, отъ 27 ноября, помѣщена статья:

Карль Фурье. Полагать можно, что эта статья взята прямо изъ какого-нибудь неблагонамѣренного французского повременного изданія; по меньшей мѣрѣ можно допустить, что издатель, какъ и цензоры, не слыхали о *Карль Фурье* и не знали, какое мѣсто принадлежитъ ему въ ряду новѣйшихъ мыслителей; между тѣмъ они обязаны были замѣтить, сколь неумѣстно и даже оскорбительно уподобленіе этого писателя Моисею. Почему и прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство сдѣлать замѣчаніе какъ издателю, такъ и цензорамъ и сообщить мнѣ, отъ кого именно доставлена была эта статья въ редакцію Литературныхъ Прибавленій.

Вообще полагалъ бы я полезнымъ, еслибы Вы М. Г., нашли возможнымъ сдѣлать при окончаніи года новое, по Вашему усмотрѣнію, распределеніе Цenzуры повременныхъ изданій между цензорами, дабы оживить чрезъ это ихъ вниманіе къ должностямъ и устранить отъ меня поводъ къ подобнымъ нерѣдко встрѣчающимся замѣчаніямъ.

Подписалъ: Мин. Нар. Просв. Сергій Уваровъ..

8 декабря 1837 г., за № 231, С. Петербургскій Цензурный комитетъ донесъ Министру: «Въ исполненіе предписанія Вашего Высокопревосходительства о помѣщенной въ «Лит. Приб. къ Русск. Инвалиду» статьѣ «Карль Фурье», я сдѣлалъ должное замѣчаніе цензорамъ, одобравшимъ статью эту, равномѣрно сдѣлавъ таковое же замѣчаніе какъ издателю, такъ и редактору «Лит. Приб.» Краевскому, кои призваны были мною лично для сего въ присутствіе Комитета, причемъ редакторъ Краевскій объявилъ, что онъ статью сію заимствовалъ изъ французскаго журнала *Artiste*²⁾. Въ заключеніе имѣю честь донести, что со-

¹⁾ Статья эта была составлена на основаніи рѣчи Консiderана, извѣстнаго ученика Фурье, произнесенной на могилѣ его учителя; нѣкоторыя выраженія Консiderана были буквально здѣсь повторены. Срав. Pellarin Charles Fourier. 2. éd. Р. 1843. р. 277—280. Ред.

²⁾ Рѣчь Консiderана была напечатана въ журналѣ *La Phalange*. 2 е. N d'octobre 1837. Краевскій далъ невѣрное указаніе, чтобы у него не отобрали соціалистическихъ изданій. Ред.

гласно предписанію В. Высокопревосходительства, я нынѣ же сдѣлалъ новое распределеніе цензуры повременныхъ изданій между членами СПБ. цензурнаго комитета.

Предсѣдатель: *князь Дондуковъ-Корсаковъ*.

Разумѣется, никакихъ свѣдѣній о Фурье въ русскихъ журналахъ больше не появлялось; но и иностранная литература о немъ и его системѣ встрѣчалась цензурой съ удвоеннымъ вниманіемъ. «Выписки изъ журналовъ Комитета цензуры иностранной» даютъ любопытную иллюстрацію отношенія послѣдней къ извѣстному ежегоднику *«Almanach phalanst erien»*.

15 января 1846 г. былъ разсмотрѣнъ онъ въ изданіи на 1846 г. «Не находя ничего противнаго уставу о цензурѣ въ самой книжкѣ, г. библіотекарь комитета обращаетъ вниманіе на рисунокъ, напечатанный на ея оберткѣ и изображающей Иисуса Христа, простирающимъ одну руку Сократу, другую Фурье.

Комитетъ положилъ означенную книжку позволить по отдѣленіи листка обертки оной съ предосудительнымъ рисункомъ или по вырѣзкѣ только этой выноски».

30 апрѣля 1846 г. разматривался *«Almanach phalanst erien pour 1845»*.

«Изъ помѣщенныхъ въ этомъ альманахѣ статеекъ, г. Цензоръ Зеленецкій обращаетъ вниманіе на тѣ, въ коихъ излагается и похваляется система Фурье, полагая исключить самыя рѣзкія изъ нихъ на стр. 207—216, 217—221, и 222—225.

Комитетъ, съ своей стороны, по неудобству исключенія многихъ страницъ изъ небольшого объема, положилъ: запретить оную въ цѣлости».

3 декабря 1846 г. разматривался *«Almanach phalanst erien 1847.»*

«По отзыву г. Библіотекаря Комитета, цѣль этого альманаха или календаря состоить въ распространеніи между низшимъ классомъ народа идей коммунистовъ или ученія Фурье; даже въ статьяхъ, касающихся искусствъ и ремесль, развиваются начала этого ученія. Обращая особенное вниманіе на статьи, прямо касающіяся коммунизма, и приводя отдельныя мѣста на стр. 177 и 189, г. Библіотекарь Комитета представляеть о запрещеніи сей брошюры по самой ея цѣли и направленію. Комитетъ, раздѣляя мнѣніе г. Библіотекаря положилъ: означенное сочиненіе запретить на основаніи § 3 Устава о Цензурѣ».

Въ «Обясненіи, что такое соціализмъ», представленномъ Петрашевскимъ слѣдственной комиссіи, онъ ссылается, между прочимъ, на очень популярную въ его кругу *«Voyage en Jcarie»*, книгу *Cabet*.

28 сентября 1848 г. произведеніе это было подвергнуто обсужденію въ Комитетѣ цензуры иностранной: «Авторъ—отмѣчалъ цензоръ—принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ коммунистовъ. Желая доказать, что коммунизмъ не есть какая-нибудь утопія, а основательная соціальная система, Кабе описываетъ въ первой части своей книги путешествіе англійскаго лорда по Икаріи, государству, устроенному на началахъ коммунизма, и, открывая ему всѣ подробности управленія, показываетъ не только сбыточность, но и превосходство подобнаго устройства на опытѣ; во второй же части излагаетъ подробнѣо систему коммунизма съ примѣненіемъ оной ко всѣмъ отраслямъ религіознаго и гражданскаго быта, и съ указаніемъ способовъ къ постепенному приведенію оной въ исполненіе. Въ довершеніе зловредности сего сочиненія, авторъ выдаетъ свое ученіе за продолженіе ученія Христова и первоначальной церкви, отрицаю Божество Спасителя. Полагая излишнимъ приводить отдѣльныя предосудительныя мѣста изъ этой крайне вредной книги, ибо они находятся на каждой страницѣ, г. Цензоръ Дукшинскій представляетъ о безусловномъ запрещеніи оной.—Комитетъ положилъ означенное сочиненіе подвергнуть строгому запрещенію по требованію §§ 3 и 9 Устава о цензурѣ».

Сообщилъ Юліанъ Оксманъ.

Графиня Антонина Блудова.

(Къ характеристику двора 60-хъ г.г. ¹⁾)

Нигдѣ въ Европѣ церковь не играетъ такой жалкой, зависимой роли въ жизни образованнаго общества, какъ въ Россіи. Въ то время, какъ протестантская и католическая церкви, едва терпимыя, порой даже гонимыя, непрестанно вліяютъ на свою паству въ Россіи и безраздѣльно царятъ надъ общественной совѣстю лифляндскихъ, литовскихъ и польскихъ провинцій,—вліательные въ государственномъ и соціальномъ отношеніи общественные классы совершенно не считаются съ той самой «православной церковью», которая постоянно выдвигается въ авангардъ русской государственной политикой и въ честь которой огромная, восточная монархія именуется «святой Русью». Дворянство и бюрократія насыщенно относятся къ низшему причту бѣлага духовенства, что впрочемъ не мѣшаетъ имъ при случаѣ низко кланяться презрѣннымъ попамъ. Руководить духовнымъ полчищемъ монашество, обладающее несмѣтными богатствами и живущее въ своемъ замкнутомъ мірѣ, заглянувъ въ который два-три раза образованный человѣкъ удовлетворяется до конца дней своихъ. Дворъ и все примыкающее къ нему чисто внѣшне соприкасается съ церковью только по случаю большихъ праздниковъ — этимъ и ограничивается ихъ взаимодѣйствіе...

Въ высшемъ обществѣ никогда, ни при какихъ условіяхъ не увидишь служителя греческой церкви; въ случаѣ же необходимости его принимаютъ въ людской или въ кабинетѣ хозяина. Духовная и моральная жизнь, образованіе, развитіе господствующихъ классовъ обычно идутъ совершенно независимо отъ вліянія «православія», полное же нравственное и жизненное убожество церковнаго сообщества, погруженного исключительно въ формалистику, приводить къ тому, что культь не можетъ вліять даже на отдѣльныя личности.

Въ теченіе послѣдняго столѣтія православная церковь трижды

¹⁾ Печатаемая характеристика двора 60-хъ г.г. представляетъ собою главу изъ изданной 2-мъ изд. анонимно въ Лейпцигѣ въ 1874 г. книги: *Aus der Petersburger Gesellschaft*. Авторъ книги, которую часто пользовались русскіе историки, производитъ впечатлѣніе человѣка, хорошо знающаго тѣ круги общества, о которыхъ онъ говоритъ въ своей книгѣ.
Ред.

входила въ моду въ русской исторіи, но каждый разъ на короткое время и для вполнѣ опредѣленныхъ политическихъ цѣлей: во время войны 1812 г., Крымской кампании и, наконецъ, въ дни, послѣдовавшія за польскимъ восстаніемъ 1863 г., избранное общество вдругъ вспоминало свою національность и религию, обязывающія его открыто и дѣятельно исповѣдывать святыни старой православной восточной церкви. Въ 1812 и 1854 г.г. это выразилось въ стремлениі освѣтить противоположность съ западной Европой и ея «языческимъ просвѣщеніемъ» и вдохновить наивно-фанатическая массы на поддержку трона и алтаря... Черезъ 10 лѣтъ въ 1863—64 г.г. пришлось возбуждать русскихъ крестьянъ и поповъ противъ революціонныхъ стремлений польско-католического дворянства Литвы, Малороссіи и Бѣлоруссіи; роль же палача, въ которой выступилъ Муравьевъ противъ католической церкви и ея приверженцевъ, окружалась національнымъ и православнымъ нимбомъ. Сигналъ былъ данъ изъ Москвы, гдѣ партія русскихъ романтиковъ (славяно-филовъ и панславистовъ) громче, чѣмъ когда-либо, провозглашала старое ученіе, что понятія «національный» и «православный» тождественны и должны прославляться вмѣстѣ. Дѣло пошло на ладъ только, когда одна изъ придворныхъ партій взялась за него и постаралась ввести благочестіе въ кругъ признаковъ хорошаго тона.

Нынѣ царствующая императрица¹⁾, несмотря на свое протестантское происхожденіе и воспитаніе (и въ этомъ несомненная съ своей свекровью, дочерью Фридриха Вильгельма III) издавна проявляла извѣстную склонность къ греческой церкви—наследницей престола изъ стремлений къ популярности, послѣ же возрастія мужа на престолъ изъ потребности заполнить все восшествавшую пустоту своей жизни. Эта быстро отцвѣтшая, болѣзnenная и сентиментальная высокопоставленная особа не сумѣла завоевать ничего кроме уваженія и дружбы своего весьма склоннаго къ радостямъ жизни супруга, не сумѣла она и использовать для семьи значительной части царскихъ досуговъ. Нервная слабость и склонность къ легочнымъ заболѣваніямъ недѣлями держали ее в запертіи; уставъ отъ свѣта и его развлечѣній, рано состарившись и разочаровавшись, императрица искала утѣшенія въ иконахъ; ихъ издавна было множество въ ея внутреннихъ покояхъ, гдѣ онѣ усердно обслуживались. Извѣстно, что уже десять лѣтъ ея величество находитъ большое очарованіе въ молитвахъ безсмысленного греческаго ритуала, которымъ царь никогда

¹⁾ Марія Александровна, супруга Александра II. *Прим. переводч.*

не увлекался. Старший же придворный священникъ Базановъ имѣть на свою высокопоставленную духовную дщерь такое вліяніе, какого не было ни у одного изъ его предшественниковъ. Чѣмъ больше развивалось у царя склонностей и привычекъ, совершенно чуждыхъ его супругѣ, тѣмъ быстрѣе и опредѣленій росло вліяніе знакомаго со свѣтомъ фанатичнаго священника, который скоро сталъ завсегдатаемъ во внутреннихъ покояхъ своей государыни и сумѣль еще глубже затянуть ее въ кругъ специфически «православныхъ» взглядовъ и интересовъ. Почва, которую нашелъ г-нъ Базановъ, была уже съ самаго начала достаточно подготовлена, впослѣдствіи же сфера его вліянія значительно расширилась, особенно когда на него возложили серьезную обязанность наставлять въ учениіи греческой церкви и подготовлять къ переходу въ нее невѣсту наследника датскую принцессу Дагмару. Нѣсколько придворныхъ дамъ были издавна извѣстны своимъ религіознымъ усердіемъ и склонностью къ интригамъ противъ католицизма и протестантизма. Упорная оппозиція царицы стремленію възстановить въ 1862 г. прежнія права лютеранской церкви въ Эстляндіи, Курляндіи и Лифляндіи, поддерживалась не однимъ Базановымъ, а и кружкомъ дамъ, во главѣ котораго стояла графиня Антонина Дмитріевна Блудова (comtesse Antoinette), дочь самаго значительного въ умственномъ отношеніи изъ всѣхъ совѣтниковъ, окружавшихъ тронъ императора Николая.

Роль, которую Блудовъ игралъ въ русской государственной жизни въ теченіе сорока лѣтъ, роль, окончившаяся только съ его смертью въ 1864 г., хорошо извѣстна. Графъ Дмитрій (послѣдовательно повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, министръ внутреннихъ дѣлъ, главноуправляющій законодательнымъ отдѣленіемъ собственной его импер. величества канцеляріи, членъ комитета для разсмотрѣнія постановлений и предположеній о крѣпостномъ состояніи, и, наконецъ, предсѣдатель комитета министровъ) первоначально принадлежалъ къ кружку вожаковъ либерализма при Александрѣ I, въ 1825 г. во время декабрьскаго кризиса онъ перешель однако въ лагерь николаевскаго военнаго абсолютизма; своимъ въ высшей степени пристрастнымъ и нашумѣвшимъ доносеніемъ о результатахъ разслѣдованія дѣла заговорщиковъ 1825 года онъ достигъ полнаго довѣрія новаго самодержца, прощенія либеральныхъ грѣховъ молодости и сдѣлался, наконецъ, проводникомъ государственной мудрости, которая господствовала въ Россіи до 1855 г. Въ маленькомъ нервно-подвижномъ старичкѣ съ смѣющимся лицомъ и непрерывно играющими цѣпоч-

кой руками никто бы не призналъ единственного образованнаго и умственно значительного человѣка въ совѣтѣ министровъ самодержца всея Руси; послѣ смерти Канкрина онъ остался тамъ единственнымъ, за исключеніемъ свободомыслящаго, высокообразованнаго ministra государственныхъ имуществъ, графа Павла Киселева, единственнымъ среди довѣренныхъ совѣтниковъ императора Николая, кто могъ вполнѣ разбираться въ обстоятельствахъ «либерального» вѣка, долженствовавшаго, казалось, наступить послѣ освобожденія крестьянъ. (Киселевъ послѣ заключенія Парижскаго мира уѣхалъ посломъ въ Парижъ, гдѣ онъ и умеръ недавно въ весьма преклонномъ возрастѣ¹⁾).

Единственная вышеупомянутая дочь графа незамужняя Антонина вмѣстѣ съ невзрачной, безобразной наружностью унаслѣдовала отъ отца живой, проницательный умъ; маленькая брюнетка прекрасно понимала, что съ ея внѣшностью нечего надѣяться на счастливое замужество и рѣшительно отвергала всѣхъ жениховъ, добивавшихся руки ея въ разсчетѣ на состояніе и вліяніе старого графа. Она вполнѣ удовлетворилась ролью домоправительницы и довѣренной отца своего. Ея тонкій умъ и острый язычокъ были такъ же хорошо известны въ городѣ, какъ и ея фанатическое ханжество и восхищеннѣ идеями московскихъ панславистовъ школы Погодина. Довѣренная подруга графини, бывшая придворная дама императрицы, дѣвица Тютчева была замужемъ за Иваномъ Аксаковымъ, редакторомъ славянофильскаго органа «День»; черезъ несъ графиня была въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Погодинымъ, Катковымъ и другими кориоеми московской народной демократіи. Старый Блудовъ, будучи президентомъ Академіи Наукъ, часто приглашалъ къ себѣ на обѣды ученыхъ сочленовъ этой коллегіи; графиня Антонина неизмѣнно предсѣдательствовала за этими трапезами. И академики вездѣ и всюду трезвонили обѣ любви къ диспутамъ, ловкости, о страстномъ религіозномъ фанатизмѣ дочери своего шефа; она постоянно вызывала нѣмцевъ на диспутъ о провиденціальномъ назначеніи православнаго славянскаго народа и о его грядущемъ міровомъ владычествѣ, или же занималась разсмотрѣніемъ «гнилостности» языческой культуры Запада. Истиннымъ фарватеромъ дѣятельности этой жрицы православія по призванію были интимныя вечернія собранія у ея величества и духовныя бесѣды, на которыхъ предсѣдательствовала достойный Базановъ. Тамъ вмѣстѣ съ Блудовой первенствовала и задавала тонъ императрицына статсъ-дама графиня Протасова (дочь генерала-отъ-кавалеріи

¹⁾ Въ 1872 г. *Приложн. переводч.*

гр. Протасова, бывшаго оберъ-прокурора синода, хорошо извѣстнаго своимъ католико-ненавистничествомъ). Тутъ проводилась теорія необходимости погребть самую польско-католическую сущность *in majorem Russiae gloriam*, не въ видѣ политического закона, а въ видѣ нравственного долга, теорія, ставшая модной съ 1863 г.; здѣсь былъ центръ пропаганды «православія» въ Литвѣ и Бѣлоруссіи; здѣсь былъ центръ, куда собирались деньги, цѣнности, иконы, священныя одежды и церковные сосуды для отправки ихъ грузомъ въ Вильно, Ковно и Варшаву. Московскіе національные пророки пользовались этимъ кружкомъ, чтобы навлечь подозрѣніе па всѣхъ, мужественно сопротивлявшихся практикуемой въ Польшѣ и Литвѣ политикѣ, на всѣхъ, относившихся съ насмѣшкой и презрѣніемъ къ культу Муравьева. Какъ извѣстно, вел. кн. Константинъ и его Adlatus маркизъ Великопольскій въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ постѣ возстанія оставались еще въ Варшавѣ и ревностно стремились къ утвержденію административной самостоятельности королевства въ противовѣсь нападкамъ московскихъ націоналистовъ. За одно съ ними работали ихъ петербургскіе друзья: Валуевъ (мин. внутр. дѣлъ), Головнинъ (мин. народн. просв.), кн. Суворовъ (петербургскій генераль-губернаторъ), кн. Паскевичъ (сынъ бывшаго варшавскаго намѣстника); они неустанно предостерегали отъ политики насилия и считали Муравьевскую систему канибализмомъ. Душой безчисленныхъ интригъ противъ нихъ была гр. Блудова; со временеми кризиса 1863 г. вліяніе ея и Базанова на царицу непрестанно возрастало; фанатизмъ же графини дошелъ къ этому времени до дикости. Когда весной 1865 г. въ Петербургъ прибылъ кровавый виленскій проконсулъ для представленія доклада о результатахъ своей дѣятельности, графиня во главѣ цѣлаго комитета приготовила ему торжественную встречу. Она собрала деньги на драгоцѣнную икону св. Михаила, патрона Муравьева, которую поднесли на вокзалѣ этому «возстановителю православія въ нашихъ западныхъ пограничныхъ владѣніяхъ»,— она плела вѣнки, украшавшіе стулъ, на которомъ несли въ экипажъ полуразбитаго параличомъ старца, она произнесла привѣтственную рѣчь отъ «имени петербургскихъ дамъ», она же заказала стихи, въ которыхъ г-нъ Тютчевъ (внезапно прославившійся, а теперь снова забытый московскій Ювеналъ) воспѣвалъ «великаго миссіонера», и, наконецъ, она же всячески поощряла г. Ламанского пространно вѣщать объ этомъ событии въ патетическихъ статьяхъ, призывающихъ весь міръ къ подражанію. Высший свѣтъ рѣзко раздѣлился тогда на два враждебныхъ лагеря: въ первыхъ рядахъ муравьевскихъ послѣдователей и

послѣдовательницъ стояла Антонина Дмитріевна неутомимо подогрѣвая восторгъ двора къ своему лютому любимцу, «національному герою», во главѣ противной партіи съ своимъ обычнымъ простодушiemъ стоялъ кн. Суворовъ. Когда на званомъ обѣдѣ проповѣдница націонализма предложила петербургскому генералъ-губернатору сдѣлать взносъ на почетный подарокъ Муравьеву, этотъ рыцарь гуманности, гордый своей независимостью и всеобщимъ уваженiemъ, отвѣтилъ ей прямо: «Если вы хотите почтить генерала золотымъ топоромъ, мой кошелекъ къ вашимъ услугамъ, графиня!». Но противники Муравьева скоро убѣдились, что побѣда осталась за графиней—ей удалось провести блестящій пріемъ своего друга при дворѣ.

Весной 1865 г. умеръ наслѣдникъ, вел. кн. Николай, истинная гордость своихъ родителей и надежда Россіи. Императрица, особенно сильно привязанная къ этому сыну, погрузилась еще глубже въ меланхолію и ханжество—число часовъ, которые она проводила передъ иконами подозрительно увеличивалось. Базанову и графинѣ Антонинѣ ужъ не приходилось оказывать давленія, они только все исключительней направляли умъ удрученной женщины на интересы церкви и на задачу, которую послѣдняя должна была выполнить въ католическихъ западныхъ губерніяхъ во славу Бога и для блага Россіи. Императоръ, быстро оправившись, вернулся къ своей обычной жизни и именно поэтому, видаясь съ царицей, ‘онъ не могъ не выслушивать ее и не соглашаться на всѣя планы. Графиня умѣла устроить такъ, чтобы ядовитыя статьи Каткова съ товарищами противъ «европейской» партіи попадались на глаза государю въ минуты слабости; благодаря ея вліянію «Московскія Вѣдомости» безнаказанно бросаются вызовъ министру Валуеву, и осмѣливаются, вопреки прямому предписанію закона, отказаться помѣстить на своихъ столбцахъ сдѣланное имъ предостереженіе; императоръ отмѣняетъ при помощи амнистіи штрафы, наложенные на московскихъ публицистовъ въ 1865 г.; Аксаковскій же «Москвитинъ», ничуть не считаясь съ запретами правительства, гремитъ противъ поляковъ и нѣмцевъ; наконецъ, письма, которыя Аксаковъ заставляетъ писать жену свою (бывшую статѣ-даму) находятъ всегда внимательную читательницу въ лицѣ ея величества,—письма эти полны громкими жалобами на насилия цензуры. Послѣ каракозовскаго покушенія, въ апрѣль 1866 г., графиня значительно содѣствовала тому, чтобы ея другу, прекрасному Муравьеву, поручено было предсѣдательство въ слѣдственной комиссіи, приговорившей покушавшагося къ висѣлицѣ. Когда, вслѣдствіе каракозовскаго выстрѣла, рѣшено было на-

ложить болѣе строгую узду на постановку преподаванія, она же направила натискъ реакціи противъ просвѣтительныхъ тенденцій министра просвѣщенія Головина съ тѣмъ, чтобы замѣнить этого «вольнодумца» дѣльнымъ оберъ-прокуроромъ синода грамомъ Дмитріемъ Толстымъ (зарекомендовавшимъ себя книгою *Le catholicisme en Russie*). Трудно установить съ точностью, на сколько Антонина Дмитріевна приложила тоже руку къ послѣдовавшему черезъ полтора года послѣ этого паденію Валуева. Въ моментъ катастрофы въ городѣ обѣ этомъ всюду разсказывали (зима 1867—68 г.г.), хотя и знали, что главный ударъ противъ вольнодумнаго, образованнаго министра идетъ изъ лагеря наследника, съ которымъ Петръ Александровичъ давнимъ-давно не ладилъ.

Впрочемъ гр. Блудова не ограничилась тѣмъ, что русифицировала при помощи Муравьевъа несчастныя бѣлорусскія и малороссійскія губерніи,—она приняла и непосредственное участіе въ этомъ славномъ дѣлѣ. Лѣтомъ 1867 г., когда система православной пропаганды достигла кульминаціоннаго пункта—графиня съ многочисленной свитой отправилась черезъ Вильну и Варшаву въ Бѣлоруссію, въ свое родовое имѣніе, чтобы участвовать въ закладкѣ и устройствѣ института для молодыхъ дѣвушекъ, цѣлью котораго было «спасать» ихъ отъ католичества и воспитывать въ духѣ національнаго православія. Дневникъ этого «наи-священнѣйшаго времени ея жизни» читался зимой 1867—68 г.г. за вечернимъ чаемъ въ интимнѣйшемъ кружкѣ царицы; государь, въ угоду супругѣ, нѣсколько разъ принималъ участіе въ этихъ чтеніяхъ и, наконецъ, приказалъ отпечатать достойное произведеніе въ императорской придворной типографіи на правахъ рукописи и раздать нѣкоторымъ «избраннымъ» лицамъ. Извѣстно, что Петербургъ самый нескромный городъ Европы, и всякий, кто только соприкасался съ обществомъ, навѣрно, хоть разъ имѣлъ случай познакомиться съ этимъ произведеніемъ, озаглавленнымъ «для немногихъ». Врядъ ли когда-либо попадало въ печать такое изумительное смѣшеніе мистического тумана, и фанатической нетерпимости съ болтовней старой дѣвы, какъ въ этомъ дневникѣ. На польской территоріи сіятельная миссіонерша чувствуетъ себя полубольной вслѣдствіи «западно-европейского воздуха»; въ Бѣлоруссіи экипажъ ея останавливается передъ каждой православной иконой, и графиня молится о спасеніи полукатолической страны. Кучерь, лакеи и горничные, конечно, продѣлываютъ все вмѣстѣ съ ней; въ Литвѣ она посѣщаетъ каждого попа и каждую православную старушку, тогда какъ при одномъ видѣ костела ей приходится осѣнять себя крестнымъ знаменемъ. Нѣкоторые

отрывки особенно упорно высмеивались злымъ свѣтомъ: Польша и Россія, напримѣръ, сравниваются тамъ съ несогласной супружеской парой, которая не хочетъ разводиться «изъ-за дѣтей» (*à cause des enfants*—прежнихъ польскихъ провинцій Литвы и Украины), супруги мирятся въ силу «религіозности» жены (Россіи), обращающей въ концѣ концовъ мужа (Польшу) въ свою вѣру. Большую часть дневника занимаетъ описание дѣятельности основанного графиней православнаго воспитательнаго учрежденія, которое изобилуетъ иконами, но гдѣ временами мучительно чувствуется недостатокъ мысли. «Но—говорится въ утѣшеніе—*нѣтъ ничего пошлѣе, какъ страдать отъ отсутствія роскоши* (*mais il n'y a rien de plus commun, que de ne pouvoit pas se passer du lux*)».

Въ послѣдніе годы теорія обращенія Польши въ православіе, а вмѣстѣ съ ней вліяніе Базанова и Блудовой рѣшительно выдохлись: государь слишкомъ свѣтскій человѣкъ, чтобы одобрять ее, молодой же дворъ высмеиваетъ «брюнетку»; люди, стоявшіе у государственного кормила, слишкомъ запутались съ муравьевской системой и дѣлали только самое необходимое, чтобы распутать разъ взятыя обязательства; статьи Каткова и Аксакова надѣбли—а графъ Шуваловъ очень мало считается съ плутнями этой клики. Въ своей специальной сфере и въ кругахъ, тѣсно соприкасающихся съ императрицей, графиня Антонина все еще играетъ важную роль. Но ея посыпки иконъ и распятій теперь кажется, направляются уже не въ Литву, а, главнымъ образомъ, въ Ригу и Либаву. Совмѣстная дѣятельность Блудовой, Протасовой, Тютчевой и др. является отлакированнымъ снимкомъ національной политики, которая въ большемъ масштабѣ и съ большимъ успѣхомъ инсценировалась покойнымъ оберъ-прокуроромъ гр. Протасовымъ въ 1839—43 г.г., когда рѣчь шла о томъ, чтобы уничтожить греко-уніатскую церковь, вернувъ ее въ лоно православной.

Переводъ *П. Степановой*.

Изъ одного письма имп. Александра II къ королю Вильгельму Прусскому¹⁾.

С.-Петербургъ 23 марта 1861 г.
7апрѣля

Мой дорогой Дядя!

Спасибо за письмо и поздравление по поводу отмѣны крѣпостной зависимости. Мне пришлось преодолѣть большія трудности, я ихъ еще предвижу въ будущемъ, но у меня сознаніе, что я выполнилъ великий долгъ, и я возлагаю все мое упованіе на помощь Божію.

Я полагаю, что мой рескриптъ на имя князя Горчакова²⁾ и Указъ³⁾, который служилъ ему дополненіемъ, успокоить Васъ насчетъ моихъ намѣреній по отношенію къ Царству Польскому. Правительство было вполнѣ вправѣ подавить мятежъ и дать надлежащій отвѣтъ на вызывающее поведеніе⁴⁾. Конечно, быто бы желательно, чтобы оно обнаружило больше твердости при самомъ началѣ, поэтому я совершенно не одобряю его образа

¹⁾ Письмо было опубликовано проф. Шиманомъ въ началѣ войны въ «Zeitsch. fr Osteurop. Gesch.»¹ 1914 Band IV, Heft 4.

²⁾ Михаилъ Дмитріевичъ Г. намѣстникъ Царства Польскаго 1856—1861 гг. Данилъ 25 февраля 1861 г. рескриптъ этотъ по своему характеру является отвѣтомъ А. II на пересланный ему М. Д. Горчаковымъ проектъ реформъ въ Царствѣ Польскомъ, составленный Эпохомъ. Снисходительно «готовый видѣть во всемъ одно лишь увлеченіе» и благожелательно настроенный въ пользу реформъ А. II тѣмъ не менѣе категорически предупреждаетъ въ рескриптѣ, что онъ «не допустить никакого вреднаго направления».

³⁾ Указъ А. II, данный 14/26 марта 1861 г., восстанавливаетъ Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, замѣнивъ прежняго общаго собрания варшавскихъ департаментовъ Правительствующаго Сената, повелѣвъ учредить правительственную комиссию духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и образовать губернскіе, уѣздные и городскіе (въ Варшавѣ и другихъ наиболѣе крупныхъ городахъ) совѣты.

⁴⁾ Безпорядки въ Варшавѣ, о которыхъ говорить А. II, начались манифестацией въ годовщину Гроховской битвы 13—25 февраля 1861 г. Во время послѣдовавшей за ней черезъ два дня демонстраціи ген. Заблоцкій, раздраженный оскорбительными возгласами толпы, приказалъ выстрѣлить въ нее. Нѣсколько человѣкъ оказались убитыми.

дѣйствій, исполненного непростительной слабости¹⁾). Во всякомъ случаѣ я думалъ, что, располагая вполнѣ достаточными силами, я долженъ быть бы быть справедливымъ и могъ бы быть милосерднымъ. Я одобрилъ реформы, которыя считалъ выполнимыми, ихъ я искренне желаю и постараюсь ихъ осуществить. Даже, если принять во вниманіе ихъ послѣдующее развитіе, онѣ намѣчаютъ собой тотъ предѣлъ, до котораго я хочу дойти и этой границы я не перейду. Утвердившись на почвѣ справедливости, я тѣмъ болѣе смогу охранить свои права. Всякіе беспорядки будутъ подавлены съ твердостью.

Въ прошломъ году въ Варшавѣ я старался создать видимость довѣрія между Кабинетами²⁾ съ тѣмъ, чтобы добиться необходимаго соглашенія для поддержанія общаго мира, но ни я ни тѣмъ болѣе мой министръ иностранныхъ дѣлъ³⁾ никогда не заблуждался относительно опасностей, которыми угрожаютъ Европѣ стремленія Запада. Я сожалѣю отакомъ не мною созданномъ положеніи вещей и я приложу свои старанія, лабы обезопасить себя.

Позвольте мнѣ добавить, мой дорогой дядя, съ той откровенностью, къ которой Вы меня пріучили, что въ этомъ смыслѣ направлениѣ Вашего Кабинета по отношенію къ итальянскимъ дѣламъ и именно къ Туринскому двору не таковы, чтобы облегчить задачи консервативныхъ правительствъ.

Что касается отношеній, которыя я разсчитываю установить съ Франціей, то послѣднія совершенно соответствуютъ точкѣ зрѣнія, высказанной въ концѣ Вашего письма. Я только этого и желаю. Я съ удовольствіемъ отмѣтилъ, что Вы воздали мнѣ по справедливости, не придавъ значенія слухамъ о состоявшемся между имп. Наполеономъ и мною секретномъ договорѣ, затрагивающемъ интересы Пруссіи. Я даже не могу понять основанія или повода для возникновенія подобныхъ слуховъ. Тотчасъ же по полученіи Вашего письма я поручилъ князю Горчакову⁴⁾ просить г-на Би-

¹⁾ Похороны убитыхъ участниковъ демонстраціи 15—27. февраля привлекли нѣсколько тысячъ человѣкъ и грозили разрастись въ настоящее восстаніе. Видя возможность мятежа, намѣстникъ совершилъ растеряніе и послѣшилъ войти въ соприкосновеніе съ делегатами отъ польскихъ политическихъ партій. Затѣмъ онъ допустилъ образованіе комиссіи для разслѣдованія репрессивныхъ дѣйствій генераловъ Заболоцкаго и Тренова, а главноѣ вопреки волѣ А. II принялъ и переслалъ послѣднему адресъ группы польскихъ политическихъ дѣятелей съ пожеланіями признанія за поляками ихъ національныхъ правъ.

²⁾ Въ варшавскихъ совѣщаніяхъ, происходившихъ 9—13 октября 1860 г., принимали участіе Александръ II, Францъ-Іосифъ и принцъ-регентъ Вильгельмъ (будущій король Пруссіи и адресантъ этого письма).

³⁾ Въ оригиналѣ слова «ni mon ministre des affaires étrangères» вставлены императоромъ при корректурѣ. Прим. Zeitschrift'a f. osteurop.-Geschichte.

⁴⁾ Ал-дръ Мих. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ 1856—1882 гг.

смарка¹⁾ самыи формальныи образомъ разсѣять предъ Вами это утвержденіе, столь не соотвѣтствующее моимъ политическимъ принципамъ и моему дружескому расположению по отношенію къ Пруссіи, что не безызвѣстно и французскому императору. Во время нашего свиданія въ Штутгартѣ въ 1857 г. я не скрыть отъ него тѣснаго характера отношеній, связывающихъ Россію съ Пруссіей, которыя являются для меня одновременно, какъ семейной традиціей, такъ и государственнымъ интересомъ. Это завѣреніе, повторяемое мною при всякомъ случаѣ и обезпеченнѣе моимъ словомъ, совершенно исключаетъ возможность какой бы то ни было комбинаціи вродѣ той, на которую Вы мнѣ указываете.

Моя жена была тронута Вашей доброй памятью. Не откажите передать мой привѣтъ Августѣ и считать меня всегда, мой дорогой дядя, Вашимъ вполнѣ преданнымъ племянникомъ.

(Подписано) Александръ.

Перевелъ М. А. Ходловкинъ.

¹⁾ Бисмаркъ быть прусскимъ посланикомъ въ Петербургъ 1859—1862 гг.

Александръ III¹⁾.

Несомнѣнно, что въ массѣ представителей правящихъ сферъ найдутся люди вполнѣ искренніе, глубоко убѣжденные въ правильности пріемовъ, которыми они желаютъ укрѣпить пошатнувшіеся устои народной жизни. Несомнѣнно также, что наряду съ ними стоять толпа безчестныхъ хищниковъ. Между этими искренними, но недалекими людьми и безчестной, жадной кликой стоять человѣкъ, котораго нельзя отнести всѣцѣю ни къ той, ни къ другой категоріи. Это царь Александръ III, обреченный судьбой играть на исторической сценѣ роль, къ которой онъ совершенно непригоденъ.

Странная, роковая иронія судьбы—посыпать народамъ такихъ людей именно въ такие моменты ихъ жизни, когда сложность положенія требуетъ высшаго напряженія ума и воли, къ какимъ только можетъ быть способенъ человѣкъ. Вспомнимъ печальную и отталкивающую личность Якова II, съ которымъ царь имѣеть столько общаго по своей ненависти къ иновѣрцамъ, склонности къ романтизму и беспредѣльной вѣрѣ въ свое избраніе свыше. Вспомнимъ Людовика XVI, этотъ образецъ семейныхъ добродѣтелей, идеалъ мирнаго буржуа. Съ нимъ сходство царя еще больше и можетъ быть проведено до мелочей. Каждое столѣтіе отмѣчено такимъ печальнымъ героемъ, все несчастіе котораго заключается въ томъ, что онъ является владыкой, а не подданнѣмъ. И Александръ III при всей ненависти, которую мы чувствуемъ къ нему, какъ къ царю, винуаетъ намъ жалость, какъ человѣкъ.

Что же такое онъ, неограниченный властелинъ 120 миллионовъ, человѣкъ съ грубымъ, но добродушнымъ лицомъ, на которомъ лежитъ постоянно отпечатокъ меланхоліи и глубоко затаеннаго страха? Сколько разъ намъ приходилось наблюдать его, когда онъ ёдетъ по Невскому, развалившись въ коляскѣ, которую почти

1) Очеркъ этотъ принадлежитъ перу извѣстнаго англійскаго корреспондента Диллона. На русскомъ языке онъ былъ изданъ въ 1893 г. въ Парижѣ группой пародовольцевъ.

наполняетъ своимъ грузнымъ тѣломъ, такъ что его маленькая жена едва умѣщается съ краю,—или на парадѣ, когда громадная лошадь еще выдергиваетъ его тяжесть; одно выраженіе лица останавливаетъ ваше вниманіе: тупое, равнодушное и печальное. Даже когда онъ раскланивается съ народомъ или отвѣчаетъ на привѣтствія войскъ, это выраженіе остается неизмѣннымъ. Что-то сонное и усталое, какъ будто этого гиганта только что подняли съ постели, и онъ не успѣлъ протереть себѣ глаза. Таково виѣшнее впечатлѣніе, которому вполнѣ отвѣчаетъ и духовный обликъ этого человѣка.

Сдѣлавшись наслѣдникомъ престола лишь на 21-мъ году, Александръ Александровичъ былъ такъ же мало подготовленъ къ обязанностямъ монарха, какъ любой изъ посѣтителей машека. До коронаціи это сознаніе своей ограниченности было мѣтко и полно. Себя онъ называлъ «исправнымъ полковымъ командиромъ». Въ смерти старшаго брата онъ увидѣлъ проявленіе особой заботливости провидѣнія о его судьбѣ и, преклоняясь передъ неисповѣдимымъ рѣшеніемъ, которое такъ просто сдѣлало его главою обширнаго государства, онъ безъ колебаній покончилъ со всѣми сомнѣніями относительно путей и способовъ управления. Неограниченная власть, ниспосланная свыше, таково средство, которое одно только поможетъ ему справиться съ этой нераѣшеннай задачей.

Царь, по сложенію, настоящій мясникъ, силенъ и мускулистъ чрезмѣрно. Въ молодости онъ сгибалъ подковы и высаживалъ плечемъ двери. Фигура его громадна и неповоротлива, движенія неловки, что обусловливается отчасти его почти болѣзненной застѣнчивостью. Его манеры не поддались никакой исправкѣ, и онъ совершенно лишенъ той непринужденности въ обращеніи, которая является отличительной чертой свѣтскаго человѣка. Держитъ онъ себя холодно, говорить отрывисто и такъ же склоненъ сказать грубость, какъ и оказать внезапную милость изъ дружескаго расположения къ собесѣднику. Всѣ силы его существа словно отхлынули отъ центра къ периферіи, для большаго развитія костей и мускуловъ, слѣдствіемъ чего явилось отсутствіе внутренняго жара и интеллектуальности.

Нравственный обликъ Александра III также не сложенъ. Добропѣтели его по большей части отрицательного свойства. Въ немъ нѣть ни пылкихъ страстей, ни закоренѣлыхъ пороковъ, ни благородныхъ увлечений. Онъ обыкновенно спокоенъ, подчасъ онъ напоминаетъ просто будиста. Его нельзя обвинять въ жестокости, скорѣе въ «невѣдѣніи того, что творить». Но если онъ и не жестокъ, то нельзя заподозрить въ немъ также излишней

доброты. Въ молодости онъ, по отзывамъ сверстниковъ, былъ, что называется, «добрый малый». Съ годами однако въ немъ начала проявляться все сильнѣе и сильнѣе рѣзкая грубость, переходящая по временамъ въ безпричинную ярость, когда царь напоминаетъ взбѣшенного быка. Тогда онъ способенъ издать самый жестокій приказъ.

Александръ Александровичъ готовился къ военной карьерѣ. Исторія его юности та же, что и большинства великихъ князей: утомительные военные парады, лошадиный спортъ, рауты и тѣ, допускаемыя фешенебельностью, продѣлки, которая принято называть «шалостями молодости». Юный князь не стремится прослыть за святого, но слѣдствія темперамента иногда похожи на добродѣтели. Будучи отъ природы нрава меланхолического и холоднаго, онъ въ любви не проявляетъ никогда страстнаго характера и не имѣтъ, подобно своимъ братьямъ, постоянныхъ вкусовъ.

Когда профессору Соловьеву и Побѣдоносцеву было поручено образованіе его старшаго брата, ему дозволилось по желанію принимать столько умственной пищи, сколько онъ можетъ переварить. И онъ воспользовался этимъ позволенiemъ весьма широко, мало почерпнувъ изъ того, что ему предлагалось учителями. Съ дѣтскихъ дней царь питаетъ къ наукѣ что-то вродѣ суевѣрнаго страха и изгнать бы ее изъ предѣловъ своего царства, если бы могъ. Для характеристики его взглядовъ на образованіе можетъ служить слѣдующая собственноручная надпись, сдѣланная имъ на докладѣ тобольскаго губернатора, въ которомъ тотъ упоминаетъ съ сожалѣніемъ о маломъ распространеніи грамотности среди населенія губерніи: «и слава Богу».

Участъ всѣхъ стоящихъ на виду людей—получать прозвища—не минула и Александра III. Съ дѣтства за него утвердилось прозвище «мопса», весьма гармонирующее съ его свирѣпо-добродушной физіономіей. Иногда оно чередуется съ другимъ хотя и не столь популярнымъ. Массивное тѣлосложеніе, медленныя движения, огромная сила, походка бокомъ, закинутая назадъ голова и бычачье потряхиваніе ею, взглядъ исподлобья—все это вызвало ласкательную кличку «бычка», съ которой обращался къ нему отецъ, и которую народъ, по воспоминію на престолъ, передѣлалъ въ «быка».

Современную исторію великой князь изучалъ въ самомъ либеральномъ изданіи—въ нѣкогда знаменитомъ «Голосѣ», и какъ это ни странно кажется теперь, Александръ III придерживался въ то время многихъ изъ взглядовъ этой газеты. Подъ вліяніемъ послѣдующихъ событий въ немъ произошла глубокая перемѣна.

которую окончательно укрѣпили Побѣдоносцевъ и Толстой. Синодъ и духовенство также отвѣтственны въ религіознѣй манифеста, но не слѣдует забывать, что они только угодливо расчищаютъ путь, на который влечеть его врожденная склонность къ мистицизму и ко всему чудесному.

Ежедневныя привычки царя мало свойственны свѣтскому человѣку, развлечения его болѣе подходящи узнику, чѣмъ властелину. Живеть почти постоянно въ Гатчинѣ, встаетъ онъ въ 7 ч. утра, дѣлаетъ прогулку въ неинтересномъ, строго охраняемомъ паркѣ, возвращается къ раннему завтраку и занимается разнымъ ручнымъ трудомъ, въ видѣ подготовки къ офиціальнымъ занятіямъ дня. Послѣднія состоять большою частью въ чтеніи и подписываніи огромныхъ кипъ приказовъ, указовъ, законовъ и рапортовъ. На поляхъ этихъ документовъ онъ пишетъ свои решения или впечатлѣнія съ откровенностью, доходящей иногда до цинизма. Тѣ, кто утверждаетъ, что онъ решительно ничего не знаетъ о жестокихъ мѣрахъ и эзекуціяхъ, учиняемыхъ отъ его имени, глубоко заблуждается. Но природѣ, какъ мы сказали выше, царь не жестокъ, но у него сложились извѣстныя убѣждѣнія, которымъ онъ свято стѣduется. Онъ, напримѣръ, всей душой признаетъ спасительный страхъ физической боли и отстаиваетъ розги въ здѣ, где можно. Такъ что страстно защищаемое «Гражданиномъ» мнѣніе имѣть не только личную кн. Мещерского, но и «государственную подкладку». Какъ будетъ видно ниже, инициатива многихъ жестокихъ дѣлъ исходить отъ царя, который считаетъ долгомъ подавлять порывы добродушия, памятую завѣтъ Домостроя, что «аше желаши сыну добра, сокруши ему ребра». И онъ сокрушаетъ ребра всѣмъ, кого считаетъ враждебнымъ началамъ единодержавія и православія. Думать, что стоить только довести до свѣдѣнія царя о послѣдствіяхъ, какія имѣли его жестокіе законы, и онъ ихъ отмѣнитъ—столь же наивно, какъ благодушно мечтать, что неграмотному крестьянину стоить лишь надѣть очки, чтобы онъ сталъ читать.

Замѣчанія, которыя царь пишетъ на поляхъ документовъ, болѣе его характеризуютъ, чѣмъ его отрывочные бесѣды съ министрами и придворными. Онъ записываетъ мысли, вызванные прочитаннымъ, сохраняя тѣ живописныя выраженія, въ какія онѣ вышли, мысли не всегда вѣрныя, а выраженія не очень уточненные. Чаще другихъ встрѣчаются: «экое стадо свиней» или «экая скотина!» Отчеты о пожарахъ, неурожаяхъ, голодѣ или другой какой невзгодѣ постоянно помѣчены стереотипнымъ словомъ, «неутѣшительно». Что бы ни случилось у него быть другого отвѣта, и если бы въ одинъ изъ тѣхъ роковыхъ момен-

тювъ, когда рѣшаются судьбы народовъ, невидимая рука начертала на стѣнахъ дворца «мани, факель, фаресь» — царь пре-хладнокровно подпись бы: «неутѣшительно». Его взглядъ на утѣшительное и неутѣшительное весьма оригиналъ, какъ видно изъ его рѣчей, сказанныхъ во время празднованія десятилѣтія коронаціи. Свое царствованіе онъ всенародно призналъ «благополучнымъ», несмотря на упадокъ народнаго хозяйства, на рядъ неурожаевъ и холеру и въ наивности души своей обѣщать и впредь такое же благополучіе. Право, при видѣ такой ничѣмъ неприкрытої ограниченностіи, является невольно вопросъ, можно ли предъявлять какія-либо требованія этому огромному, глупому ребенку?

Еще не прошло двухъ лѣтъ, какъ онъ написалъ слѣдующій нелестный отзывъ на поляхъ документа, составленного въ государственномъ совѣтѣ: «они думаютъ надуть меня, но это имъ не удастся». Члены совѣта обидѣлись и грозили прекратить засѣданія, если слова эти не будутъ вычеркнуты. Предложили бывшему тогда предѣдателемъ Михаилу доложить обстоятельства дѣла царю, но онъ не рѣшился взять на себя столь щекотливое порученіе. Тогда государ. секр. Половцевъ взялъ на себя объясненіе съ царемъ.—«Ну чего же они хотятъ?»—спросилъ тотъ.—«Чтобы ваше величество всемилостивѣйше соизволили приказать не покрывать этихъ словъ лакомъ, лабы на ихъ долю не выпала завидная участъ безсмертія».—«Какой вздоръ, пусть ихъ просто вычеркнутъ».

Завтракъ подается въ часъ и состоитъ изъ трехъ перемѣнъ. Послѣ него царь отдыхаетъ въ паркѣ, гуляетъ или работаетъ, разговариваетъ съ членами своего семейства, ген. Рихтеромъ, Черевиномъ и съ адъютантами. Въ это время онъ читаетъ газеты: «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости» (на «Новое Время», подносимое ему ежедневно на особой бумагѣ, онъ рѣдко удостаиваетъ бросить взглядъ), и слушаетъ чтеніе конспекта новостей за послѣдніе дни, состоящаго изъ выписокъ изъ русскихъ и иностраннныхъ газетъ. Кромѣ этихъ выписокъ и одной иностранной газеты, изъ своихъ домашнихъ новостей царь съ удовольствиемъ слушаетъ разныя великосвѣтскія сплетни, и ни одинъ изъ приближенныхъ не обладаетъ въ такой степени талантомъ приправлять ихъ сальными анекдотами и безпощадными, циничными намеками и недомолвками, какъ ген. Черевинъ, известный всей столицѣ, какъ царскій шутъ.

Послѣ отдыха царь принимаетъ доклады министровъ, обсуждаетъ предложенные ему дѣла, читаетъ указы, подписывая одни и откладывая другіе. Въ 8 ч. подается семейный обѣдъ.

изъ 4-хъ блюдъ. Послѣ обѣда царь пьетъ чай въ частныхъ апартаментахъ царицы, куда неизмѣнно является въ бумажной блузѣ, подшитой кожанымъ ремнемъ.

Царь находитъ огромное удовольствіе въ физическомъ труде, составляющемъ для него столько же необходимость, сколько и развлеченіе.

Всѣ туки, тяготѣющія надъ домомъ Романовыхъ, какъ будто сошлись и сгостились надъ Зимнимъ дворцомъ, къ которому царь чувствуетъ суевѣрное отвращеніе: онъ никогда не ночуетъ тамъ. Даже въ Аничковомъ дворцѣ ему не по себѣ, такъ какъ весь порядокъ его жизни нарушенъ балами, прѣемами, посѣщеніемъ различныхъ учрежденій и другими несвойственными ему занятіями. Онъ никогда не обѣдаетъ въ городѣ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда пріемъ иностраннѣхъ принцевъ или дипломатовъ вмѣниетъ ему это въ обязанность. Въ половинѣ второго онъ завтраиваетъ четырьмя блюпами вмѣсто трехъ, а въ семь часовъ принимаетъ участіе въ ходїдной закускѣ, послѣ чего обыкновенно бываетъ въ театрѣ, являющемся единственнымъ возмѣщеніемъ за испрѣятности, которыя ему приходится претерпѣвать въ городѣ. Онъ рѣдко упускаетъ случай посѣтить одинъ изъ императорскихъ театровъ и цѣнить хорошую игру. Больше всего онъ любить оперу. Послѣ театра онъ никогда не принимаетъ участія въ закускѣ, которая подается прочимъ членамъ семейства, но немедленно ложится спать.

Задачу для физического труда гораздо удобнѣе найти въ городѣ, нежели въ деревнѣ, и иногда царь прибѣгаєтъ къ курьезнымъ занятіямъ. Напримѣръ, три года тому назадъ онъ рѣшился принять личное участіе въ уборкѣ комнатъ Аничкова дворца на зиму. До этого развѣшивать картины поручалось обойщику, которому платили по семи рублей за картину. На этотъ же разъ царь къ своему удовольствію и къ удивленію домашнихъ развѣспилъ самъ. Когда работа была окончена, царь сказалъ съ улыбкой: «вотъ первыя деньги, которыя я заработалъ». Если бы онъ узналъ правду, то подивился бы, какъ невеликъ былъ этотъ заработокъ за вычетомъ всѣхъ накладныхъ расходовъ, поступающихъ въ бездонные карманы дворцоваго управления. Кстати о послѣднемъ. Для иллюстраціи дворцовыхъ расходовъ; нельзя не привести слѣдующей записи по конюшнѣ: «на подмазку хвостовъ для парскихъ лошадей—30.000 р.».

Несмотря на всѣ перечисленные многотрудныя занятія, у царя остается все-таки много свободного времени, которое онъ не знаетъ, куда дѣвать. Окруженный толпой беззастѣнчивыхъ листецовъ и тѣснѣмъ кругомъ семьи, царь не имѣть друзей.

Онъ подозрителенъ и недовѣрчивъ и не безъ основанія, конечно, склоненъ въ угодливой преданности своихъ избранныхъ людей видѣть скорѣе расчетъ, чѣмъ искренность. На опытъ онъ убѣдился, какую цѣну имѣютъ самыя торжественные увѣренія тѣхъ изъ его совѣтниковъ, которымъ онъ довѣрилъ болѣе всего. Такъ было въ исторіи съ Катковымъ, котораго онъ упрекалъ за то, что тотъ «за тридцать сребрениковъ продалъ его жидамъ». Такъ было съ гр. Д. А. Толстымъ, кн. Барятинскимъ, Вынеградскимъ—всѣ они обманули его довѣріе, и горечь разочарованія, усиливъ природную мнительность, прибавила къ его отъ природы не особенно великодушному характеру черты мистичности и злопамятности. Даже его братья и другіе родственники держатся въ сторонѣ, опасаясь сдѣлать промахъ, какою-либо неловкостью возбудить недовѣріе.

Такимъ образомъ, атмосфера людской симпатіи отсутствуетъ во дворцѣ, даже въ самомъ интимномъ кружкѣ царя. Вокругъ него хуже, чѣмъ пустота, это скорѣе сгустившаяся до невѣроятной степени атмосфера взаимной подозрительности, недовѣрія и страха, въ которой царь боится всѣхъ, и всѣ боятся его.

Погруженный въ эту атмосферу, царь падаетъ духомъ и въ тоскѣ тщетно ищетъ утѣшенія въ родной семье. Жена его, въ молодости легкомысленное, живое созданіе, до страсти увлекавшееся танцами, подъ старость впала въ ханжество; старшій сынъ—эпилептикъ отъ рожденія, прия въ возрастъ, сталь до неприличія увлекаться женщинами и, по словамъ придворныхъ, не даетъ проходу ни одной фрейлинѣ, чѣмъ часто возбуждаетъ гнѣвъ своего отца; старшая дочь болѣзnenна и некрасива, и сознаніе своего безобразія дѣлаетъ ее злой, нервной и невыносимой въ обращеніи; средній сынъ Георгій боленъ неизлечимой болѣзнью. Такимъ образомъ, никогда еще, по общимъ отзывамъ, не царила во дворцѣ такая мрачная, удручающая атмосфера, какъ теперь.

Умственныя занятія царя дають не столь утомительны, какъ его физическіе труды. Чтеніе двухъ упомянутыхъ выше газетъ и двухъ историческихъ обозрѣній (*«Русская Старина»* и *«Русский Архивъ»*); онъ читаетъ русскіе и иностранные романы. Изъ русскихъ романистовъ онъ предпочитаетъ Л. Толстого, хотя мало довѣряетъ ему, какъ мыслителю. Музыка дѣйствуетъ на царя успокающе. Самъ онъ играетъ на тромбонѣ съ такимъ успѣхомъ, какъ любой музыкантъ изъ военного хора, и по временамъ устраиваетъ квартеты во дворцѣ, въ которыхъ принимаетъ живое участіе. Художественное его пониманіе не особенно развито, но онъ знаетъ толкъ въ картинахъ.

Царь по натурѣ не изъ храбрыхъ, что обнаружилось еще во время русско-турецкой войны. Послѣдующія событія, въ особенности смерть его отца, еще усилили въ немъ природную трусость. Всѣмъ извѣстно, какъ первое время по вступленіи на престолъ онъ не выходилъ изъ заднихъ комнатъ Гатчины, опасаясь даже караульныхъ офицеровъ. Вногодѣствіи впечатлѣніе страха нѣсколько сгладилося, хотя и теперь никуда не выѣзжаетъ безъ тысячи предосторожностей. Такъ, въ Петербургѣ по улицамъ, гдѣ онъ проѣзжаетъ, разсыпаны шпіоны, изображающіе «народъ». Если онъ ѳдетъ вечеромъ, закрываютъ проѣздъ по этимъ улицамъ. По желѣзной дорогѣ онъ ѳдетъ еще съ большими предосторожностями. Для охраны линіи производятъ настоящую мобилизацію войскъ, сгоняя цѣлые корпуса, какъ напримѣръ, во время послѣдней поѣздки. Онъ ѳдетъ совсѣмъ особенно. Пускаютъ три поѣзда, совершенно одинаково составленные, идущіе черезъ четверть часа каждый, такъ что неизвѣстно, въ которомъ изъ нихъ находится «самъ». Онъ отмѣнилъ знаменитый майскій парадъ, опасаясь такой массы войскъ. Онъ боится встрѣти съ каждымъ, лично ему незнакомымъ человѣкомъ, и въ Гатчинѣ приняты всѣ мѣры, чтобы царю не попадался на глаза во время прогулки незнакомецъ. Онъ избѣгаетъ всякихъ празднествъ, офиціальныхъ собраний, не только изъ склонности къ домашней жизни, но и изъ страха, потому что въ массѣ людей чувствуетъ себя небезопасно.

Уваженіе къ своему слову, будь то обѣщаніе, угроза или вообще мнѣніе, составляетъ добродѣтель и въ то же время недостатокъ царя. Всѣдѣствіе ошибки, или внушенія, онъ составляетъ себѣ убѣжденіе, не имѣющее достаточнаго основанія, котораго уже ничѣмъ нельзя поколебать ни логикой, ни краснорѣчіемъ. Рѣзкость рѣчи кажется натуральной такому человѣку, какъ Александръ III, и онъ имѣть непріятную манеру не стѣсняться въ выраженіяхъ, причемъ искренно убѣждень, что говорить горькую, но несомнѣнную правду. Горечь же эта является результатомъ наговоровъ приближенныхъ. У него нѣть и тѣни тонкой ироніи, онъ не понимаетъ простой, веселой шутки и отказывается поддерживать ее. Ему доступны лишь остроты генерала Черевина, остроты такого sorta, что, по словамъ адъютантовъ царя, отъ нихъ покраснѣли бы даже жители острововъ Фиджи. Царь не любить стѣснять себя и не откладывать въ долгій ящикъ выраженіе своего неудовольствія. Не будучи въ состояніи уколоть обидчика булавкою, онъ, не задумываясь, пускаетъ въ ходъ дубину.

Какъ же отражается личность царя на текущей жизни? Прежде

всего вліяніе его сказывается въ выборѣ министровъ и ближайшихъ совѣтниковъ. Даже его апологисты признаютъ, что этотъ выборъ поразителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ своего царствованія онъ еще ни разу не остановился на личности, репутація которой, какъ человѣка и государственаго дѣятеля, была бы не замарана. Начиная съ графа Игнатьева и до Витте включительно, всѣ его министры были изъ лицъ съ неограниченнымъ аппетитомъ. Вслѣдствіе этого никогда еще не было такой продажности въ средѣ русской администраціи, какъ теперь. Царь словно задался цѣлью сгруппировать около себя все, что есть худшаго въ Россіи. Объясняется это его неумѣніемъ понимать людей и предвзятыми взглядами, которыми онъ руководствуется при назначеніи. Для него не существуетъ просто людей, а «жиды» и «не жиды», «либералы», «нигилисты», «добрѣе патріоты», «православные», «иновѣрцы». Онъ до крайности нетерпимъ, и инициативы всѣхъ религіозныхъ гоненій исходятъ отъ него. Годъ тому назадъ на постъ директора одного департамента въ министерствѣ юстиціи былъ назначенъ Х., человѣкъ семитическаго происхожденія. Онъ долженъ былъ представляться царю, но его выдающейся носъ и другія еврейскія черты вызвали такое рѣзкое отношеніе къ нему царя, что несчастный чиновникъ совершенно растерялся. Вскорѣ затѣмъ царь, обращаясь къ министру, замѣтилъ: «этотъ Х.—паршивый жидъ!»—«Съ позволенія вашего величества, онъ православный христіанинъ».—«По народности онъ жидъ, и слѣдовательно это все равно, а я строго воздерживаюсь назначать жидовъ на подобные посты», возразилъ царь рѣзко и такимъ тономъ, который далъ понять министру, что онъ сдѣлалъ сильный промахъ этимъ назначеніемъ. Царь такъ же нетерпимъ къ штундистамъ и католикамъ. Въ арміи, какъ извѣстно, служило и служить много офицеровъ католиковъ, которыхъ царь не терпитъ и всячески утѣсняетъ. По его распоряженію, они могутъ быть только подчиненными, но не командирами отдѣльныхъ частей. Если, что случается рѣдко, по выслугѣ чиновъ и особой милости непосредственнаго начальства, офицеръ католикъ опредѣляется на постъ такого начальника, то стараются, чтобы царь этого не зналъ. Закрытіе костеловъ въ Польшѣ и варварское приведеніе униатовъ въ лоно православія исходить непосредственно отъ царя, который видѣть свою миссію въ истребленіи всѣхъ не-православныхъ. Нѣтъ такой мѣры противъ штундистовъ, которой бы онъ не одобрилъ, и нынѣшній московскій митрополитъ Леонтій пользуется его особымъ благоволеніемъ за ту свирѣпость, съ которой онъ преслѣдовалъ штундистовъ, будучи одесскимъ архіереемъ.

Жестокія гоненія противъ евреевъ и прочихъ иновѣрцевъ возбуждають упреки даже въ средѣ наиболѣе близкихъ царю лицъ. Его пробовали уговорить, убѣждали и доказывали, что слѣдуетъ быть мягче и терпимѣе, почти всѣ министры. Но всякое противодѣйствіе вызываетъ въ царѣ жестокій гнѣвъ и неудовольствіе. Датская королева пыталаась неоднократно повліять на него, но и ся усилия были тщетны. Однажды, когда она и ся мужъ употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить его, царь отвѣтилъ: «я, природный русскій, въ высшей степени трудной находкѣ задачу управлять моимъ народомъ изъ Гатчины, которая, какъ вамъ извѣстно, находится въ Россіи, а вы, иностранцы, воображаете, что можете успѣшно управлять изъ Копенгагена».

Ненависть царя къ евреямъ, кромѣ убѣжденія, что все неправославное подлежитъ генѣ огненной, имѣеть еще специфическую причину. Его убѣдили, что ряды русскихъ революціонеровъ пополнялись и пополняются преимущественно евреями, что самая идея революціи внушена русскому обществу евреями. Вотъ почему онъ такъ безпощаденъ къ нимъ. Рабская толпа сановниковъ съ Нобѣдоносцевымъ во главѣ эксплуатируетъ эту ненависть въ своихъ цѣляхъ и еще болѣе раздуваетъ ее.

Въ правленіи царь стремится всегда быть единодерикавнымъ и ограничиваетъ дѣятельность министровъ. Онъ прежде всего самодержецъ, его власть отъ Бэга,—онъ вѣрить въ это и считать себя непогрѣшимымъ. Этотъ тупой и ограниченный умъ, разъ увѣровавъ въ божественное начало, руководящее имъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, огражденъ непроницаемымъ щитомъ отъ всякаго посвѣтительства логики. Каждое его дѣйствіе есть проявленіе божества, каждое противодѣйствіе его волѣ—слушаніе божеству, грѣхъ, которому нѣть прощенія. Эта вѣра въ свою божественность и непогрѣшимость доходитъ въ царѣ до смѣшного. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ онъ повелѣлъ министру финансовъ Бунге редактировать указъ, чтобы отыскать бумажный рубль быть равнозначенъ золотому. Бунге возразилъ, что это невозможно. «Невозможно, но я требую этого и готовъ нести всѣ послѣдствія указа»,—отвѣтилъ царь. Бунге пустился въ объясненія, пересыпанная техническими терминами, взбѣшившими царя до того, что онъ воскликнулъ: «Пошлите мнѣ человѣка, который говорить бы по-русски!». Въ другой разъ, когда мѣра, предложенная царемъ, вызвала замѣчаніе министра финансовъ, что она понизитъ курсъ рубля, царь отвѣтилъ: «Я не биржевой маклеръ, меркантильная соображенія мнѣ безразличны!» Въ тысячу случаевъ проявляется въ царѣ эта манія самодержавія. Въ 88 г. онъѣхалъ изъ Батума на паровомъ суднѣ, подъ командою капитана

тана Радкова, котораго онъ разспрашивалъ о состояніи судна. «А теперь я желаю быть на мѣстѣ во столько-то часовъ,—заявилъ царь, тономъ, не допускающимъ возраженія—переведите это на пары».—«Если бы судно было послушно такъ же, какъ я, в—у в—ву»—отвѣтилъ капитанъ,—«то не было бы никакого затрудненія, но дѣло въ томъ, что котлы...» На этомъ мѣстѣ царь круто повернулся на каблукахъ.

Іго самодержавность сказывается въ томъ презрѣніи, съ какимъ онъ относится къ государственному совѣту, потерявшему теперь даже тѣнь значенія. Она сказывается также въ презрѣніи царя къ такъ наз. самоуправленію, къ суду присяжныхъ, словомъ, ко всему, что является, хотя бы и слабымъ, ограниченіемъ единовластия. Вотъ почему царь ненавидитъ иностранную политику. Хотя и смутно, но онъ сознаетъ, что его божественная велѣнія, непрекаемыя для Россіи, встрѣчаютъ критику и неповиновеніе за ея предѣлами. Франко-руссій союзъ, о которомъ столько кричать французскіе и русскіе шовинисты,—больное мѣсто царя. Онъ, самодержецъ «милостію Божію», вынужденъ протянуть руку народу, изгнавшему у себя это «милостію Божію!» Только жестокая необходимость могла заставить его допустить этотъ союзъ, и при первомъ удобномъ случаѣ онъ порветъ его. Царь допустилъ союзъ съ Франціей подъ давленіемъ непреодолимаго страха войны. Онъ боится ея, какъ человѣкъ по природѣ трусливый и какъ человѣкъ нерѣшительный, зная по опыту, какъ возможны на войнѣ всякия случайности. Кромѣ того, онъ недовѣрчивъ и подозрительно относится къ своимъ генераламъ. Самыхъ опытныхъ и талантливыхъ онъ держитъ въ отдаленіи и довѣряетъ Ванновскому, убѣдившись въ его ограниченности. Ничѣмъ нельзя напугать такъ царя, какъ бомбой, при одномъ воспоминаніи о которой онъ впадаетъ въ изнеможеніе, и военнымъ заговоромъ. Послѣдняго онъ, пожалуй, боится больше, чѣмъ первой, и сторонится отъ гвардіи.

Нельзя, однако, быть увѣреннымъ, что онъ не начнетъ войны. Божественные «гласы» и «видѣнія» могутъ его подвинуть въ моментъ самый подходящій, и онъ обнажить мечъ по мотивамъ менѣе всего вѣроятныхъ. Трудность постичь мотивы дѣйствій царя и дѣлаетъ его страшнымъ и неизвѣстнымъ для его враговъ на международной политической аренѣ, но и друзья относятся къ нему недовѣрчиво и съ опасеніемъ.

Въ заключеніе не можемъ не привести анекдота, очень популярнаго въ Петербургѣ, рисующаго отношеніе къ царю петербургскихъ обывателей. На посту возлѣ Аничкова дворца стоитъ городовой. Мимо проходитъ двое интеллигентныхъ по виду гос-

иодъ. Одинъ, продолжая начатый разговоръ, замѣчаетъ другому: «Увѣряю тебя, что это такъ. Ты знаешь, что онъ трусь и глупъ...»— «Позвольте, господинъ!», вмѣшивается городовой, «пожалуйте въ участокъ».—«Въ участокъ? Да ты съ ума сошелъ, что ли?». удивляется прохожій.—«Знаемъ мы, знаемъ, кто это трусь и глупъ... Пожалуйте въ участокъ, тамъ разберутъ!»

Таковъ этотъ царь, пугало для западной Европы, гдѣ политическая карикатура иначе не изображаетъ его, какъ въ образѣ медведя съ короной на головѣ,—человѣкъ, не внушающій ни любви, ни уваженія, тупой и ограниченный умъ, которому, по злой ироніи судьбы, ввѣрена участь громаднаго государства.

Черевинъ и Александръ III¹⁾.

Профессоръ московскаго университета, геніальный физикъ Н. Н. Лебедевъ не имѣлъ, какъ известно, русскихъ ученыхъ степеней. Высшимъ образованіемъ онъ обязанъ Страсбургскому университету, отъ котораго и получилъ степень доктора философіи. Въ страсбургскіе годы свои молодой ученый близко познакомился съ пресловутымъ генераль-адъютантомъ и личнымъ другомъ Александра III Петромъ Антоновичемъ Черевинымъ, который тогда гостили въ Страсбургѣ у сестры своей, бывшей замужемъ за однимъ изъ профессоровъ университета. По разсказамъ Лебедева, положеніе свитскаго генерала, главнаго столпа русской реакціи, брошенного родственными чувствами въ ученую профессорскую среду, конечно, сплошь передовую по политическимъ взглядамъ,—было и смѣшно, и жалко; Лебедева, уже смолоду охотника изучать разнороднѣйшихъ людей, большого мастера приручать ихъ, скучающій Черевинъ возлюбилъ и бесѣдовалъ съ нимъ много и откровенно. Бесѣды эти были очень любопытны. Пишущему эти строки кое-что изъ нихъ было сообщено Лебедевымъ тогда же, непосредственно, въ половинѣ 90-хъ годовъ. По словамъ Лебедева, Черевинъ былъ очень смышленый, остроумный и, въ домашнемъ обиходѣ, даже добродушный человѣкъ, но совершенный политическій дикарь и глубокій невѣжда: типъ денщика въ генеральскомъ мундирѣ. Александра III онъ боготворилъ и готовъ былъ говорить о немъ цѣлыми днями. Мировоззрѣніе Черевина Лебедевъ опредѣлялъ такъ.

Онъ съ поразительной прямолинейностью дѣлилъ міръ на двѣ половины. На одной, недосягаемо высокой, стоить Александръ III, при немъ на стражѣ онъ, Черевинъ, и, пожалуй, такъ и быть, императрица Марія Федоровна, а на другой, где-то внизу, «простая сволочь»... Это подлинное его выраженіе. Къ числу «прочей сволочи» онъ безцеремонно относилъ не только всѣ министерскія и придворные властныя силы (до Побѣдонос-

¹⁾ Настоящая замѣтка взята изъ издававшейся В. Л. Бурцевымъ въ Парижѣ газеты «Будущее», за 1912 г.

цева включительно), но и иностранныхъ монарховъ, и русскихъ великихъ князей... Болѣе того, этихъ послѣднихъ чуть ли не преимущественно и въ первую голову.

Какъ непоколебимый временщикъ и человѣкъ дѣйствительно фанатически преданный своему царю-барину, Черевинъ при Александрѣ III былъ грозою дворца и никого въ гроши не ставилъ.

— Развѣ есть воля, кромѣ царской? — говорилъ онъ, — я совсѣмъ не злой человѣкъ, и вотъ вы, напримѣръ, очень мнѣ симпатичны, но велѣль бы государь: «повѣсь Лебедева!» — жаль мнѣ было бы васъ, но повѣрьте: не сталъ бы я спрашивать, — за что?

Особенно антипатиченъ былъ Черевину великий князь Владимиръ Александровичъ со своими Владимировичами, наглыми уже съ малолѣтства. Эта антипатія была настолько остра, что не удержала своего секрета въ стѣнахъ дворца и расползлась даже по городу въ обывательской молвѣ. Анекдотовъ о столкновеніяхъ Черевина съ Владимиромъ распространялось очень много. Говорили, что царь въ этихъ случаяхъ всегда бралъ сторону Черевина, что однажды, когда Владимиръ, взбѣшенный, горько жаловался на безнаказанность любимца, царь очень хладнокровно посовѣтовалъ ему: «Если ты обиженъ, вызови его на дуэль, а — что же ты клянчишь?..» И мало ли чего не говорили! Зерна правды въ этихъ разсказахъ были, но въ общемъ — все это лишь слухи, облеченные въ апокрифическія формы. Но вотъ разсказы, слышанные Лебедевымъ лично отъ самого Черевина, а нами записанные съ непосредственнаго лебедевскаго рассказа. Они любопытно рисуютъ нравы стараго дворца.

Александръ III, какъ извѣстно, жилъ помѣщицкіи просто: ни роскоши, ни сложнаго дворцоваго этикета онъ не любилъ. Въ гатчинской своей резиденціи царская семья занимала небольшое число жилыхъ комнатъ, — настолько, что одно время царская столовая и пріемная совмѣщались въ одномъ большомъ длинномъ залѣ, непосредственно сообщавшемся съ царскимъ кабинетомъ. Когда Александръ III занимался въ кабинетѣ, а работалъ онъ очень много, Черевинъ помѣщался въ этомъ длинномъ залѣ передъ дверью въ кабинетъ, за особымъ столикомъ. На эти часы онъ оставался единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ, который могъ войти къ царю самостоителіно. Даже царица Марія Федоровна, не говоря уже о дѣтяхъ, если имѣлась экстренная надобность потревожить царя-супруга, должна была предварительно доложиться черезъ Черевина. По словамъ послѣдняго, это бывало рѣдко, да и то онъ отказывалъ въ докладѣ либо отговаривалъ докладываться, такъ какъ прерванный въ очеред-

ныхъ занятіяхъ Александръ III дѣлался не въ духѣ и встрѣчалъ неурочно вторгающихся къ нему угрюмымъ медвѣдемъ. Просить его, въ такихъ условіяхъ, было вѣрнымъ средствомъ получить сердитый и неразборчивый отказъ. Сверхъ того онъ столько же не любилъ, чтобы и Черевина, какъ вѣрнаго царскаго стражи, развлекали на его безсмѣнномъ дежурствѣ. И вотъ на этой-то почвѣ у Черевина съ противнѣйшими для него Владимировичами, дѣйствительно, вышла однажды рѣзкая перепалка.

— Пріѣхала великая княгиня Марія Павловна,—прошла прямо къ императрицѣ, я ея не видалъ... Потомъ являются эти любопытные... Идутъ, шумятъ, словно они на Невскомъ... Проходятъ мимо меня и, конечно, кивокъ мнѣ, маленькому человѣку: *bonjour, g n ral!* Пріѣхала великая княгиня?.. Черезъ нѣсколько минутъ, — не нашли они ея почему-то,—опять:— Генералъ, вы не видали великую княгиню?.. У меня же, надовамъ сказать, дѣла, какъ нарочно, по горло: бумагъ къ резолюціи—цѣлая гора... Черезъ пять минутъ опять тутъ, какъ тутъ:— Генералъ, да гдѣ же, наконецъ, тутъ великая княгиня?.. И все это, знаете, съ нестерпимѣйшаго высока, съ надменностью, совершенноувѣренна въ томъ, что вотъ, молъ, они великие князья, такъ я долженъ сорваться для нихъ съ мѣста и, какъ лакей, бѣгать по дворцу, разыскивать ихнюю великую княгиню... Взорвало меня... Всталъ и говорю:

— Что вамъ отъ меня угодно? Какую великую княгиню вы ищете? Мать? Такъ и говорите, что мать, а то — «великая княгиня!» Вы мальчики, для васъ она не великная княгиня, а мама... Меня царскія дѣти спрашиваютъ: «Петръ Антоновичъ, гдѣ папа и мама», а не «генералъ, гдѣ великная княгиня»... Великихъ княгинь у насъ полонъ календарь: я не обязанъ угадывать, какую вамъ надо... И какъ вы смѣете мѣшать мнѣ, когда отлично знаете, что я занять государственнымъ дѣломъ? Мнѣ ввѣрена охрана особы государя, а я буду вамъ разыскивать какихъ-то тамъ великихъ княгинь?

Юнцы, конечно, оскорбились, бросились жаловаться родителямъ, а родители — къ царю. Исторію, конечно же, раздули еще громче, чѣмъ она вышла. Увѣряли, будто Черевинъ «спьяну» обозвалъ великую княгиню «всяко» и т. д. Царица, кажется, приняла сторону великихъ князей. Александръ III, недовольный и хмурый, долженъ былъ лично разобрать столкновеніе. Черевинъ дословно повторилъ ему, какъ было дѣло, подчеркнувъ и послѣднюю фразу:

— Мнѣ ввѣрена охрана особы государя, а я буду вамъ разыскивать какихъ-то тамъ великихъ княгинь!

Александръ III повернулся къ обвинителямъ Черевина громаднымъ тѣломъ своимъ и равнодушно произнесъ:

— На что же вы жалуетесь? Петръ Антоновичъ совершенно правъ.

— Черевинъ приводилъ это происшествіе, какъ свидѣтельство справедливости Александра III. Но изъ этой справедливости вы можете заключить,—улыбаясь, говорилъ Лебедевъ,—что титулъ «его или ея высочества»—совсѣмъ еще не высокая штука въ русскомъ дворцѣ при наличности «его величества». Въ родѣ того, какъ Павелъ I опредѣлялъ аристократа: тотъ, съ кѣмъ я говорю, и покуда я съ нимъ говорю. И этимъ объясняется то, казалось бы, странное обстоятельство, что, когда высочество превращается въ величество, приближенные друзья монарха—предшественника почти никогда не остаются таковыми же для монарха-преемника... Послѣдній такого отрова друга можетъ уважать, но, конечно, никогда не позабудетъ, что тотъ десятки разъ обращался съ нимъ и по волѣ родителя, и по собственной привычкѣ, какъ съ мальчишкой.

Лебедевъ спрашивалъ Черевина, справедливъ ли слухъ, будто Александръ III крѣпко пилъ. Черевинъ, съ лукавымъ добродушiemъ, отвѣчалъ:

— Не больше, чѣмъ я.

Но такъ какъ самъ-то онъ пилъ, какъ бочка, то фраза была знаменательна. (Н. В. Однако, въ Страсбургѣ, вопреки своей репутаціи, Черевинъ жилъ трезво).

Однажды же онъ разсказывалъ слѣдующее:

— Государь выпить любилъ, но «во благовременіи». Онъ могъ выпить много безъ всякихъ признаковъ опьяненія, кромѣ того, что дѣлался необычайно въ духѣ—весель и шаловливъ, какъ ребенокъ. Утромъ и днемъ онъ былъ очень остороженъ относительно хмельныхъ напитковъ, стараясь сохранить свѣжую голову для работы, и, только очистивъ всѣ очередныя занятія впредь до завтрашнихъ докладовъ, позволяя себѣ угоститься, какъ слѣдуетъ, по мѣрѣ желанія и потребности. На дворцовыхъ средахъ онъ держится, бывало, пока не склонитъ лишній чужой народъ, а—когда останутся свои—тутъ начнетъ шалить и забавляться. Ляжетъ на спину на полъ и болтаетъ руками и ногами. И, кто мимо идетъ изъ мужчинъ или, въ особенности, дѣтей, норовить поймать за ноги и повалить. Только по этому признаку и догадывались, что онъ навеселѣ. Къ концу восьмидесятыхъ годовъ врачи ему совершенно запретили пить и такъ напугали царицу всѣкими угрозами, что она внимательнѣйшимъ образомъ начала сидѣть за нами (т.-е. за мужемъ и за Черевинымъ, какъ

его другомъ и человѣкомъ прославленно пьяной репутаціи). Самъ же государь запрещенія врачей въ грошъ не ставилъ, а обходиться безъ спиртного ему съ непривычки, при его ростѣ и дородствѣ, было тяжело. На средахъ императрица, словно надзирательница какая-нибудь, разъ десять пройдетъ мимо его карточнаго стола,—видѣть, что около мужа нѣть никакого напитка, и спокойно, счастливая, уходить... А, между тѣмъ, къ концу вечера—глядь—его величество уже опять изволить баражаться на спинкѣ, и лапками болтаетъ, и визжитъ отъ удовольствія... Царица только въ изумлениі брови поднимаетъ, потому что не понимаетъ, откуда и когда это взялось? она же все время слѣдила!...

— А мы съ нимъ,—лукаво улыбался Черевинъ,—мы съ его величествомъ умудрились: сапоги съ такими особыми голенищами заказывали, чтобы входила въ нихъ плоская фляжка коньяку, вмѣстимостью въ бутылку... Царица подлѣ насъ—мы сидимъ смирно, играемъ, какъ паиньки. Отошла она по дальше,—мы переглянемся,—разъ, два, три!—вытащимъ фляжки, пососемъ, и опять, какъ ни въ чемъ ни бывало... Ужасно ему эта забава нравилась... Конечно, не столько ему коньякъ былъ нуженъ, сколько занимало это его: какъ, молъ, вотъ, онъ царь, самодержецъ и прочее, а будто бы жены боится и долженъ отъ нея въ выпивкѣ скрываться, какъ какой-нибудь армейскій оберъ-офицеръ... Въ родѣ игры... И называлось это у насъ: «голь на выдумки хитра»... Разъ, два, три!..—Хитра голь, Черевинъ?—Хитра, ваше величество!.. Разъ, два, три!.. и сосемъ...

Разсказывалась вся эта коньячная идиллія, конечно, со слезами умиленія на глазахъ.

Лебедевъ спрашивалъ Черевина: кого изъ дѣтей Александръ III любилъ больше другихъ? На этотъ вопросъ Черевинъ отвѣчалъ неохотно и уклончиво, но можно было догадаться, что любимцемъ отца и матери былъ Георгій Александровичъ (по смерти отца—цесаревичъ, умеръ въ 1899 году).

Вотъ — кого Александръ III терпѣть не могъ, это Черевинъ изъяснялъ откровенно и безъ малѣйшей застѣнчивости. По его словамъ, величайшее личною антипатіей царя былъ Вильгельмъ II. И не то, чтобы Александръ III его ненавидѣлъ, а просто—именно—терпѣть его не могъ: претило ему отъ Вильгельма, органически этотъ послѣдній былъ противенъ царю. Настолько, напримѣръ, что—когда Александру III подали къ утвержденію какой-то церемоніаль, скопированный съ германскаго двора, царь возвратилъ его перечеркнутымъ съ надписаниемъ:

— Я не мальчишка и не обезьяна!

О Николаѣ Александровичѣ Черевинѣ говорить не любилъ и отмалчивался или отдѣльвался незначущими фразами, на которыя бытъ очень ловокъ. Вообще, смѣсь въ этомъ человѣкѣ первобытнаго дикаря съ утонченнымъ придворнымъ была въ высшей степени любопытна и поучительна.

Смерть Скобелева.

(Письмо въ редакцію).

Совершившееся въ великие дни русской революціи, въ мартѣ 1917 г., паденіе дома Романовыхъ невольно заставляетъ вспомнить объ одной попыткѣ сверженія этой династіи въ царствованіе Александра III,—о замыслѣ Бѣлаго Генерала.—Вотъ, что я слышалъ изъ устъ незавѣнного предсѣдателя 1-й Государственной Думы Сергея Андреевича Муромцева.

Правительство Александра III,увѣрившись въ томъ, что М. Д. Скобелевъ замышляеть сдѣлать переворотъ и свергнуть династію Романовыхъ, учредило, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Владимира Александровича, особый негласный судъ изъ 40 лицъ.

Этотъ судъ «Сорока», большинствомъ 33 голосовъ, приговорилъ Бѣлаго Генерала къ негласной смертной казни и поручилъ полицейскому офицеру привести приговоръ въ исполненіе.—Палачъ блестяще справился съ своей задачей, за что получилъ слѣдующій чинъ и большое денежное вознагражденіе.—М. Д. Скобелевъ, пріѣхавъ въ Москву и остановившись въ гостиницѣ «Дюсо», поздно вечеромъ отправился на Петровку въ гостиницу «Англія» для кутежа съ извѣстной ему женщиной, получившей впослѣдствіи кличку: «Смерть Скобелева». Бѣлый Генераль и его собутыльница проводили время весело и шумно. Одновременно съ этимъ, въ соѣднемъ номерѣ вела себя такъ же бурно какая-то компанія, которая вдругъ начала кричать «ура» и провозглашать здравицы народному герою. Скобелевъ заинтересовался сосѣдями и, узнавъ отъ лакея, что компанія состоитъ изъ 5-ти молодыхъ московскихъ купчиковъ, послалъ имъ въ благодарность за чествованіе пять бокаловъ шампанского. Съ тѣмъ же лакеемъ былъ присланъ отвѣтный бокалъ шампанского; Скобелевъ выпилъ его залпомъ и тотчасъ же скончался.

Подъ видомъ купцовъ кутили сыщики, а въ шампанское была прибавлена большая доза ціанистаго кали.

Всѣ официальные сообщенія и разные слухи о смерти Скобелева—измысленіе полиціи.

Ф. Дюбюкъ.

Мелочи прошлаго.

Николай I передъ дверями рая.

(Изъ записокъ Арнольда).

Когда онъ въ вѣчность преселился
Нашъ незабвенный Николай,
Къ Петру апостолу явился,
Чтобы дверь ему тотъ отперъ въ рай.
— Ты кто?—спросилъ его ключарь.
— Я кто? Извѣстный русскій царь.
— Ты царь, такъ подожди немнога,
Ты видишь въ рай трудна дорога,
Притомъ же райскія врата узеньки,
Видишь тѣснота.
— А это что же все за сбродъ?
Цари или простой народъ?
— Ты не узналъ своихъ! Вѣдь это Россіяне
Твои *бездушные* дворяне,
А это *вольные* крестьяне,
Они всѣ по-міру пошли
И нищіе къ намъ въ рай пришли.
Тогда подумалъ Николай:
«Такъ вотъ какъ достигаютъ рай».
И пишетъ сыну: «Милый Саша,
Плоха на небѣ участъ наша.
Коль подданныхъ своихъ ты любишь,
Богатствомъ только ихъ погубишь,
А если хочешь въ рай ввести
То всѣхъ ихъ по міру пусти».

Путешествіе Николая II по Европѣ¹⁾.

Когда, послѣ разоблаченія Азефа, террористы сложили оружіе, улицы, дома и дороги дѣлались доступными для царя, за-сидѣвшагося дома и задолжавшаго визиты европейскимъ со-

¹⁾ Изъ изданной въ Берлинѣ книги В. П. Обнинскаго «Послѣдній самодержецъ».

братьямъ. Этимъ перерывомъ онъ и поспѣшилъ воспользоваться, чтобы навѣстить англійскаго короля, президента французской республики и итальянскаго короля. Но по пословицѣ: «старый другъ лучше новыхъ двухъ», охрану своей особы царь поручилъ все же Гартингу, старому провокатору, онъ же Ландезенъ, котораго Франція не желала даже видѣть больше на своей территорії. Въ генеральскомъ чинѣ, купаясь въ деньгахъ и обдумывая, гдѣ бы поселиться подъ старость покойнѣй, негодная провокационная крыса дослужила своимъ носомъ и хищничествомъ послѣднюю службу Николаю. Разумѣется, и безъ него все обошлось бы хорошо, да еще и много спокойнѣе было бы для иностранной полиціи, но царь уже не могъ нигдѣ показываться безъ хвоста изъ агентовъ-проводокаторовъ. Побывавъ въ Англіи, Николай переплылъ Ламаншъ и въ Шербургѣ увидѣлся съ Фальеромъ, причемъ на землю, кажется, вовсе не сходилъ. Сдѣлавъ изъ собственной страны какъ бы сплошную мину и не рискуя принимать европейскихъ монарховъ иначе, какъ на водѣ—по крайней мѣрѣ въ 1904—1908 г.г.—онъ и чужія земли не подозрѣвалъ въ особенномъ гостепріимствѣ. Да и вправду, русскій государь былъ хлопотливымъ гостемъ; можно было подумать, что императорскій поѣздъ быткомъ-набить динамитомъ или чумными бациллами, такъ охранялась публика отъ приближенія къ этому временному жилищу повелителя русскихъ. Разстраивалось движеніе тысячеверстныхъ европейскихъ линій, войска выводились на охрану пути, начальство лишалось сна и аппетита, пока не пролетало, наконецъ, мимо ихъ станцій и участковъ мигающее сотней глазъ огнедышащее чудовище, почти безшумно пронося человѣка съ худшей репутацией въ мірѣ, его больную жену и придворную челядь. Довольно сказать, что въ одной Италіи триста батальоновъ несло охрану вокругъ Ракониджи, ибо настроеніе итальянскаго народа ни мало не измѣнилось отъ того, что мѣстные радикалы наговорили въ парламентѣ и прессѣ всякихъ безтактностей, и что Максимъ Горкій однимъ своимъ присутствіемъ наводилъ на самыя зловѣштія предположенія. Итальянцы попрежнему отъ души презирали русскаго императора, и если не приводили въ исполненіе старой угрозы освистать его, то только потому, что они питали совершенно иныя чувства къ своему королю («первому кандидату въ президенты итальянской республики», какъ называютъ его, шутя, въ республиканской партіи) и не хотѣли осложнить и безъ того нелегкую задачу занимать сѣвернаго деспота. Да тотъ, впрочемъ, чувствовалъ себя въ Европѣ повсюду не по себѣ. Какъ ни выложены сферы, въ которыхъ вращаются путешествующіе монархи, но и они несвободны отъ проявленія интим-

ныхъ ощущеній; мысли, высказываемыя въ кругу близкихъ, становятся немедленно общимъ придворнымъ достояніемъ и создаютъ атмосферу, которую невольно ощущаетъ самая грубая кожа, самыя невзыскательныя къ чистотѣ легкія. Царь не могъ не чувствовать, что кругомъ него все насыщено было глумленіемъ, насмѣшкой, брезгливостью и, на лучшій конецъ, простымъ любопытствомъ. Отношенія вродѣ тѣхъ, что доставались на долю «ангелоподобнаго» Александра I, реформатора Александра II и даже на долю слонообразнаго «миротворца» Александра III, такія отношенія и не могли ожидать слабаго, неспособнаго царя Николая II; но онъ могъ бы внушить нѣкоторое сожалѣніе, какъ человѣкъ, пережившій революцію и какъ несчастный мужъ больной Александры. Но и того не было. Вильгельмъ II не скрывалъ своего пренебреженія къ гостю, которому можно было приказывать, какъ какому-нибудь прусскому губернатору; карикатуры пестрили страницы журналовъ и заборы садовъ, остроты раздавались со всѣхъ театральныхъ подмостковъ, и серьезныя нѣмецкія газеты добивали злосчастнаго правителя Россіи изъ осадныхъ орудій своихъ передовыхъ статей. Такъ, въ Германіи потѣшались надъ странной депешей по пути о заготовкѣ во всѣхъ мѣстахъ остановокъ царскаго поѣзда запасовъ брюссельской капусты «для осла Его Величества». Оказалось, что царь везъ въ подарокъ сыну итальянскаго осла, требовавшаго, какъ и подобаетъ придворному ослу, только отборной пищи. Доходило до того, что вмѣшивалась дипломатія, прося обуздять какой-нибудь «Simplicissimus» или «Kladderadatsch»—но при всемъ наружномъ сходствѣ рецептовъ прусского и русскаго, они внутренно были настоящими полюсами. И ливень карикатуръ и насмѣшекъ не убывалъ и не убываетъ.

Наглядный урокъ конституционализма¹⁾.

Бывшій президентъ французской республики, г. Эмиль Лубе рассказывалъ г-ну Л—ну, что онъ при посѣщеніи царемъ Парижа совѣтовалъ Николаю дать поскорѣе конституцію на основахъ автономизма, т.-е. дать рядъ областныхъ парламентовъ, съ имперскимъ, объединяющимъ, во главѣ.

«Тогда, Ваше Величество, будетъ спокойно жить и царствовать», добавилъ отходившій на покой президентъ, мечтавшій и самъ о томъ, какъ будетъ безъ помѣхи «ѣсть груши въ Монтелимарѣ». Царь едва ли зналъ что тогда объ автономизмѣ, а невѣдомое

¹⁾ «Будущее» В. Л. Бурцева, 1912 г.

всегда пугаетъ; къ тому же страхъ передъ соціалъ-демократіей пересиливалъ всѣ иныя соображенія, и онъ тутъ же высказалъ свои опасенія Лубе.

«О, это совсѣмъ не такъ страшно»,—сказалъ президентъ. Провожая Николая во время поѣздки въ окрестностяхъ Парижа, онъ иллюстрировалъ свою мысль довольно оригинально. Въ одномъ городкѣ царя привѣтствовалъ нарядный, красивый мэръ, и Николай выразилъ Лубе свои симпатіи; добродушный старикъ какъ бы мимоходомъ замѣтилъ:

«Это лидеръ здѣшнихъ соціалъ-демократовъ».

Царь былъ удивленъ, привыкнувъ къ мысли, что соціалъ-демократы должны быть въ красныхъ рубашкахъ, съ красными флагами въ едва ли не окровавленныхъ рукахъ; за обѣдомъ, затѣмъ, подаютъ шампанское; знатокъ вина, Николай благодарить Лубе за вниманіе,—сервировкі любимой его марки. Лубе, улыбаясь, показываетъ ему владѣльца виноградниковъ и прибавляетъ:

«Это глава одной изъ соціалъ-демократическихъ фракцій».

Изъ исторіи русско-германскихъ отношеній¹⁾.

1863 годъ.

1.

«Наша политика, въ истинныхъ интересахъ Россіи и династіи, должна оставаться такою, какой она была въ прошломъ—монархической и антипольской», писалъ Нессельроде въ мемуарѣ, представленномъ императору Александру II наканунѣ Парижскаго конгресса 1856 года. «Со времени раздѣла Польши, между Россіей, Австріей и Пруссіей существуетъ солидарность интересовъ, и мы—та изъ этихъ державъ, для которой эта солидарность всего необходимѣе. Это хорошо доказала польская революція...»²⁾.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Николая I имѣлъ въ виду, конечно, 1831 годъ; ему и не грезилось, что пишетъ почти наканунѣ новой «польской революціи», начало которой еще застало его въ живыхъ. Для иллюстраціи «русско-прусскої дружбы» берется, обыкновенно, именно эта *вторая* польская революція, или даже, точнѣе, заключительный ея актъ: повстанье 1863 года. Ниже мы увидимъ—есть ли у этого послѣдняго историческія права быть такой иллюстраціей. Пока замѣтимъ, что Нессельроде, какъ историкъ, былъ въ своей ссылкѣ совершенно правъ: той развязки трагедіи 1830—31 г., какую она имѣла, безъ участія Пруссіи нельзя себѣ представить. Вопросъ: «Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?»—намъ кажется теперь риторическимъ. Быть можетъ, онъ былъ такимъ и для Пушкина, не посвященнаго во всѣ военные и дипломатическія тайны своего времени. Но когда вы читаете секретныя для современниковъ письма Николая Павловича къ Паскевичу, гдѣ императоръ—уже послѣ побѣдной вѣсти—не можетъ забыть «трехъ нескончаемыхъ дней», которые онъ прожилъ «между страхомъ и надеждою, въ ожиданіи роковыхъ вѣстей», когда вы видите другое письмо, гдѣ тотъ же авторъ признается, что его «била лихорадка», при чтеніи рапортовъ

1) См. «Гол. Мин.» 1916 г. № 3.
2) «Lettres et papiers», XI, 113—115.

Паскевича—вы начинаете понимать, что для людей, посвященныхъ въ дѣло, исходъ далеко не разумѣлся самъ собою даже въ августѣ 1831 г., когда побѣдоносная русская армія уже стояла подъ стѣнами Варшавы ¹⁾). Еще менѣе могъ онъ разумѣться самъ собой за полгода раньше, когда эта армія отступала отъ этихъ стѣнъ, послѣ Грохова. «Ляхъ» имѣлъ нѣкоторыя объективныя основанія быть «кичливымъ», и наказать его за это качество исключительно домашними средствами не представлялось возможности. Когда для Петербурга стало ясно, что гроховская побѣда представляетъ собою довольно точное воспроизведеніе побѣдъ Беннигсена надъ Наполеономъ I, поведшихъ къ тильзитскому миру, Николай Павловичъ рѣшилъ взять дѣло въ руки самъ (стратегическая безпомощность Дибича была уже вѣнѣ всякаго сомнѣнія). И вотъ что писалъ онъ тогда (въ апрѣль 1831 г.): «Всѣ выгоды, коими мы обладали въ началѣ кампаніи, совершенно потеряны вслѣдствіе ряда несчастныхъ обстоятельствъ, которыя бесполезно здѣсь перечислять, но которыя дѣлаютъ исходъ войны, въ настоящую минуту, проблематическимъ. Наша армія вынуждена отступить къ границѣ (русско-польской), для того, чтобы сосредоточиться и постараться найти продовольствіе, котораго ей совершенно не хватаетъ—и есть основаніе опасаться, что его не удастся собрать ни скоро, ни даже въ достаточномъ количествѣ, изъ-за голода, царствующаго на Волыни, и полнаго недостатка всего, на что мы могли разсчитывать, въ Литвѣ—съ тѣхъ поръ, какъ эта область возстала». Все необходимое приходилось добывать изъ внутренней Россіи, связанной съ театромъ войны тысячами верстъ отвратительной дороги,—а потому нужно было вести наступленіе по странѣ, нарочно опустошенной непріятелемъ, среди возставшаго населенія, «сопротивленіе котораго будетъ упорно»(отъ себя самихъ не скрывали, что возстала отнюдь не одна «шляхта», а именно польскій народъ...). «Я предлагаю совсѣмъ другой планъ. Вотъ онъ. Немедленно закупитьть, по какой бы цѣнѣ ни было, хлѣба и фуражу, чтобы устроить магазины вдоль прусской границы и даже въ самой Пруссіи, относительно чего легко столкнуться съ ея правительствомъ...» Взявъ своей базой Пруссію, нужно было, конечно, держаться какъ можно ближе къ этой базѣ—что давало еще и дополнительную выгоду, прикрытия тыла и праваго фланга наступающей русской арміи. Отсюда планъ, повидимому, лично принадлежащій имп. Николаю, показавшему себя, въ этомъ случаѣ, лучшимъ стратегомъ, нежели его «забал-

¹⁾) Цитаты взяты изъ писемъ Николая I, датированныхъ 26 августа и 4 сентября 1831 г. См. Щербатова «Ген.-фельдм. Паскевичъ», франц. изд. т. IV, стр. 78 и 191.

канскій» фельдмаршалъ—флангового марша къ Остроленкъ и дальнѣйшаго наступленія черезъ Праснышъ и Пултускъ, къ Плонску и Плоцку, съ переправой «у Плоцка или ниже», т.-е. около самой прусской границы, черезъ Вислу, «для чего надо на-нять или купить суда въ Пруссіи». Затѣмъ русская армія оказы-валась въ тылу у поляковъ—и получалась еще одна дополнитель-ная выгода: обрѣзывались «моральные пути сообщенія непрія-теля съ Европой»¹⁾.

Путь къ Варшавѣ шелъ черезъ Берлинъ. Дипломатически, разумѣется: когда, нѣсколько наивно усвоившій себѣ планъ своего государя, Дибичъ сталъ требовать у пруссаковъ пропуска русской арміи чѣрезъ прусскую территорію (это было, конечно, еще проще флангового марша вдоль прусской границы), берлин-скій кабинетъ отвѣтилъ угрозой двинуть въ Познань 400.000 шты-ковъ. Даже и по части продовольствія пруссаки не были такъ предупредительны, какъ отъ нихъ ожидали. Смѣнившій чрезвы-чайно во время умершаго отъ холеры Дибича Паскевичъ (вызван-ный еще раньше изъ Закавказья, специальнно для выполненія из-ложенного плана имп. Николая), жаловался потомъ, что прус-саки четыре мѣсяца пекли такое количество сухарей, какое рус-ские хлѣбопеки могли приготовить въ пять дней. А наемъ прус-скихъ подводъ и лодокъ прусская администрація, изъ-за холеры или подъ предлогомъ холеры, какъ казалось Паскевичу—обста-вляла такими формальностями, что прусскіе крестьяне отказыва-лись отъ сдѣлокъ, при всей ихъ выгодности. Какъ бы то ни было, въ общемъ и цѣломъ планъ былъ осуществленъ, именно, благодаря пруссакамъ: Паскевичъ нашелъ даже возможность переправить свою армію черезъ Вислу почти на прусской territoriі—«чрезъ два острова, которые на нашихъ картахъ значатся принадлежа-щими Пруссіи, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они находятся еще въ предѣлахъ Царства Польскаго». Надобно думать, что у польского главнаго штаба карта была та же самая—и на этомъ былъ по-строенъ расчетъ русскаго главнокомандующаго. Пруссаки этого расчета не испортили—въ принципѣ они соглашались даже на большее, на доставку русской осадной артиллери, моремъ, черезъ Пиллау или Данцигъ: очевидно, фраза о «400.000 штыковъ» предназначалась не столько для Россіи, сколько для Европы. Если и послѣ этого въ Петербургѣ иногда случались приступы лихорадки, а на фронтѣ—чрезвычайно загадочныя «контузіи», лишавшія русскую армію отвѣтственнаго главнокомандующаго

¹⁾ Ibid 189—191. Записка (по французски, въ оригиналѣ), ошибочно помѣчена іюлемъ. Правильную датировку—22 апрѣля см. на стр. 13 того же тома.

въ самую критическую минуту (дѣло шло только обь отвѣтственности—военные операции велись, не хуже и не лучше, начальникомъ штаба «контуженного» Паскевича, Толемъ), если Варшаву пришлось брать съ неслыханнымъ, по тогдашней войнѣ, кровопролитiemъ¹⁾—это только дѣлало еще рельефиѣ заслугу прусского правительства. Вмѣстѣ со «славой и хвалой Богу всемогущему» и «добрѣстному отцу-командиру» (такъ Николай I имѣлъ привычку называть Паскевича, подъ начальствомъ котораго онъ когда-то командовалъ бригадой, въ бытность великимъ княземъ) не мѣшало бы сказать небольшое спасибо и пруссакамъ. Николай Павловичъ пренебрегъ этимъ—онъ вообще не любилъ, когда ему помогали нѣмцы; т.-е. не любилъ вспоминать обь этомъ—отъ дня 14 декабря, напримѣръ, онъ запомнилъ почти только одинъ русскія фамиліи: а остзейское дворянство съ гордостью вспоминало этотъ день и по праву...

Едва ли, впрочемъ, нѣмцы и старались ради платонической благодарности: на сенатской площади остзейское баронство было въ зародышѣ самого страшного врага, какой могъ ему приспиться—политически свободную Россію. Какой *свой* интересъ находили прусскіе министры, отдавая поляковъ на жертву Николаю? Съ первого взгляда можетъ показаться, что тутъ дѣйствовала просто круговая порука всѣхъ абсолютныхъ монархій, къ которымъ принадлежала тогда и Пруссія—да еще монархій, владѣвшихъ кусками Польши. Но польская политика Пруссіи въ тѣ дни, опять-таки, вовсе не была чѣмъ-то само собой разумѣющимся. Подробно разобранныя въ первой части этого очерка²⁾ отношенія Пруссіи къ Россіи, на почвѣ таможенного вопроса, а начались эти отношенія, мы помнимъ, еще при Александрѣ I—побуждали прусское правительство относиться съ крайней осторожностью къ находившимся въ прусскомъ подданствѣ познанскимъ полякамъ. Никакъ нельзя было уступить въ либерализмѣ Александру, давшему «своей» Польшѣ особую конституцію—и пруссаки доходили даже до попытокъ формирования особой, национальной польской арміи въ познанскомъ герцогствѣ. 1831 г., конечно, очень упростили дѣло: характерно, что именно около этого времени намѣстникъ—полякъ въ Познани смѣняется прусскими чиновниками, ведущими опредѣленную политику онѣмчиванія³⁾. Но поскольку таможенный конфликтъ оставался,

¹⁾ По донесенію Паскевича, изъ строя выбыло почти 11000 человѣкъ—около 20% всей русской арміи. См. Щербатова, тамъ же, стр. 120.

²⁾ См. «Гол. съ Минувшаго» 1916 г. мартъ.

³⁾ См. обь этомъ въ статьяхъ, печатавшихся въ «Голосѣ Минувшаго». Р. «Валеріанъ Лукасинскій» (май 1913) и Н. И. Карьеева «Польская революція 1848 г. въ Вел. Герц. Познанскомъ» (сентябрь 1915 г.).

сохраняли свою силу и старые мотивы прусского поведенія. Пруссія чрезвычайно плохо соблюдала извѣстный намъ «картель», обязывавшій ее выдавать Россіи дезертировъ и политическихъ преступниковъ. Но «попустительство» шло дальше и этого. Въ 1845 г., разсказываетъ біографъ Паскевича, «фельдмаршаль вынужденъ былъ обратить вниманіе (prusского) министра, гр. Арнима, на рѣзкость языка (по отношенію къ Россіи) познанской прессы. Ея брань, «терпимая цензурой, не можетъ, разумѣется, оскорбить Россіи». Но тотъ фактъ, что прусское правительство терпитъ эти дерзости, можетъ внушить полякамъ мысль, что оно сочувствуетъ ихъ стремленіямъ. И однако же, прибавляя фельдмаршаль, мюнхенгрецкая конвенція (1833 г.) еще не отмѣнена, а она обязывала державы, владѣющія территоріей бывшей Польши, помогать другъ другу въ томъ, что относится къ польскому вопросу¹⁾. Подъ вліяніемъ революціи 1848 г. дѣло пошло еще дальше. «Императоръ чрезвычайно возмущенъ ошибками прусского правительства въ Познани», писалъ Нессельроде Мейendorфу 3 іюня этого года: «результатомъ была серьезная депеша, написанная почти цѣликомъ подъ диктовку императора, и приказаніе вамъ объясниться прямо съ королемъ... Пунктъ, на которомъ императоръ особенно настаиваетъ, это, чтобы въ польской части герцогства Познанскаго не формировали ядра польской арміи, съ ея (национальными) цвѣтами и всей этой мишурой, предназначенной для возбужденія сосѣдей»²⁾.

Какъ видимъ, польская армія подъ прусской командой вовсе не такое новое явленіе, какъ можетъ показаться. И если въ 20-хъ годахъ ее можно было счесть подражаніемъ русскому образцу—у Александра I тоже была «національная» польская армія, кадры той, которая доставила въ 1831 г. столько хлопотъ Дубичу и Паскевичу—то въ концѣ царствованія Николая явленіе, иссомнѣнно, могло претендовать на оригинальность. Одна оригинальность вызываетъ прругую: въ противовѣсь «польскимъ легіонамъ» Мѣрославскаго—которые, впрочемъ, изъ стадіи проекта не вышли, Николай Павловичъ, какъ мы знаемъ, завелъ дружбу съ французской республикой³⁾. Было ли и это вполнѣ оригинально? Поскольку рѣчь шла о *республикѣ*, несомнѣнно: но что касается вообще союза съ Францией противъ Пруссіи, тутъ едва ли не было хорошо прототипанной колен. Въ извѣстномъ смыслѣ прелюдіей къ польской революціи 17-29 ноября 1830 г. были обширные мобилизационные планы Россіи, готовившейся выступить на за-

¹⁾ Щербатовъ, цит. соч. V, 239.

²⁾ «Lettres et papiers» IX, 108.

³⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1916, мартъ, стр. 19.

щиту только что низвергнутыхъ польской революціей Бурбоновъ. Польская армія должна была составить авангардъ общаго наступленія, и Дибичъ, посланный въ Берлинъ склонять прусскаго короля присоединиться къ Николаю I (Фридрихъ-Вильгельмъ III не обнаруживалъ къ этому рѣшительно никакой охоты),—Дибичъ готовился не воевать съ поляками, а вести этихъ послѣднихъ на Парижъ. Почему Пруссія относилась къ этому походу съ такой замѣтной антипатіей? Маленькая черточка, изъ записокъ Бенкендорфа (просмотрѣнныхъ и исправленныхъ Николаемъ) вскрываетъ петербургскую точку зрѣнія на готовившуюся войну: «положеніе вещей (во Франції) тѣмъ болѣе огорчаетъ императора», записалъ Бенкендорфъ, «что онъ не переставалъ желать, чтобы эта держава, *его естественная союзница*, чтобы эта нація, къ которой нашъ народъ относится съ такимъ сочувствіемъ, всегда была великой, богатой и сильной»¹⁾. Война 1831 года (походъ предполагалось начать въ декабрѣ 1830 года), еще болѣе, чѣмъ кампанія 1814 года, должна была быть войной не противъ народа, а только противъ правительства—противъ Луи-Филиппа. Оттого не безъ задней мысли, не безъ расчета на старыя франко-польскія симпатіи, такъ охотно и пускали впередъ поляковъ, которымъ въ только что окончившейся русско-турецкой войнѣ 1828—29 г. не было дано никакого участія. И какъ разъ къ тому моменту этой послѣдней войны, когда военное счастье, какъ будто, заѣлобалось, относятся чрезвычайно любопытные переговоры русскаго двора съ послѣднимъ Бурбономъ, тогда еще прочно сидѣвшимъ на своемъ престолѣ. Цитируемый нами нѣмецкій историкъ, отмѣтивъ «интересность» приведенного имъ мѣста мемуаровъ Бенкендорфа, не находитъ нужнымъ освѣжить въ памяти своихъ читателей, этотъ эпизодъ, къ которому съ такимъ заслуженнымъ вниманіемъ отнесся французскій историкъ русско-французскаго союза. «Въ, тотъ моментъ», пишетъ онъ, «когда арміи царя Николая шли на Константинополь²⁾), русскій кабинетъ нашелъ моментъ удобнымъ, чтобы начать переговоры съ французскимъ дворомъ, стремясь лишить его поддержки Англію и Австрію, которая этой поддержки добивались для того, чтобы помѣшать русскимъ утвердиться на Востокѣ. Царь принялъ въ соображеніе территоріальныя требованія французскаго правительства, какъ они были формулированы въ 1821 г., и вель тайные переговоры въ Берлинѣ, добиваясь согласія Пруссіи на эти

¹⁾ Беремъ цитату у Шимана «Geschichte Russlands unter Nikolaus I» III, 16 пр. I. Документы о польской мобилизациі см. въ извѣстномъ сборнике Ангеберга.

²⁾ Въ дѣйствительности, именно потому, что онъ еще не шли. М. П.

требованія. Къ содѣйствію Франціи онъ обратился офиціально, предлагая заплатить ей линіей Рейна, уступки которой (Пруссіей) онъ обѣщалъ добиться. Передъ такимъ формальнымъ предложеніемъ, Карлъ X запросилъ мнѣніе своихъ совѣтниковъ. Тѣ поручили формулировать это мнѣніе Шатобріану. Шатобріанъ безъ ошибки опредѣлилъ положеніе: Россія, черезъ 15 лѣть послѣ трактатовъ 1815 г., даетъ Франціи случай ихъ разорвать. Составленный имъ по этому случаю мемуаръ великодѣпенъ. Онъ дышитъ самимъ проницательнымъ патріотизмомъ. «Союзъ съ Россіей», пишетъ онъ, «дастъ намъ случай пріобрѣсти опорные пункты въ Архипелагѣ и отодвинуть нашу границу до Рейна. Мы можемъ сказать Николаю: ваши враги ищутъ нашей поддержки; мы предпочитаемъ миръ войнѣ; мы желаемъ сохранить нейтралитетъ. Но если вы не можете решить вашъ споръ съ Портой иначе, какъ оружіемъ, подѣлитесь справедливо Европейской Турціей съ христіанскими державами. Тѣ изъ этихъ державъ, которыя по своему географическому положенію, не могутъ получить территоріального приращенія на Востокѣ, будутъ вознаграждены въ другомъ мѣстѣ. Мы хотимъ имѣть линію Рейна отъ Страсбурга до Кельна. Россія заинтересована—вашъ отецъ (*sic!*) Александръ сказалъ это—въ томъ, чтобы Франція была сильна. Если вы согласитесь на эту сдѣлку (*arrangement*), а державы возстанутъ противъ нея, мы не допустимъ, чтобы онѣ вмѣшились въ вашъ споръ съ Турціей. Если онѣ на васъ нападутъ, мы будемъ биться съ ними о бокъ съ вами на тѣхъ условіяхъ, которыя только что изложены». И, какъ бы въ заключеніе этой гордой и благородной тирады, Шатобріанъ прибавляетъ: «Никогда ни Австрія, ни Англія не дадутъ намъ рейнской границы. И однако же, для чести и безопасноти Франціи, рано или поздно, граница должна быть тамъ». Не кажутся ли эти заключенія написанными вчера? Карлъ X одобрилъ ихъ. «Если императоръ Николай нападетъ на Австрію», сказалъ онъ, «я буду держаться наготовѣ и буду дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Но если Австрія его атакуетъ, я немедленно двину противъ нея мою армію». На такихъ основаніяхъ готовъ былъ состояться союзъ, когда Россія, побѣдивъ Турцію, остановилась у Андріанополя и подписала миръ. Переговоры были прерваны¹⁾.

Мы оставляемъ на совѣsti французскаго автора его квалификацію дипломатического торгашества Шатобріана, какъ «гордаго и благороднаго языка»—точно такъ же, какъ и его непоколебимую, повидимому,увѣренность въ томъ, что Николай

¹⁾ Ern. Daudet. «Histoire diplomatique de l'Alliance Franco-russe», pp. 23—25. Курсивъ нашъ.

Павловичъ, дѣйствительно, могъ мирнымъ путемъ «отхлопотать» у Пруссии лѣвый берегъ Рейна для французовъ. Во всякомъ случаѣ, тайной отъ Берлина русско-французскіе переговоры быть не могли: вполнѣ возможно, что ихъ и сознательно не скрывали, чтобы, поставивъ Пруссию между двухъ огней, пріобрѣсти въ ней союзницу противъ Австрии. Въ этомъ случаѣ лѣвый берегъ Рейна только бы улыбнулся французамъ, конечно, но что же подѣлаешь? Политика есть политика. Теперь мы начинаемъ понимать загадочныя, на первый взглядъ, колебанія пруссаковъ по отношенію къ польской кампаніи 1831 г. Съ одной стороны, желательно было, чтобы русскіе увязли въ Польшѣ, какъ можно-долѣ: сухари охотно пекли бы и не четыре мѣсяца, а четыре года, если бы желудокъ русскаго солдата могъ выдержать такой значительный постъ. Съ другой, принципіально отказать въ поддержкѣ Россіи значило бросить эту послѣднюю въ объятія Франціи, изъ которыхъ она только что, слава Богу, вышла, благодаря юльской революціи. Кто знаетъ, такъ ли ужъ сильно было отвращеніе императора Николая къ Луи-Филиппу. Протянулъ же этотъ государь впослѣдствіи руку республиканскому поэту Ламартину и республиканскому генералу Кавеньяку. А поднятое юльской монархіей трехцвѣтное знамя было, конечно, психологически гораздо тѣснѣе связано съ «спиной Рейна», нежели бѣлые лиліи Карла X. Въ то же время, достаточно было прислушаться къ преніямъ французскихъ «камеръ», къ пламеннымъ рѣчамъ стараго Лафайета, напримѣръ, чтобы понять моральную невозможность для буржуазной Франціи—на другой день юльскихъ баррикадъ протянуть руку Николаю черезъ развалины варшавскихъ фортовъ. Преградой русско-французскому союзу 1830-хъ годовъ стоялъ призракъ окровавленной Польши. Реальные экономические интересы развѣяли бы этотъ призракъ—какъ развѣяли они множество другихъ. Но реальные интересы Франціи на ближнемъ востокѣ связывали ее съ Англіей, а не съ имперіей Николая: въ этомъ настоящая причина устойчивой антипатіи послѣдняго къ «королю-гражданину», какъ и непрочности его дружбы съ Луи-Наполеономъ. Такъ представляется намъ дѣло, когда мы беремъ его въ широкомъ масштабѣ—и оглядываемся на три четверти столѣтія назадъ. Текущая политика болѣе близорука—она такъ далеко не смотритъ. Въ 1831 г. дѣло шло, для Пруссии, о томъ, чтобы разорвать завязывавшійся, было, союзъ Россіи и Франціи—союзъ на основѣ: Россіи—Константинополь, Франціи—лѣвый берегъ Рейна. Почва, по которой думали итти, внезапно обвалилась: надо было расширить провалъ—и если можно еще наполнить его польской кровью, чего же лучше?

Пруссія, какъ и імператоръ Николай, руководилась вовсе не отвлечеными представленими о «легитимизѣ» и «революціи»: у ея политики были свои реальныя задачи.

Въ первую польскую революцію эти задачи сводились къ отстаиванію «гінії Рейна» отъ покушеній французовъ, подталкиваемыхъ русскими. Что было во вторую?

II.

Кардинальнымъ пунктомъ русско-прусскихъ отношеній во время польского возстанія 1863 г. была знаменитая *конвенція Альвенслебена*—форменный наступательный и оборонительный союзъ Пруссіи и Россіи противъ Польши. Это, конечно, большая странность—союзъ двухъ державъ противъ части подданныхъ ихъ обѣихъ: но она показываетъ, насколько «сила вещей» могущественнѣе отвлеченной теоріи. Юридически можно было, сколько угодно, называть поляковъ «мятежниками» и отрицать за ними право «воюющей стороны»: на дѣлѣ они были такой стороной, и эта истина съ силою категорического императива подчиняла себѣ сознаніе усмирявшихъ «мятежъ», заставляла ихъ языкъ произносить слова, которыя они съ большимъ удивленіемъ и негодованіемъ услыхали бы изъ чужихъ усть. «Война объявлена!» провозгласилъ генералъ Альвенслебенъ, прѣхавъ въ Варшаву изъ Петербурга, гдѣ онъ только что подписалъ свою конвенцію. Слушатели—прусскіе офицеры, командированные въ штабъ русской арміи, буквально выпучили глаза. У одного изъ нихъ было такое странное лицо, что другой долженъ былъ выскочить въ коридоръ, чтобы не прыснуть при начальствѣ. Съ кѣмъ война? Какая война? Изъ послѣдующихъ фразъ Альвенслебена выяснилось, что дѣло идетъ о войнѣ Пруссіи съ русской Польшей¹⁾. Его Величество король Вильгельмъ объявилъ войну ржонду народовому! Такой необыкновенной формулы мы, конечно, не найдемъ ни въ одномъ официальномъ документѣ: но выражаемая ею мысль не показалась дикой лицу, чрезвычайно официальному.

Въ сборникахъ официальныхъ документовъ мы, впрочемъ, тщетно искали бы и самой «конвенціи». Документъ, подписанный 8 февраля (н. ст.) 1863 г. генералъ-адъютантомъ прусского короля съ одной стороны, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковымъ, съ другой, никогда не былъ удостоенъ той подписи, которая превращаетъ «проектъ» въ «законъ». Самый, быть можетъ, замѣчательный русско-прусскій актъ XIX столѣтія,

¹⁾ Verdy-du-Vernoys. «Im Hauptquartier d. russischen Armee in Polen» (1863—65). Berlin, 1905.

составившій дату, оть которой велось четверть вѣка дипломатической исторіи Восточной Европы, упоминающейся въ любой обстоятельной исторіи Россіи, Франціи или Германіи 60-хъ годовъ, остался *не ратификованнымъ*. Это не можетъ не вызвать недоумѣнія. Правда, иные неоконченные рисунки Леонардо-да-Винчи цѣнныѣ любой картины. Но такъ ли уже замѣчательно содержаніе конвенціи Альвенслебена? Въ существенныхъ чертахъ, оно сводится къ попыткѣ комбинировать военно-полицейскую дѣятельность пограничныхъ властей Россіи и Пруссіи по отношенію къ отрядамъ польскихъ инсургентовъ—причемъ, пре-слѣдуя эти отряды, русскія войска могли переходить прусскую границу, не углубляясь, впрочемъ, дальше довольно узкой зоны; то же право получали и войска прусскія; кроме того, пограничные власти должны были обмѣниваться полицейскими свѣдѣніями о ходѣ польской революціи. Все это было лишь, мы сказали, «попыткой», ибо варшавское правительство, вел. кн. Константина Николаевича, весьма недовольное конвенціей, заключенной за его спиной, заявило, что оно въ содѣйствіи прусскихъ войскъ для подавленія революціи отнюдь не нуждается; вліятельные петербургскіе круги выражали сомнѣніе и въ тактичности, и въ цѣлесообразности сдѣланного шага: у нихъ была еще въ памяти венгерская кампанія Николая I, и они находили, что ставить Россію въ положеніе Австріи 1849 года обидно для русскаго самолюбія и практически не нужно—положеніе вовсе не такъ плохо; высказывались опасенія и насчетъ того, что разъ войдя, пруссаки могутъ и не уйти—опасенія, какъ увидимъ ниже, не совсѣмъ вздорныя. Словомъ, конвенція встрѣтила такой худой пріемъ, ею такъ явно не хотѣли пользоваться, что уже черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Альвенслебена въ Берлинъ тамъ чувствовали себя «крайне стѣсненными» актомъ 8 февраля, и мечтали только о томъ, чтобы «отдѣлаться отъ него безъ униженія»¹⁾. А немного позже Бисмаркъ завѣрялъ англійскаго посла, что конвенція останется «мертвой буквой»—и, кажется, это было искренно. Надо прибавить, что на практикѣ такъ и было, что касается, по крайней мѣрѣ, военной части конвенціи: содѣйствіе прусскихъ войскъ въ борьбѣ съ поляками было совершенноничтожно, и русскимъ войскамъ переходить прусскую границу пришлось въ единичныхъ, при томъ мелкихъ, случаяхъ. На ходѣ возстанія конвенція Альвенслебена никакого вліянія не имѣла.

¹⁾ Телеграмма англійскаго посла Бьюкенена министру иностранныхъ дѣлъ лорду Росселю, оть 27 февраля (н. ст.) 1863. См. Confidential correspondence of the British government respecting the insurrection in Poland 1863, ed. Filipowicz. Paris, 1914.

«Объявление войны» прусскимъ правительствомъ польскому народу повисло въ воздухѣ.

Почему же отъ этого холостого выстрѣла осталось такое громкое эхо? И что побудило Бисмарка итти на эту галеру, откуда онъ не зналъ, какъ сойти? Классическое объясненіе этого дано въ извѣстномъ труде Зибеля, котораго повторяютъ, въ этомъ пункте, не только нѣмецкіе, но и французскіе историки. «Трудно было бы решить, въ чёмъ была для Пруссии горшай опасность, въ победѣ ли, не слишкомъ, конечно, вѣроятной—красной инсуррекціи, предводимой Мѣрославскимъ, Мадзини и Гарибалльди, или въ созданіи автономной Польши подъ русской и французской опекой по планамъ Велепольского, Горчакова и вел. кн. Константина. Правда, красная партія уже въ Городло¹⁾, а потомъ снова въ моментъ начала восстанія, предъявила притязанія на Западную Пруссію, Познань, Померанію до Одера; среди тамошнихъ соотечественниковъ она уже собирала деньги и вербовала рекрутовъ, въ Познани была хорошо организованная (революціонная) администрація. Автономная Польша Вѣлепольского не пошла бы впередъ такъ неудержимо, но самого министра (т.-е. Вѣлепольского) постоянно подталкивали бы въ томъ же направлениіи польскіе патріоты, агитацией панславистовъ и его собственная ненависть къ нѣмцамъ,—а кн. Горчаковъ былъ бы послѣднимъ, кто нался бы на него узду. Ни для Познани, ни для Западной Пруссіи, ни для всей монархіи впредь не было бы ни одного часа спокойствія. Такъ, при первомъ извѣстіи о польскомъ восстаніи, въ Берлинѣ созрѣло рѣшеніе возвзвать непосредственно къ личнымъ чувствамъ императора Александра». Прусское правительство сознавало, какъ непопуляренъ будетъ его шагъ въ Европѣ: «пресса всѣхъ цивилизованныхъ странъ единодушно привѣтствовала воскресеніе поляковъ». Но «именно это обстоятельство обеспечивало прусскому генералу самый благосклонный приемъ со стороны имп. Александра». Послѣдній «отъ всего сердца пожалъ протянутую ему руку союзника: при его жизни нечего было бояться панславистического братанья поляковъ и русскихъ»... «Конвенціей и достигнутымъ, благодаря ей, укрѣплениемъ русской дружбы Бисмаркъ заложилъ первый камень въ фундаментъ будущаго величія Пруссіи». ²⁾ Не очень далеко отходитъ въ сторону отъ этой проторенной колеи и новѣйший французскій историкъ событий, имѣвшій подъ руками новые

¹⁾ Болльшая манифестація въ память соединенія Польши и Литвы, въ 1413 году, происходившая 30 сентября 1861 года.

²⁾ «Die Begründung d. deutschen Reichs durch Wilhelm I», II, ss. 488—491, 502.

источники, мемуары Бисмарка, вышедшие послѣ появленія книги Зибеля, и французскую дипломатическую переписку 1863 года. Въ основу своей характеристики г. Шарль-Ру кладетъ показаніе именно Бисмарка: конвенція Альвенслебена была «побѣдой, которую одержала, въ кабинетѣ императора Россіи, прусская политика надъ политикой польской». «Затянуть крѣпче узы солидарности, сложившейся именно на основѣ польскихъ раздѣловъ; дать почувствовать Александру II прочность прусской дружбы въ ту именно минуту, когда царь могъ опасаться быть покинутымъ Франціей и оставаться изолированнымъ въ Европѣ; поставить вѣху на пути къ еще болѣе тѣсному сближенію; сыграть штучку (*faire pi鑑e*) съ французскимъ правительствомъ: вотъ перспективы, которыя, сами по себѣ, могли соблазнить Бисмарка и, конечно, стоили того, чтобы изъ-за нихъ побезпокоить одного изъ прусскихъ генераловъ. Таковы, намъ кажется, были настоящія причины миссіи Альвенслебена и реальная цѣль конвенціи 8 февраля»¹⁾.

Легко замѣтить разницу оттѣнковъ этихъ двухъ версій: для Зибеля на первомъ планѣ борьба съ «панславизмомъ»,—для г. Шарля-Ру (и онъ, въ этомъ случаѣ, прямо слѣдуетъ Бисмарку) на первомъ мѣстѣ укрѣпленіе русско-prusского союза. Историкъ менѣе легко приспособляется къ новой обстановкѣ, чѣмъ дипломатъ: Зибель, политически воспитавшійся въ атмосфѣрѣ 40-хъ—60-хъ годовъ, никакъ не могъ перейти сразу на рельсы тройственного союза, гарантировавшаго Германію, между прочимъ, именно отъ панславизма, создавъ круговую поруку «Австрія—Германія»; что когда-нибудь получится комбинація, при которой Россія рискнетъ пойти и на Австрію и на Германію—это не всякому могло помѣститься въ голову даже въ 1908 году, не только что въ 1898-мъ. Для Бисмарка же 90-хъ гг. панславистскіе страхи были далекими прошлымъ, а одною изъ главныхъ цѣлей его мемуаровъ было обличить «неблагодарность» Россіи, вынудившую честную Пруссію отгородиться отъ коварной восточной сосѣдки германо-австрійскимъ соглашеніемъ 1879 г. Ибо Бисмаркъ не могъ не сознавать, что, разрывая съ русскими, онъ, нѣкоторымъ образомъ, предаетъ интересы все-европейской реакціи—и обеспечиваетъ союзника безбожной, республиканской Франціи; это не могло не тяготить его юнкерской совѣсти. Надо было показать, что «виноваты» сами русскіе. Этой общей концепціи бисмарковскихъ мемуаровъ, и ея возможнаго вліянія въ данномъ пунктѣ, г. Шарль-Ру, кажется, не уловилъ: но это и не такъ важно, потому что

¹⁾ Fr. Charles-Roux. «Alexandre II Gortchakoff et Napoléon III» pp. 331—2.

повторяемъ, разница между нимъ и Зибелемъ только въ оттѣнкѣ, по существу же они оба, одинаково, смотрятъ на событіе съ точки зре́нія *восточно-европейскихъ комбинацій и отношеній*. Но бывшій историкъ французской революціи былъ шире того «заданія», которое ставило ему его положеніе, какъ офиціального исторіографа Германской имперіи. Рядомъ съ основнымъ лейтмотивомъ конвенціи Альвенслебена, выразившимся въ тѣхъ фразахъ, какія мы процитировали, у Зибеля звучать мотивы, такъ сказать, второстепенные, попутные. Съ одного изъ такихъ второстепенныхъ мотивовъ онъ и начинаетъ. Характеризуя общую дипломатическую обстановку, среди которой возникла конвенція 8 февраля, и указавъ на то, какое неблагопріятное для Пруссіи сочетаніе силъ получалось, благодаря соприкосновенію интересовъ Англіи и Австріи на ближнемъ Востокѣ, Зибель продолжаетъ: «Но еще важнѣе и опаснѣе былъ поворотъ во французской политикѣ, происшедший осенью 1862 г.» Раздраженный плохо скрываемой тенденціей созданного при его же участіи итальянского королевства захватить Римъ, охраняемый французскимъ гарнизономъ, Наполеонъ III «рѣшилъ показать туринскому кабинету свое высочайшее неудовольствіе, назначилъ въ Римъ и Туринъ посланниковъ клерикального оттѣнка, и снова призвалъ къ руководству иностранными дѣлами, на мѣсто Тувенеля старого друга папы и Австріи—Друэна-де-Люи. Съ тѣхъ поръ въ Берлинѣ не могло быть и рѣчи о какомъ-нибудь довѣріи къ французской дружбѣ»¹⁾.

Стало быть, нужно искать, во что бы то ни стало, дружбы русской. Вотъ почему Пруссія «навязалась» къ Россіи съ конвенціей, о которой русское правительство ее вовсе не просило. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, получается отъ приведенного сейчасъ текста: мы увидимъ, что на самомъ дѣлѣ связь была нѣсколько иная. Пока для насъ важно отмѣтить одно: новый, «боковой», мотивъ Зибеля *выдвигаетъ на сцену Западную Европу*—вопросъ о конвенціи 8 февраля перестаетъ быть восточно-европейскимъ. И вотъ, чрезвычайно характерно, что для непосредственныхъ участниковъ событій на противоположномъ, такъ сказать, фронтѣ, для поляковъ, все вопросы стояли въ западно-европейской проекціи съ самаго начала. Всего выпуклѣе, не безъ драматической живости—рисуются событія въ воспоминаніяхъ извѣстнаго праваго польского публициста Козміана, редактора краковскаго «Часа» въ 1863 г.²⁾). Поднятое демократическими

¹⁾ Sybel, цит. соч., с. 488.

²⁾ «О 1863 годѣ. Польша и европейская дипломатія». Мы пользовались авторизованнымъ нѣмецкимъ переводомъ Ландау (Wien, 1896)—польского оригинала нѣть въ парижской национальной библіотекѣ.

элементами польского общества, «красными», восстаніе было этому, чрезвычайно «бѣлому», журналисту крайне несимпатично. Онъ былъ «противъ всякой поддержки возстанія и старался удержать своихъ друзей отъ участія въ немъ». Что его ободряло въ этой ориентациі, это видимое несочувствіе къ движенію императора Наполеона III—«единственаго, отъ кого можно было тогда ожидать помощи, поддержки при защитѣ польского дѣла». Отецъ Козміана былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Отелю Ламберу—парижскому дворцу Чарторыйскихъ и очагу аристократической польской эмиграціи—а *Hôtel Lambert*, въ свою очередь, былъ непосредственно связанъ съ Тюльрийскимъ дворцомъ. «Первые же сообщенія моего отца изъ Парижа клеймили начатое восстаніе эпитетомъ «легкомысленного». Почву для него можно было найти только въ отчаяніи, вызванномъ своеобразнымъ рекрутскимъ наборомъ¹⁾. Ни Наполеонъ, ни императорское правительство, ни Валевскій, и тѣмъ менѣе *Hôtel Lambert*, не давали никакого поощренія и не обѣщали никакой помощи; они видѣли въ восстаніи несчастье, пагубное начинаніе, уничтожающее послѣдніе шансы польского дѣла и, вначалѣ, не хотѣли въ немъ видѣть ничего, кроме простого сопротивленія рекрутскому набору».—«Поведеніе Наполеона и императорского правительства только подтверждало мой взглядъ на отсутствіе какихъ бы то ни было перспективъ иностранного вмѣшательства. Офиціозныя французскія газеты *«La France»* и *«Constitutionnel»*—послѣдняя непосредственно инспирируемая правительствомъ—осудили восстаніе и объявили его безнадежнымъ. Официальный *«Moniteur»* опубликовалъ 30 января письмо изъ Варшавы, позидимому, отъ французского консула Вальбезана, которое, собственно, не высказывалось ни за, ни противъ революціи, но прибавляло: «толпа несчастныхъ юношей не сможетъ оказать сопротивленія стотысячной арміи подъ командой опытныхъ офицеровъ»... Было ясно, что императоръ Наполеонъ не хочетъ и не можетъ использовать начавшееся въ Польшѣ восстаніе для того, чтобы поставить польскій вопросъ на очередь дня». 5 февраля, на запросъ въ законодательномъ корпусѣ Гюйара Делалена и Жюля Фавра по поводу Польши, министръ Бійо (*Billaut*) отвѣтилъ: «Франція не утратила своихъ старинныхъ симпатій къ Польшѣ, но она думаетъ, и правительство думаетъ вмѣстѣ съ нею, что автономіи этого королевства скорѣе можно

¹⁾ Какъ извѣстно, поводомъ для восстанія въ январѣ 1863 г. былъ рекрутскій наборъ въ Царствѣ Польскомъ, организованный, по особому плану Вѣлепольскаго, такъ что онъ долженъ былъ захватить въ ряды рекрутовъ всю «неблагонадежную» молодежь края.

ожидать отъ благородныхъ и либеральныхъ чувствованій российскаго императора, нежели отъ попытки возстанія, которое навлечетъ только новая бѣдствія на эту несчастную страну. *Жюль-Фавръ*: «это копія знаменитыхъ словъ: «порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ¹⁾». Исторія будетъ судить слова министра—она покажеть, какъ они были прискорбны!. *Бійо*: «Прискорбнѣе всего—это обманчивыя возбужденія чувства патріотизма, вспышки котораго могутъ привести только къ новымъ бѣдствіямъ (одобренія собранія). Правительство императора слишкомъ благоразумно, чтобы пустыми словами давать обманчивую пищу революціоннымъ страстиамъ, и оно слишкомъ дорожить своимъ достоинствомъ, достоинствомъ Франціи, чтобы позволить пятнадцать лѣтъ повторять въ адресѣ безполезныя слова и тщетные протесты (очень хорошо! очень хорошо!).»²⁾. Бійо получилъ полное одобрение императора, скоро—по другому поводу—выраженное публично въ «Монитёрѣ». А Гюаръ-Делалена президентъ законодательнаго корпуса, Морни, специальнѣ отговаривалъ—какъ узналъ отецъ Козміана—отъ его интерpellациіи, давая понять, что она будетъ непріятна императору (Делаленъ былъ членомъ правительственної партіи). Наконецъ, уничтожая послѣднія сомнѣнія, въ Krakovъ явился специальнѣйший гонецъ отъ Отеля Ламберъ съ инструкціями, гдѣ революція характеризовалась, какъ «безумное, достойное сожалѣнія, дѣло, которое не только не можетъ разсчитывать на поддержку Наполеона, но идетъ вразрѣзъ со всѣми его планами, со всей его польской политикой. Наполеонъ не имѣеть ни желанія, ни возможности взяться за оружіе въ интересахъ польскаго дѣла. Общественное мнѣніе Франціи не пошло бы на войну изъ-за Польши, а отсутствіе союзниковъ дѣлаетъ это уже совершенно невозможнымъ. Сближеніемъ съ Россіей, вліяніемъ на петербургскій кабинетъ, наконѣцъ, союзомъ съ сѣверной имперіей Наполеонъ надѣется помочь дѣлу, съ котораго онъ не спускаетъ глазъ и рѣшеніе котораго принадлежитъ къ главнымъ его задачамъ. Возстаніе мѣшаетъ осуществленію этихъ плановъ и можетъ ихъ совершенно разрушить. Помочь польскому дѣлу можно только, немедленно остановивъ возстаніе».

Козміанъ былъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайно обрадованъ парижскими инструкціями, говорившими вещи, столь близкія его сердцу. Krakовскіе «блѣлые» единогласно рѣшили бойкотировать

¹⁾ Слова министра Себастіани во франц. палатѣ 16 сент. 1831 г., по полученіи извѣстія о взятіи Варшавы Паскевичемъ.

²⁾ Цитируемъ по «L'Empire libéral» Эм. Оливье VI, 158—9. Послѣднія слова Бійо—намекъ на палату временъ Луи-Филиппа, каждый годъ въ адресѣ повторявшую протестъ по поводу насилия надъ Польшей въ 1831 году.

безумное предпріятіе «красныхъ». Гонца Отеля Ламберъ поспѣшили отправить во Львовъ—инструировать тамошнихъ патріотовъ того же оттѣнка. Козмянъ самъ проводилъ его на вокзалъ. Вернувшись домой, онъ нашелъ у себя шифрованную телеграмму. Она гласила: «Все измѣнилось. Считайте инструкціи не существующими. Поддерживайте борьбу такъ долго, какъ только можете». Козмянъ успѣлъ еще захватить парижскаго вѣстника на вокзалѣ и передать ему новость. Во Львовъ поѣхалъ лозунгъ: «Поддерживать восстаніе всѣми силами». А Krakovskій «Часъ» сдѣлался своего рода «Монитёромъ» польской инсуррекціи. «Телеграмма Отеля Ламберъ скоро нашла себѣ вѣрное эхо во французскихъ офиціозныхъ газетахъ. Они говорили теперь совсѣмъ другимъ тономъ; вмѣсто того, чтобы разочаровывать восставшихъ, онѣ ихъ подстрекали, вмѣсто того, чтобы осуждать, защищали ихъ. Даже «Монитёръ» сталъ помѣщать на своихъ столбцахъ подобныя, сочувственныея сообщенія о ходѣ революціи. Сразу все стало иначе, чѣмъ было раньше—это дѣйствовала прусско-русская военная конвенція 8 февраля» ¹⁾.

У насъ имѣется почти дословно тождественная характеристика положенія, идущая изъ другого источника—абсолютно не подозрительного со стороны возможнаго вліянія Отеля Ламберъ. Резюмируя для своего начальства парижскія настроенія съ начала восстанія, лордъ Каулей, британскій посолъ при тюильрійскомъ дворѣ, писалъ 3 марта лорду Росселю: «Отъ той минуты, когда, двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, въ русской Польшѣ обнаружились первые признаки революціоннаго настроенія ²⁾, до той минуты, когда стало извѣстно о подписаніи въ Петербургѣ русско-prusской конвенціи, отношеніе императора, его правительства, его печати (*sic!*) и народа вообще было, сравнительно, равнодушнымъ (*one of comparative apathy*). Общее и очень твердое убѣжденіе гласило, что поляки потеряли всякое право на французскія симпатіи своей интерптиностью во время Крымской войны; и ни открытыя правонарушенія русскихъ властей въ Польшѣ, ни негодующій, хотя нѣсколько эгоистическій протестъ польской партіи въ Парижѣ, не вели къ большему, чѣмъ заявленія сочувствія къ полякамъ, и сожалѣнія, что русскіе не обращаются съ ними лучше». Послѣдній актъ русского правительства, рекрутскій наборъ, не измѣнилъ настроенія, и Друэн-де-Люи говорилъ послу, что императоръ «не сдѣлаетъ ни одного шага, который бы шель вразрѣзъ съ дружескими чувствами,

¹⁾ Козмянъ, цит. соч. стр. 3, 4—5, 6, 8, 10—12.

²⁾ Лордъ Каулей ошибался; первые признаки обнаружились въ февралѣ 1861 г., за 24, а не за 12 мѣсяцевъ до восстанія.

питаемыми его величествомъ къ императору россійскому». «Однако же извѣстіе объ актѣ, подписанномъ въ С.-Петербургѣ, измѣнило направлениe мыслей императора» (Наполеона). «Участіе въ этомъ актѣ Пруссіи, при наличности нейтралитета Франціи, почувствовалось, какъ обида; правительство заговорило другимъ языкомъ, пресса подхватила, стало извѣстно, что министерство иностранныхъ дѣлъ занимается польскимъ вопросомъ, чувство возбужденія и неувѣренности овладѣло публикой, война показалась въ виду, правительственные бумаги упали, министръ финансовъ протестовалъ, въ пользу поляковъ была открыта публичная подписка, и въ теченіе нѣсколькихъ дней все возвѣщало приближеніе кризиса. Но среди этого лихорадочнаго возбужденія очень мало обращалось вниманія на участіе Россіи въ томъ актѣ, который это возбужденіе вызвало. Во всемъ виновата была одна Пруссія; Россія, довольно естественно, пользовалась всѣми средствами, какія представлялись, чтобы, во что бы то ни стало подавить восстаніе, свирѣпствующее въ одной изъ ея провинцій. Таковъ былъ языкъ императорскаго правительства. Акты Россіи, коими она зажгла пламя восстанія, оставались совершенно внѣ поля зрењія¹⁾.

Что вызвало вдругъ въ Парижѣ такую «чистую перемѣну», какъ говорять театральные декораторы? Обманывались ли тамъ насчетъ содержанія конвенціи, считая ее гораздо болѣе серьезной, нежели она была на самомъ дѣлѣ? Трудно это предположить: великій другъ Франціи, гордившійся русско-французскимъ союзомъ послѣ Крымской войны, какъ дѣломъ своихъ рукъ, кн. Горчаковъ немедленно же посвятилъ французскаго посла, Монте-белло, во всѣ подробности только что заключенной сдѣлки. Монтебелло зналъ не только, что допускала конвенція—очень немногое, мы видѣли,—онъ зналъ, что и этимъ немногимъ не собираются пользоваться во всей широтѣ²⁾. Правда, черезъ Лондонъ тюильрійскій кабинетъ могъ получить сообщенія, звучавшія менѣе успокоительно. Уже 14 февраля Бьюкененъ имѣлъ съ Бисмаркомъ хорошо извѣстный разговоръ (изложенный и у Зибеля, притомъ живѣе и подробнѣе, чѣмъ въ депешѣ самого Бьюкенена), гдѣ прусскій премьеръ указывалъ на возможность «завоеванія» Польши прусскими войсками, въ случаѣ, если Россія добровольно очистить Царство. Послѣдняя гипотеза

¹⁾ Цитированная выше (стр. 116) «Confidential Correspondence», напечатанная г. Филипповичемъ съ экземпляра, принадлежавшаго, повидимому, лорду Росселю—несравненно болѣе полнаго, чѣмъ «Синяя книга», розданная парламенту въ свое время. См. его предисловіе. Наша цитата взята со стр. 138—9. Курс. нашъ.

²⁾ См. Charles-Roux, цит. соч. стр. 330.

сложилась у Бисмарка еще въ бытность его посланникомъ въ Петербургъ,—откуда онъ уѣхалъ незадолго до начала возстанія; онъ упоминаетъ о ней и въ своихъ мемуарахъ; имп. Александръ II высказывался, будто бы, что еще его отецъ считалъ «прочной» русской границей Вислу и Наревъ—и что онъ самъ, въ случаѣ крайности, не прочь бы ею удовлетвориться, съ Варшавою, какъ *tête-de-pont*, предоставивъ остальную часть Царства ея собственной участіи¹⁾. Что, для Бисмарка, это не были только слова, показываютъ, съ одной стороны, военные приготовленія Пруссіи, съ другой—подготовка Бисмаркомъ прусского общественнаго мнѣнія къ такому шагу, какъ длительная, быть можетъ, навсегда—оккупация русской Польши. Для такого скромнаго предпріятія, какъ содѣйствіе русскимъ отрядамъ въ истребленіи польскихъ бандъ, была мобилизована почти половина прусской арміи—4 корпуса изъ 9. Въ то же время, какъ сообщили Бьюкенену либеральные члены прусского ландтага, Бисмаркъ, на балу у кронпринца, излагалъ одному изъ либеральныхъ лидеровъ (вице-президенту ландтага Беренду) такой планъ: если восстание приметъ грандіозные размѣры, Пруссія двинетъ свою армію въ Польшу и тогда, неnevѣроятно, эта армія оттуда уже не уйдетъ. «Я знаю хорошо почву въ Петербургѣ», говорилъ Бисмаркъ, и имѣю основаніе думать, что Россія очень охотно отдѣлается отъ Польши, если только послѣдняя окажется въ надежныхъ рукахъ. Въ такомъ случаѣ Польша, однако же, не будетъ управляться, какъ прусская провинція, *a составитъ отдельное королевство, соединенное съ Пруссіей только личной уніей*²⁾.

Нѣть надобности настаивать на громадномъ историческомъ интересѣ послѣднихъ словъ именно въ настоящую минуту. Только они даютъ надлежащее освѣщеніе неоднократно повторявшемуся—въ томъ числѣ, опять-таки, самимъ Бисмаркомъ—утвержденію, что «существованіе независимаго польскаго королевства несомнѣмѣ съ безопасностью Пруссіи»³⁾. Изъ этого нерѣдко выводили заключеніе, что ужъ, если кто никогда не возстановить Польши, такъ это Германія. А между тѣмъ, актъ 5 ноября 1916 г., въ сущности, является реализацией старого плана вождя даже не буржуазной Германіи, а, прежде всего, прусского юнкерства. Что быть «освободителемъ» Польши, практически, можетъ быть, гораздо выгоднѣе, чѣмъ ея «покорителемъ», это понималъ, въ теченіе исторіи XIX вѣка, не одинъ Александръ I. Если этотъ

¹⁾ «Gedanken u. Erinnerungen» I, 308.

²⁾ Донесеніе Бьюкенена Росселю отъ 20 февраля 1863 г. Correspondence, стр. 68—69.

³⁾ См. напр. депешу Бьюкенена отъ 14 февр., тамъ же, стр. 46.

послѣдній потерпѣлъ неудачу, то главнымъ образомъ, изъ-за невозможности сочетать, въ однѣхъ имперскихъ рамкахъ, конституціонную Польшу и самодержавную Россію. Невозможно было стать ограниченнымъ монархомъ на берегахъ Вислы, оставшись неограниченнымъ на берегахъ Невы: одно должно было убить другое, и убило, конечно, то, что было сильнѣе, старше и привычнѣе. Но Пруссія уже въ 1863 г. была конституціонной монархіей, Вильгельму I не пришлось бы двоиться, и забота могла быть только одна—не превратить прусскаго ландтага въ нѣкоторое подобіе позднѣйшаго австрійскаго рейхсрата, создавъ въ немъ черезчуръ могущественную польскую партію. Для этого, унія должна была остатся только личной, династической. На второмъ планѣ, была, конечно, и другая забота—о дальнѣйшей судьбѣ герцогства Познанскаго: но оно уже въ 1863 г. считалось германизированнымъ почти на половину въ томъ, что касается населенія, и больше, чѣмъ на половину по отношенію къ землевладѣнію: ¹⁾ здѣсь не было непосредственной опасности возстанія, и, дѣйствительно, движеніе 1863 г. Познань почти не коснулось; Познань сочувствовала революціи, отчасти—меньше, чѣмъ Галиція—являлась ея базой, но однимъ изъ ея очаговъ она не стала.

Нѣть никакихъ основаній думать, чтобы бальныя разговоры Бисмарка были секретомъ для Тюильри: да на балахъ и разговариваются не для того, чтобы сохранить секреты. Англію подозревали—и не даромъ—въ намѣреніи разстроить русско-французскую дружбу, становившуюся весьма стѣснительной для британскихъ интересовъ на Востокѣ, именно въ Сиріи ²⁾. Но Бисмаркъ прямо ссылался на готовность, будто бы, Россіи отдать пруссакамъ Польшу—ту Польшу, судьбами которой Наполеонъ III былъ заинтересованъ, чего и не скрывалъ. Онъ надѣялся, мы видѣли, отхлопотать для своей *protégée* автономію у Александра II—каково ему было бы узнать, что его «другъ» собирается сдѣлать изъ Польши—вассала Пруссіи? Сообщить въ Парижъ берлинскія сплетни былъ весь интересъ для британской дипломатіи, и она, конечно, это сдѣлала. Но если бы Наполеонъ дѣйствовалъ подъ ея импульсомъ и по ея плану, его гнѣвъ обрушился бы сразу и на Пруссію, и на Россію: а мы видѣли, что Каулей, не даромъ, разумѣется, отмѣчаетъ въ своей депешѣ, что Россіи въ Тюильри

¹⁾ Россель Каулею отъ 28 февр. 1863 г.; тамъ же; стр. 98. Нѣть надобности говорить, что это не были «личныя впечатлѣнія» англійского министра—онъ повторялъ данные прусской статистики своего времени.

²⁾ См. на этотъ счетъ Charles-Roux, цит. соч. I, глава 3 книги, особ. стр. 297. Авторъ даетъ, конечно, фактамъ здѣсь иное толкованіе, но ср. цитату его же изъ депеши Монтебелло на стр. 353.

явно стараются не замѣтить. А всего за недѣлю до этого — и послѣ не только извѣстія о конвенції, но и послѣ бесѣды Бисмарка съ Берендорфомъ—тотъ же Каулей далъ Росселю два маленькихъ, но чрезвычайно характерныхъ сообщенія: одно, что Россія проявила готовность сдѣлать, въ польскомъ вопросѣ, всѣ необходимыя уступки Франціи, но только *ей одной*, а другое, что французская полиція любезно дѣлится съ русскимъ посольствомъ результатами перлюстровки корреспонденціи Отеля Ламберъ съ польскими революціонерами. Интимныя отношенія, установившіяся, благодаря миссіи Морни, между Парижемъ и Петербургомъ, старались сохранить возможно дольше—и мы увидимъ, что они удѣрялись, дѣйствительно, гораздо дольше, нежели это обыкновенно думаютъ. А если прессѣ позволили (читатель помнить характерное выраженіе Каулея о парижскихъ газетахъ: «его прессы», прессы его величества императора французовъ) поднять тонъ по адресу Россіи, такъ необходима же была моральная подготовка общественного мнѣнія къ войнѣ—формально, изъ-за Польши. Но съ кѣмъ на самомъ дѣлѣ, а не формально, предполагалось вести войну, и изъ-за чего собственно?

Между сообщеніями о тѣхъ дипломатически-полицейскихъ любезностяхъ, которыми обмѣнивались Россія и Франція, и тѣмъ отчетомъ З марта, который мы цитировали въ подкрайпленіе разсказовъ Козміана, Каулей успѣлъ послать Росселю и еще одну депешу—едва ли не самую важную изъ всѣхъ за этотъ промежутокъ времени. Эта депеша, содержаніе которой авторъ просилъ своего корреспондента «держать въ секретѣ»,—очевидно, отъ большинства самого англійского кабинета, ибо для публики вся переписка была ультра-секретной—разсказываетъ о свиданіи Наполеона III съ кн. Меттернихомъ, австрійскимъ посломъ при тюильрійскомъ дворѣ. Меттернихъ немедленно же подѣлился своими впечатлѣніями со своимъ англійскимъ коллегой—вполнѣ подтвердивъ тѣмъ отзывы прусскихъ источниковъ, которыми пользовался Зибель, насчетъ того, что Англія и Австрія этого времени шли рука обь руку. Императоръ заявилъ послу, что онъ желалъ бы установить «тѣснѣйшее сближеніе» (*an ultimate understanding*) съ Австріей. По какому вопросу? спросилъ Меттернихъ. «По всѣмъ», отвѣтилъ Наполеонъ III. Меттернихъ объяснилъ тогда, что Австрія-то всегда этого желала, но французы всякий разъ требовали за свою дружбу такихъ пожертвованій съ ея стороны... Но императоръ твердо заявилъ, что теперь будетъ не такъ. Онъ готовъ поддерживать австрійскую политику по всей линіи, какъ въ Германіи, такъ и на Востокѣ (кромѣ, стало быть, замѣтимъ въ скобкахъ, Италіи). Нѣть вопроса, ‘по которому

Австрія и Франція не могли бы столкнуться. Англійская дружба, хотя въ общемъ цѣнная, и необходимая для Франціи, слишкомъ уже платоническая. Англія слишкомъ сильна, ее не заставишь идти въ поводу (Наполеонъ выразился мягче). А Россія, напротивъ, слишкомъ слаба. Отчего бы Австріи и Франціи не столкнуться? О чемъ же именно? Этимъ вопросомъ, конечно, прежде всего заинтересовался Каулей. Но его информаторъ не умѣлъ, или не хотѣлъ ему сообщить подробностей. Наполеонъ, будто бы, все время говорилъ вообще, тщательно избѣгая обмолвиться чѣмъ-нибудь конкретнымъ, по поводу чего отъ него могли бы потребовать положительного объясненія. Но Меттернихъ догадывался, что, ближайшимъ образомъ, его собесѣдникъ мѣтилъ на независимость Польши: а затѣмъ «для него нѣтъ сомнѣній, что къ этому примѣшивалась, въ качествѣ смутнаго призрака (floating visions), рѣйнская граница».

Три недѣли спустя призракъ былъ уже почти осязаемъ. Вернувшись въ Парижъ послѣ недолгой отлучки, Каулей нашелъ русско-французскія отношенія охладившимися на нѣсколько градусовъ, но не потому, чтобы Россія была менѣе любезна, или Наполеонъ непосредственно къ ней измѣнилъ отношеніе—а потому, что новые планы уже всецѣло владѣли французскимъ импераціоромъ. Ради этихъ плановъ Наполеонъ, какъ будто, даже не прочно былъ, чтобы Россія была поменѣе уступчива. Главное для него было пріобрѣсти «энергическое содѣйствіе австрійскаго правительства». Меттернихъ, правда, оказался прорицателемъ—французская дружба сейчасъ же потребовала новой австрійской ампутації, даже двухъ: Австрія не только должна была отказаться отъ Кракова и Галиціи въ пользу возстановляемой Польши, но и отъ Венеціи, въ пользу уже возстановленной Италіи. За то она должна была получить Силезію, что возстановить ея перевѣсь въ Германіи. На Востокѣ Франція будетъ идти съ нею рука объ руку въ дѣлѣ сохраненія Оттоманской имперіи—русско-французскій союзъ въ этомъ пунктѣ Наполеонъ категорически обѣщалъ разорвать. Зато «Франція и Австрія сдѣлаются великими консервативными державами Европы—заклятыми врагами революції». Австрію обольщали, такимъ образомъ, всѣми сладостями, о какихъ она могла мечтать—обѣщая ей всяческія побѣды и на вѣшнемъ, и на внутреннемъ фронтахъ. Что же должна была получить за свое великодушіе сама Франція? «Я долженъ обратить вниманіе вашего лордства на то раздраженіе, которое, повидимому, императоръ продолжаетъ сохранять по отношенію къ Пруссіи», писалъ Каулей. «Пруссія, съ одной стороны, теряетъ Силезію, съ другой—Рейнскія провин-

ці, такъ какъ, разумѣется, интересы Франціи не будутъ оставлены безъ вниманія въ этомъ союзѣ, который сдѣлаетъ Францію и Австрію госпожами судебъ Европы»¹⁾.

III.

Депеши Каулея сыграли чрезвычайно важную роль въ исторіи дипломатического конфликта 1863 года. Если Англія отказалась идти рука объ руку со своимъ официальнымъ союзникомъ, императоромъ французовъ, въ вопросѣ о Польшѣ—а на этомъ, мы увидимъ ниже, сорвалось, въ концѣ-концовъ, все «дипломатическое вмѣшательство»—то это потому, что лондонскій кабинетъ твердо усвоилъ себѣ точку зренія своего парижскаго представителя. «Ваше величество знаете, что мы избѣжали ловушки, которую подставляль намъ императоръ французовъ своимъ проектомъ тождественной, составленной въ рѣзкихъ выраженіяхъ ноты прусскому правительству», писалъ бельгійскому королю Пальмерстону. «Отказъ исполнить требованія, заключавшіяся въ этой нотѣ, Франція хотѣла, очевидно, использовать, *какъ предлогъ, чтобы занять рейнскія провинціи*, и французское правительство обнаружило чрезвычайное неудовольствіе по поводу неудачи своего плана»²⁾. Французскіе историки очень не одобряютъ подозрительности англичанъ, говорять съ пренебреженіемъ о «призракѣ» войны за Рейнъ, и не безъ сожалѣнія о бѣдномъ, гуманномъ и сентиментальномъ Наполеонѣ III, которому безсердечные британцы могли приписывать адскіе планы общеевропейской войны, тогда какъ онъ ни о чёмъ такъ не мечталъ, какъ о всеобщемъ мирѣ. Гуманный и сентиментальный Наполеонъ III, быть можетъ, бытъ здоровой реакцией противъ безсердечнаго и хитраго деспота республиканскихъ памфлетовъ 60-хъ годовъ. Но теперь прошла пора, какъ памфлетовъ, такъ и апологій. Эту крупную историческую личность время признать за то, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ—за *одного изъ типичнѣйшихъ выразителей французскаго имперіализма*. А мы достаточно видѣли имперіалистовъ за работой, чтобы не считать возможнымъ сочетанія съ этой профессіей гуманности и сентиментальности... Ниже читатели найдутъ документальныя доказательства того, что по части безсердечнаго хищничества Наполеонъ III не уступалъ кому бы то ни было въ рядахъ данной разновидности. Вопросъ не о томъ, способенъ ли онъ бытъ, ради территоріальныхъ пріобрѣтеній, затѣять кровопролитіе,—а толь-

¹⁾ Депеша отъ 17 марта 1863, «Correspondence» 233—235, предыдущая депеша отъ 27 февраля, *ibid.* 96—7.

²⁾ Письмо отъ 13 марта 1863, *у Оливье*, «L'Empire libéral», VI 119.

ко въ томъ, во-первыхъ, шли ли его территоріальные аппетиты именно *въ данномъ* направлениі, во-вторыхъ, историкъ материалистъ не можетъ оставить безъ отвѣта—безъ попытки отвѣта, по крайней мѣрѣ—вопроса о томъ, чи^з *объективныя* стремленія выражалъ въ этомъ случаѣ официальный представитель французской политики; наконецъ, въ третьихъ,—почему эти стремленія не получили удовлетворенія. Этотъ третій вопросъ снова вернетъ нась изъ области экономической политики въ область дипломатіи, такъ сказать, «чистой»—«самой въ себѣ».

Что касается первого вопроса, то характерно, что «призракъ» рейнской границы всплываетъ, въ ближайшихъ хронологическихъ окрестностяхъ изучаемаго нами момента, не только подъ перомъ британскихъ дипломатовъ, но и въ мемуарахъ непосредственныхъ сотрудниковъ Наполеона III. Всѣмъ извѣстно, какое исключительное мѣсто, среди ближайшаго антуражка этого послѣдняго, занималъ Персины. Его отношение къ Наполеону вполнѣ выражается стариннымъ словомъ «наперсникъ». Морни былъ ближе къ семье Бонапартовъ, былъ гораздо тоньше и политически развитѣе отставного гусарскаго юнкера темнаго происхожденія, котораго коронованный другъ сдѣлалъ министромъ и герцогомъ: но, именно поэтому, Морни имѣлъ свою политику, далеко не всегда совпадавшую съ политикой Наполеона. Морни не хотѣлъ Крымской войны—Наполеонъ ее велъ. Морни былъ противъ войны и изъ-за Польши (и тутъ, конечно, не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что онъ былъ женатъ на Трубецкой—какъ объясняли дѣло польскіе патріоты, которымъ вездѣ мерещилась русская интрига)—а Наполеонъ собирался ее вести, и былъ остановленъ только обстоятельствами, не зависѣвшими отъ его воли. Даже, когда они сходились на одномъ рѣшеніи, мотивы и точки зрѣнія были разныя: такъ было, напримѣръ, съ мексиканской экспедиціей. Причемъ, какъ это ни удивительно—ибо изъ двухъ сыновей королевы Гортензіи, сидѣвшаго на престолѣ, принято считать менѣе даровитымъ, чѣмъ тотъ, который помогалъ ему взойти на престолъ,—Наполеонъ III, въ мексиканскомъ вопросѣ, оказался способнымъ къ болѣе широкому кругозору и къ болѣе глубокому анализу, нежели его сводный братъ. Но къ мексиканскому вопросу мы еще вернемся: его связь съ дипломатическими конфликтами начала 60-хъ годовъ давно намѣчалась историками Второй имперіи, и мы увидимъ, что связь эта не только дипломатическая. Пока остановимся на фактахъ, сообщаемыхъ мемуарами Персины: такъ какъ ради этихъ фактовъ мы и завели рѣчь о ближайшихъ друзьяхъ Наполеона III. Персины, повторяемъ, изъ нихъ двоихъ всѣми

считался наиболѣе вѣрнымъ эхомъ интимныхъ мыслей и плановъ императора: и хотя онъ самъ очень охотно приписываетъ себѣ авторство тѣхъ изъ нихъ, которые казались ему особенно геніальными, едва ли эта претензія Персины была основательнѣе его другой претензіи—происходить чуть ли не отъ крестоносцевъ. Весной 1866 года, передъ австро-прусскою войной, когда «Германія пылала, дипломатическая средства были уже исчерпаны, предложеніе о созывѣ конгресса провалилось, арміи уже стояли другъ противъ друга», Наполеонъ III созвалъ своихъ сотрудниковъ на чрезвычайный совѣтъ. Послѣ ряда никчемныхъ и безсодержательныхъ—по Персины—разсужденій, среди которыхъ приходится отмѣтить, однако, выступленіе министра народнаго просвѣщенія, Дюрюи, очень горячо говорившаго о завоеваніи Рейна, «думая понравиться этимъ императору» (итакъ, кто желалъ Наполеону понравиться, говорилъ о Рейнѣ...)—взялъ слово авторъ мемуаровъ, поразившій всѣхъ глубиною своего сужденія, и, главное, немедленно же снискавшій полную апробацію своимъ мнѣніемъ со стороны своего государя. Эта быстрота, съ которой Наполеонъ выразилъ согласіе на очень сложный, рискованный и фантастический, въ сущности, планъ, даетъ большое основаніе подозрѣвать, что Персины былъ просто рупоромъ своего друга, не желавшаго связать собраніе изложеніемъ императорскихъ мыслей непосредственно самимъ императоромъ. Въ основныхъ чертахъ планъ состоять въ слѣдующемъ: завоевать Рейнъ нельзя—это встрѣтить сильнѣйшее сопротивленіе со стороны германского общественного мнѣнія, достигшаго максимальной высоты націоналистического подъема. Наговоривъ множество демагогическихъ фразъ о «принципѣ національностей», Наполеонъ, послѣ 15 лѣтъ царствованія, началъ, наконецъ, понимать, что слово становится плотью—и что съ «принципомъ національностей», въ самомъ дѣлѣ, нужно считаться. Но завладѣть рейнской границей все же можно—притомъ съ согласія, и даже при содѣйствії той самой Пруссіи, съ которой пришлось бы воевать изъ-за попытки перенести на Рейнъ политическую границу Франціи. Дѣло въ томъ, что Пруссія тяготится территоріальной путаницей западной Германіи, разрѣзывающей ея собственную территорію на нѣсколько кусковъ—на югъ же ея претензіи не идутъ дальше Майна. Отдать ей все, что къ востоку отъ Рейна и къ сѣверу отъ Майна—получится компактная, внутренне цѣлостная масса, съ увеличеніемъ прусскаго населенія на нѣсколько миллионовъ. Зато Пруссія должна поступиться тѣмъ, что у нея есть къ западу отъ Рейна—не въ пользу Франціи, а въ пользу медіатизированныхъ Пруссіей нѣмецкихъ князей

праваго (восточнаго) рейнскаго берега. «Рейнскія провинціи» изъ прусской области превратятся въ пеструю шашечницу мелкихъ княжествъ, гдѣ вновь найдутъ свои державныя права живые памятники разгрома, до котораго когда-то довела Германію тридцатилѣтняя война¹⁾. «Съ того момента, какъ вмѣсто великой державы, какою является Пруссія, на нашей открытой границѣ будуть только мелкія нѣмецкія государства, вставленные между нами и ю, какъ буфера, чтобы ослабить толчки, отъ дѣла 1815 г. ничего не останется; намъ не будуть угрожать ни съ какой стороны. Тогда, если мы будемъ достаточно ловки, если мы сумѣемъ использовать то вліяніе, которое оказываютъ на современное общество желѣзныя дороги, таможенные тарифы и коммерческія сношенія, сумѣемъ создать новые интересы между рейнскими провинціями и нашими сѣверо-восточными департаментами, облегчить напримѣръ, ввозъ къ намъ сарскаго угля; наконецъ, дѣйствовать черезъ посредство нашего высшаго духовенства на католическое населеніе (прирейнской Германіи)—намъ останется немногого, чтобы закончить нашу географическую конституцію. Достаточно, пробуждая воспоминанія первыхъ вѣковъ нашей исторіи, создать «Галльскую Конфедерацию», изъ Голландіи, Бельгіи, Люксембурга, Рейнскихъ государствъ и Франціи, чтобы завоевать наши естественные границы. Тогда, не затрагивая принциповъ, которые мы сами провозгласили (т.-е. «принципа національностей»), не оскорбляя ничьего національнаго самолюбія, съ единственной разницей—имѣть, вмѣсто префектовъ, въ Брюсселѣ, въ Гаагѣ, въ Майнцѣ, въ Кобленцѣ, государей—мы возстановимъ великую имперію во всей ея силѣ, во всемъ ея блескѣ»²⁾.

Какъ видимъ, планъ хоть куда—у него нѣть недостатка даже въ «экономическомъ базисѣ», въ образѣ сарского каменнаго угля; мы сейчасъ увидимъ объективную подкладку этой замѣчательной строчки мемуаровъ Персины, показывающей, что если Наполеонъ III и былъ, какъ всѣ, орудіемъ стихійныхъ экономическихъ силъ, то онъ не былъ, во всякомъ случаѣ, слѣпымъ орудіемъ. Бѣда была въ томъ, что «сарскій уголь» нуженъ былъ самой Пруссіи, и что она лучше умѣла его и сохранить и использовать, нежели ея западная сосѣдка. А въ осталъномъ, проектъ 1866 г. прямо шелъ навстрѣчу тому, что развивалъ, четырьмя годами раньше, въ Парижѣ, Бисмаркъ—въ бытность

¹⁾ Въ газетахъ читатели могли видѣть недавно аналогичный планъ г. Ганото—только болѣе широкій, возвращавшій къ Вестфальскому миру не одну западную, а всю вообще Германію. Наполеонъ III былъ скромнѣе.

²⁾ «Mémoires du duc de Persigny», Paris, 1896, pr. 327—333.

свою прусскимъ посломъ при тюльпирійскомъ дворѣ. «Пруссія не можетъ оставаться въ своихъ теперешнихъ границахъ», говорилъ онъ тогда: «Кассель и Нассау сжимаютъ ей животъ, Ганноверъ свихнулъ ей плечо; она висить на воздухѣ; ей нужно округлиться, и, въ интересахъ общеевропейской цивілізації, выработать себѣ болѣе уравновѣшеннѣе тѣлосложеніе—усѣсться попрямѣе. А какое есть для этого другое средство, какъ ворѣть въ себя нѣсколько изъ этихъ мелкихъ государствъ, неспособныхъ къ самостоятельнымъ движеніямъ и стѣсняющихъ движенія другихъ, да опрокинуть этотъ насквозь прогнившій Германскій Союзъ, настоящій бичъ Германіи. Это расширеніе Пруссіи не должно беспокоить Францію; дѣло идетъ не о томъ, чтобы объединить Германію подъ одной властью; у *prusского честолюбія есть необходи́мый предълъ: Майнъ: дальне Пруссія не пойдеть*. Югъ будетъ принадлежать, или будетъ всегда тяготѣть къ Австріи. Пруссія независимая, свободная отъ всякаго подчиненія Россіи или Австріи, станетъ драгоцѣнной союзницей. Сколько вопросовъ—восточный, итальянскій, даже польскій, неразрѣшенныхъ юнѣ, будуть разрѣшены союзомъ народа Наполеона съ народомъ Фридриха Великаго. Ничто, впрочемъ, не помѣшало бы Франціи и самой округлиться, если бы она нашла это необходимымъ для своей безопасноти или для своего вліянія. *О рейнскихъ провинціяхъ не можетъ быть рѣчи—ихъ не уступять ни за какую цѣну—она, впрочемъ, и имѣла мудрость отъ нихъ отказаться (!): но вотъ Бельгія—совсѣмъ готовая добыча...*¹⁾.

Читатель согласится, что человѣкъ, составлявшій «планъ Персины», имѣлъ передъ глазами—или въ твердой памяти—программу Бисмарка. Бѣда въ томъ, что программа то относилась къ 1862 году, а планъ къ 1866-му; исторія же не прощаетъ опозданія не только на четыре года, а и на четыре дня. Не говоря уже о томъ, что Пруссія, собираясь рушить «насквозь прогнившее зданіе Германскаго Союза», имѣла въ своемъ распоряженіи лучшую армію въ Европѣ, а не мобилизацію французской арміи—по справкамъ, предусмотрительно наведеннымъ Бисмаркомъ въ томъ же 1866 г.—нужно было *4 мѣсяца*²⁾. Вся же австро-прусская война 1866 г. длилась, какъ извѣстно, въ недѣль: не было никакой опасности, чтобы французы были готовы вѣ-время. Разговоры Персины о «Галльской Конфедерациі» имѣли не больше практическихъ послѣдствій, чѣмъ игра любого граммофона: послушали

¹⁾ Оливье, цит. соч., V, 555—6. Къ сожалѣнію, Оливье не даетъ точнаго указанія, передъ кѣмъ держались такія рѣчи; можно только догадаться, что «внѣ официальныхъ круговъ»—собесѣдникомъ Бисмарка могъ быть Тьеръ или самъ Оливье.

²⁾ См. мемуары Персины, стр. 358 и сл.

и разошлись. Хотя сыгранная пьеса отнюдь не была плоха, и ея лейтмотивъ, «карский уголь», отражалъ жгучую, жизненную потребность французского экономического развитія.

Начиная съ 30-хъ годовъ XIX вѣка Франція, какъ будто, захотѣла измѣнить своей традиціонной репутаціи,—страны *мелкаго* производства. Въ ней начинаетъ развиваться крупная «машинная» индустрія. Она работаетъ не столько для внутренняго рынка, сколько для вывоза—и въ этой области не боится такой соперницы, какъ сама родина фабричнаго производства, Великобританія. Ихъ соотвѣтственный ввозъ и вывозъ давали такую картину, въ началѣ Второй имперіи:

	Французскій ввозъ въ Англію	Англійскій ввозъ во Францію.
Года.	Тысячи фунтовъ стерлинговъ.	
1855	9.140	6.012
1860	17.774	5.249
1864	25.640	8.200

Французскій ввозъ увеличился почти *втрое*—тогда какъ англійскій, за тотъ же промежутокъ времени, не возросъ и на 50 %. Особенно быстро, можно сказать, «на глазахъ» росла французская *текстильная промышленность*.

Вывозъ изъ Франціи матерій.

(Милліоны франковъ).

Года.	шелковыхъ	шерстяныхъ хлопчатобумажныхъ.
1861	322,9	188
1862	363,2	221,5
1863	375,8	283

Машинѣ нуженъ уголь—и французскія машины «ѣли уголь» въ пропорції, соотвѣтствавшей росту ихъ производительности. Въ 1847 г. французская промышленность потребила 7.649 тысяч метрич. кванталовъ ($\frac{1}{100}$ килогр.) угля, изъ которыхъ 5.153 тыс. метр. кванталовъ было добыто во Франціи—въ 1859 г. первая цифра поднялась до 13.064 тысяч метр. кванталовъ, а вторая лишь до 8.483: все большую и большую долю угля надо было ввозить. Читатель теперь понимаетъ, почему о «карскомъ углѣ» приходилось говорить даже на ультра-торжественныхъ засѣданіяхъ императорскаго тайного совѣта. Дѣйствительно, только слюнки могли потечь, если взглянуть въ сторону Рейнскихъ

провинцій Германіи. Тамъ добыча угля въ XIX в. шла въ такой прогрессії:

Года	милліоны тоннъ.
1850.	3,2
1860.	7
1870.	15
1890.	41

(Послѣдняя цифра заимствована нами у J. Huret «En Allemagne» Paris, 1907; предыдущія—изъ Statesman's Year book за соотвѣт. годы).

При конкуренціі съ Англіей—а мы видѣли, для начала она была небезуспѣшна—приходилось сравнивать французскія условія, главнымъ образомъ, съ англійскими: и тутъ достаточно сказать, что въ 1862 г. французская добыча угля составляла всего $\frac{1}{10}$ англійской. Но для машинной индустріи нуженъ не только уголь, а и желе́зъ. Французская металлургія также обнаруживала тенденцію расти очень быстро (выплавка чугуна въ 1859 г.—859 тыс. тоннъ, въ 1862—1.053 тыс. тоннъ): но Франція до самаго конца XIX в. разсматривалась всѣми, какъ страна, обдѣленная минеральными богатствами; въ послѣдніе еще годы этого столѣтія французское производство стали было ниже русскаго—и никто тогда не позѣрилъ бы, что черезъ нѣсколько лѣтъ Франція начнетъ вывозить руду за границу. При Наполеонѣ III безпомощность Франціи въ этомъ отношеніи была настолько очевидна, что французское правительство не усомнилось понизить таможенный барьеръ передъ продуктами англійской металлургіи и, еще болѣе англійскимъ углемъ,—въ обмѣнъ на соотвѣтствующія уступки по ввозу французскихъ винъ и шелковыхъ матерій въ Англію¹⁾. Бисмаркъ, мы видѣли, коварно кивалъ на Бельгію, гдѣ были и уголь и желе́зъ: но аннексировать Бельгію—значило разорвать съ Англіей, а франко-англійскій союзъ въ 1862—64 г. отнюдь еще не могъ считаться исчерпаннымъ до дна. Въ концѣ-концовъ, приходилось искать металловъ очень далеко: въ Мексикѣ.

Исторія мексиканской экспедиціи настолько тѣсно связана съ имперіалистской политикой Наполеона III первой половины 60-хъ годовъ, и, въ то же время, настолько мало можетъ считаться извѣстной, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы столь далекому, географически, отъ береговъ Вислы сюжету посвятимъ пару—другую страницу. Если пишущій эти строки долженъ быть усвоить себѣ «англійскую» точку зрѣнія на вопросъ о мотивахъ

¹⁾ Англо-французскій торговый договоръ 23 января 1860 г.; анализъ его и виѣшнюю исторію см. у La Gorce «Histoire du Second Empire», III, 213..

вмѣшательства Франціи въ польскія дѣла—а, стало быть, и на русско-прусскую конвенцію 8 февраля 1863 г.,—то убѣдила его въ этомъ, окончательно, именно мексиканская экспедиція: а всякий авторъ имѣетъ право вести читателя по тому пути, какимъ шелъ самъ, по возможности сокращая испытанныя имъ самимъ трудности дороги, разумѣется.

Настоящія причины мексиканской экспедиціи долгое время оставались не вполнѣ выясненными—не только для современниковъ, но и для позднѣйшихъ историковъ, по крайней мѣрѣ, французскихъ. Первое не удивительно—по отношенію къ современникамъ принимаются, обыкновенно, всѣ мѣры, чтобы они не знали, а, въ особенности, не понимали происходящаго: правительство Второй имперіи было въ этой области всеобщимъ учителемъ (русское законодательство о печати 1860-хъ г.г. есть, какъ извѣстно, копія французскаго), и до сихъ поръ осталось трудно превосходимымъ образцомъ. Второе не такъ легко можетъ быть оправдано: людямъ, входившимъ во французскіе архивы, вѣроятно, не слишкомъ трудно было достать въ 1890-хъ годахъ подлинники тѣхъ секретныхъ инструкцій Наполеона III, которыя были напечатаны мексиканскимъ историкомъ Женаро Гарсіа съ копій; сохранившихся въ архивѣ маршала Базэна, умершаго, какъ извѣстно въ изгнаніи, почему его бумаги и стали общимъ достояніемъ раньше, чѣмъ это полагается документамъ такой важности¹⁾. Какъ бы то ни было совершенно ясно что такой авторитетъ для исторіи своего времени, какъ Эм. Оливье, на которого приходится ссылаться всякому, пишущему о Второй имперіи, или не зналъ этихъ инструкцій или притворился, что не зналъ—не подозрѣвая о сюрпризѣ, который готовятъ ему мексиканская находки. На сценѣ до сегодняшняго дня, можно сказать, остаются двѣ точки зренія—официальная, императорскаго правительства, и анти-официальная, если можно такъ выразиться—республиканскихъ памфлетовъ. Первая разумѣется изображала походъ французскихъ войскъ по Мексикѣ, какъ борьбу за свободу и цивилизацио. Въ виду извѣстнаго намъ «принципа національностей» цивилизацио украсили эпитетомъ «латинской»—вспомнивъ, что населяющіе Мексику потомки древнихъ ацтековъ говорятъ по-испански. Труднѣе было со «свободой»—такъ какъ дѣло сводилось къ замѣнѣ республиканского режима, утвердившагося въ Мексикѣ, монархическимъ: но тутъ на выручку пришла религія. Мексиканскіе демократы, группировавшіеся около Хуареса, были чрезвычайно послѣдовательными антиклерикалами—а во

¹⁾ Или подлинники сгорѣли во время Коммуны?

Франціі 60-хъ годовъ вліяніе католическаго духовенства было еще во много разъ сильнѣе, чѣмъ теперь. Закрытіе монастырей, конфискацію церковныхъ имуществъ и тому подобныя мѣры хуаристовъ легко было изобразить чуть ли не какъ новое гоненіе на христіанъ—и, кромѣ горсти убѣжденныхъ республиканцевъ, ни съ чьей стороны не встрѣтилось ни возраженій ни критики. Окончательную ретушь дали конечно «звѣрства»—совершившіяся мексиканскими республиканцами какъ и всякимъ «врагомъ» когда это полагается по программѣ¹⁾. Правда дипломатические представители союзной Наполеону III Англіи удивлялись, какъ это ни имъ ни ихъ подчиненнымъ не довелось быть свидѣтелями ни одного звѣрства мексиканцевъ надъ французами, но французскій представитель, знаменитый въ исторіи мексиканской авантюры Салины, гордо отвѣтилъ на это, что «французы конечно, ищутъ защиты не въ англійскихъ консульствахъ». Словомъ въ офиціальномъ изображеніи дѣла все было на своемъ мѣстѣ. Изъ республиканскихъ памфлетистовъ поистинѣ геніальнуу проницательность обнаружилъ въ пониманіи политической стороны дѣла по крайней мѣрѣ Эдгаръ Кинѣ²⁾. Онъ прямо утверждалъ что Наполеоновскія войска плывутъ черезъ океанъ, чтобы добивать великую сѣверо-американскую демократію, казавшуюся тогда, благодаря междоусобной войнѣ, на краю гибели. Это могло представляться въ свое время особенно «памфлетнымъ» мотивомъ—что было Наполеону, у котораго хлопотъ полонъ рать въ Европѣ, гнаться за такими далекими журавлями? И при свѣтѣ опубликованныхъ въ новѣйшее время бумагъ это оказалось буквально вѣрнымъ. Вотъ, что писалъ Наполеонъ III въ секретной инструкціи генералу Форэ, когда тотъ былъ назначенъ главнокомандующимъ экспедиціей: «При современномъ положеніи міровой цивилизаціи благосостояніе Америки не можетъ быть безразлично для Европы—такъ какъ Америка питаетъ нашу индустрію и даетъ жить нашей торговлѣ. Мы заинтересованы въ томъ, чтобы республика Соединенныхъ Штатовъ была могущественной и процвѣтающей, но въ наши интересы совсѣмъ не входить, чтобы она овладѣла всѣмъ Мексиканскимъ заливомъ, господствовала, благодаря этому, надъ Антильскими островами и Южной Америкой и была единственной распорядительницей продуктовъ Нового Мира. Овладѣвъ Мексикой, а стало быть, центральной Америкой и перешейкомъ между двумя морями,

¹⁾ Въ концѣ 1870-хъ гг., напримѣръ, въ дни англо-русскоаго конфликта, въ русской печати усиленно разрабатывался мотивъ «англійскихъ звѣрствъ».

²⁾ «Expédition du Mexique» помѣченная Veytaux, въ Швейцаріи, 1862 годъ.

Соединенные Штаты не имѣли бы болѣе соперниковъ въ Америкѣ. Если, напротивъ, Мексика отстоитъ свою независимость и сократить въ неприкосновенности свою территорію, и если тамъ установится при помощи оружія Франціи прочное правительство—мы противопоставимъ захватамъ Соединенныхъ Штатовъ несокрушимую плотину, обезпечимъ независимость антильскихъ колоній нашихъ и неблагодарнай Испаніи, утвердимъ наше благодѣтельное вліяніе въ центрѣ Америки, и это вліяніе, распространяясь къ сѣверу и къ югу создастъ огромные рынки для нашей торговли и снабдить необходимыми материалами нашу промышленность»¹⁾.

Когда впослѣдствіи Базэнь снабжалъ техасскихъ конфедератовъ ружьями, изъ которыхъ они должны были стрѣлять въ солдатъ Линкольна, это было, какъ видимъ, столь же мало случайно, какъ и то, что, покончивъ съ конфедератами, эти солдаты не имѣли передъ собою иного врага, кромѣ французовъ въ Мексикѣ. Война Соединенныхъ Штатовъ съ Франціей изъ-за центральной Америки была бы естественнымъ логическимъ завершеніемъ американской междоусобной войны 1861—65 г.г., если бы у Наполеона III и на этотъ разъ хватило смѣлости сдѣлать то, о чёмъ онъ такъ хорошо разсуждалъ. Но если французской арміи нужно было 4 мѣсяца, чтобы мобилизоваться въ Европѣ, сколько времени и средствъ—нужно было, чтобы перевезти въ Америку военные силы, способныя дать отпоръ пяти стамъ тысячамъ штыковъ генерала Гранта? Наполеонъ въ своей инструкціи обнаружилъ большую дальновидность, но, какъ всѣ дальновидкіе люди, онъ плохо видѣлъ вблизи: чтобы Соединенные Штаты «не имѣли соперниковъ» въ Америкѣ вовсе не нужно было чтобы «полосы и звѣзды» развивались надъ панамскимъ перешейкомъ—достаточно было, что онъ взвились надъ Ричмондомъ.

Побѣды сѣверянъ въ Виргиніи въ 1864—65 г.г. должны были положить конецъ мексиканской экспедиціи, и Эдгаръ Кинѣ могъ бы это предсказать уже въ 1862 г.

Менѣе счастливы были республиканскіе памфлеты въ томъ, что касалось непосредственныхъ конкретныхъ мотивовъ экспедиціи. Тутъ обычно эксплоатировались связи Морни съ различными, болѣе чѣмъ темными, биржевыми дѣльцами, въ родѣ банкира Жекера, ссудившаго мексиканской республикѣ нѣсколько менѣе 2 миллионовъ франковъ и желавшаго за это получить—75. Реализовать такого размѣра барыша было бы дѣй-

¹⁾ Инструкція 3 июля 1862 г. «Documents par a la Historia de Mexico. XIV. La intervencion francesa en Mexico segun el archivo del Mariscal Bazaine». Mexico, 1907., стр. 13—15.

ствительно трудно безъ вооруженной экспедиціи въ любой странѣ. Поскольку эти связи засвидѣтельствованы документами—письмами Жекера къ Морни—противъ самаго факта возражать, разумѣется, не приходится. Если у кого является къ тому охота, ему ничего не остается, какъ инсинуировать, что документы поддѣланы—какъ это и пробуетъ Оливье: но, имѣя въ рукахъ доказательства, не инсинуируютъ—иными словами, доказательствъ подлога у Оливье нѣтъ. Повторяемъ, фактъ едва ли сомнителенъ. Но къ истиннымъ причинамъ набѣга на Мексику онъ относится примѣрно такъ же, какъ операциіи карманныхъ воришекъ на пожарѣ—къ поджогу. Пожаръ зажгли не Морни съ Жекеромъ: вполнѣ возможно, что первый былъ даже недоволенъ экспедиціей въ тѣхъ грандіозныхъ размѣрахъ, какіе пришлось дать, когда неудача первой атаки на Пуэбло сдѣлала успѣхъ вопросомъ чести французскаго оружія. Морни былъ противъ всего, что можетъ вызвать биржевую панику. А главное, нѣть никакой нужды искать мотивовъ, когда они даны намъ, въ инструкціяхъ, подписанныхъ Наполеономъ съ рѣдкою отчетливостью. «Итакъ» заканчиваетъ уже цитированная нами инструкція генералу Форэ, только что смѣнившему побитаго подъ Пуэблою Лорансѣ —«наша задѣтая военная честь требованія нашей политики, интересъ нашей промышленности и нашей торговли, все дѣлаетъ нашей обязанностью —идти на Мексико (т.-е. на столицу республики) и смѣло поднять надъ нимъ наше знамя...» Это общее настойчивое указаніе—мы встрѣчаемъ его, на протяженіи одной инструкції, уже второй разъ—дополняется частичными, преслѣдующими ту же цѣль. «Я забылъ Вамъ сказать, что было бы чрезвычайно полезно уменьшить таможенные пошлины, которыя (въ Мексикѣ) чрезмѣрно высоки; это очень оживило бы нашу торговлю» (инструкція 14 апрѣля 1863). Забывчивость императора объясняется не тѣмъ, что предметъ былъ второстепенный, а тѣмъ, что дѣло представлялось само собою разумѣющимся, что ясно видно изъ примѣчанія Форэ: «Я уже распорядился понизить ихъ (пошлины) на 50 %». Смѣнившій Форэ Базэнъ съ большой понятливостью шелъ по той же дорогѣ. Совершенно очевидно, что мы должны воспользоваться нашимъ пребываніемъ въ Мексикѣ, чтобы распространить нашу торговлю, сдѣлаться, такъ сказать, господами рынка»¹⁾. Базэнъ, въ этомъ случаѣ, не забѣгалъ впередъ, а скорѣе, напротивъ, былъ позади плановъ, выработанныхъ въ Парижѣ. Эти послѣдніе предусматривали господство французовъ не только на мексиканскомъ рынкѣ,

¹⁾ Донесеніе императору отъ 9 сентября 1863,—ibid. XVI, стр. 28—9.

но вообще надъ Мексикой. «Необходимо, чтобы вы были хозяиномъ Мексики, но такъ, чтобы это не было замѣтно», поучалъ Наполеонъ Форэ: «Вы должны сами устроить какое-нибудь временное правительство... изъ людей энергичныхъ и честныхъ (въ другой инструкції это выраженіе прямѣе и откровеннѣе: «правительство по *вашему выбору*», управляющее съ помошью юнты нотаблей, «людей, избранныхъ вами среди богатаго класса туземцевъ»)... Разъ будетъ возстановлено спокойствіе, надо будетъ спросить мнѣніе народа, какимъ-нибудь способомъ, или при помощи чего-нибудь въ родѣ всеобщей подачи голосовъ (Наполеонъ имѣлъ въ виду, конечно, столь характерный для Второй имперіи плебисцитъ—въ другомъ мѣстѣ это опять выражено яснѣе), или назначивъ (*en faisant постинг*) конгрессъ тѣми революціонными способами, къ которымъ въ Мексикѣ привыкли...»¹⁾. Нельзя не отвести полудюжины строчекъ тѣмъ способамъ, которыми предполагалось «возстановить спокойствіе». «Чтобы возстановить порядокъ въ странѣ, хорошо будетъ объявить, какъ это дѣлается въ Африкѣ, цѣлые округа (*les localit es*) отвѣтственными за убийство или воровство, совершенныя на ихъ территоріи; придется, можетъ быть, устроить въ различныхъ мѣстахъ военно-полевые суды. Смертная казнь, повидимому, на нихъ (мексиканцевъ), производить мало впечатлѣнія—тѣлесное наказаніе (*la bastonnade*) и ссылка суть лучшія средства репрессіи. Нужно устраивать въ Мексико празднества, для развлеченія общества; ускорить постройку желѣзной дороги изъ Мексико въ Веракруцъ; печатать въ газетахъ статьи въ пользу (французскаго) вмѣшательства, чтобы можно было ихъ перепечатывать потомъ въ Европѣ (для этого, конечно, прежде всего нужно было «установить для печати режимъ, существующій во Франціи»), словомъ, слѣдѣть оккупациою столь полезной, какъ это только возможно»²⁾.

Мы видимъ, мнѣніе о «гуманности» Наполеона III отнюдь не виситъ на воздухѣ: съ какой заботливостью этотъ человѣкъ стремился замѣнить разстрѣль—палочными ударами! Вообще, въ Мексикѣ отнюдь не предполагалось вводить режимъ Муравьевавиленского: ее хотѣли облагодѣтельствовать всѣмъ тѣмъ, чѣмъ гордилась Вторая имперія у себя дома, начиная отъ городского благоустройства («...озаботиться ассенизацией главныхъ городовъ, на улицахъ которыхъ годами не просыхаютъ лужи, становящіяся очагами заразы...»), хорошихъ путей сообщенія («...улучшить главныя дороги»—мы видимъ спеціалъное указаніе на желѣзную

¹⁾ Инструкція 2 февраля 1863, *ibid.* XIV, 74—75.

²⁾ Инструкція 14 апрѣля 1863, *ibid.* XIV, 90—98 (особ. 97).

дорогу Мексико-Веракруцъ) и т. д.—до «прессы его величества», съ такъ хорошо знакомой русской печати «системой предостереженій», словомъ, всѣмъ, что получила Франція послѣ 2 декабря 1851 г. взамѣнъ политической свободы. Отъ этой послѣдней, конечно, должна была быть освобождена и Мексика, но какимъ именно путемъ, посредствомъ ли установлениія монархіи, съ австрійскимъ эрцгерцогомъ Максимилианомъ во главѣ, или съ сохраненiemъ республиканскихъ учрежденій того типа, къ какому «привыкли въ Мексикѣ», съ французскимъ генераль-губернаторомъ на мѣстѣ президента—этотъ вопросъ интересовалъ французское правительство гораздо менѣе, чѣмъ онъ теперь интересуетъ его историковъ. Для Оливье стремленіе «испомѣстить» младшаго брата Франца-Іосифа является чуть ли не главнымъ мотивомъ экспедиції ¹⁾,—а для Наполеона III, во-первыхъ, будущій императоръ Максимилианъ былъ простымъ орудіемъ въ рукахъ французовъ («что касается государя, который могъ бы занять мексиканскій престолъ, онъ всегда будетъ вынужденъ дѣйствовать въ интересахъ Франціи, не только изъ признательности, но и ... потому, что онъ въ силахъ будетъ держаться только, благодаря нашему вліянію»), а во-вторыхъ—такъ какъ въ выборѣ своихъ орудій Наполеонъ отличался широкой терпимостью—ему было все равно, будетъ ли въ Мексикѣ наводиться порядокъ съ высоты престола, или изъ мѣста, болѣе скромнаго («установить или монархію, если она не несовмѣстима съ національными чувствами туземцевъ, или, по крайней мѣрѣ, прочное правительство»). Австрійская кандидатура была не основной линіей плана, а его поправкой, какъ бы отклоненіемъ въ сторону: поправкой, чрезвычайно, конечно, характерной и тѣсно связанный съ европейскими комбинаціями Наполеона III, какъ мы сейчасъ увидимъ—но отнюдь не затмнявшей главнаго смысла экспедиціи, связи ея съ интересами французской промышленности. Даже чисто военные мелочи брались инструкціями съ этой, основной, точки зрењія: «Какъ только вы будете въ Мексико», писалъ Наполеонъ Форэ, «сформируйте подвижныя колонны, силою отъ полутора до двухъ тысячъ человѣкъ... надо также занять береговые порты... въ особенности Матаморосъ, черезъ который мы можемъ связаться съ южной Америкой (императоръ имѣлъ въ виду, очевидно, южные штаты Сѣверной Америки получить хлопокъ; но для этого нужно дѣйствовать быстро и энергично, поразить воображеніе мексиканцевъ учащенными ударами...) Тутъ мы подходимъ къ пункту, который непосредственно

¹⁾ «L'Empire liberal», 258—260.

связываетъ мексиканскую авантюру съ данной нами выше характеристикой французской промышленности начала 60-хъ годовъ. Мы видимъ, что ахиллесовой пятой послѣдней былъ недостатокъ минеральныхъ богатствъ. Но въ Мексикѣ есть штатъ, исключительно выдающійся именно съ этой точки зрѣнія—это Сонора, съ ея громадными залежами серебра, свинца, мѣди, каменного угля, жѣлѣза и т. д., разрабатываемыми до сихъ поръ далеко несовершенно—причемъ вывозъ этихъ продуктовъ, однако же, достигаетъ 10—12 миллионовъ мексиканскихъ долларовъ ежегодно. Въ американскихъ дипломатическихъ бумагахъ времени мексиканской экспедиціи сохранились указанія на специальный интересъ французовъ именно къ Сонорѣ,—указанія, съ чрезвычайной энергией оспариваемыя Эмилемъ Оливье: «Сьюардъ (министръ иностранныхъ дѣлъ Линкольна) писалъ потомъ по этому поводу неосновательныя депеши. Какіе-нибудь дѣльцы, придававшіе себѣ больше важности, чѣмъ они имѣли на самомъ дѣлѣ, можетъ быть и носились съ подобной мечтой: но чтобы императоръ или его министры хотя бы одну минуту думали присвоить себѣ хоть бы одинъ дюймъ мексиканской территории, это ложь ¹⁾». Имѣя передъ собою столь категорическое утвержденіе, весьма пикантное впечатлѣніе получаешь отъ инструкціи Наполеона III Базэну: «Навести конфиденціально справки о рудникахъ Соноры и донести, насколько легко будетъ впослѣдствіи ее занять» (12 сентября 1863 г.). Мы увидимъ потомъ, что тутъ чрезвычайно характерна *дата*. Сонора появилась на сценѣ, когда лопнули почти всѣ надежды на рейнскую границу въ связи съ польскимъ восстаніемъ... Базэнъ и на этотъ разъ обнаружилъ столь же быструю смѣтку, какъ и въ вопросѣ о таможенныхъ пошлинахъ. Уже 26 октября того же года онъ доносилъ: «Въ ожиданіи сколь возможно болѣе точныхъ свѣдѣній о сонорскихъ рудникахъ, имѣю честь препроводить В. В. рапортъ, составленный на основаніи данныхъ г. Пора, присланного сюда инженера, который изслѣдовалъ большую часть Мексики, и былъ остановленъ въ своихъ научныхъ изысканіяхъ только апашами. Что касается оккупациіи названного штата, я считаю ее возможной, пришлось бы только, конечно, долго бороться съ дикими туземцами, на сѣверо-восточной границѣ этого штата, нынѣ едва населенного изъ-за страха, который внушаютъ ихъ набѣги». Далѣе слѣдуютъ указанія возможнаго маршрута экспедиціоннаго корпуса, роли тихоокеанской эскадры и тому подобныя военные подробности. «Это дѣло мнѣ кажется славнымъ, выполнимымъ и особенно выгоднымъ въ ви-

¹⁾ Ibid., 257.

дахъ преобладанія, а также торговыхъ и политическихъ интересовъ Франціи... Климатъ Соноры здоровый, и ся почва производить все, что можетъ отъ нея потребовать трудъ земледѣльца¹⁾.

Мы начинаемъ понимать теперь, почему министры Наполеона III, передъ законодательнымъ корпусомъ, не безъ загадочности называли мексиканскую экспедицію «самымъ славнымъ дѣломъ царствованія». Сведемъ къ основнымъ пунктамъ то, что мы узнали, благодаря ряду отступленій, не безплодныхъ, какъ видитъ читатель. Во-первыхъ, мы знаемъ, что Франція начала 60-хъ годовъ, по условіямъ своего промышленного развитія испытывала острую нужду въ минеральныхъ богатствахъ. Ради захвата ихъ предпринимались отдаленныя экспедиціи, какъ мексиканская. Но минеральные богатства были подъ бокомъ—около самой Франціи, и даже, если хотите, подъ самой Франціей, такъ какъ нѣкоторыя угольныя шахты Саррскаго бассейна заходили въ нѣдра французской территории: но выходы изъ этихъ шахтъ оставались въ Пруссіи. Мы знаемъ, далъе, что все это отлично сознавалось французскими правящими кругами, которые и долго послѣ разочарованій 1863 г. продолжали носиться съ планами аннексіи Рейнскихъ провинцій, подъ тѣмъ или другимъ соусомъ. Мы знаемъ, наконецъ, изъ словъ Бисмарка, что обѣ этой острой нуждѣ, и обѣ этихъ планахъ, знали и въ Берлинѣ: притомъ знали больше неопределеннаго существованія туманныхъ проектовъ—и, быть можетъ, больше, чѣмъ было въ дѣйствительности. Ясное указаніе на это даетъ одинъ, чрезвычайно любопытный отчетъ Монтебелло—французского посла въ Петербургѣ, какъ мы помнимъ. 9 мая 1861 г., вскорѣ послѣ первыхъ вспышекъ польской революціи, имп. Александръ II давалъ этому послу аудіенцію—въ отвѣтъ на конфиденціальное письмо Наполеона III къ царю по поводу варшавскихъ событий. Поведеніе французскаго правительства въ польскомъ вопросѣ, было тогда верхомъ корректности; французскіе министры съ видимой любовью занимались даже такими мелочами, какъ шитье, будто бы, въ Парижѣ мундировъ для польскихъ легіоновъ—а, отведя это гнусное подозрѣніе отъ парижскихъ портныхъ, они простерли свою внимательность до того, что запрашивали, по данному поводу, министровъ итальянскихъ, успокоившись не прежде, чѣмъ удостовѣрились въ такой же непричастности къ дѣлу итальянскихъ иголокъ и ножницъ, какъ и французскихъ. Наполеонъ лично заявилъ старому Чарторыйскому, что французское правительство ни въ коемъ случаѣ не окажетъ ни малѣйшей помощи

¹⁾ «Documentes», XVI, 36 и 164—167.

польскому движению, направленному противъ Россіи. Ионятно, какъ обидѣлись французы, когда Горчаковъ позволилъ себѣ намекнуть имъ, что они потому только держатся такъ корректно, что Англія имъ отказывается помогать. Монтебелло счелъ возможнымъ напомнить объ этомъ своему высокому собесѣднику—намекнувъ, въ свою очередь, что Горчаковъ повторяетъ, несомнѣнно, англійскую версію, къ которой нужно бы относиться поосторожнѣе. Собесѣдникъ поднялъ перчатку и далъ понять, что коварство британцевъ ему хорошо известно: они, вѣдь, даже Россію не стѣсняются подозрѣвать въ честолюбивыхъ замыслахъ на Востокѣ. Специально же о Франціи вотъ что сказалъ Александръ II: «Вы знаете, прошелъ слухъ, что я заключилъ съ Франціей договоръ, которымъ мы, будто бы, гарантировали другъ другу, съ одной стороны, рейнскую границу, съ другой—Польшу. Слухъ былъ настолько устойчивъ, что прусскій король, не вѣря ему, нашелъ все же нужнымъ написать мнѣ нѣсколько словъ. Ну, такъ вотъ: я имѣю всѣ основанія думать, что слухъ шелъ изъ Лондона, но это вполнѣ между нами. Англійской подозрительности нѣть равныхъ»¹⁾.

Нѣть никакого сомнѣнія, что *договора*, встревожившаго Вильгельма I, никогда не было заключено—иначе теперь, въ 1916 г., мы знали бы объ этомъ больше. Но слѣдуетъ ли отсюда, что изъ пословицы «нѣть дыму безъ огня» нужно дѣлать исключеніе—для лондонскихъ слуховъ? Русско-французскій союзъ, выкованный Морни и Горчаковымъ²⁾, шелъ довольно далеко, какъ показываетъ, хотя бы бесѣда послѣдняго съ тѣмъ же Монтебелло въ сентябрѣ 1859 г.—вскорѣ послѣ франко-австрійской войны, гдѣ Россія была, явно и открыто, въ положеніи дружественнаго нейтралитета по отношенію къ Франціи, и враждебнаго—по отношенію къ Австріи. Монтебелло напомнилъ русскому министру обѣщаніе Россіи «воспротивиться», если бы Пруссія вмѣшалась въ войну на сторонѣ Австріи, чего требовало германское общественное мнѣніе послѣ Мадженты. Горчаковъ отвѣтилъ, что Россія готова была сдержать обѣщаніе, и что объ этомъ было написано въ Берлинѣ, хотя и въ самой дружеской формѣ—но слово «война», однако, было произнесено. Монтебелло выразилъ удивленіе, что онъ не былъ объ этомъ извѣщенъ въ свое время—и удовольствіе, что Россія въ такой точности исполнила пожеланіе Франціи—держаться относительно пруссаковъ такъ именно, какъ

¹⁾ Бесѣду цѣликомъ приводитъ Ollivier, цит. соч., 103—7. Ср. Roux, 318.

²⁾ Объ этомъ союзѣ писалось достаточно въ русской литературѣ: см., напр. Татищева, «Александръ II», т. I, стр. 227—47 и др.

они сами будуть держаться: «война за войну, нейтралитетъ за нейтралитетъ». Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, правду говорилъ Горчаковъ или лгалъ—какъ склоненъ думать французскій историкъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія: онъ и не-доконченный характеръ кампаніи 1859 г. готовъ объяснить вялымъ и неискреннимъ поведенiemъ петербургскаго кабинета, который, будто бы, все время колебался между своими «традиционными симпатіями» къ Пруссіи (мы видѣли въ прошломъ очеркѣ, чего эти «симпатіи» стоили), и своими формальными обязанностями относительно Франціи, внушивъ тѣмъ Наполеону III опасеніе—остаться, въ концѣ-концовъ, изолированнымъ передъ лицомъ объединившейся Германіи: это именно, по мнѣнію г. Шарля-Ру, и послужило ближайшимъ поводомъ къ заключенію виллафранкскаго перемирія ¹⁾). Оставимъ это, въ данномъ случаѣ постороннее для нась, обстоятельство: но, разсуждая о возможныхъ перспективахъ «сопротивленія» воинственнымъ намѣреніямъ Пруссіи, должны же были союзницы представлять себѣ какъ-нибудь исходъ войны, если бы она, въ самомъ дѣлѣ, имѣла мѣсто? А въ гаданіяхъ объ этомъ исходѣ не занимала ли какогонибудь мѣста и рейнская граница? Трудно повѣрить противоположному, зная, до какой степени послѣдняя гипнотизировала Наполеона III и весь его антуражъ.

IV.

При свѣтѣ «англійской» гипотезы, гласящей, что событія на Вислѣ были для Наполеона III лишь предлогомъ начать войну на Рейнѣ, становятся понятны тысячи мелочей—въ родѣ, напримѣръ, той, что на коронацію Вильгельма I, въ 1861 г., былъ отправленъ самый блестящій изъ генераловъ тогдашней французской арміи, герой Мадженты, маршалъ Макъ-Магонъ, какъ разъ передъ этимъ назначенный командиромъ корпуса, стоявшаго на прусской границѣ. Случайное совпаденіе, конечно, но давшее будущему главнокомандующему 1870 года случай видѣть лицомъ къ лицу своего возможнаго противника. Неизвѣстно, видѣлъ ли что-нибудь Макъ-Магонъ такъ, какъ удавалось видѣть прусскимъ офицерамъ, которыхъ командировалъ Бисмаркъ во Франціи. Но можно думать, что «честная старая шпага» и въ этомъ случаѣ оказалась «честной шпагой»—не болѣе: администрація Наполеона III была не мало удивлена, когда маршалъ вернулъ ей крупный остатокъ отъ суммы, ассигнованной въ его безконтроль-

¹⁾ Fr. Charles-Roux «La France et l'entente russo-prussienne aprѣs la guerre de Crimée», Paris, 1913, стр. 30—31.

ное распоряженіе; между тѣмъ, онъ въ Берлинѣ задавалъ балы, которые для скромной тогда столицы прусскихъ королей были событиемъ. Повидимому, Макъ-Магонъ просто не понялъ, зачѣмъ ему дали столько денегъ,—и послѣ его поѣздки въ Берлинѣ, въ Парижѣ, вѣроятно, остались такъ же мало освѣдомлены относительно подготовительной работы Мольтке, какъ и до нея. Становится понятенъ и, почти страстный, интересъ императрицы Евгении къ ружью Шасспо—и въ этомъ, увы! нѣмцы предупредили,—и многое другое¹⁾.

Становится понятна и русско-прусская конвенція 8 февраля 1863 г. Какъ и въ 1831 году, услуга Россіи была страховкой отъ русскофранцузского союза, направленного противъ Пруссіи. Союзъ—въ этомъ направлѣніи—былъ только возможностью, но возможность казалась въ Берлинѣ очень близкой, и такъ какъ во главѣ прусской политики тогда стоялъ человѣкъ, только что вернувшійся изъ Россіи (послѣ своего посольства въ Петербургѣ, и до назначенія министромъ, Бисмаркъ былъ лишь короткое время посломъ въ Парижѣ), во всякомъ случаѣ лучше всего зналъ именно русскія отношенія—и зналъ ихъ, вѣроятно, лучше, чѣмъ кто бы то ни было тогда въ Западной Европѣ,—то мы едва ли имѣемъ право предполагать здѣсь очень грубую ошибку со стороны берлинского кабинета. Что Бисмаркъ скользитъ мимо этой стороны вопроса въ своихъ мемуарахъ, это, опять-таки, болѣе, чѣмъ понятно: нельзя изображать себя въ Петербургѣ «какъ дома»—и, въ то же время, признаваться, что Петербургъ, въ это самое время, былъ наканунѣ союза съ Парижемъ противъ Берлина. Больше нѣсколькихъ недоброжелательныхъ кивковъ по адресу Горчакова, политика котораго при этомъ тщательно отгораживалась отъ политики Александра II, авторъ мемуаровъ не могъ дать. Въ бесѣдахъ практическаго характера, и пѣдъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событий, стѣснялись менѣе. «Принцъ Гогенцоллернъ въ разговорѣ со мной, нѣсколько дней назадъ, обѣ иностранной политикѣ прусского правительства, сказалъ, что однимъ изъ главныхъ объектовъ этой политики является низверженіе кн. Горчакова», писалъ Росселю английскій посолъ въ Берлинѣ: «такъ какъ желаніе Горчакова устроить русско-французскій союзъ является, по ихъ (prusсаковъ) мнѣнію, единственнымъ препятствиемъ на пути къ возстановленію тѣхъ отношеній, какія существовали между тремя сѣверными

¹⁾ О поѣздкѣ Макъ-Магона см. у Laforge, «Histoire complѣte du Maréchal Mac Mahon», «Paris, 1898, vol. 1. Для французской подготовки см. Bapst «Le Maréchal Canrobert». IV, особ. 43 и 50. Разсказанныя имъ событий, конечно, позднѣе 1863 г.—но вопросъ о Рейнѣ не сходилъ съ очереди всю первую половину 60-хъ годовъ.

дворами (т.-е. Россіей, Австріей и Пруссіей) до Крымской войны. Это мнѣніе вполнѣ подтверждается недавними отзывами г. фонъ Бисмарка, въ разговорахъ со мной, о русскомъ вице-канцлерѣ и о борьбѣ русской и нѣмецкой партій въ Петербургѣ, въ связи съ польской политикой, а также въ связи съ отношеніями, какія существуютъ у Россіи къ Германіи и къ Франціи¹⁾). А двѣ недѣли спустя не нужно было уже косвенныхъ заключеній отъ «отзововъ»: «Въ разговорѣ со мной сегодня утромъ», доносилъ Бьюкененъ отъ 4 апрѣля, «г. фонъ Бисмаркъ сказалъ, что Германія теперь догадалась, что конвенція 8 февраля не была совсѣмъ безполезна, такъ какъ она *разрушила горчаковскій планъ русско-французского союза*...²⁾ Прямѣе людямъ дипломатического званія выражаться даже и не полагается...

Но паденіе всякихъ разсчетовъ на содѣйствіе Россіи, въ дѣлѣ добыванія «карскаго угля», какъ мы видѣли, не обезкуражило Наполеона III: онъ лишь круто повернуль отъ русско-французскаго союза къ франко-австрійскому. Поворотъ былъ крутой не только потому, что Сольферинскому сраженію не минуло еще и четырехъ лѣтъ. Дружба съ Австріей означала переходъ на Востокъ отъ русофильской политики къ русофобской: и мы видѣли, что Наполеонъ на это шелъ, обѣщая Меттерниху поддержку Франціи австрійской восточной политикѣ. Неудача императора французовъ и заключалась не въ томъ, что онъ не сумѣлъ предупредить конвенцію Альвенслебена: трудно представить себѣ, какъ могъ бы онъ это сдѣлать, не выдавъ окончательно поляковъ, т.-е. не отказавшись окончательно отъ возстановленія имперіи Наполеона I,—а это онъ считалъ своей миссіей. Неудача состояла въ томъ, что всѣ жертвоприношенія на алтарѣ новой дружбы оказались безплодными: Австрія не пошла дальше участія въ «дипломатической кампаніи», достаточной, чтобы еще углубить пропасть, уже успѣвшую образоваться между Франціей и Россіей, но не могшей отнюдь замѣнить военной кампаніи, въ союзѣ съ Франціей, противъ Пруссіи. Дѣятели польского восстанія видѣли въ этой неудачѣ Наполеона III главную причину своей собственной неудачи: восстаніе имѣло шансы на успѣхъ лишь при условіи непосредственной военной поддержки одной изъ великихъ державъ. Франція непосредственной поддержки оказать не могла, Австрія не захотѣла: тѣмъ самымъ, повстанье уже отдано было на жертву русскимъ штыкамъ. Но, понимая все роковое значеніе неудачи Франціи, поляки неясно видѣли

¹⁾ Сэръ А. Бьюкененъ Росселю, 21 марта 1863. Confidential Correspondence, 257—8.

²⁾ Ibid., 328.

ея причины: имъ казалось, что дѣло—въ недовѣріи Австріи къ ея вчерашнему побѣдителю въ томъ, что Австрія шла на поводу британской дипломатіи: а какъ та относилась къ рейнскимъ планамъ Наполеона, мы видѣли ¹⁾). Офиціальная Австрія давала другія объясненія своего отказа. Австрійскій премьеръ писалъ кн. Меттерниху, что его правительство отказывается присоединиться къ французскому выступленію противъ Пруссіи исключительно «съ точки зрењія положенія Австріи, общихъ принциповъ ея политики, и ея специальныхъ интересовъ въ польскомъ вопросѣ».—«Польскіе подданные императора, нашего августѣйшаго государя, могутъ ощѣнить дѣйствительныя благодѣянія, которыя имъ оказываются, лишь при условіи, что не будутъ поощряться иллюзіи, которыя сдѣлали бы ихъ нечувствительными къ этимъ благодѣяніямъ» ²⁾). Галиція, потеря которой Австріей въ пользу возстановляемой Польши, какъ мы помнимъ, сама собой подразумѣвалась въ планѣ Наполеона—«одинъ изъ лучшихъ питомниковъ австрійской арміи», какъ выразился тотъ же гр. Рехбергъ по другому поводу, говоря съ англійскимъ посломъ въ Вѣнѣ. «Ея крестьяне принадлежать къ лояльнѣйшимъ вѣрноподданнымъ императора, и всегда, въ трудныя минуты, являлись первыми на защиту интересовъ имперіи»... ³⁾). Рехбергъ имѣлъ въ виду, вѣроятно, галиційскую жакерію 1846 г.—ту самую, которая сдѣлала руссофиломъ Вѣлепольского, и вообще такъ много способствовала образованію «угодовской» партіи среди помѣщиковъ русской Польши. Этотъ мотивъ—невозможность для Австріи разстаться съ Галиціей и содѣйствовать пожару въ собственномъ домѣ, поощряя «пагубныя иллюзіи» русскіхъ поляковъ—красной нитью проходитъ черезъ всѣ бумаги, выхолившія изъ вѣнской канцеляріи, и черезъ всѣ рѣчи, державшіяся австрійскими дипломатами въ разныхъ столицахъ Европы ⁴⁾. Мотивъ вызываетъ недовѣріе къ себѣ—несоответствіемъ его размѣровъ съ размѣрами той цѣли, отъ которой отказывались: неужели Галиція была для Австріи дороже ея гегемоніи въ Германіи—о чемъ шла рѣчъ, въ случаѣ разгрома пруссаковъ на Рейнѣ? Австрійская политика можетъ показаться крайне близорукой и ограниченной. Въ извѣстной степени она, и страдала этимъ недостаткомъ, конечно,—но не tanto сильно, какъ можно думать. Галиція была только ширмой, за которой прятались мотивы болѣе серьезные—и ширму иногда пріоткрывали, не передъ

¹⁾ Kosmian, стр. 33—35.

²⁾ Гр. Рехбергъ кн. Меттерниху 27 февраля 1863 г. «Confidential correspondence», 135.

³⁾ Лордъ Блумфильдъ гр. Росселю, «Conf. Correspondence», 159.

⁴⁾ См. напр. тамъ же №№ 189, 206 и др.

французами, хотя, подъ конецъ, то, что было за ней, увидали и французы. «Въ чемъ состоить роль Франціи въ настоящую минуту?» спрашивалъ тотъ же Рехбергъ того же Блумфильда нѣсколько дней спустя послѣ цитированной нами бумаги. И отвѣчалъ самъ: «Въ томъ, чтобы произвести смуту въ Европѣ. Въ польскомъ вопросѣ она (Франція) увидала предлогъ создать замѣшательства, которыя оправдали бы ея вооруженное выступленіе, могущее повести къ войнѣ на Рейнѣ. Пруссія должна лишиться своихъ рейнскихъ провинцій, и ее вознаградятъ за это аннексіями въ Германіи. Къ этому ведеть эту страну политика г. фонъ Бисмарка, сказаль гр. Рехбергъ: онъ думаетъ, поэтому, что Австріи и Англіи надлежить хорошоенько взвѣсить, какъ далеко могутъ онѣ идти въ польскомъ вопросѣ, не отступая отъ благоразумія... Гр. Рехбергъ сказалъ, что онъ чрезвычайно хотѣлъ бы прийти къ соглашенію съ вашимъ лордствомъ, не только по польскому, но и по другимъ европейскимъ вопросамъ, и что онъ думаетъ, что Англія и Австрія одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы помѣшать императору французовъ въ осуществлѣніи его проекта—исправить карту Европы»¹⁾.

Итакъ, Наполеонъ III добивался «войти въ соглашеніе по всѣмъ вопросамъ» съ Австріей, за спиной Великобританіи, а оказывалось, что Австрія желаетъ «войти въ соглашеніе по всѣмъ вопросамъ» именно съ Великобританіей... Велико должно быть разочарованіе императора французовъ—мы увидимъ, къ какому, не столько отчаянному, сколько выдающему отчаяніе, шагу онъ прибѣгнулъ, когда истина стала для него ясна. Но что было движущимъ мотивомъ Австріи, точнѣе Рехберга? Мы видимъ, что по части скептическаго отношенія къ планамъ Наполеона англичанамъ нечemu было его учить. На какой почвѣ выросъ этотъ скептицизмъ? Послѣдній, остававшійся еще закрытымъ, уголокъ завѣсы поднимаютъ мемуары Бисмарка—на этотъ разъ ничего не затушевывающіе, ибо тутъ вся честь доставалась ему. Австрія такъ горячо вступалась за интересы всей Германіи на Рейнѣ потому, что она, въ это время, носилась съ проектомъ объединенія всей Германіи подъ австрійской гегемоніей, притомъ съ помощью Пруссіи. Орудіемъ для осуществленія этого плана долженъ былъ служить съездъ князей Германскаго союза во Франкфуртѣ, приглашенія на который были разосланы только 31 июля 1863 г., но мысль о которомъ возникла гораздо раньше, какъ видно изъ разговора, происходившаго у Бисмарка съ австрійскимъ посломъ гр. Кароли еще въ декабрѣ 1862 г.²⁾. Уже въ

¹⁾ Блумфильдъ Росселю, 12 марта 1863. Ibid., 187.

²⁾ «Gedanken u. Erinnerungen», 1, 335.

этомъ разговорѣ Бисмаркъ подалъ австрійцамъ надежду на содѣйствіе Пруссіи, если тѣ согласятся трактовать ее по достоинству—какъ великую державу. Бисмаркъ имѣлъ въ виду, конечно, стереть послѣдніе слѣды «ольмюцкихъ пунктацій» (см. предыдущій очеркъ, «Голосъ Минувшаго» 1916, мартъ, стр. 21—24). Но австрійцы, повидимому, поняли дѣло болѣе виѣшне—и ограничились тѣмъ, что обставили приглашеніе Вильгельма I на съездъ необыкновенной помпой: за нимъ былъ посланъ король саксонскій, въ ту минуту, когда весь синклитъ князей былъ уже въ сборѣ, и недоставало только прусскаго короля, да австрійскаго императора. Вильгельмъ не былъ нечувствителенъ къ такому почету: «Тридцать государей меня ждутъ, и король является въ качествѣ курьера!» въ упоеніи повторялъ онъ передъ своимъ министромъ, всѣми силами не пускавшимъ своего государя на съездъ. Бисмарку нужны были реальныя уступки, а не эта мишура—ради которой Пруссія должна была лишиться сочувствія германскаго общественнаго мнѣнія, цѣнившаго въ ней именно оппонентку реакціонной Австріи. Цѣною крайняго, даже физическаго, утомленія Бисмарку удалось настоять на своемъ—и онъ былъ вознагражденъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда австрійскія войска пошли вмѣстѣ съ прусскими завоевывать для Пруссіи датскій Шлезвигъ. Австрія хотѣла использовать соперницу—использовали ее самое. Не Рехбергу было тягаться съ Бисмаркомъ на полѣ дипломатической борьбы... Но когда Наполеонъ III дѣлалъ свои попытки, весь планъ еще былъ въ полномъ цвѣту—и странно было бы отказываться отъ ожидаемыхъ плодовъ ради дипломатическихъ проектовъ французскаго императора. Идти на эти проекты значило бы сдѣлать двойную ошибку—не только порвать съ Пруссіей, въ которой уже видѣли завтрашнюю союзницу, но и, уступкой нѣмецкой области французамъ, возстановить противъ себя общественное мнѣніе Германіи, т.-е. разрывая съ Пруссіей, дать этой послѣдней въ руки страшное оружіе въ ея соперничествѣ съ имперіей Габсбурговъ. И за это послѣдняя должна была еще согласиться на ампутацію Венеціи и Галиціи. Если Наполеонъ совершилъ правильно оцѣниваль интересы французской промышленности въ настоящій моментъ, внутри—германскія отношенія оставались для него закрытой книгой. Какъ многіе французы, онъ былъ лучшимъ экономистомъ, чѣмъ географомъ—все не французское было для него «китайской грамотой».

Поѣздка Меттерниха въ Вѣну не дала никакого результата. Онъ не только не привезъ оттуда утвержденія, набросаннаго въ Па-

рижъ проекта союзного трактата¹⁾, но даже никакого обѣщанія, ни одного обнадеживающаго слова Рехберга или Франца-Іосифа. Первою мыслью Наполеона было то, что для поляковъ осталось окончательнымъ объясненіемъ—зловредное вліяніе Англіи. Онъ рѣшилъ взять быка за рога, и 19 марта (всѣ события, какъ видимъ, развертываются на протяженіи двухъ мѣсяцевъ, съ начала февраля до начала апрѣля) пригласилъ къ себѣ лорда Каулея. Англичанину было категорически заявлено, что тюильрійскій дворъ и не думаетъ объ аннексіи лѣваго берега Рейна, что все это—выдумки газетъ; всѣ разсужденія публики на эту тему были презрительно охарактеризованы, какъ «канканъ»—и напрасно англійская печать придаетъ этому «канкану» какое-нибудь значеніе. Каулей достаточно долго жилъ въ Парижѣ, чтобы знать, какую роль играютъ во Второй имперіи газеты (мы помнимъ его опредѣленіе: «пресса императора»), и онъ позволилъ себѣ отвѣтить колкостью, въ его устахъ звучавшею иначе, нежели въ устахъ Меттерниха его шутливая реплика насчетъ «ампутаций», которыми грозить Австріи дружба съ Франціей: тотъ былъ свой человѣкъ въ Тюильри и могъ говорить «по-пріятельски», а съ Англіей въ этотъ моментъ отношенія были очень щекотливыя. Каулей напомнилъ Наполеону, что, вѣдь, относительно Савойи и Ниццы тоже даны были опредѣленныя обѣщанія, а онъ, однако же, были аннексированы подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія Франціи: то же можетъ случиться и теперь. Императоръ, повидимому, не нашелъ на это отвѣта, и сталъ толковать о трудностяхъ, какія причиняеть ему польскій вопросъ: онъ ломаетъ себѣ голову, ища выхода—но все тщетно. При этомъ было отмѣчено, что отношенія къ Россіи остаются, несмотря ни на что, дружественными. Въ отвѣтъ Каулей развила планъ дипломатического выступленія, по польскому вопросу, всѣхъ европейскихъ державъ. Это было не совсѣмъ то, что имѣлъ въ виду Наполеонъ, вмѣшиваясь въ польское дѣло—вѣрнѣе, это было совсѣмъ не то: вмѣсто войны съ Пруссіей получалась дипломатическая кампанія противъ Россіи. Онъ сталъ толковать о необходимости отсрочить дѣло до получения окончательного отвѣта отъ Австріи,—пытаясь, въ то же время, использовать австрійскую холодность, поскольку она уже выяснилась, какъ гарантію мирнаго характера предполагавшейся демонстраціи: «безъ Австріи воевать нельзя», говорилъ Наполеонъ²⁾. Но англичане вовсе и не хотѣли воевать:

¹⁾ Этотъ набросокъ напечатанъ въ Confidential Correspondence на стр. 245. Въ немъ характерно стремленіе обойти все конкретное—нѣть ни слова и о возстановленіи Польши. Польское восстание упоминается лишь, какъ поводъ для заключенія трактата.

²⁾ Каулей Росселю, отъ 19 марта 1863. Confidential Corresp. N 240.

имъ, какъ и пруссакамъ—только по другимъ мотивамъ (изъ-за восточныхъ дѣлъ), нужно было разстроить русско-французскій союзъ—а участіемъ Франціи въ общеевропейскомъ выступленіи противъ *Rossii* это достигалось въ достаточной степени. Тѣмъ лучше, если французовъ съ ихъ нотой выпроводятъ изъ Петербурга—имъ труднѣе будетъ туда вернуться. Поэтому, британская дипломатія не прочь была даже придать бодрости Горчакову, давъ ему понять, что войны, въ сущности, бояться нечего. Англійскій посолъ при петербургскомъ дворѣ, лордъ Непиръ, сказалъ это всѣми словами—и хоть взялъ эти слова, по требованію Росселя, обратно, сдѣлалъ это такъ, что полученное впечатлѣніе сохранилось¹⁾.

Разговоръ съ Каулеемъ только запуталъ дѣло. Тогда началось то, что Каулей, въ одной изъ послѣдующихъ своихъ депешъ²⁾, назвалъ «политическимъ аукціономъ»: Наполеонъ рѣшилъ выбросить за бортъ главный балластъ, Венецію, неосторожнымъ упоминаніемъ о которой онъ готовъ былъ теперь объяснять неудачу своего плана (не забудемъ, что настоящій планъ Австріи все время оставался ему неяснымъ)—шантажируя, въ то же время, австрійцевъ проектомъ возстановленія Польши—съ Познанью и Галиціей—подъ властью одного изъ русскихъ великихъ князей, или герцога Лейхтенбергскаго. Французскій посолъ въ Вѣнѣ, герцогъ Грамонъ, «шутливо» говорилъ Рехбергу, что Австріи не стоитъ очень грустить о Галиції, разъ Пруссія одновременно потеряетъ Познань. Но Рехбергъ,увѣренный въ Пруссіи гораздо больше, чѣмъ слѣдовало, твердо шелъ къ своей цѣли. Тѣмъ временемъ Франція, подталкиваемая Англіей, дѣлала одинъ дипломатическій шагъ за другимъ по пути къ разрыву съ Россіей. 17 апрѣля (н. ст.) представители Англіи, Франціи и Австріи въ Петербургѣ (на этотъ разъ Австрію не приходилось тащить за уши!) прочли кн. Горчакову ноты по польскому вопросу. Англійская была самая грубая по формѣ—но, въ сущности, вполнѣ безобидная со стороны своего практическаго значенія. Австрійская продолжала, въ сущности, разрабатывать универсальный мотивъ—о желательности спокойствія для Галиціи. Эта тема вездѣ годилась... Одна французская ставила вопросъ если не о независимости, то объ автономіи Польши. «Съ этого дня, въ глазахъ Александра II и Горчакова, Франція сдѣлалась противникомъ—противникомъ, съ которымъ приходится считаться но все-таки противникомъ», говоритъ французскій исто-

¹⁾ Charles-Roux «Alexandre II etc.», p. 350—351.

²⁾ Отъ 21 марта: Conf. Corr. 250.

рикъ¹⁾. «Банкротство русско-французского «доброго согласія» естественно, пробудило старыя привязанности. Пруссія—единственная, оставшаяся безусловно вѣрной стяжала общія симпатіи и признательность». Но характерно, что и на Австрію не сердились: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь у нея была Галиція—свое добро всякому дорого. И французскій посолъ въ Петербургѣ, герцогъ Монтебелло, правильно отмѣтилъ, что своимъ вмѣшательствомъ (онъ былъ противъ него всей душой) Франція не только разрушила свой союзъ съ Россіей, но и сыграла игру Австріи, облегчивъ ей сближеніе съ тою же Россіей черезъ Пруссію. Одна Франція оказывалась виноватой въ глазахъ Петербурга — а логика положенія заставляла ее дѣлать одно «преступленіе» за другимъ. Уже въ мартѣ Наполеонъ говорилъ Каулею, что онъ не вѣритъ въ успѣхъ польского восстанія—а еще въ іюнѣ Франція приняла участіе въ постановкѣ Россіи знаменитыхъ «шести пунктовъ», сводившихся къ возстановленію въ Польшѣ конституції Александра I (nota 17 іюня н. ст.). Къ этому періоду относится собственноручное письмо императора Александра II Вильгельму I, спрашивавшее—готова ли Пруссія оказать Россіи вооруженную поддержку, если понадобится? Армія самой Россіи уже давно была на военномъ положеніи. Но въ Берлинѣ знали то, что, повидимому, было неизвѣстно въ Петербургѣ: что императоръ Наполеонъ не знаетъ, какъ ему выпутаться изъ англійскихъ сѣтей, и что его притязанія теперь «скромнѣе, чѣмъ когда бы то ни было» по оцѣнкѣ прусского посла въ Парижѣ гр. Гольца. Скромность достаточно измѣряется тѣмъ, что онъ надѣялся добиться отъ Александра II конституціи для поляковъ—при помощи Пруссіи. Гольцъ былъ очень за этотъ планъ, но Бисмаркъ его отклонилъ: ему выпутывать Наполеона изъ бѣды не представлялось надобности²⁾.

Бисмаркъ не могъ однако ограничиться тихимъ торжествомъ—и не подразнить поверженного противника. Польскій вопросъ началъ закрываться другимъ. Вставалъ вопросъ о Шлезвигѣ и Голштиніи. Наполеонъ III по случаю восшествія на престолъ Христіана IX командировалъ въ Копенгагенъ генерала Флери, который долженъ былъ проѣхать черезъ Берлинъ и говорить тамъ съ Бисмаркомъ. Французскій императоръ въ это время пересталъ носиться съ планами о все-европейской войнѣ—но увлекался планомъ все-европейского конгресса. На конгрессѣ должны были решиться судьбы между прочимъ и Польши. Бисмаркъ высказался категорически противъ этого

¹⁾ Charles-Roux, цит. 347.

²⁾ «Gedanken u. Erinnerungen», I, 311—313.

и въ такой формѣ: «Лучше смерть, чѣмъ согласиться подвергнуть спору наши права на Познань. Я бы скорѣе согласился уступить рейнскія провинціи». Бисмаркъ хотѣлъ этимъ сказать: Ваши теперешнія предложенія еще нелѣпѣе прежнихъ. Но Флері, услыхавъ слово «Рейнъ» насторожился—и затрепеталъ отъ восторга. «Слово произнесено» телеграфировалъ онъ Наполеону: «нужно ли настаивать? Въ Тюильри поняли насмѣшку—и оттуда послѣдовалъ досадливый отвѣтъ: «Не говорите о Рейнѣ и успокойте ихъ насчетъ Познани» ¹⁾.

Но была своя минута торжества—увы! грустнаго—и у отправителя этой телеграммы. «Въ концѣ мая 1866 г.» разсказываетъ, Персины «я былъ на лоншанскихъ скачкахъ... Вдругъ ко мнѣ подходитъ кн. Меттернихъ и говоритъ что онъ пріѣхалъ на скачки въ надеждѣ видѣть императора; не найдя его онъ просить меня пойти и попросить для него аудіенцію у его величества. Онъ прибавилъ, что для сокращенія времени я могу сейчасъ же сообщить императору предложеніе, которое онъ, Меттернихъ имѣеть сдѣлать отъ имени своего правительства. Вотъ оно: Австрія соглашается уступить Венецію Италіи на двухъ условіяхъ: первое, что Франція и Италія сохранятъ нейтралитетъ въ австро-prusскомъ конфликѣ; второе, если Австрія выйдетъ побѣдительницей изъ борьбы, она вознаградитъ себя за потерю Венеціи Силезіей, не притязая ни на что болѣе; наконецъ Меттернихъ прибавлялъ, что въ вопросѣ о рейнскихъ провинціяхъ Австріи неудобно распоряжаться германской территоріей въ пользу Франціи; но такъ какъ это вопросъ преимущественно прусско-французскій, то, если эта территорія такъ или иначе попадетъ въ наши (французскія) руки, Австрія этому не воспротивится» ²⁾.

Наполеонъ III долженъ былъ горько усмѣхнуться, услыхавъ это. Италія была уже союзницей Пруссіи—съ его вѣдома и по его инициативѣ... Австрія снова показала свою способность опоздать «на одну идею»—и притомъ не на одинъ годъ, а на цѣлыхъ три.

M. Покровскій.

¹⁾ Souvenir du général C-te Fleury, 283—285.
²⁾ «Mémoires», 358.

Политика гогенцоллерновъ.

1. Вильгельмъ II. Личность.

Старый императоръ Вильгельмъ I былъ необычайно популяренъ въ Германіи. Въ его царствованіе совершился самый значительный и самый славный переворотъ изъ всѣхъ, какія когда-либо знала германскія исторія: изъ союза маленькихъ и слабыхъ государствъ Германія превратилась въ могущественную имперію, укрѣпленную прочными союзами во вѣкъ и широко расправившую крылья на почвѣ промышленнаго предпринимательства. Но несмотря на всю популярность девяностотрѣтняго императора, едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что страна встрѣтила вздохомъ облегченія конецъ этого чрезмѣрно долгаго царствованія. Послѣдніе годы правленія Бисмарка были слишкомъ ярко окрашены въ черный цвѣтъ реакціи; дружба съ остѣльбскими аграріями, гоненія на соціалъ-демократовъ, преслѣдованія печати—все это ясно показывало, что старѣющійся канцлеръ все опредѣленѣе возвращался къ феодальнымъ симпатіямъ своей молодости и все болѣе утрачивалъ пріобрѣтенную въ зрѣлыя лѣта способность приспособляться къ условіямъ времени и интересамъ наиболѣе влиятельныхъ общественныхъ группъ. Его тяжелая рука все сильнѣе тянула Германію назадъ, къ феодальному прошлому, не останавливаясь даже передъ покушеніями на имъ же самимъ созданныя учрежденія вплоть до самого всеобщаго избирательнаго права и представительнаго образа правленія. Еще въ 1881 году Бисмаркъ говорилъ князю Гогенлоэ: «нѣмцы не умѣютъ обращаться съ той черезчуръ тонкой игрушкой, которую я имъ далъ. Они ее портятъ. Если это будетъ продолжаться, союзнымъ правительствамъ придется вновь вернуться къ старому союзному сейму, сохранивъ таможенный союзъ и военную конвенцію, но упразднивъ рейхстагъ». Несмотря на весь пїэтетъ, который внушало къ себѣ тогда имя Бисмарка, ни расцвѣтающая буржуазія, ни укрѣпляющаяся демократія не могли примириться съ все усилившимся реакціоннымъ

направленіемъ германской внутренней политики. Смерть старого императора открывала надежды на перемѣну курса. Эти надежды имѣли тѣмъ большее основаніе, что наследникъ престола Фридрихъ былъ извѣстенъ совсѣмъ не за поклонника юнкерскихъ идеаловъ. Онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію немцевъ, на раннюю юность которыхъ наложила неизгладимую печать революція 1848 г. и дѣятельность франкфуртскаго парламента (онъ родился въ 1831 году); позднѣе ужъ въ зрѣлые годы онъ сошелся съ партіей свободомыслящихъ, и послѣднихъ даже стали звать «партіей кронпринца». Его жена Викторія, дочь англійской королевы Викторіи, была воспитана въ духѣ англійскихъ парламентскихъ традицій и имѣла довольно сильное вліяніе на своего мужа, который тоже слылъ за поклонника парламентаризма. Среди немецкаго образованнаго общества кронпринцъ былъ необычайно популярнъ; было извѣстно, что онъ окружалъ себя литераторами и учеными; молва надѣлила его даже и славой полководца, и дѣйствительно у него были недюжинныя военные дарованія, которые онъ обнаружилъ въ битвахъ при Кениггрецѣ, Верте и Седанѣ. Отъ общества не было тайной и то, что у кронпринца были дурныя отношенія съ Бисмаркомъ, и что канцлеръ сумѣлъ даже внушить и старому императору недовѣріе къ сыну. Кронпринца держали въ сторонѣ отъ политики и, хотя онъ носилъ важныя званія генераль-инспектора южныхъ армій и президента государственного совѣта, онъ не только не могъ вліять на общее направленіе политики, но даже далеко не былъ въ курсѣ правительственныхъ дѣйствій.

Однако, надеждамъ общества, что юнкерскому режиму дряхлѣвшаго канцлера будетъ положенъ конецъ со вступленіемъ на престолъ Фридриха III, не суждено было сбыться. Новое царствованіе было необычайно кратковременнымъ и продолжалось только 3 мѣсяца (9 марта—15 июня 1888 года). Императоръ вступилъ на престолъ уже больной неизлечимой болѣзнью (ракомъ въ гортани); это былъ живой трупъ, обреченный на скорую и неизбѣжную смерть, и естественно, что въ тѣ недолгія предсмертныя недѣли, которая онъ провелъ на престолѣ, у него не было энергіи для того, чтобы рѣшительно измѣнить режимъ Бисмарка и свалить великаго канцлера, державшагося за власть старѣющей, но еще крѣпкой рукой. Своё либеральное настроеніе онъ успѣлъ проявить только въ томъ, что смѣстилъ реакціоннаго прусскаго ministra внутреннихъ дѣлъ Путткамера и наградилъ орденами нѣкоторыхъ депутатовъ изъ партіи свободомыслящихъ (Вирхова, Беннигсена, Форкенбека). Зато въ двухъ другихъ мѣрахъ его недолгаго царствованія видна была

рука Бисмарка: это было удлиненіе срока депутатскихъ полномочий (какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ прусскомъ ландтагѣ) съ трехъ до пяти лѣтъ, что ослабляло зависимость депутатовъ отъ избирателей, и принятіе мѣръ строгости противъ поѣздокъ французовъ въ Эльзасъ, въ которомъ Бисмаркъ попрежнему видѣлъ крайне неблагонадежную провинцію.

Черезъ 99 дній послѣ своего вступленія на престолъ Фридрихъ III скончался, и императоромъ сталъ его сынъ Вильгельмъ II. Новый императоръ родился 27 января 1859 г. Отецъ и мать пытались воспитать его въ духѣ уваженія къ англійскимъ парламентскимъ традиціямъ, но когда онъ вышелъ изъ ранняго дѣтства, то, вѣроятно, по настоянію дѣда и Бисмарка, его воспитаніе перешло въ руки теологовъ и военныхъ генераловъ. Его главнымъ воспитателемъ сталъ тайный совѣтникъ Гинцпетеръ, теологъ, проникнутый мистическими взглядами на происхожденіе королевской власти; его помощникомъ по военной части былъ генералъ Штольбергъ, который развили еще болѣе заложенное уже самой природой въ характерѣ молодого принца увлеченіе военнымъ дѣломъ. Большое вліяніе на него въ дѣтствѣ и юности имѣлъ и придворный проповѣдникъ Штеккеръ, мистикъ до мозга костей и проповѣдникъ «христіанскаго соціализма». Но самое главное вліяніе на развитіе мальчика Вильгельма оказывала сама жизнь. Если его отецъ воспитывался и росъ подъ воздействиемъ того оппозиціоннаго духа, который все глубже и глубже проникалъ въ нѣмецкое общество въ неудачное царствованіе Фридриха—Вильгельма IV, то на дѣтскіе и юношескіе годы принца Вильгельма наложилъ неизгладимую печать тотъ звонъ побѣднаго оружія, который сопровождалъ рожденіе малодой германской имперіи. Онъ видѣлъ только ореолъ славы и все увеличивавшейся народной популярности, которымъ было окутано начало царствованія его дѣда и подъ вліяніемъ этого, въ его душѣ создавалось убѣжденіе, что Германіи свыше предопределена великая миссія среди другихъ народовъ и что ее ждетъ лучезарное будущее. Поэтому уже въ то время мысли его начинали пріобрѣтать оттѣнокъ крайняго націонализма, который позднѣе сталъ одной изъ характернѣйшихъ чертъ всего его міровоззрѣнія. Несмотря на этотъ специфическій пошибъ въ воспитаніи молодого принца, его чисто научное образованіе нельзя назвать плохимъ. Отецъ очень хлопоталъ, чтобы его сынъ прошелъ обычную для всѣхъ нѣмецкихъ юношей школу. Пятнадцати лѣтъ его отдали въ Кассельскій лицей (средняя школа), и молодой принцъ, живя со своимъ наставникомъ Гинцпетеромъ въ сосѣднемъ съ городомъ замкѣ, аккуратно ъздила каждый день на уроки

и скромно занималъ свою ученическую парту въ классной комнатѣ. Позднѣе, вспоминая въ письмѣ къ одному изъ своихъ школьныхъ товарищѣй то строго классическое образованіе, которое получали ученики кассельскаго лицея, Вильгельмъ отзывался объ немъ далеко неодобрительно. «Гомеръ, писалъ онъ въ этомъ письмѣ, божественный поэтъ, котораго я люблю до безумія, Демосоенъ, рѣчи котораго должны воодушевлять весь міръ, какъ они намъ преиздносились? Съ чувствомъ энтузіазма передъ геройствомъ, передъ сраженіями, передъ описаніями природы? Упаси Боже! Каждый ключекъ фразы расчленялся, вскрывался скальпелемъ грамматиковъ и фанатическихъ филологовъ до тѣхъ поръ, пока, ко всеобщему удовольствію, не обнаруживался скелетъ слова и не являлась возможность показать, на сколько ладовъ можетъ комбинироваться апили ері или какая-нибудь иная подобная же чертовщина. Тутъ есть отъ чего заплакать!» Классическое воспитаніе, полученное Вильгельмомъ въ Кассельѣ, оскорбляло прежде всего его націоналистическія тенденціи. «Этотъ методъ», пишетъ онъ дальше, «ведеть къ тому, что наша молодежь... знаетъ наизусть имена генераловъ, мѣста сраженій и расположение войскъ въ пуническихъ войнахъ или войскъ Митридата,—и ничего не знаетъ изъ семилѣтней войны, не говоря уже о войнахъ позднѣйшихъ, напр. 1866 или 70 гг., которыя еще не собрались обработать для учебника». Этому нерасположенію къ школьному классицизму, вѣроятно, надо приписать то, что способный и живой мальчикъ, надѣленный хорошей памятью, и всѣми средствами для правильныхъ и усердныхъ занятій, не блисталъ особыми успѣхами и, несмотря на свое высокое положеніе, былъ выпущенъ изъ лицея только десятымъ (1877 г.) съ свидѣтельствомъ въ дипломѣ: «удовлетворительно». Лицей во всякомъ случаѣ привилъ молодому принцу привычки къ регулярному и упорному труду и далъ ему недурное образованіе классического типа. Восемнадцати лѣтъ отъ роду Вильгельмъ поступилъ въ Боннскій университетъ и тамъ провелъ два года въ прилежныхъ занятіяхъ. Онъ изучалъ римское право, исторію философіи, экспериментальную физику, исторію девятнадцатаго вѣка, исторію нѣмецкаго народнаго права, политическую экономію, исторію искусства, нѣмецкой литературы, уголовное, финансовое, народное, гражданское и административное прусское право, исторію реформаціи и хімію. Этотъ перечень показываетъ, что гуманитарныя науки интересовали Вильгельма гораздо болѣе тогда, чѣмъ науки техническія и естественные. Позднѣе, но еще въ молодыхъ годахъ онъ, однако, значительно пополнилъ свое образованіе и къ зрѣлому возрасту

былъ уже довольно широко образованнымъ словѣкомъ, нерѣдко удивляя специалистовъ своимъ разнообразными и даже детальными знаніями по самымъ различнымъ областямъ наукъ. Окончивъ университетъ принцъ Вильгельмъ предался съ большимъ увлечениемъ военной службѣ; вскорѣ затѣмъ, еще въ очень молодыхъ годахъ всего двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ женился на дочери шлезвигголштинскаго герцога Августа-Викторіи и ко времени смерти дѣда и отца былъ уже отцомъ четырехъ дѣтей.

Ко времени вступленія на престолъ характеръ молодого императора успѣлъ уже вполнѣ опредѣлиться. Это былъ человѣкъ необычайно живой, склонный къ постоянной и напряженной дѣятельности и отнюдь не способный проникнуться англійскимъ идеаломъ царствующаго, но не управляющаго монарха. Онъ былъ постоянно въ движеніи, вѣчноѣздили и путешествовалъ, много разъ посѣщалъ всѣ столицы Европы (кромѣ Парижа), плавалъ по Средиземному морю, бывалъ въ Константинополѣ и Палестинѣ, не говоря уже о городахъ его собственной имперіи, которымъ онъ наносилъ многократные визиты по поводу всякаго рода историческихъ годовщинъ. Всюду онъ обнаруживалъ большую наклонность къ самостоятельности и любилъ выражать свои мысли не только по поводу явлений общественной и политической жизни, но и по поводу вопросовъ искусства, религіи, литературы и педагогики. Появится ли какое-нибудь новое громкое произведеніе литературы, нашумитъ ли какая-нибудь научная книга или возникнетъ новое направленіе въ области искусства,—и императоръ спѣшилъ выразить въ письмѣ къ ученному другу или еще чаще въ публичной рѣчи свое отношеніе ко всѣмъ этимъ явленіямъ. Многосторонность интересовъ императора и крайняя импульсивность его натуры приводили къ тому, что все занимавшее въ данный моментъ общественное вниманіе, все, о чёмъ говорили въ широкой публикѣ, волновало и затрагивало его самого, какъ его личное дѣло и онъ чувствовалъ органическую потребность излить обуревавшія его мысли и настроенія на бумагѣ или выразить ихъ открыто передъ всѣмъ обществомъ на словахъ. Часто министры хватались за голову отъ страха, когда коронованный ораторъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, увлекаемый своими настроеніями, дѣлалъ публичныя заявленія, въ корне несогласныя съ конституціоннымъ строемъ германской имперіи или несовмѣстимыя съ уваженіемъ къ сосѣднимъ великимъ державамъ. Не разъ отвѣтственнымъ представителямъ власти приходилось отчитываться передъ рейхстагомъ за слова безответственного главы государства или вступать по поводу ихъ въ щекотливыя и непріятныя объясненія съ дипломатическими представителями иностранныхъ государствъ.

Въ личности и міровоззрѣніи Вильгельма II была довольно странная смѣсь чертъ и особенностей, сближавшихъ его съ одной стороны съ королемъ-романтикомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV, а съ другой—съ такой реалистической натурой, какой былъ Вильгельмъ I. Какъ и Фридрихъ-Вильгельмъ IV, онъ чувствовалъ неискоренимую потребность подводить подъ всѣ свои дѣйствія идеологіческія основанія; безъ идеологіи и теоретическихъ оправданій, выливавшихся почти всегда въ форму шумной и феерической фразеологии, онъ не могъ жить. Для всѣхъ его поступковъ ему всегда нужна была высшая санкція, нужно было сознаніе, что его дѣйствія согласны съ міровымъ порядкомъ и основными принципами бытія. Это придавало съ самаго начала всему его міровоззрѣнію метафизической и мистической характеръ. Политика, согласованная только съ условіями времени и требованіями случайно сложившихся отношеній, для него была пустой и вздорной политикой; нити правительственныйыхъ дѣйствій онъ стремится протянуть до высшихъ и послѣднихъ точекъ зрењія и свое поведеніе въ качествѣ монарха согласовать съ волей высшихъ силъ и съ требованіями божественного закона. Эта мистическая концепція власти свелась на практикѣ къ защитѣ чисто средневѣковыхъ идей, къ возрожденію романтической фантастики Фридриха-Вильгельма IV. Сущность политическаго міровоззрѣнія Вильгельма II, заключается въ томъ, что Богъ для достиженія своихъ высшихъ цѣлей избралъ германскій народъ и черезъ него творить свою волю на землѣ; руководителемъ же германскаго народа предназначено быть роду Гогенцоллерновъ; никто не въ правѣ вырвать у нихъ изъ рукъ этой высокой миссіи, не нарушая завѣтовъ самого Бога, и сами они не имѣютъ права никому отдать своей державной власти;—иначе они вступятъ въ конфликтъ съ божественной волей и ёя высшими предначертаніями. Такъ какъ германскій народъ есть народъ Божій, то для спасенія человѣчества необходимо его верховенство и въ сферѣ моральной и въ сферѣ материальной. Въ рѣчахъ Вильгельма постоянно проглядываетъ мысль, что только нѣмецкому народу присущи тѣ добродѣтели, которыя должны просвѣтить міръ. Другіе народы развращаются и падаютъ всѣ ниже и ниже; въ нѣмецкомъ же народѣ все болѣе и болѣе укрѣпляются нравственность, религіозность, благородство чувствъ, возвышенность мысли, самоотверженность, любовь къ отечеству, вѣрность королю, энергія и любовь къ работѣ. Въ рѣчи, произнесенной 2 сентября 1908 г. въ Мюнстерѣ, онъ говоритъ: «...нашъ народъ станетъ той гранитной скалой, на которой Господу Богу угодно будетъ закончить свое дѣло просвѣщенія міра. Тогда-то исполн

нится слово поэта, который сказалъ, что міръ излечится силою нѣмецкаго духа». Эти слова относятся къ великому будущему Германіи. А вотъ характеристика исторической миссіи германскаго народа въ прошломъ изъ рѣчи на банкетѣ городской думы въ Аахенѣ 19 іюня 1902 года. «Можно ли не подумать о Провидѣніи, когда бросаешь взоры въ исторію вѣковъ, пережитыхъ нашимъ отечествомъ... Скипетръ римскихъ цезарей перешелъ въ руки ихъ преемниковъ, зданіе имперіи, разоренное и подгнившее, пошатнулось; только появленіе германцевъ съ ихъ чистымъ сердцемъ и съ радостью побѣды—могло дать исторіи міра новое теченіе, которое она сохранила и до нашихъ дней». Продолжая дальше ту же рѣчь императоръ говорить: «нашъ языкъ отвоевываетъ все большія области далеко за предѣлами моря; наша наука и наши открытія устремляютъ свой полетъ въ безграничную даль; нѣтъ ничего въ области современной науки, что не было бы написано на нашемъ языкѣ, и нѣтъ такой мысли, которая не была бы сначала высказана нами, чтобы быть потомъ перенятой уже другими націями». Какъ избранному народу германцамъ свыше предназначено блести на землѣ міровой порядокъ и въ качествѣ высшаго стражи добра удерживать народы отъ братоубийственныхъ столкновеній. «Готовый, вооруженный заново, нѣмецкій народъ», говорить императоръ 11 сентября 1893 г. въ Карльсруѣ: «стоитъ на стражѣ, какъ нѣкогда богъ Геймдалъ, охраняя миръ на землѣ у вратъ храма Мира, и не только въ Европѣ, но и на всей землѣ. Пусть же нѣмецкій народъ не погрѣшилъ въ этой высокой, цивилизаторской миссіи, посланной ему Богомъ и уже намѣченной моимъ дѣдомъ». О поддержаніи міра на землѣ, какъ о провиденціальной задачѣ германской націи Вильгельмъ говорить довольно часто,—и въ первые, и въ ближайшіе къ намъ годы своего царствованія,—и говоритъ, очевидно, вполнѣ искренно. Но подъ миромъ онъ понимаетъ только такой миръ, который основанъ на верховенствѣ германскаго народа. Пусть народы признаютъ право Германіи разрѣшать ихъ распри въ качествѣ высшаго судьи; пусть они преклонятся передъ ея рѣшеніями, и тогда миръ на землѣ не будетъ нарушенъ. Но она смѣло подниметъ свой мечъ противъ тѣхъ, кто явится нарушителемъ и ся правъ высшаго арбитра и тѣхъ порядковъ, которые она признаетъ за освященные божественнымъ закономъ. «Прусскій король въ состояніи поддержать миръ», говорить Вильгельмъ въ 1890 г. въ Кенигсбергѣ: «и я знаю, что тотъ, кто захочетъ его нарушить, получитъ урокъ, который сто лѣть спустя будетъ помнить». И такъ какъ Германія, блюда міровой порядокъ, сама же свыше уполномочена разрѣшать, въ чемъ этотъ порядокъ

заключается, то ея право обнажать мечь въ сущности является ничѣмъ не ограниченнымъ....

Говоря о божественной миссіи германскаго народа, Вильгельмъ однако всегда имѣеть въ виду одно ограничение: Германія остается избраннымъ Божіимъ народомъ только до тѣхъ поръ, пока она слѣдуетъ за данными ей Провидѣніемъ руководителями и вдохновителями—Гогенцоллернами. Къ славѣ, къ побѣдамъ, къ великому будущему Германію могутъ вести только одни Гогенцоллерны, и благо ей, если она останется послушной ихъ священному руководительству. Вильгельмъ воскрешаетъ чисто средневѣковое представление о правахъ монарха и защищаетъ его тѣми самыми аргументами, какими это дѣлали когда-то Фридрихъ Барбаросса и его преемники. Въ рѣчи, произнесенной на банкетѣ бранденбургскаго ландтага 5 марта 1890 г., онъ говоритъ: «...я вижу въ странѣ и въ народѣ, который мнѣ вѣренъ, талантъ, данный мнѣ Богомъ; долгъ мой повелѣваетъ мнѣ его умножить, какъ сказано въ Библіи, и когда-нибудь мнѣ придется дать за него отвѣтъ. Я думаю, что пока онъ со мной, я сумѣю его вести такимъ путемъ, чтобы онъ возросъ и возросъ немало... Тѣхъ, кто захочетъ мнѣ помочь въ этотъ дѣлѣ, я привѣтствую отъ всего сердца; тѣхъ же, кто захочетъ мнѣ помѣшать въ моей работѣ,—я раздавлю». Въ своихъ многочисленныхъ рѣчахъ Вильгельмъ на разные лады разъясняетъ ту мысль, что родъ Гогенцоллерновъ править Божіей милостью и ни передъ кѣмъ, кромѣ Бога, за свои дѣйствія не отвѣчаетъ. 24 февраля 1894 г. на банкетѣ бранденбургскаго ландтага онъ заявляетъ: «...если мои предки и въ особенности тотъ, о которомъ мы больше всего любили воспоминать, какъ о величайшемъ бранденбуржцѣ, великий курфюрстъ, были способны выполнить такъ много важнаго на благо своей страны, то это было возможно отчасти благодаря взаимному довѣрію государя и его народа, но больше всего благодаря тому, что домъ Гогенцоллерновъ обладаетъ чувствомъ долга—чувствомъ, исходящимъ изъ сознанія, что Богъ поставилъ ихъ на тотъ постъ, который они занимаютъ, и что одному только Богу, да еще своей совѣsti они обязаны отчетомъ въ томъ, что дѣлаютъ для блага страны». Но можетъ быть это заявленіе Вильгельма о королевской власти «Божіей милостью» относится только къ прошлому? Можетъ быть положеніе измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ въ Пруссіи появился ландтагъ, а въ Германіи—рейхстагъ? На этотъ счетъ рѣчи императора не оставляютъ никакихъ сомнѣній. Въ рѣчи о Вильгельмѣ I осенью 1897 г. при освященіи ему памятника въ Кобленцѣ онъ говоритъ: «для всѣхъ насъ и больше всего для насъ, государей, онъ возrostилъ и довелъ

до ослѣпительно блестящаго состоянія ту драгоценность, которую мы должны почитать и считать священной: это—королевскяя власть Божіей милостью, власть со всѣми ея тягостными обязанностями, съ трудами, которые не имѣютъ конца, съ ея страшною отвѣтственностью передъ однимъ лишь Творцомъ, отъ которой ничто не можетъ его освободить, ни одинъ человѣкъ, *никакое министерство, никакой рейхстагъ, никакой народъ*. Императоръ неоднократно заявляетъ, что чувствуя себя орудiemъ въ рукахъ Бога и черпая силу и увѣренность изъ этого сознанія, и, не взирая на всѣ препятствія и противодѣйствія, будетъ идти по тому пути, который предуказанъ ему свыше. Вотъ что онъ говоритъ 6 марта 1890 г. въ Билефельдѣ: «дѣло въ томъ, что каждый государь изъ дома Гогенцоллерновъ глубоко сознаетъ, что онъ всего лишь уполномоченный здѣсь на землѣ, что онъ обязанъ дать отчетъ въ своей работѣ Высшему Царю и Господину и обязанъ съ неизмѣнной вѣрностью выполнять дѣло, которое ему назначено свыше... Вотъ откуда та непоколебимая воля, съ которой они проводятъ то, что ими однажды предпринято». Такого рода цитаты изъ рѣчей Вильгельма, подтверждающія то, что императоръ въ его глазахъ посланникъ Неба, призванный творить его волю и отвѣчающій за свои дѣйствія только передъ Богомъ, можно было бы при желаніи умножить до безконечности.

Что же такое въ такомъ случаѣ въ глазахъ императора конституція германской имперіи, которой онъ присягалъ при своемъ вступленіи на престолъ, относительно которой онъ въ своей первой тронной рѣчи (27 іюня 1888 г.) заявилъ: «Я держусь того мнѣнія, что наша конституція устанавливается справедливое и полезное раздѣленіе въ участіи различныхъ общественныхъ силъ въ жизни государства, и вотъ отчего еще, а не только въ силу моей присяги, я буду съ ней считаться и защищать ее». Послѣднія слова императора находятся въ неизгладимомъ противорѣчіи съ тѣмъ представленіемъ его о власти Божіей милостью, которое онъ неустанно проводилъ въ теченіе всего своего царствованія, и имъ нельзѧ придавать особенно серьезнаго значенія: они были произнесены въ моментъ присяги передъ лицомъ обѣихъ палатъ (рейхстага и ландтага въ сборѣ), и молодой императоръ, увлеченный торжественностью парламентской обстановки, могъ уже въ силу одной впечатлительности своей натуры сдѣлать заявленіе, которое плохо согласовалось съ существомъ его міровоззрѣнія. Дальнѣйшія его рѣчи и поведеніе не оставляютъ сомнѣній въ характерѣ его отношеній къ рейхстагу и ландтагу: онъ видитъ въ нихъ чисто человѣческія учрежденія, создавшіяся благодаря случайностямъ исторіи; можетъ быть, они и нужны,

какъ временное орудіе, способствовавшее созданию германского могущества, но во всякомъ случаѣ, они не имѣютъ въ своей природѣ ничего абсолютного, на нихъ не почтеть благодать Божія, и ихъ существованіе можно оправдать только соображеніями временной и условной, а не вѣчной и абсолютной правды. Поэтому ихъ права и значеніе ни въ какомъ случаѣ нельзя сопоставлять съ правами и значеніемъ такого божественного установления, какимъ является власть королей прусскихъ и императоровъ германскихъ. Между властью государя и парламента въ глазахъ Вильгельма то же различіе, что между метафизическими міромъ вѣчныхъ, неизмѣнныхъ сущностей и случайнымъ, обманчивымъ міромъ явленій. Для обоихъ міровъ должна быть и разная оцѣнка и разная мѣрка: дѣйствія одной судятся по высшимъ и неизмѣннымъ, часто даже и недоступнымъ для человѣческаго пониманія точкамъ зрењія, дѣйствія второй—преслѣдуютъ только временные и случайные цѣли и должны быть обсуждаемы только съ такихъ временныхъ и случайныхъ точекъ зрењія. Въ случаѣ конфликта между этими двумя точками зрењія—вѣчными и временными—послѣдня должна безусловно отступить передъ первыми, и Вильгельмъ не разъ заявлялъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ чувствуетъ, что его дѣйствіями руководятъ высшая соображенія, онъ не уступить и не остановится передъ самыми энергичными дѣйствіями, которые должны будуть привести къ осуществленію его «непоколебимой воли». Дойдетъ ли онъ, однако, до прямыхъ нарушеній конституції? Судьба избавила Вильгельма отъ такихъ критическихъ положеній и нарушать конституцію ему не пришлось. Но едва ли на это у него хватило бы и энергіи. При всей категоричности его заявлений, при всей увѣренности въ своихъ силахъ, настоящей воли у него никогда не было, и на бисмарковскую рѣшительность (въ эпоху конфликта) онъ, повидимому, неспособенъ. Какъ у многихъ слишкомъ много говорящихъ людей, его энергія часто почти цѣликомъ уходила на краснорѣчіе и словесныя заявленія, и передъ стойкимъ и рѣшительнымъ сопротивленіемъ онъ пассивалъ. Въ этомъ отношеніи онъ недалеко ушелъ отъ своего дѣда.

Такимъ образомъ, государственно-правовая концепція Вильгельма проникнута чисто средневѣковымъ архаизмомъ. Въ некоторыхъ отношеніяхъ онъ идетъ даже дальше средневѣковья и погружается уже въ чисто первобытныя чувства и настроенія. Склонность императора къ возрожденію патріархальныхъ мотивовъ признаетъ даже и проф. Лампрехтъ, написавшій къ 25-лѣтнему юбилею царствованія его хвалебную характеристику¹⁾.

¹⁾ Karl Lamprecht. Der Kaiser. Versuch einer Charakteristik. 1913.

Онъ указываетъ на то, что императоръ хотѣлъ бы видѣть германскій народъ нашихъ дней такимъ же, какимъ онъ былъ во времена Тацита—крѣпкимъ, сильнымъ, но, главное, еще не подвергшимся развращающему дѣйствію культуры. Для Лампрехта и можно думать, что вмѣстѣ съ нимъ и для большинства образованныхъ нѣмцевъ—симпатіи Вильгельма къ архаическимъ порядкамъ отнюдь не являются признакомъ его культурной отсталости. Наоборотъ, онъ говоритъ, что «именно высокія дарованія современности, которыя предрасположены и привыкли смотрѣть вдалъ, часто обнаруживаются въ своей натурѣ первобытные мотивы, не порывая, однако, благодаря этому связей съ современностью». Архаическія склонности Вильгельма, по мнѣнію, Лампрехта дѣлаютъ его особенно близкимъ къ простому народу. «Въ современной жизни нашего народа», говорить онъ «еще продолжаютъ жить могучіе духовные остатки тѣхъ временъ, когда германцы впервые поили своихъ косматыхъ коней въ Рейнѣ; монархъ, который вмѣстѣ со многими другими обнаруживаетъ такого же рода черты, долженъ быть въ состояніи легко подойти къ чувствамъ именно низшихъ народныхъ слоевъ». Съ послѣднимъ утвержденіемъ ученаго нѣмецкаго историка едва ли можно согласиться, ибо какъ разъ среди нѣмецкой демократіи патріархальныя замашки императора встрѣчали всегда неизмѣнныи и наиболѣе сильный отпоръ. Но, какъ бы то ни было, стремленія императора къ возрожденію отношеній самой сѣй старины, лежащей дальше отъ насъ, чѣмъ средневѣковье, не отрицаютъ и люди, настроенные къ нему очень благожелательно.

Къ числу патріархальныхъ идей Вильгельма II относится прежде всего его представлениe о королѣ, какъ объ отцѣ своихъ подданныхъ. По способу выраженій императора иногда можно подумать, что онъ забываетъ о своемъ положеніи главы многомилліоннаго народа со сложными интересами, предъявляющаго сложные запросы къ правительственной власти; ему какъ бы кажется, что онъ—вождь небольшого родового союза, всѣ члены которого ему лично извѣстны, всѣ потребности которого онъ самъ можетъ удовлетворить. «Я отлично знаю», заявляетъ онъ 15 мая 1890 г. въ Кенигсбергѣ: «чего вамъ не достаетъ, и я направляю свои дѣйствія, сообразуясь съ этимъ». Четыре года спустя онъ говоритъ: «моя дверь всегда открыта для моихъ подданныхъ, и я ихъ выслушиваю охотно», какъ будто стоитъ только освѣдомить короля-отца о невзгодахъ, посѣтившихъ его дѣтей,—и онъ мановенiemъ руки сразу всѣхъ успокоитъ и все уладить. Поэтому ему кажется совершенно излишними всякаго рода политическія партіи, а дѣятельность политическихъ агитаторовъ онъ счи-

таетъ прямо вредной. Политическую оппозицію онъ приравниваетъ къ неповиновенію и видѣтъ въ ней пагубный духъ непокорности. Еще въ 1891 г., когда въ Германіи поднялся шумъ по поводу удаленія Бисмарка, онъ говорилъ бранденбуржцамъ: «инъ кажется, что нѣкоторыя лица не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ путь, по которому я иду и который я избралъ, чтобы вести васъ, а также и весь мой народъ, къ моей цѣли и къ всеобщему благополучію... Я очень хорошо знаю, что въ данное время кое-кто пытается напугать общественное мнѣніе. Духъ неповиновенія заползъ въ страну: скрытый подъ блестящимъ и обманчивымъ покровомъ, онъ старается ввести въ заблужденіе мой народъ и людей, мнѣ преданныхъ.»

Больше всего боится Вильгельмъ II разворачивающаго дѣйствія современной культуры. Нужно культивировать въ себѣ стаинныя добродѣтели и чуждаться модернистскихъ теченій—и въ области религіи, и въ области искусства, и въ области литературы;—эту мысль императоръ часто повторяетъ на разные лады. Хорошій нѣмецъ долженъ быть простымъ, послушнымъ, выносливымъ и немудрящимъ человѣкомъ. Его главнымъ чтеніемъ должна быть Біблія, но онъ не долженъ вдаваться въ богословскія тонкости и конфесіональные споры. Религія должна пониматься «не въ строго догматическомъ церковномъ смыслѣ, а въ болѣе широкомъ значеніи, практически примѣнимомъ къ жизни»¹⁾; она должна воспитывать въ людяхъ нравственныя добродѣтели, любовь къ отечеству и вѣрность королю; что же касается до догматовъ, то къ нимъ Вильгельмъ глубоко равнодушенъ, и въ этомъ отношеніи сохраняетъ терпимый духъ своихъ предковъ; но религіозность должна быть неотъемлемой чертой хорошаго нѣмца и въ этомъ отношеніи Вильгельмъ не хочетъ дѣлать никакихъ уступокъ. Искусство и литература также должны воспитывать въ людяхъ стаинныя добродѣтели и быть «школой идеализма», какъ любить говорить Вильгельмъ. Ни импресіонизма, ни реализма онъ не выносить, къ Гауптману питаетъ чуть ли не личную вражду,—зато преклоняется передъ Бегасомъ, Менцелемъ и Вильденбрухомъ. Императоръ чувствуетъ особенное влеченіе къ скульптурѣ, но только потому, что «скульптура еще не тронута этими, такъ называемыми современными теченіями; она еще чиста и прекрасна»²⁾. Такъ же патріархальны взгляды Вильгельма и на задачи школы, которой онъ предлагаєтъ «насаждать религіозное чувство и христіанское рвение» и «развивать въ воспитанникахъ чувство героизма и историче-

¹⁾ Изъ рѣчи Вильгельма въ Мюнстерѣ (1908).

²⁾ Изъ рѣчи художникамъ Аллеи Побѣды.

скаго величія». Это, конечно,—помимо борьбы съ тлетворнымъ вліяніемъ соціализма, которую Вильгельмъ также вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность школы. Для довершенія характеристики этихъ патріархальныхъ симпатій императора припомнімъ его недавно высказанный взглядъ на роль женщины, для интересовъ которой онъ рекомендовалъ три исключительныхъ области: церковь, кухню и дѣти (три К: Kirche, Kuche und Kinder).

Но было бы глубокой ошибкой дѣлать изъ всего этого заключеніе, что императоръ всецѣло живетъ въ мірѣ мистическихъ идей, средневѣковыхъ и патріархальныхъ идеалій и слѣпъ и глухъ для требованій современной ему жизни. Наоборотъ, реальный смыслъ, умѣніе согласовать свои дѣйствія съ реалистическими запросами жизни и преклоненіе передъ реальными силами присущи ему отнюдь не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ его дѣду. Онъ не даромъ проникнуть великимъ преклоненіемъ передъ Вильгельмомъ, чтить его гораздо выше, чѣмъ своего отца, и вопреки очевидности стремится укрѣпить за нимъ въ потомствѣ титулъ «Великаго». Много разъ въ своихъ рѣчахъ онъ, обходя память отца, заявлялъ, что будетъ слѣдовать въ своей политикѣ по стопамъ дѣда, и въ этомъ преклоненіи несомнѣнно помимо общности консервативныхъ симпатій обоихъ императоровъ, помимо виѣшняго блеска царствованія Вильгельма I очень крупную роль сыграла и реалистичность міровоззрѣнія старого императора, нашедшая себѣ сочувственный откликъ и въ душѣ внука. Вильгельмъ II—слишкомъ живой, подвижной и наблюдательный человѣкъ для того, чтобы замкнуться съ сферѣ отвлеченной идеологии, какъ это дѣлалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, и отгородить себя китайской стѣной архаическихъ идей отъ запросовъ и потребностей дѣйствительной жизни. Потребность въ идеологическомъ оправданіи его дѣйствій въ его душѣ очень сильна, но едва ли будетъ ошибкой сказать, что даже самая отвлеченная и мистическая изъ его идей служить ему лишь оправданіемъ и теоретическимъ прикрытиемъ для вполнѣ опредѣленныхъ направленій его практической политики. Идея божественнаго посланничества дома Гогенцоллерновъ служить на практикѣ оправданіемъ для властныхъ замашекъ непарламентарного управления, идея провиденціального назначенія германского народа прикрываетъ националистическую нетерпимость и презрительное отношение къ народамъ негерманской расы, а идеализація тацитовскихъ германцевъ на дѣлѣ оказывается синонимичной съ идеями политического и общественного консерватизма, допустимаго въ хронологическихъ рамкахъ конца XIX и начала XX вѣка. Въ этомъ отношеніи можно смѣло сказать, что не

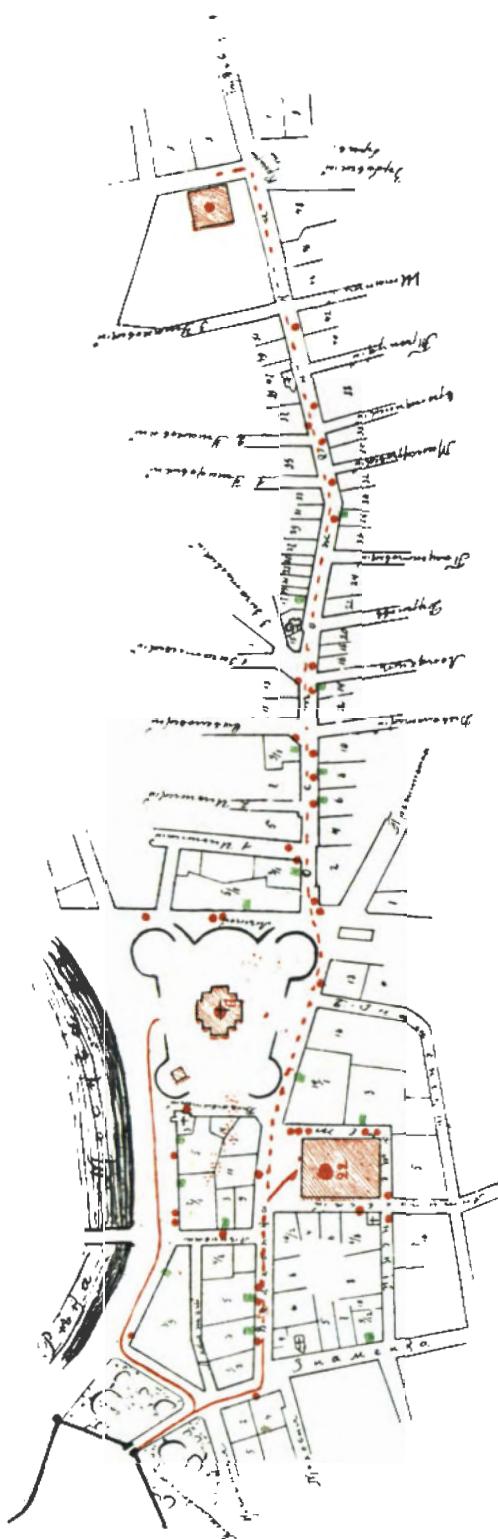
идеология владѣетъ Вильгельмомъ II, а онъ своей идеологіей, приспособляя ея отвлеченные принципы къ потребностямъ личнаго, націоналистического и консервативнаго режима. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ посрединѣ между Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и Вильгельмомъ I; Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ рабомъ своей идеологии; она заводила его въ такія заоблачныя выси, изъ которыхъ не было пути на землю къ дѣятельности практическаго политика; Вильгельмъ I, наоборотъ, былъ до такой степени реалистиченъ, что не нуждался ни въ какой идеологии и чувствовалъ себя прекрасно и безъ подведенія общихъ основаній подъ свою политическую дѣятельность; Вильгельмъ II является одновременно и практическимъ политикомъ со смысломъ реальнаго, и отвлеченнымъ идеологомъ, причемъ идеологическими принципами онъ пользуется для того, чтобы оправдать свое поведеніе въ качествѣ практическаго политика, а практическая дѣятельность и уроки ближайшаго прошлаго являются для него опытнымъ матеріаломъ, на основѣ котораго въ его душѣ возводится система отвлеченныхъ принциповъ и идей.

Въ чемъ же заключается реалистичность натуры Вильгельма II? Можно сказать, что въ этомъ отношеніи онъ настоящій послѣдователь своего дѣда и Бисмарка и съ раннихъ лѣтъ усвоилъ себѣ уваженіе къ тѣмъ же реальнымъ силамъ, передъ которыми преклонялись и они; различіе только въ томъ, что ихъ образъ дѣйствій, вытекавшій изъ потребностей случая и времени, онъ постарался возвести въ систему и снабдилъ его мистическими и метафизическими комментаріями. Ихъ кумиромъ была армія,— и Вильгельмъ II не измѣнилъ этому кумиру. Въ самый первый день своего вступленія на престолъ—15 іюня 1888 года—онъ прежде обращенія къ народу съ манифестомъ, издалъ воззваніе къ арміи: «въ дни печали и траура волею Бога я становлюсь во главѣ арміи. Съ сердцемъ полнымъ тоски я обращаюсь съ моимъ первымъ словомъ къ моей арміи... Въ арміи абсолютная, непоколебимая вѣрность монарху передается наследственно, отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ... Я и армія—мы рождены другъ для друга и останемся впередъ нераздѣльно связанны, все равно, пошлетъ ли намъ Господь войну или миръ». Объ арміи же Вильгельмъ вспоминаетъ и въ самыя тяжелыя времена своей жизни. Когда на императора посыпались нападки по поводу удаленія Бисмарка, онъ прежде всего обратился за поддержкой къ арміи. 18 апрѣля 1891 г. онъ произнесъ такую рѣчь новымъ воинскимъ частямъ совершенно въ бисмарковскомъ духѣ: «единство германской имперіи сковано арміей и ея солдатами, а не парламентскимъ большинствомъ и его рѣшеніями. Моя надежда

покоится на арміи. Мы переживаемъ тяжелыя времена, въ ближайшемъ будущемъ насть ожидаютъ, быть можетъ, еще худшія, но при мысли о нихъ я вспоминаю слова, которыя дѣдъ мой сказалъ офицерамъ Кобленца: вотъ люди, на которыхъ я могу положиться. Это моя вѣра и моя надежда».

Полгода спустя, напуганный ростомъ соціалистического движенія, онъ бросаетъ въ обращеніи къ молодымъ рекрутамъ слова, которыя вызываютъ открытый ропотъ по всей Германіи: «Болѣе, чѣмъ когда-либо недовольство и недовѣріе поднимаютъ голову; можетъ случиться,—отъ чего храни нась, Боже!—что вамъ придется стрѣлять въ собственныхъ родныхъ, въ братьевъ. Проявите же тогда свою вѣрность, жертвуя родною кровью». Вильгельмъ вообще любить противополагать армію, какъ главный оплотъ монархизма и порядка, другимъ колеблющимся и неустойчивымъ элементамъ германской націи. Особенно характерны его слова, съ которыми онъ обратился къ гвардейцамъ въ день десятилетнаго юбилея своего царствованія: «въ тяжелыхъ заботахъ и условіяхъ я принялъ корону: всюду во мнѣ сомнѣвались, всюду обо мнѣ судили дурно; въ одномъ только мѣстѣ въ меня вѣрили и имѣли ко мнѣ довѣріе: и это было въ арміи. Опираясь на нее, вѣряясь нашему старому Богу, я взялъ на себя бремя правленія, зная твердо, что въ арміи—главная сила моей страны, главный оплотъ прусскаго трона, на который я призванъ волею Божіей». Свою любовь къ арміи Вильгельмъ переносить и на воинское дѣло. И до своего вступленія на престолъ и послѣ, онъ съ увлечениемъ изучалъ военную исторію, любилъ присутствовать на маневрахъ и военныхъ парадахъ, любилъ обѣдать въ офицерскихъ собранияхъ и бывать среди генераловъ. Онъ не чуждался ученыхъ, писателей и художниковъ и собирая не разъ въ своемъ дворцѣ избранное по уму и талантамъ общество; свои близкія отношенія съ верхами нѣмецкой (конечно, лояльной) интеллигенціи онъ даже любить афишировать и подчеркивать; но хорошо, просто и свободно онъ чувствуетъ себя только среди военныхъ; офицеры—это люди его круга и его настроенія; безъ ихъ общества онъ едва ли могъ бы жить, между тѣмъ какъ литераторы и ученые являются для него только украшеніемъ его двора, безъ котораго вполнѣ можно и обойтись.

Реалистичность Вильгельма сказывается и въ томъ, какое огромное значеніе онъ придаетъ торгово-промышленному развитію Германіи. Феодаль до мозга костей, юнкеръ по образу мыслей и привычкамъ, онъ тѣмъ не менѣе, подобно Бисмарку, умѣетъ приносить свои интимныя симпатіи въ жертву тому, въ чемъ онъ видитъ залогъ будущаго величія и могущества германского народа.

Объяснение къ плану.

Въ бумагахъ, относящихъ къ высочайшему приѣзу въ маѣ 1912 г. имѣется планъ предполагавшихся проездовъ изъ по улицамъ Москвы, составленный по даніямъ охранки II. Истиннѣмъ 16-го мая 1912 г.

На планѣ изображены три проѣзда: 1) отъ Николаевскаго вокзала до Большого Кремлевскаго двора; 2) отъ Большого Кремлевскаго двора до Марко-Мариинской обницы на Большой Ордынкѣ (местожительство в. к. Елизаветы Олоровны) и 3) отъ В. Кремлевскаго двора къ памятнику Александра III и Лицею. Постѣдній

планируется (идетъ уменьшенному шѣхъ).

Красная сплошная линія означаетъ путь, обязательного высочайшаго стѣдованія.

Красными коротенькими черточками обозначенъ путь, предполагаемаго высочайшаго стѣдованія.

Зеленые квадратчики—избѣгнадлежній элементъ.

Вильгельмъ не разъ говорилъ, что дворянство—сословіе особенно близкое его сердцу и выражалъ ему довѣріе почти въ той же степени, какъ и арміи, ¹⁾ но когда оно требовало отъ него такихъ мѣръ, которые повредили бы великому торгово-промышленному будущему Германіи, императоръ вступалъ съ нимъ въ рѣшительную борьбу. Такъ, когда дворяне воспротивились сооруженію Кильского канала, то Вильгельмъ заявилъ, что онъ безъ раздумья раздавить сопротивляющихся. Онъ хорошо знать, что своимъ консервативнымъ и патріархальнымъ настроеніямъ онъ найдетъ откликъ лишь въ дворянскихъ кругахъ,—и тѣмъ не менѣе безъ сомнѣній и колебаній ведеть внѣшнюю политику Германіи по тому пути, который долженъ привести въ будущемъ къ расцвѣту торгово-промышленныхъ круговъ—насчетъ землевладѣльческихъ. Забота о рынкахъ, поиски за желѣзно-дорожными концессіями на востокѣ, покровительство банковскимъ компаніямъ, развитіе торговлѣхъ портовъ,—демонстративная дружба съ королями германской промышленности—вся эта работа финансового предпринимателя и коммі-вояжера въ крупномъ масштабѣ занимаетъ въ сущности главное и первенствующее мѣсто во всѣхъ планахъ, дѣйствіяхъ и мысляхъ императора. Пресловутые имперіализмъ и маринизмъ вильгельмовской политики объясняются, конечно, не только жаждой славы и мирового могущества, но и болѣе прозаическими соображеніями о необходимости обеспечить свободное развитіе нѣмецкой торговли и промышленности. И здѣсь, мистическая идея о провиденціальномъ назначеніи германского народа «просвѣтить міръ силою нѣмецкаго духа» сходится съ вполнѣ реальнымъ направленіемъ въ области практической политики. Было бы утомительно и слишкомъ однообразно приводить изъ рѣчей Вильгельма подкрепленія тому, что мировое могущество нужно Германіи въ его глазахъ для ея экономического процвѣтанія и, что его требуютъ не одни только божественные предназначанія, но и коммерческія и индустріальные выгоды Германіи; такого рода заявленія составляютъ лейтмотивъ едва ли не половины всѣхъ его рѣчей, произнесенныхъ въ разныхъ городахъ и по разнымъ поводамъ и стали въ его устахъ избитымъ мѣстомъ.

Таковы двойственные—мистическая и реалистическая въ одно и то же время идеи и наклонности германского императора.

1) Изъ рѣчи къ сельскимъ хозяевамъ 6 сентября 1894 г.: «какъ плющъ обвиваетъ дупло старого дуба, укрощая его своею листвою и прикрывая, когда буря потрясаетъ его вершину, такъ и пруское дворянство связано съ моимъ дѣломъ; пусть оно, пусть нѣмецкое дворянство станетъ славнымъ примѣромъ для всѣхъ слоевъ нашего народа, еще колеблющихся...»

Посмотримъ теперь, какое примѣненіе они получили въ хронологической постепенности его царствованія и въ какія коллизіи съ общественными настроеніями и условіями времени имъ приходилось вступать.

2. Царствованіе.

Все царствованіе Вильгельма I прошло подъ флагомъ Бисмарка. Старый императоръ почти всецѣло отдалъ себя въ руки своего министра и, несмотря на довольно часто возникавшія между ними несогласія, всегда уступалъ ему въ серьезныхъ вопросахъ. При Вильгельмѣ II такъ быть не могло. Новый императоръ былъ слишкомъ проникнутъ идеей отвѣтственности передъ Богомъ за свое управление и слишкомъ энергиченъ и порывистъ для того, чтобы уступить кормило власти, кому бы то ни было. Позднѣе Бисмаркъ говорилъ про него, что «его величество очень дѣятельный человѣкъ, чувствуетъ въ себѣ избытокъ силъ и потому самъ хочетъ быть своимъ канцлеромъ». Поэтому Вильгельму II нужны были покладистые, послушные министры, которые бы признали надъ собой его руководство. Для такой роли Бисмаркъ, конечно, не годился. Онъ уже вполнѣ вошелъ въ свою роль создателя имперіи, окруженнаго ореоломъ славы и могущества, и настолько привыкъ по-своему рѣшать главнѣйшіе вопросы внутренней и внѣшней политики, что иного порядка не могъ себѣ представить. На первыхъ порахъ, пока онъ не разобрался въ характерѣ молодого императора, онъ именно со стороны Вильгельма II менѣе всего ожидалъ встрѣтить сопротивленіе. Ему было известно, что Вильгельмъ былъ до своего вступленія на престолъ исполненъ величайшаго преклоненія передъ нимъ, что онъ видѣлъ въ немъ національную гордость и ставилъ его имя наряду съ величайшими именами исторіи; въ глазахъ же самого Бисмарка Вильгельмъ былъ просто увлекающимся и порывистымъ мальчикомъ, котораго не трудно будетъ держать въ уздахъ, и нужно было время для того, чтобы старый канцлеръ успѣлъ разглядѣть его лучше.

Поводы для столкновеній между канцлеромъ и императоромъ не замедлили представиться. Вступая на престолъ, Вильгельмъ былъ преисполненъ самыми широкими планами. Ему казалось, что ростъ и могущество быстро развивающейся имперіи требуютъ отъ него самой кипучей дѣятельности, и онъ готовился къ мѣрамъ самого широкаго характера. На первыхъ порахъ его увлекающейся головой всецѣло овладѣла мысль о необходимости начать эру соціального законодательства. Эта мысль была въ сущности лишь дальнѣйшимъ развитіемъ его патріархальнаго міровоз-

зрѣнія: если императоръ—отецъ своихъ подданныхъ, то онъ долженъ одинаково заботиться объ интересахъ всѣхъ сословий и защищать слабыхъ отъ притѣсненій сильныхъ. Ему казалось, что именно на этомъ пути легче всего нанести ударъ соціаль-демократической партіи, ибо, думалъ онъ, рабочіе скорѣе пойдутъ за своимъ императоромъ, ставшимъ на путь соціальныхъ реформъ, чѣмъ за соціаль-демократическими вождями. Скоро представился и случай, давшій императору возможность выразить его соціально-политическое настроеніе на дѣлѣ. Въ маѣ 1889 г. въ Рурскомъ округѣ возникла грандіозная забастовка углено-повъ. Въ ней приняли участіе около 100 тыс. человѣкъ, и они выставили довольно широкія требованія—8-мичасового рабочаго дня, увеличенія заработной платы и т. п. Въ срединѣ мѣсяца броженіе рабочихъ перекинулось на Силезію, Саксонію и область Саара; кое-гдѣ произошли даже кровавыя столкновенія. Императоръ рѣшилъ вмѣшаться въ это дѣло лично и далъ поочередно аудіенцію представителямъ и отъ рабочихъ, и отъ предпринимателей. Депутація отъ рабочихъ была принятая первой (14 мая). Императоръ горячо рекомендовалъ рабочимъ «воздерживаться отъ всякаго сближенія съ соціалистами», заявляя, что, если онъ замѣтить, что «ихъ движеніе тяготѣть къ соціализму», то приметъ «строжайшія мѣры для подавленія этого движенія». «Но если», прибавилъ онъ: «горнорабочіе будутъ спокойны, то они могутъ разсчитывать на мое покровительство». Черезъ 2 дня послѣ этого онъ принялъ депутацію отъ предпринимателей и, подчеркнувъ, что рабочіе произвели на него благопріятное впечатлѣніе, сказалъ между прочимъ: «вполнѣ естественно и свойственно каждому человѣку искать возможно лучшихъ жизненныхъ условій. Рабочіе читаютъ газеты. Они знаютъ, въ какомъ соотношении стоитъ ихъ заработка плата къ прибыли компаний. Понятно, что они желаютъ участвовать въ той или иной мѣрѣ въ этой прибыли. Вотъ почему я просилъ бы васъ, господа, по-серѣзнейше отнестись къ положенію и стараться на будущее время, по возможности, избѣгать такихъ осложненій... Я считаю своимъ монаршимъ долгомъ прійти на помощь въ случаѣ разногласія, какъ хозяевамъ, такъ и рабочимъ, при условіи, что каждый со своей стороны будетъ заботиться объ общемъ интересѣ, поддерживая между собой согласіе и не допуская такихъ кризисовъ, какъ тотъ, который мы переживаемъ въ данное время».

Бисмаркъ совсѣмъ не былъ расположенъ ити навстрѣчу этимъ настроеніямъ императора. Даже въ разгарѣ своей соціально-политической дѣятельности, какъ мы видѣли ¹⁾, онъ не шелъ

¹⁾ См. «Год. Мин.», 1915, 7, стр. 66—70.

далъше признанія принципа государственной благотворительности по отношению къ рабочимъ; соціальное законодательство при этомъ было для него лишь средствомъ для борьбы противъ соціалъ-демократической партіи; теперь же, въ концѣ 80-хъ гг., увидавъ, что проведенные имъ въ пользу рабочихъ законы нисколько не ослабили соціалъ-демократического движенія, онъ разочаровался и въ нихъ и все больше приходилъ къ убѣждѣнію, что съ соціалистами можно бороться, лишь силою. Широковѣща-тельныя заявленія императора, по его мнѣнію, могли только воз-будить неосновательныя надежды въ рабочемъ классѣ и еще больше раздуть соціалистическое движение; нужно не поощрять рабочихъ, а усугубить мѣры полицейского воздействиа на нихъ. Законъ противъ соціалистовъ, принятый въ 1878 г., имѣлъ не постоянный, а временный характеръ; въ 1890 г. истекалъ срокъ его дѣйствія; Бисмаркъ сталъ теперь хлопотать о томъ, чтобы этотъ временный законъ превратить въ постоянный. Вильгельмъ II, увлеченный своими мечтами о дружбѣ монарха съ рабочими, не сочувствовалъ этимъ агрессивнымъ намѣреніямъ старѣющаго канцлера, и лишь скрѣпя сердце даль согласіе на внесеніе соотвѣтственного законопроекта въ рейхстагъ. Въ рейхстагѣ обстоятельства складывались также не особенно благопріятно для осуществленія намѣреній канцлера. Національ-либералы и даже часть консерваторовъ (такъ наз. имперская партія, пред-ставлявшая собою отколовшееся лѣвое крыло консервативной партіи) соглашались голосовать за возобновленіе исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ лишь подъ нѣкоторыми условіями, да и то очень неохотно; вся лѣвая рейхстага (соціалъ-демократы и свободомыслящіе), а также и большая часть центра, встрѣтили проектъ Бисмарка съ открытой враждебностью. Оста-вались одни правые консерваторы (нѣмецко-консерваторы), ко-торые готовы были ити за Бисмаркомъ на путь самой крайней реакціи, но которые составили незначительное меньшинство рейхстага. Условія, которыя ставили національ-либералы и имперская партія, заключались въ томъ, чтобы у администраціи было отнято право высылокъ соціалистическихъ агитаторовъ, и они въ этомъ смыслѣ внесли поправку къ правительльному законопроекту о приданіи исключительнымъ мѣрамъ противъ соціалистовъ постоянного характера. Консерваторы все время хотѣли узнать, какъ отнесется къ поправкѣ національ-либераловъ Бисмаркъ и признаетъ ли онъ ее для себя приемлемой, но Бисмаркъ держался двусмысленно и не давалъ опредѣленного отвѣта. Онъ велъ довольно тонкую игру, заключавшуюся въ томъ, чтобы, не раскрывая своихъ картъ передъ обществомъ, побудить консерва-

торовъ голосовать противъ всего закона съ националь-либеральной поправкой, отвергнуть его съ ихъ помощью, распустить рейхстагъ и затѣмъ постараться въ новомъ рейхстагѣ провести его безъ всякихъ поправокъ въ правительственной редакції. Если же это оказалось бы невозможнымъ, и рейхстагъ снова отвергъ бы правительственный законопроектъ, то Бисмаркъ былъ готовъ на цѣлый рядъ мѣръ въ духѣ крайней реакціи. Но нѣкоторымъ его частнымъ заявленіямъ въ это время ясно, что онъ имѣлъ въ виду не болѣе, не менѣе, какъ измѣненіе избирательнаго закона и уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права. Если бы это вызвало восстание, то и въ этомъ, по мнѣнію Бисмарка, не было бы большой бѣды, ибо къ услугамъ правительства была преданная армія.

Сначала все пошло такъ, какъ ожидалъ Бисмаркъ. Консерваторы голосовали противъ исключительного закона съ националь-либеральной поправкой, а такъ какъ вмѣстѣ съ ними голосовали соціалъ-демократы, свободомыслящіе и большая часть центра, то законъ былъ отвергнутъ (25 января 1890 г.) большинствомъ 167 голосовъ противъ 98. Но въ дальнѣйшемъ дѣло пошло совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ этого Бисмаркъ. Императоръ, и раньше не особенно сочувствовавшій исключительнымъ мѣрамъ противъ соціалистовъ, отказался итти за Бисмаркомъ. Вмѣсто программы «энергического выступленія» (*energische Einschreiten*), которую защищалъ Бисмаркъ, онъ выставилъ программу довольно широкаго соціального законодательства.

Для этой задачи Вильгельму нужны были другие министры, чѣмъ дряхлѣюшій канцлеръ, и уже въ самомъ концѣ 1890 г. Бисмаркъ оказался вынужденнымъ отказаться отъ завѣдыванія прусскимъ министерствомъ торговли и промышленности и портфель этого министерства былъ переданъ Берлепшу, искреннему стороннику соціального законодательства. Въ самомъ рейхстагѣ императоръ искалъ для себя большаго сочувствія, и потому старый рейхстагъ былъ распущенъ, и на 20 февраля 1890 г. назначены новые выборы. Чтобы выяснить избирателямъ, какого рода работа будетъ предложена новымъ депутатамъ, императоръ опубликовалъ 4 февраля два рескрипта—одинъ на имя канцлера, другой—на имя новаго министра торговли и промышленности Берлепша. Въ первомъ изъ нихъ Вильгельмъ указывалъ на необходимость улучшить положеніе рабочихъ, поскольку это совмѣстимо съ потребностью сохранить за нѣмецкой промышленностью способность къ конкуренціи на міровомъ рынке; въ виду этого канцлеру поручалось озабочиться созывомъ международной конференціи, которая бы занялась обсужденіемъ поло-

женія рабочихъ. Во второмъ рескриптѣ, болѣе обширномъ, императоръ писалъ, что «одна изъ задачъ государственной власти заключается въ томъ, чтобы регулировать время, продолжительность и родъ работы такимъ образомъ, чтобы среди рабочихъ поддерживалось здоровье, заповѣди нравственности и обеспечивались хозяйственная потребности рабочихъ и ихъ права на равенство передъ закономъ. Для обезпеченія мѣра между рабочими и предпринимателями нужно намѣтить закономъ опредѣленныя формы, при посредствѣ которыхъ рабочіе, черезъ своихъ представителей, обладающихъ ихъ довѣріемъ, будутъ принимать участіе въ регулированіи общихъ дѣлъ и будутъ защищать свои интересы при переговорахъ съ работодателями и органами моего правительства». Широкая область государственного вмѣшательства въ бытъ рабочихъ, заботы государства о правовомъ положеніи рабочихъ, признаніе за рабочими права на профессіональное представительство,—все это слишкомъ очевидно выходило за рамки того принципа государственной благотворительности по отношенію къ рабочимъ, который зналъ канцлеръ въ періодъ своихъ соціально-политическихъ увлеченій. Поэтому-то въ шагахъ старого канцлера вся шумиха, поднятая императоромъ вокругъ рабочаго вопроса, была сплошной ошибкой, и онъ не стѣснялся выражать къ ней свое отрицательное отношеніе. На засѣданіи прусскаго государственного совѣта, который обсуждалъ программу рабочаго законодательства, онъ хранилъ молчаніе и избѣгалъ вмѣшиваться въ пренія. Внѣ же своихъ официальныхъ обязанностей онъ былъ менѣедержанъ и говорилъ даже представителямъ прессы (*«Kölnische Zeitung»*), что въ рабочемъ вопросѣ императоръ находится «на наклонной плоскости», и что это его не доведетъ до добра. Съ своей стороны и императоръ не скрывалъ своего нерасположенія къ канцлеру, и уже въ срединѣ февраля 1890 г., тайно отъ Бисмарка, подыскивалъ ему преемника. Нерасположеніе императора не укрылось отъ Бисмарка, и еще 18 февраля онъ говорилъ представителю того же *«Kölnische Zeitung»*, что онъ потерялъ довѣріе императора; императору нужны послушные министры изъ офицеровъ, и для этой роли онъ, Бисмаркъ, уже не годится. Вопросъ идетъ, говорилъ канцлеръ, уже не только о рабочемъ вопросѣ, а вообще обѣ отношеніи императора къ своимъ совѣтникамъ; императоръ слушаетъ уже не своихъ отвѣтственныхъ министровъ, а членовъ придворной камарильи, и онъ, канцлеръ, слишкомъ старъ для того, чтобы заниматься борьбой съ придворными интригами (*Reibungen*). Здѣсь, повидимому, Бисмаркъ имѣлъ въ виду стараго воспитателя императора Гинцпетера и придворнаго пропо-

вѣдника Штекера, который одно время имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Вильгельма.

Къ концу февраля положеніе еще больше обострилось. Стало известны результаты выборовъ въ рейхстагъ, и изъ нихъ выяснилось, что политика старого канцлера не находить себѣ никакого одобренія въ странѣ, и что наладить его совмѣстную работу съ новымъ рейхстагомъ будетъ еще труднѣе, чѣмъ со старымъ. Всѣ старые друзья Бисмарка проиграли, всѣ его враги выиграли; соціаль-демократы получили 35 мѣстъ въ рейхстагѣ вмѣсто прежнихъ 11; свободомыслящіе—66 вмѣсто прежнихъ 32; составъ обѣихъ консервативныхъ фракцій упалъ со 121 депутата до 93; національ-либеральная партія, которая держалась дружественно къ Бисмарку въ послѣдніе годы его канцлерства¹⁾, сократилась болѣе чѣмъ вдвое (съ 99 голосовъ до 42). Это былъ приговоръ надъ той политикой Бисмарка, которой онъ держался, начиная съ 1878 года. Не только императоръ, но и вся страна отказывалась итти за своимъ старымъ вождемъ; къ уколамъ сверху, съ которыми Бисмаркъ еще надѣялся справиться, присоединялся еще ударъ снизу. Править дальнѣшевъ прежнемъ духѣ можно было теперь только путемъ государственного переворота. Бисмаркъ повидимому, еще не чувствовалъ себя настолько ослабленныемъ годами, чтобы не броситься въ новую горячую борьбу съ народомъ, который, по его убѣжденію, пошелъ невѣрными путями. Онъ попытался убѣдить Вильгельма, который также отнюдь не былъ доволенъ чрезмѣрнымъ полѣвѣніемъ рейхстага, попробовать еще разъ-два распустить рейхстагъ; если бы это не привело къ желательнымъ результатамъ, то Бисмаркъ предлагалъ отмѣнить избирательное право и выработать новую конституцію на собраніи князей и вольныхъ городовъ Германской имперіи; онъ, повидимому, приходилъ къ мысли, что теперь, когда военное и таможенное единство Германіи достигнуто, можно бы было и совсѣмъ обойтись безъ рейхстага. Вильгельмъ не захотѣлъ, однако, пойти по этому пути за Бисмаркомъ, хотя, повидимому, нѣкоторое время и колебался. Въ недопустимости нарушенія конституціи его убѣдила его дядя, либеральный великий герцогъ Баденскій: возникнетъ народное восстаніе, говорилъ герцогъ, и «тебя прозовутъ картечнымъ государемъ, тебѣ придется по щиколотку ходить въ крови своихъ подданныхъ».

Къ этимъ несогласіямъ въ области общей политики скоро

¹⁾ Съ 1887 года Бисмаркъ опирался на «картель» изъ обѣихъ консервативныхъ партій и національ-либераловъ; этотъ картель до выборовъ, 1890 г. составлялъ въ рейхстагѣ большинство.

прибавились и другіе поводы для столкновеній между императоромъ и канцлеромъ. Бисмаркъ безъ вѣдома Вильгельма пригласилъ къ себѣ вождя центра Виндгорста; поддержка центра въ виду ослабленія консервативныхъ партій была для него теперь особенно необходима, и онъ попытался уговориться съ Виндгорстомъ, на какихъ условіяхъ центръ согласится его поддерживать. Уговоръ, повидимому, состоялся, и Виндгорстъ ушелъ отъ Бисмарка въ убѣждениіи, что канцлеръ согласился удовлетворить его требованія¹⁾). Но императоръ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что канцлеръ ведетъ безъ его вѣдома переговоры съ парламентскими вождями и горячо его въ этомъ упрекалъ; Бисмаркъ съ полнымъ правомъ возражалъ, что, не имѣя возможности безъ всякихъ помѣхъ создавать нужная для правительства комбинаціи въ парламентѣ, онъ не можетъ нести и отвѣтственности за свои дѣйствія въ качествѣ главы правительства.

Недоволенъ былъ императоръ и на то, что Бисмаркъ не освѣдомлялъ его о фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ вѣшней политикѣ. Канцлеръ получилъ донесеніе отъ германского консула въ Киевѣ, что Россія сосредоточиваетъ войска на австрійской границѣ, но не придалъ этому большого значенія, потому что не вѣрилъ въ возможность войны между Россіей и Австріей. Императоръ, который считалъ военное дѣло и все то, что съ нимъ такъ или иначе связано, своею исключительной областью, былъ этимъ крайне раздраженъ. Наконецъ, послѣднимъ толчкомъ, разорвавшимъ уже слабая нити, связывавшія императора и канцлера, явилось нежеланіе Бисмарка уступить въ вопросѣ о правѣ отдѣльныхъ министровъ дѣлать самостоятельные доклады императору безъ вѣдома канцлера. Еще Фридрихъ-Вильгельмъ IV издалъ въ 1852 году указъ, подчинявший отношенія между министрами и королемъ контролю ministra-prезидента, и Бисмаркъ крѣпко держался за свое право такого контроля; оно было необходимымъ условіемъ конституціоннаго требованія единства управлѣнія, хотя Бисмарка въ данномъ случаѣ интересовала не столько вѣрность конституціоннымъ началамъ, сколько возможность удовлетворять властнымъ импульсамъ его натуры. Но и въ характерѣ Вильгельма было не менѣе властности, чѣмъ въ характерѣ канцлера, и онъ заявилъ послѣднему о своемъ намѣреніи отмѣнить указъ 1852 года. Бисмаркъ рѣшительно отказался. Тогда императоръ, уже давно добивавшійся отставки Бисмарка, послалъ ему требованіе—или отмѣнить указъ 1852 года или подать въ отставку. Это было 17 марта 1890 года; а 20-го марта

¹⁾ Требованіе Виндгорста заключалось въ томъ, чтобы правительство отказалось отъ высылки иноземныхъ и ссылки мѣстныхъ іезуитовъ.

Бисмаркъ, уступая ясно выраженной волѣ императора, уже подалъ императору свое огромное, написанное на 20 страницахъ, прошеніе объ отставкѣ.

За всѣми частными и второстепенными причинами, приведшими къ разрыву между императоромъ и канцлеромъ, не трудно замѣтить одну общую и главную: и Вильгельмъ, и Бисмаркъ—оба хотѣли вести самостоятельную политику и не умѣли уступать. Бисмаркъ привыкъ къ постоянной уступчивости Вильгельма I и думалъ, что такъ же будетъ и при внукѣ. Когда же онъ увидѣлъ, что внукъ богаче идеями и настойчивѣе въ ихъ проведеніяхъ, чѣмъ лѣдь, то не захотѣлъ и не могъ себя передѣлать. Онъ ушелъ съ достоинствомъ, не сдавшись въ своихъ главныхъ требованіяхъ. Послѣдніе пять лѣтъ своей жизни онъ не скрывалъ своего нерасположенія къ молодому императору и никогда не употреблялъ титула герцога Лауэнбургскаго, которымъ Вильгельмъ наградилъ его при отставкѣ,—хотя самъ Вильгельмъ не разъ выражалъ ему свое вниманіе и глубокую почтительность и всѣми мѣрами старался подстегнить пиллюю вынужденной отставки.

Замѣстителемъ Бисмарка сталъ военный человѣкъ—генералъ Георгъ Лео фонъ-Каприви. Большую часть своей жизни онъ прослужилъ въ арміи, затѣмъ нѣкоторое время былъ начальникомъ адмиралтейства и незадолго до своего назначенія канцлеромъ снова вернулся въ армію командиромъ корпуса. Въ его натурѣ не было яркихъ боевыхъ качествъ Бисмарка, но онъ далеко не былъ лишенъ способности и дарованій. Онъ умѣлъ быстро ориентироваться въ положеніи, легко усваивая мысли и друзей, и оппонентовъ и обладалъ недюжиннымъ даромъ краснорѣчія. Его замѣтилъ еще Вильгельмъ I и намѣчалъ въ преемники Бисмарку,—конечно, послѣ смерти послѣдняго. Вильгельмъ II также хорошо зналъ его и велъ съ нимъ переговоры еще въ самомъ началѣ 1890 г., предчувствуя, что ему придется разстаться съ Бисмаркомъ. Между ними произошелъ тогда очень характерный разговоръ. Каприви сказалъ, что онъ согласится на отправленіе отвѣтственной должности канцлера, только уступая настойчивой волѣ императора, ибо совсѣмъ не чувствуетъ себя готовымъ къ ней. Вильгельмъ очень живо отвѣтилъ ему на это: «да Вамъ и надобности нѣть въ этомъ, потому что я самъ буду дѣлать Вамъ указанія». Подобная фраза была бы совершеніо немыслима ни въ устахъ Вильгельма I, ни въ рукахъ такого конституціоналиста англійского типа, какимъ былъ отецъ Вильгельма II.

Однимъ изъ главныхъ достоинствъ новаго канцлера было его умѣніе схватывать потребности времени и приспособляться къ политическимъ коньюнктурамъ. Бисмаркъ послѣдніе годы своего

канцлерства слишкомъ упрямо вель линію крайней реакціи и этимъ стала неудобенъ для далеко переросшихъ его юнкерскіе идеалы широкихъ общественныхъ круговъ. Каприви оказался гораздо болѣе гибкимъ человѣкомъ и удариль отбой какъ разъ въ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ Бисмаркъ держался наиболѣе твердо и нѣпримиримо. Исключительный законъ противъ соціалистовъ, отвергнутый въ январѣ 1890 г., совсѣмъ не вносился въ слѣдующую сессію рейхстага, и такъ какъ срокъ ему истекалъ въ сентябрѣ того же года, то онъ палъ окончательно и больше не возобновлялся. Для соціалистовъ началось снова время нормальной жизни. Были проведены и нѣкоторыя мѣры для охраны труда рабочихъ, и Каприви нисколько не мѣшалъ Берлѣпішу работать въ этомъ направлѣніи. Еще до окончательной отставки Бисмарка, 15 марта 1890 г. въ Берлинѣ собралась международная конференція по рабочему вопросу. На нее съѣхались представители почти всѣхъ европейскихъ государствъ, и были намѣчены принципы будущаго соціального законодательства. А вслѣдъ затѣмъ были внесены въ германскій рейхстагъ и приняты законопроекты, которые должны были стать первымъ шагомъ къ осуществленію принциповъ, высказанныхъ въ февральскихъ рескриптахъ императора и намѣченныхъ на международной конференції. Уже по закону 29 июля 1890 г. были учреждены промышленные суды (*Gewerberichtete*) для разбора споровъ между предпринимателями и рабочими, состоящіе поровну изъ представителей обѣихъ сторонъ. Затѣмъ было ограничено число рабочихъ часовъ для женщинъ (11 часовъ), ограничена или запрещена воскресная и праздничная работа, запрещена женская работа въ ночное время. Запрещенъ трудъ дѣтей моложе 13 лѣтъ, а также и тѣхъ дѣтей, которые обязаны посѣщать школы. Позднѣе были выработаны законы относительно фабричной инспекціи, увеличено число ея членовъ, и ея контролю были подчинены многія очень существенныя стороны фабричной жизни.

Другимъ уклоненіемъ влѣво оть Бисмарковской политики былъ отказъ оть системы аграрнаго протекціонизма. Аграріи, защищенные въ 80-хъ гг. оть конкуренціи иностраннаго хлѣба, прекрасно себя чувствовали при Бисмаркѣ и все болѣе и болѣе вздували цѣны на свой хлѣбъ. Съ теченіемъ времени ихъ аппетиты еще болѣе разыгрались, и въ началѣ 90-хъ годовъ ихъ вождь графъ Каницъ, вдохновитель юнкерскаго «союза сельскихъ хозяевъ», внесъ въ рейхстагъ полуфантастический проектъ передачи всей торговли привознымъ хлѣбомъ въ руки правительства, которое и должно было озабочиться назначеніемъ минимальной цѣны на хлѣбъ;—конечно, въ интересахъ землевладѣльцевъ.

Каприви выступилъ горячимъ противникомъ этихъ хищническихъ стремлений юнкеровъ, и ему удалось добиться значительного понижения таможенныхъ ставокъ на ввозной хлѣбъ. Точно также были значительно понижены пошлины и на другіе ввозные товары, въ благодарность за что Германія получила возможность вывозить свои товары заграницу съ сравнительно невысокимъ таможеннымъ обложеніемъ. Были заключены торговые договоры съ Австро-Венгрией, Италией, Швейцаріей, Бельгіей, Румыніей, Сербіей, Испаніей и, наконецъ, съ Россіей. Съ послѣдней это было труднѣе всего и удалось только послѣ упорной таможенной войны.

Произошелъ нѣкоторый поворотъ и въ международной политикѣ. Бисмаркъ стремился сохранить дружбу съ Россіей и довольно удачно лавировалъ между вѣнскимъ и петербургскимъ дворами, хотя, конечно, его дружба къ Австріи въ то время значительно превышала дружбу къ Россіи¹⁾. При Каприви отношенія къ Россіи ухудшились. Новый канцлеръ еще прочнѣе, чѣмъ Бисмаркъ, держался за союзъ съ Австріей и не находилъ нужнымъ раздражать Вѣну постоянными увѣреніями въ дружбѣ къ Петербургу. Нужно было сдѣлать болѣе опредѣленный выборъ изъ двухъ друзей, и на этотъ счетъ у Каприви не было колебаний. Когда окончился срокъ для договора 1887 года, по которому три императора—германскій, австрійскій и русскій—обязывались соблюдать нейтралитетъ по отношенію другъ ко другу, если бы на нихъ напала какая-либо держава, то Германія отказалась его возобновить. Въ Россіи это поняли такъ, что, если бы ей представилась необходимость воевать съ Австріей или Англіей, то Германія стала бы на сторону ея враговъ. Къ этому присоединилось еще и ослабленіе гнета противъ поляковъ; имъ сдѣланы были очень незначительныя уступки, самой существенной изъ которыхъ было назначеніе поляка Стаблевскаго гнѣзденскимъ архіепископомъ (до сихъ поръ на это мѣсто назначали только нѣмцевъ). Уступки были невелики, но въ Россіи увидали въ этомъ желаніе расположить въ свою пользу поляковъ на случай войны съ Россіей, и это заставило ее еще съ большей подозрительностью относиться къ Германіи. Боязнь Германіи и была одною изъ причинъ, побудившихъ Россію какъ разъ въ то время, въ канцлерство Каприви, заключить тѣсный союзъ съ Франціей.

Отдалившись отъ Россіи, Каприви въ то же время стремился къ сближенію съ Англіей. Самъ Вильгельмъ въ это время находилъ нужнымъ дружить съ Англіей, очевидно, изъ боязни войны

¹⁾ См. Г. М., 1915, № 7, стр. 72.

съ восточной соседкой Германией—Россией. Въ своихъ рѣчахъ этого времени онъ любилъ вспоминать о бывшемъ братствѣ англійскаго и нѣмецкаго оружія на полѣ сраженія при Ватерлоо. А въ одной рѣчи онъ прямо заявилъ, что и въ будущемъ нѣмцамъ на сушѣ, а англичанамъ на морѣ предстоитъ защищать миръ въ Европѣ. Противъ кого? Не могло быть сомнѣній, что возможной нарушительницей мира императоръ тогда считалъ одну Россію, правительство которой, по его мнѣнію, было преисполнено панславистскими мечтаніями о господствѣ надъ Балканскимъ полуостровомъ. Каприви всѣми силами старался со своей стороны поддерживать дружелюбное отношеніе императора къ Англіи. Онъ былъ ярымъ противникомъ колоніального расширенія Германии и находилъ страсть къ колоніямъ пагубной для нея. Даже Бисмаркъ, по его мнѣнію, становился на очень опасный путь, покровительствуя колоніальнымъ захватамъ частныхъ торговыхъ компаний¹⁾. Въ самомъ началѣ царствованія Вильгельма II колоніальная владѣнія Германии въ Африкѣ значительно расширились и подъ протекторатъ Германии попали новыя земли (владѣнія за Занзибарскимъ берегомъ и территорія Уганда). Но это расширение германскихъ владѣній въ Африкѣ грозило поссорить Германію съ Англіей, уже давно ставшей прочной ногой въ Африкѣ; Каприви рѣшилъ повести дѣло такъ, чтобы у Англіи не было никакихъ поводовъ для неудовольствій. 1 июля 1890 г. съ Англіей былъ заключенъ договоръ, по которому Германія уступала ей значительную часть своихъ африканскихъ владѣній—Уганду, султанатъ Виту, Сомали и островъ Занзибаръ. Въ то же время была урегулирована и германо-britанская граница въ юго-западной Англіи (между германскимъ Того и англійской областью Золотого берега). Уступленные земли были очень значительны по своему протяженію, но слабо заселены, и ихъ утрата не наносила удара для непосредственныхъ интересовъ Германіи. Государственная власть выиграла въ другомъ отношеніи: раньше захваченные въ Африкѣ земли находились только подъ охраной германского правительства, но въ непосредственномъ владѣніи у германскихъ торговыхъ компаний. Теперь туда были посланы правительственные губернаторы, и управление этими землями перешло въ руки германского правительства. Изъ областей, состоявшихъ подъ покровительствомъ Германіи (*Schutzgebiete*), онъ превратились въ настоящія имперскія колоніи (*Kronkolonien*). Несмотря на урѣзку въ пользу Англіи, новыя имперскія колоніи обнимали землю почти въ 1 миллионъ

¹⁾ См. Г. М., 1915, № 7, стр. 72—74.

квадратныхъ километровъ и были населены 7 миллионами обитателей; въ сравнениі съ уступленными въ пользу Англіи землями онъ были гораздо населеннѣе и имѣли гораздо большее хозяйственное значеніе. Германія получила и другое удовлетвореніе: въ Сѣверномъ морѣ ей былъ уступленъ островъ Гельголандъ, оккупированный Англіей еще въ наполеоновское время. Въ военное время этотъ островъ становился базой для флота, и потому обладаніе имъ имѣло большое стратегическое значеніе. Разрывъ съ консервативной Россіей и сближеніе съ парламентарной Англіей въ глазахъ нѣмецкаго общества имѣли то же значеніе, что и соціальное законодательство и возвращеніе къ системѣ торговыхъ договоровъ: это былъ уклонъ влѣво отъ реакціонныхъ путей бисмарковской политики. Такимъ образомъ, канцлерство Каприви пріобрѣтало вполнѣ опредѣленный либеральный характеръ. Либеральный курсъ, который принялъ Каприви, былъ въ значительной степени результатомъ выборовъ 1890 г. въ рейхстагъ, принесшихъ пораженіе для праваго крыла народнаго представительства. Какъ гибкій политикъ, Каприви не хотѣлъ править вопреки ясно выраженному народному настроенію и сталъ искать себѣ совсѣмъ иныхъ друзей, чѣмъ Бисмаркъ въ послѣдніе годы своего правленія. Онъ постарался привлечь къ себѣ съ одной стороны центръ, число членовъ котораго достигло въ новомъ рейхстагѣ до 106, а съ другой—свободомыслящихъ, увеличившихъ свою парламентскую фракцію до 66 человѣкъ. Къ свободомыслящимъ примыкала нѣмецкая народная партія (10 депутатовъ)¹⁾, къ центру—вельфы²⁾ (11 депутатовъ) и поляки (16 деп.). Свободомыслящихъ канцлеръ удовлетворилъ отказомъ отъ протекціонной политики и полицейскихъ приемовъ управлениія, центру онъ обѣщалъ уступки въ школьнѣмъ дѣлѣ; мелкія національныя группы (вельфовъ, поляковъ и эльзасцевъ) онъ привлекъ къ себѣ тѣмъ, что сталъ относиться съ большимъ довѣріемъ къ ихъ германскому патріотизму. Но между новыми союзниками канцлера не было спаянности и единства во взглядахъ. По многимъ вопросамъ они голосовали другъ противъ друга, и канцлеру удавалось сохранять за собой большинство въ рейхстагѣ только довольно искусственными парламентскими комбинаціями и часто очень рискованными дипломатическими ходами. Въ концѣ концовъ, лавируя между партіями и отыскивая компромиссные пути, Каприви запутался въ противорѣчіяхъ и попалъ въ конфліктъ какъ разъ съ тѣми,

¹⁾ Южная разновидность свободомыслящихъ.

²⁾ Партия ганноверской оппозиціи, всегда присоединяющаяся къ центру.

на кого онъ первоначально опирался. Особенно рѣзко обнаружились какъ противорѣчивость самой политики канцлера, такъ и невозможность сохранить въ согласіи тѣ парламентскіе и общественные круги, на которые онъ хотѣлъ опереться, въ вопросѣ о свободѣ воспитанія и мысли. Въ этомъ вопросѣ позицію свободомыслящихъ и центра было совершенно невозможно примирить: въ то время, какъ первыхъ самое название партіи обязывало стоять на стражѣ интересовъ свободнаго развитія личности, второй хотѣлъ отдать всю культурную жизнь страны подъ опеку духовенства. Каприви, нуждаясь въ поддержкѣ центра, не нашелъ для себя возможнымъ бороться съ притязаніями духовенства. Въ началѣ 1892 г. министръ культа, графъ фонъ-Зедлицъ-Трюцшлеръ внесъ въ прусскій ландтагъ законопроектъ относительно школьнаго преподаванія. Имъ предполагалось, во-первыхъ, раздѣлить народныя школы по вѣроисповѣдному принципу. На будущее время смѣшанныя школы не должны были болѣе открываться. Если въ какой-либо изъ школъ число иновѣрныхъ дѣтей превысило бы 60, то для нихъ должна была открываться особая школа. Уже этимъ дѣленiemъ школъ по вѣроисповѣданіямъ подчеркивалось то значеніе, какое въ школахъ должно было имѣть преподаваніе религіи. Во-вторыхъ, духовенству и церковнымъ обществамъ было вручено огромное вліяніе на преподаваніе. Въ законопроектѣ говорилось: «религіознымъ преподаваніемъ въ народной школѣ руководятъ соотвѣтственныя религіозныя общества... Духовное лицо или преподаватель религіи, уполномоченные религіозными обществами для руководства религіознымъ преподаваніемъ, имѣютъ право присутствовать при таковомъ..., дѣлать существенныя замѣчанія учителю по окончаніи преподаванія и снабжать его соотвѣтственными указаніями». Для всѣхъ школъ учреждались особые конфесіональныя дирекціи. Все это показывало, что правительство стремилось сдѣлать изъ религіи главный предметъ въ народной школѣ и въ сущности отдать все школьнное обученіе подъ надзоръ духовенства, ибо во многихъ школахъ былъ всего одинъ учитель, который преподавалъ и религію и всѣ остальные предметы, и духовный ревизоръ, дѣлая замѣчанія ему о преподаваніи религіи, сдавали уберегся бы отъ стремленія подчинить своему контролю и другія стороны его преподаванія. Поэтому не только свободомыслящіе, но и національ-либералы встрѣтили законопроектъ рѣшительнымъ осужденіемъ. Вождь національ-либераловъ Беннигсенъ въ своей рѣчи 22 января выразительно подчеркнулъ единство всѣхъ либераловъ въ тѣхъ битвахъ, «въ которыхъ рѣчь идетъ объ идеальныхъ благахъ, а не о материальныхъ интересахъ». За центромъ

пошли только одни консерваторы. Зато все огромное немецкое общество решительно высказалось противъ законопроекта. Поднялась цѣлая буря петицій и манифестаций. Университеты и города стали во главѣ движенія. Особенно встревожило всѣхъ пришедшее изъ Рима извѣстіе, что іезуиты собрали 7 миллионовъ, съ цѣлью основать свои «свободныя школы». Самъ императоръ, несмотря на то, что лично онъ придавалъ большое значеніе религіозному воспитанію, не захотѣлъ итти въ этомъ вопросѣ вопреки ясно выраженному общественному мнѣнію. 17 марта въ засѣданіи короннаго совѣта онъ заявилъ, что «нельзя проводить законъ съ помощью однихъ только крайнихъ круговъ». Такимъ образомъ, императоръ выражалъ свое неодобрение министрамъ, которые потратили много труда на защиту законопроекта въ прусскомъ ландтагѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что не только министръ культаў Зедлицъ, но и самъ канцлеръ подали въ отставку. Императоръ, однако, не нашелъ нужнымъ разставаться съ Каприви совершенно и, удержавъ его на посту имперскаго канцлера, далъ ему отставку только въ качествѣ прусскаго министра-президента. На этомъ посту Каприви былъ замѣненъ Эйленбургомъ. Новый министръ-президентъ, уже въ концѣ марта, приживѣшемъ одобреніи всей лѣвой прусскаго ландтага, заявилъ, что въ виду протестовъ, которые вызвалъ новый законопроектъ въ палатѣ и въ странѣ, правительство отказывается отъ него. Общественное мнѣніе, такимъ образомъ, побѣдило, и Каприви имѣлъ случай убѣдиться, насколько непрочны тѣ искусственные парламентскія комбинаціи, къ которымъ онъ любилъ прибѣгать.

Болѣе прочнымъ оказался союзъ свободомыслящихъ и центра въ вопросѣ обѣ увеличеніи арміи, но этотъ союзъ обратился какъ разъ противъ самого канцлера. Культъ арміи заставлялъ Вильгельма II не разъ требовать отъ рейхстага новыхъ военныхъ средствъ и въ этомъ отношеніи канцлеръ, какъ военный генералъ, шель рука обѣ руку со своимъ императоромъ. Еще въ 1891 г. ему удалось провести законопроектъ обѣ увеличеніи арміи на 18 тысячъ человѣкъ; но въ глазахъ канцлера и императора этого было слишкомъ мало, и въ концѣ 1892 г. въ рейхстагѣ былъ внесенъ новый законопроектъ, предлагавшій увеличить численность арміи болѣе чѣмъ на 80 т. человѣкъ (до цифры 492 тысячи пѣ комплекту мирнаго времени) и ежегодные расходы на армію на 64 миллиона марокъ (кромѣ единовременного расхода въ 66 милл. марокъ); новую цифру военного контингента предлагалось установить на 5 лѣтъ впередъ (прежде эта цифра устанавливалась на 7 лѣтъ). Чтобы привлечь на свою сторону свободомыслящихъ въ законопроектѣ было выражено намѣреніе сократить срокъ военной

службы съ 3-хъ до 2-хъ лѣтъ, чего свободомыслящіе давно добивались. Но свободомыслящіе не пошли на этотъ компромиссъ; ихъ вождь, Евгений Рихтеръ, заявилъ, что согласіе на новые военные контингенты и кредиты лишило бы ихъ права на званіе народной партіи. Съ свободомыслящими сошелся въ данномъ случаѣ и центръ, который не могъ простить правительству его отказа отъ школьнаго законопроекта. Нѣкоторые члены центра и націоналъ-либералы предложили было компромиссъ, но и онъ не удался, и 6 мая 1893 года весь законопроектъ былъ отклоненъ большинствомъ 210 голосовъ противъ 162, причемъ къ свободомыслящимъ и центру присоединились, конечно, и соціалъ-демократы. Въ тотъ же день указомъ императора рейхстагъ былъ распущенъ, и новые выборы были назначены на 15 июня.

Правительство не ошиблось въ своихъ расчетахъ, апелируя къ народу. И консерваторы, и буржуазія въ одинаковой мѣрѣ были напуганы призракомъ внѣшней опасности, и собрали на выборахъ всѣ свои силы. Слѣдствіемъ этого былъ почти полный разгромъ старой партіи свободомыслящихъ. И раньше часть свободомыслящихъ была недовольна слишкомъ рѣзкой позиціей по отношенію къ военному законопроекту, которую занялъ Рихтеръ; по ихъ мнѣнію, военные требованія Каприви не заключали въ себѣ ничего непріемлемаго, они полагали, что на нихъ можно бы было и согласиться въ виду уступки канцлера по вопросу о продолжительности службы. Эта группа примирительно настроенныхъ свободомыслящихъ послѣ роспуска рейхстага заявила о своемъ выходѣ изъ партіи и образовала новую партію подъ названіемъ «свободомыслящее соединеніе» (*Freisinnige Vereinigung*). На новыхъ выборахъ имъ удалось получить 13 депутатскихъ мандатовъ. Оставшаяся вѣрною прежнимъ лозунгамъ партія свободомыслящихъ потерпѣла страшный уронъ и провела въ новый рейхстагъ только 24 своихъ депутата. Потерялъ также 10 депутатскихъ мѣстъ и католическій центръ (число депутатовъ центра понизилось съ 106 до 96). Зато усилились партіи, стоявшія за военный законопроектъ, хотя и не особенно сильно: онѣ пріобрѣли около 35 новыхъ мѣстъ. Этотъ успѣхъ нѣсколько ослабился тѣмъ, что и соціалъ-демократы увеличили свою парламентскую фракцію на 8 человѣкъ. Въ общемъ въ новомъ рейхстагѣ силы дѣлились приблизительно поровну между сторонниками и противниками военнаго законопроекта. Исходъ выборовъ рѣшило то, что небольшая группа поляковъ (16 деп.), удовлетворенная примирительной національной политикой Каприви, стала на сторону правительства, и только благодаря этому усиленіе арміи было принято незначительнымъ большинствомъ

(201 противъ 185 голосовъ). Хуже для канцлера устроилось дѣло съ финансовымъ законопроектомъ, который долженъ быть доставить средства для новыхъ военныхъ расходовъ. Министръ финансовъ Микель, ловкій карьеристъ, постепенно эволюционировавшій отъ коммунизма къ консерватизму, предложилъ для этого новые налоги на табакъ, вино, на нѣкоторыя сдѣлки и лоттерейные билеты. Эти налоги должны были давать окото 100 милл. марокъ ежегодно, — слѣдовательно, миллионовъ на 40 больше, чѣмъ требовалось на новые военные расходы. Такъ какъ у имперскаго казначейства существовало обязательство по отношенію къ отдѣльнымъ государствамъ, входившимъ въ составъ германской имперіи, возвращать имъ излишки матрикулярныхъ взносовъ, то эти 40 милл. Микель и предложилъ отдавать въ пользу отдѣльныхъ государствъ; но онъ предлагалъ при этомъ эту цифру въ 40 милл., подлежащихъ возврату, фиксировать разъ на всегда, что, конечно, должно было стѣснить бюджетныя права рейхстага при ежегодномъ опредѣленіи имперскихъ расходовъ. Къ тому же про Микеля ходили слухи, что онъ въ союзѣ съ консерваторами велъ вообще кампанію противъ рейхстага и всеобщаго избирательнаго права. Вслѣдствіе этого рейхстагъ отвергъ весь финансовый проектъ Микеля почти цѣликомъ¹⁾, причемъ большинство образовалось изъ центра, свободомыслящихъ, соціаль-демократовъ и поляковъ (апрѣль 1894 г.).

Такимъ образомъ, къ исходу 4-го года канцлерства Каприви противъ него соединились какъ разъ тѣ самыя партіи, на которыхъ онъ хотѣлъ опираться въ началѣ своей правительственной дѣятельности,—свободомыслящіе и центръ. Не привлекъ онъ на свою сторону и рабочихъ, о чѣмъ свидѣтельствовалъ непрерывный ростъ соціаль-демократической партіи; даже и поляки, несмотря на благожелательность къ нему канцлера, держались по отношенію къ нему осторожно и не разъ голосовали противъ него. Если прибавить къ этому, что консерваторы видѣли въ канцлерѣ своего открытаго врага и не могли простить ему системы торговыхъ договоровъ, то ясно будетъ, что Каприви не имѣлъ въ рейхстагѣ никакихъ прочныхъ друзей, а временные его союзники готовы были по первому представившемуся поводу измѣнить ему и перейти въ противоположный лагерь. Его политика компромиссовъ и искусственныхъ партійныхъ соглашеній не удовлетворяла никого и привела въ концѣ-концовъ къ тому, что онъ лишился всякой прочной опоры въ рейхстагѣ.

Тѣмъ не менѣе, не эта парламентская изоляція была причиной

¹⁾ Были приняты только налоги на биржевые сдѣлки и лоттерейные билеты.

отставки Каприви. Вильгельмъ II правилъ уже 6 лѣтъ, и за это время его чувствительность къ парламентскимъ настроеніямъ, его нежеланіе вступать въ рѣзкіе конфликты съ общественнымъ мнѣніемъ успѣло уже значительно потускнѣть. Тотъ средне-либеральный курсъ, котораго держался Каприви, казался ему теперь уже нарушеніемъ старыхъ гогенцоллерновскихъ традицій, и онъ находилъ нужнымъ произвести сдвигъ вправо. Особенно недоволенъ онъ былъ все усилившимся ростомъ соціаль-демократической партіи, невозможность остановить который онъ относилъ насчетъ неумѣнія Каприви. Императоръ успѣль уже совершенно разочароваться въ соціально-политическихъ увлеченіяхъ первыхъ годовъ своего царствованія и находилъ, что отъ благожелательныхъ отношений къ рабочимъ пора уже перейти къ системѣ твердой власти. Къ этому его поощряли между прочимъ и крупные промышленники, короли пушечной (Круппъ) и каменноугольной (Штуммъ) промышленности. Съ Круптомъ и Штуммомъ императоръ былъ въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ, часто запросто съ ними бесѣдовалъ и навѣщалъ. Они имѣли на него безспорно большое вліяніе и всѣми силами старались настроить его (*scharfmachen*) противъ соціально-политическихъ идей, за что ихъ и стали называть шарфмахерами. На своихъ заводахъ они держали себя настоящими феодалами, слѣдили за политическими взглядами своихъ рабочихъ, требовали отъ нихъ полной покорности и почтительности и прежде всего, конечно, слѣдили, чтобы среди ихъ рабочихъ не завелись соціаль-демократы. Матеріальное положеніе своихъ рабочихъ они обставили довольно хорошо, но, дѣлая это самостотельно, безъ понужденія со стороны государства, они хотѣли, чтобы рабочіе чувствовали за это благодарность по отношенію къ нимъ самимъ, а не къ государству. Поэтому-то они и держались очень враждебной позиціи по отношенію къ соціально-политической дѣятельности государства и склонны были ставить соціальныхъ политиковъ на одну доску съ революціонерами и соціаль-демократами. Особеннымъ ихъ нерасположеніемъ пользовался министръ торговли Берлепшъ; Штуммъ и Круппъ ставили ему въ вину то, что онъ распустилъ рабочихъ, и что подъ вліяніемъ его идей они потеряли уваженіе къ власти. Утвержденія промышленныхъ королей, что соціальная политика расшатываетъ дисциплину среди рабочихъ и идетъ на пользу соціаль-демократіи, имѣли большое вліяніе на Вильгельма, и подъ ихъ вліяніемъ онъ сталъ замѣтно охладѣвать и къ Берлепшу, и къ Каприви.

Особенное впечатлѣніе на Вильгельма произвели два анархическихъ покушенія, имѣвшихъ мѣсто въ іюнѣ 1894 года,—одно

на итальянского министра-президента Кристи, а другое на президента французской республики Карно. И Вильгельмъ II, и консервативная печать, и даже националь-либералы были убеждены въ близкому родствѣ между анархизмомъ и социал-демократіей; всѣхъ ихъ смысливали подъ общимъ именемъ «бунтовщиковъ» (*Umst rzler*), и требованія ихъ обузданія находили тогда себѣ сочувственный откликъ въ довольно широкихъ кругахъ,—не только юнкерскихъ, но и бургерскихъ. «Борьба противъ *Umst rz'a*»—стала тогда лозунгомъ времени. Съ своей обычной восприимчивостью къ боевымъ лозунгамъ, императоръ въ рѣчи при открытии памятника Вильгельму I въ Кенигсбергѣ громко призывалъ депутатовъ восточно-прусскої провинціи «на борьбу за религию, нравственность и порядокъ противъ партій *Umst rz'a*. Но для этой цѣли мягкий и гуманный Каприви очевидно не годился. Зато Эйленбургъ, консервативный глава прусского министерства, готовъ былъ идти на самая крайня мѣры. На этой почвѣ между ними начались несогласія. Было ясно, что попавшіе въ непримиримое противорѣчіе министры, не могутъ оставаться одновременно на своихъ постахъ, и императоръ далъ отставку имъ обоимъ (26 октября 1894 г.). Несмотря на примирительный характеръ канцлерства Каприви, ни одна изъ партій не сожалѣла объ его уходѣ, и онъ ушелъ съ своего поста, не сопровождаемый ни ненавистью, ни оплакиваніями.

Новымъ канцлеромъ былъ назначенъ намѣстникъ Эльзасъ-Лотарингіи князь Хлодвигъ Гогенлоэ-Шиллингфюрстъ. Въ его же руки была передана и должность предсѣдателя прусского совѣта министровъ, и, такимъ образомъ, руководство и германской, и прусской политикой снова соединилось въ однѣхъ рукахъ, чтобы уже никогда больше не разъединяться. Новый канцлеръ былъ блѣдной фигурой не только въ сравненіи съ Бисмаркомъ, но и въ сравненіи съ Каприви. Онъ не обладалъ ни внутренними, ни внѣшними достоинствами своихъ предшественниковъ, плохо говорилъ свои рѣчи по бумагѣ, довольно тухо усваивалъ мысли своихъ противниковъ и не имѣлъ никакихъ убѣждений. Старческій возрастъ (ему было уже 75 лѣтъ) еще болѣе ослабилъ его невысокія природныя способности. Но для Вильгельма II Гогенлоэ былъ цѣненъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ былъ какъ нельзя болѣе пригоденъ къ роли исполнителя; долгая предшествующая бюрократическая карьера научила его послушанію, и отъ него нельзѧ было ожидать ни прямыхъ возраженій, ни скрытой оппозиціи предначертаніямъ кайзера; Вильгельмъ II зналъ это и очень цѣнилъ его за это. Во-вторыхъ, новый канцлеръ былъ католикъ по религіи и аристократъ по рождению; это дѣлало

его близкимъ двумъ наиболѣе многочисленнымъ партіямъ германскаго рейхстага: аграріямъ—консерваторамъ и католическому центру. Въ дебатахъ онъ всегда могъ найти общій съ членами этихъ партій языкъ и пользовался даже личнымъ авторитетомъ между ними. Въ виду того, что императоръ находилъ нужнымъ произвести сдвигъ вправо отъ умѣренного курса политики Каприви, это обстоятельство дѣлало нового канцлера очень удобнымъ для того, чтобы проложить путь къ сближенію съ правой рейхстага. При Гогенлоэ это сближеніе правительства съ правыми не отличалось еще большой рѣшительностью; общественное мнѣніе, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ при Каприви, продолжало еще сдерживать императора, и часто подъ его давленіемъ онъ шелъ на довольно значительныя уступки въ сторону либерализма. Гогенлоэ не торопился даже очищать правительство отъ нѣкоторыхъ министровъ, придерживавшихся прежняго либерального курса, и они могли оказывать довольно значительную сдержанку реакціоннымъ стремленіямъ императора. Все-таки, уже въ первый годъ канцлерства Гогенлоэ долженъ былъ уйти въ отставку ненавистный Штумму и Круппу прусскій министръ торговли Берлепшъ, а осенью 1897 г. и другой сторонникъ государственного соціализма, статсь-секретарь по внутреннимъ дѣламъ Беттихеръ. На посту прусскаго ministra внутреннихъ дѣлъ появился фонъ-Келлеръ, завзятый реакціонеръ.

Консервативный курсъ новаго правительства обнаружился прежде всего въ представленіи рейхстагу (6 декабря) законо-проекта противъ соціаль-демократовъ (*Umst tzvorlage*). Законо-проектъ предлагалъ дополнить и измѣнить существовавшія уголовныя наказанія за подстрекательство солдатъ и матросовъ къ неповиненію начальству и властямъ, за восхваленіе преступлений въ печати, за распространеніе ложныхъ слуховъ о дѣйствіяхъ правительства, за возбужденіе вражды между различными классами общества, за «угрожающія общественному миру» нападки на религію, монархію, бракъ, семью и собственность. Собственно о соціаль-демократіи въ законопроектѣ не говорилось, но для всѣхъ было ясно, что имѣлась въ виду именно она. Вмѣстѣ съ тѣмъ для правительства открывалась возможность наложить узду и вообще на свободу мысли, ибо чего нельзя было включить въ широкія рамки наказуемыхъ новымъ закономъ проступковъ? Поэтому въ обществѣ, въ печати, въ средѣ ученыхъ и литераторовъ поднялось возбужденіе; противъ законопроекта, посыпались коллективные и индивидуальные протесты,—тѣмъ болѣе, что впечатлѣніе отъ юльскихъ анархическихъ актовъ успѣло уже потускнѣть. Къ тому же въ самомъ рейхстагѣ партіи,

поддерживавшія законопроектъ,—консерваторы и центръ, относились къ нему по-разному. Для консерваторовъ таکъ же, какъ и для канцлера, въ законопроектѣ были особенно цѣнны тѣ параграфы, которые, по заявлению канцлера, «имѣли отношеніе къ укрѣплению государственного порядка, государственной власти»; клерикалы, наоборотъ, въ комиссіи, обсуждавшей законопроектъ, въ которой они имѣли большинство, смягчили именно эти параграфы, но зато усилили наказанія за нападки на религію, нравственность, церковь и ея учение. Въ томъ видѣ, въ какомъ законопроектъ вышелъ изъ комиссіи, онъ имѣлъ мало цѣнности въ глазахъ самого правительства, которое хотѣло сдѣлать изъ него орудіе противъ соціалъ-демократовъ, но отнюдь не хотѣло давать центру новаго средства для подчиненія печати и общества клерикальнымъ цѣлямъ. Въ рейхстагѣ поправки центра къ правительенному законопроекту были отклонены; поэтому центръ подалъ свои голоса противъ всего законопроекта, и онъ былъ отклоненъ подавляющимъ большинствомъ голосовъ.

Союзъ новаго канцлера съ консервативными кругами не привелъ, такимъ образомъ, на первыхъ порахъ, ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но онъ былъ все-таки налицо, и консерваторы поспѣшили учесть это обстоятельство въ своихъ интересахъ. Аграріи снова подняли голову. Въ февралѣ 1895 г. въ Берлинѣ собрался ихъ органъ, «союзъ сельскихъ хозяевъ». Изливъ свое негодованіе на бывшаго канцлера, союзъ раскланялся въ сторону Гогенлоэ и выразилъ ему свое «полное довѣріе». Но даже и Гогенлоэ не могъ, сохрания хоть видимость защиты государственныхъ интересовъ, исполнить желанія аграріевъ. Къ тому же онъ не могъ не знать, что въ рейхстагѣ ихъ домогательства все равно не могутъ имѣть успѣха. Тѣмъ не менѣе, аграріи почувствовали себя при новомъ канцлерѣ смѣлѣ, чѣмъ при прежнемъ, и Каницъ нашелъ моментъ подходящимъ для того, чтобы внести въ рейхстагѣ снова свой проектъ, подвергнувъ его передѣлкѣ. Назначеніе минимальныхъ цѣнъ на хлѣбъ противорѣчило недавно заключеннымъ торговымъ договорамъ съ другими странами, и уже по одному этому рейхстагъ и правительство не могли принять его. Чтобы сдѣлать свой проектъ болѣе приемлемымъ, аграріи согласились на существенную уступку: именно, предлагалось допустить повышеніе цѣнъ на хлѣбъ лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ оказались ниже цѣнъ мірового рынка. Но и въ такомъ видѣ рейхстагѣ не нашелъ возможности его принять, и 17 января 1896 г. онъ былъ отвергнутъ въ пленумѣ рейхстага, причемъ наряду съ лѣвой рейхстага противъ него голосовалъ и центръ, ибо аграрный законопроектъ, по мнѣнію лидеровъ центра, не былъ

построенъ на христіанско-соціальнай почвѣ. Этотъ случай еще лишній разъ показалъ, что центръ всегда умѣлъ сохранить свою самостоятельность и никогда не шелъ на поводу ни за кѣмъ. Его разнообразный въ соціальномъ отношеніи составъ всегда давалъ ему возможность вступать въ самыя различныя парламентскія комбинаціи, не нарушая существа партіи. Въ его составѣ было много крупныхъ помѣщиковъ изъ южныхъ и ганноверскихъ дворянъ, и это придавало ему консервативную складку и сближало съ аграріями; но въ то же время онъ импонировалъ крестьянству, мелкой буржуазіи и даже отчасти рабочимъ своими демагогическими лозунгами о христіанской помощи всѣмъ труждающимся и обремененнымъ. Эти лозунги кое-къ-чemu и обязывали и не позволяли итти до конца по пути защиты землевладельческихъ интересовъ; къ тому же среди дѣятелей церковной партіи были и искренніе защитники той соціально-политической программы, которую императоръ возвѣстилъ въ началѣ своего царствованія, и которая, по ихъ мнѣнію, являлась лишь развитіемъ христіанскихъ заповѣдей. Какъ разъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ эти дѣятели получили довольно большой вѣсъ въ центрѣ, и подъ ихъ вліяніемъ эта партія подверглась очень замѣтной демократизаціи и не нашла возможной для себя защищать аграрные апетиты.

Консерваторамъ рѣшиительно не везло. Два главнѣйшия законопроекта (*Umst rzvorlage* и проектъ Каница), которые они поддерживали, были отвергнуты. Но они не сдавались. На съездѣ «союза сельскихъ хозяевъ», имѣвшемъ мѣсто въ февралѣ 1896 г., была вынесена единогласная резолюція, которая требовала осуществленія мыслей Каница, интернаціонального регулированія валютнаго вопроса въ смыслѣ биметаллизма и биржевой реформы. Не рѣшаясь стать на сторону аграріевъ въ такихъ боевыхъ вопросахъ, какъ вопросъ о поддержаніи высокихъ цѣнъ на хлѣбъ авторитетомъ правительственной власти, и вопросъ о биметаллизмѣ, правительство рѣшилось пойти аграріямъ навстрѣчу въ вопросѣ обѣ ограниченій свободы биржевой игры. Аграріямъ были особенно непріятны биржевые спекуляціи съ хлѣбомъ, которые переводили въ карманъ биржевиковъ значительную часть доходовъ отъ хлѣбной торговли, и они требовали подчиненія биржѣ надзору правительственныхъ комиссаровъ и запрещенія сдѣлокъ на срокъ съ хлѣбомъ. Въ этомъ смыслѣ правительство изготовило законопроектъ и, несмотря на всѣ протесты биржевыхъ и купеческихъ круговъ, провело его черезъ рейхстагъ (июнь 1896 г.), обнаруживъ въ этомъ дѣлѣ очень большую настойчивость. Радость аграріевъ была, однако, непродолжительной,

потому что биржевики придумали способъ обхода новаго закона, и на практикѣ новый законъ никакого успѣха не имѣлъ. Такимъ образомъ, для Гогенлоэ при всей его симпатіи къ аграріямъ, оказалось невозможнымъ что-либо сдѣлать для нихъ. Для того, чтобы итти напроломъ, вопреки ясно выраженному общественному настроенію и парламентскимъ группировкамъ, ни у него, ни у императора еще не хватало рѣшимости.

Симпатизируя аграріямъ, Гогенлоэ, однако, отнюдь не отворачивался и отъ торгово-промышленныхъ круговъ. Въ этомъ отношеніи канцлеръ, болѣе чѣмъ въ какихъ-либо другихъ, являлся послушнымъ выразителемъ мнѣній самого императора. Какъ мы уже указывали, императоръ, несмотря на всѣ свои романтическія увлеченія, унаслѣдовалъ отъ дѣда преклоненіе предъ всѣмъ тѣмъ, что носило на себѣ отпечатокъ дѣйствительной силы. А германской индустріи и коммерціи конца XX вѣка можно было отказать во всемъ, чемъ угодно, но только не въ силѣ и вліяніи. На нихъ опирались, главнымъ образомъ, государственные финансы; безъ содѣствія промышленности нельзѧ было, какъ слѣдуетъ, вооружить армію, нельзѧ было создать сильнаго флота. Все это понималъ Вильгельмъ и поэтому, хотя его личныя симпатіи лежали въ далекой старинѣ патріархальныхъ отношеній, онъ не скупился и на знаки монаршаго благоволенія крупнѣйшимъ дѣльцамъ промышленности, и на реальнуу имъ помошь. Черезъ пять лѣтъ послѣ вступленія на престолъ для Вильгельма стало ясно, что нельзѧ одновременно искать дружбы и у рабочихъ, и у промышленниковъ; интересы тѣхъ и другихъ былин несовмѣстимы, и императоръ не особенно долго колебался въ своемъ выборѣ. Идилическую мечту о патріархальной власти государя, великодушно охраняющаго слабыхъ отъ эксплоатациіи сильныхъ, довольно быстро вытѣснила забота объ обеспеченіи солидныхъ доходовъ коммерческимъ и индустріальнымъ дѣльцамъ, и эру соціальной политики смѣнила «эра Штумма и Круппа». Безъ симпатій рабочаго класса императоръ могъ вполнѣ обойтись, хотя это и приносило иѣкоторый ущербъ его патріархально-романтической идеології; но безъ промышленной энергіи и капиталовъ Круппа, Штумма и К° интересы арміи, флота и государственной казны не могли получить удовлетворенія. И свою идеологію императоръ безъ колебаній принесъ въ жертву реальнымъ интересамъ государственности,—конечно, понимаемой Вильгельмомъ въ специфически «гогенцоллерновскомъ» смыслѣ. -

Поворотъ спиной къ рабочимъ особенно ярко выразился въ знаменитомъ «каторжномъ законопроектѣ» (*Zuchthausvorlage*). Въ срединѣ 90-хъ годовъ въ Германіи происходили довольно

часто стачки рабочихъ, имѣвшія чисто экономической характеръ и направленныя, главнымъ образомъ, къ увеличенію заработной платы и улучшенію условій работы. Особенно значительные размѣры принялъ стачка портовыхъ рабочихъ зимой 1896/97 г. Требованія, которыя ставили рабочіе, были довольно скромны и въ общемъ не далеко уходили отъ того, что самъ императоръ признавалъ нѣсколько лѣтъ назадъ вполнѣ справедливымъ. Но теперь это стачечное движеніе вызвало величайшее раздраженіе со стороны Вильгельма. Особенно раздражали его попытки насильственныхъ воздействиій противъ штрейкбрехеровъ. Съ «терроризмомъ», который примѣняли забастовщики по отношенію къ ихъ товарищамъ, «желающимъ работать», по мнѣнію императора надобно было бороться самимъ рѣшительнымъ образомъ. Въ іюнѣ 1897 г., осматривая рабочую колонію пастора фонъ-Бодельшвинга, онъ опредѣлилъ задачи правительства по отношенію къ рабочимъ, какъ «защиту національной работы всѣхъ промышленныхъ сословій, укрѣпленіе здороваго средняго класса, рѣшительную борьбу противъ мятежа (Uinstürz) и сурое наказаніе тому, кто осмѣлитъся помѣшать работать людямъ, желающимъ работать». А годъ съ небольшимъ спустя на одномъ банкетѣ въ Эйнгаузенѣ (Вестфалія) императоръ рѣшительно заявилъ, что его правительство подготовляетъ новый законъ о наказаніи каторжной тюрьмой всякаго, «кто попытается мѣшать нѣмецкому рабочему, желающему выполнить свою работу, или будетъ подстрекать его къ забастовкѣ». Заявленіе императора было очень рѣшительно и вызвало величайшее возбужденіе въ обществѣ; оно ясно показывало, что императоръ, въ угоду Штумму и Крупцу, взялъ по отношенію къ рабочимъ новый курсъ, совершенно несходный съ его прежними соціально-политическими заявленіями. Гогенлоэ, какъ послушный исполнитель, взялся изготовить соответственный новому курсу законопроектъ. Самой существенной чертой этого законопроекта было усиленіе наказаній за подстрекательство къ забастовкѣ «черезъ тѣлесное принужденіе, угрозы, оскорблѣніе чести или лишеніе честнаго имени», причемъ въ случаѣ, если забастовка угрожала бы «безопасности имперіи или какого-либо союзного государства или представляла бы опасность человѣческой жизни и собственности», то наказаніе усиливалось до каторжной тюрьмы. «Каторжный законопроектъ» былъ внесенъ правительствомъ уже въ новый рейхстагъ, собравшійся осенью 1898 г., послѣ окончанія срока полномочій стараго. Партийныя соотношенія въ немъ немного измѣнились; центръ, націонал-либералы и свободомыслящіе приблизительно имѣли прежнее число членовъ, дюжину мандатовъ потеряли консерваторы и

восемь выиграли социал-демократы (до 56 чел.). Новый рейхстагъ въ общемъ имѣлъ ту же самую физіономію, что и прежній, хотя въ немъ и произошелъ незначительный сдвигъ влѣво. Поэтому «каторжный законопроектъ» былъ обреченъ въ немъ на очевидную неудачу. Противъ него голосовали не только лѣвая партія, но даже національ-либералы и центръ, который полагалъ, что законопроектъ несовмѣстимъ съ правомъ коалицій, которымъ центръ, по понятіямъ соображеніямъ, сильно дорожилъ. За него подали голоса лишь консерваторы, и онъ былъ отвергнутъ даже безъ передачи въ комиссію. И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, союзъ консерваторовъ съ правительствомъ потерпѣлъ рѣшительную неудачу. Такую же неудачу потерпѣлъ и проектъ, внесенный въ прусскую палату депутатовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Рекке и вручавшій слишкомъ большую, почти дикреціонную власть полиції по отношенію къ союзамъ и собраніямъ. Несмотря на то, что этотъ законъ вносился въ либеральномъ сообществѣ съ другими параграфами, разрѣшавшими отдѣльнымъ обществамъ вступать другъ съ другомъ въ союзы, ландтагъ все-таки отвергъ его. Тѣмъ не менѣе, его либеральная часть осуществилась, ибо рейхстагъ еще до отверженія проекта Рекке принялъ законъ, которымъ на всемъ протяженіи имперіи разрѣшились соединенія всякаго рода ферейновъ, причемъ законодательныя опредѣленія отдѣльныхъ государствъ, противорѣчащія новому закону, подлежали уничтоженію.

Повернувшись спиной къ рабочимъ, Вильгельмъ обратился лицомъ къ антагонистамъ—представителямъ крупной промышленности. Въ числѣ мѣръ, которыя онъ принялъ въ ихъ пользу, надо прежде всего отмѣтить проведение новыхъ каналовъ. Оно имѣло двухстороннее значеніе, такъ какъ создавало новые не только торговые, но и стратегические пути, и поэтому императоръ вдвойнѣ ему сочувствовалъ. Изъ новыхъ каналовъ на первомъ мѣстѣ надо постановить Кильскій каналъ (названный каналомъ императора Вильгельма). Открытый 19 іюня 1895 г., онъ соединилъ Балтійское море съ Нѣмецкимъ и, укорачивая торговые пути, въ то же время позволяя въ военное время соединять флотъ обоихъ морей, минуя датскія нейтральные воды. Вслѣдъ затѣмъ были проведены каналы Дортмундъ—Эмсъ и Эльба—Траве. У императора былъ при этомъ болѣе обширный планъ: онъ имѣлъ въ виду связать сѣтью каналовъ востокъ и западъ имперіи, отъ Рейна до Эльбы. Но этотъ проектъ встрѣтилъ очень рѣшительное противодѣйствіе со стороны консерваторовъ; восточно-prusскіе аграріи боялись, что новые пути усилятъ ввозъ иностраннаго хлѣба и создадутъ нежелательную для нихъ конку-

ренцію; кромѣ того, они понимали, что проведеніе новыхъ водныхъ путей будетъ содѣйствовать расцвѣту индустріи германскаго запада, что вызоветъ отливъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ изъ-за Эльбы на прирейнскія и вестфальскія фабрики и дастъ новый толчокъ къ вздорожанію цѣнъ на руки сельскихъ рабочихъ въ Восточной Пруссіи. Консерваторы подняли настоящую фронду; они мобилизовали всѣ свои силы, и противъ ассигновокъ на проведеніе новыхъ каналовъ голосовали даже и тѣ изъ нихъ, которые состояли на государственной службѣ; самъ министръ Микель, все болѣе сближавшійся съ аграріями, очень двусмысленно защищалъ правительственный проектъ и послѣ его рѣчи графъ Каницъ иронически заявилъ, что онъ не знаетъ, говорилъ ли министръ за проектъ или противъ него. Императоръ тѣмъ не менѣе былъ очень настойчивъ; онъ готовъ былъ даже на полный разрывъ съ консерваторами, лишь бы добиться ассигновокъ на водные пути. Здѣсь, такимъ образомъ, ради интересовъ индустріи и коммерціи, онъ былъ готовъ порвать съ тѣми, къ кому всегда лежало его сердце. Эта интимная жертва была, однако, напрасной: вмѣстѣ съ консерваторами противъ ассигновокъ голосовалъ и центръ, и онъ были отвергнуты.

Болѣе счастливой была политика благопріятствованія индустріальнымъ интересамъ въ области внѣшней политики. Для нѣмецкой промышленности нужны были новые рынки главнымъ образомъ въ странахъ слабой (близкій Востокъ) и старой (Китай) культуры или же лишенныхъ всякой культуры (Африка). На эти страны и обратилъ свое вниманіе Вильгельмъ въ канцлерство Гогенлоэ. Его внѣшняя политика въ это время стала отличаться гораздо большей рѣшительностью, чѣмъ при Каприви. Императоръ уже не довольствовался теперь только тѣмъ, что Германія заняла первое мѣсто въ Европѣ въ качествѣ военной державы. Онъ стремился доставить ей первенство или, по крайней мѣрѣ, почетное мѣсто и въ другихъ частяхъ свѣта. Германія, по его тогдашнимъ представленіямъ, должна была стать міровой державой; ей нужны были новыя колоніи, новыя сферы вліянія, новыя моря. То умѣренное значеніе, которое признавали за колоніальнымъ движениемъ Бисмаркъ и Каприви, уже не удовлетворяло теперь Вильгельма; заявленія и его самого, и его министровъ по международнымъ вопросамъ стали дышать гораздо большей рѣшительностью и заносчивостью, чѣмъ прежде. Особенно характерна въ этомъ отношеніи рѣчь тогдашняго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Бюлова въ рейхstagѣ 6 декабря 1897 г. «...Мы держимся того мнѣнія,—говорилъ онъ,—что вовсе не нужно исключать Германію изъ соперничества другихъ націй.

въ странахъ съ богатымъ будущимъ. Прошли тѣ времена, когда нѣмецъ оставлялъ въ распоряженіи однихъ своихъ соѣдей землю, другихъ—море, а для самого себя оставлялъ только небо, гдѣ возсѣдаешь на тронѣ чистая доктрина». Это означало, что Германія собирается занять агрессивную позицію не въ одной Европѣ, но и повсюду, гдѣ это окажется возможнымъ. Переводя эти намѣренія на торжественный языкъ, принцъ Генрихъ Прускій, отправляясь къ берегамъ Китая во главѣ большой германской эскадры, заявилъ, что онъ ѳдетъ «возвѣстить на чужбинѣ Евангеліе особы его величества какъ тѣмъ, которые хотятъ ему внимать, такъ и тѣмъ, которые не хотятъ».

Притязанія Германіи на міровую роль прежде всего сказались въ дѣлахъ ближняго Востока. Бисмаркъ не признавалъ, какъ извѣстно, никакой цѣны за ближнимъ Востокомъ. Извѣстна его часто цитируемая фраза: «весь восточный вопросъ не стоитъ костей одного померанского гренадера». Онъ предоставляемъ полную свободу Россіи и Австріи размежевываться, какъ они хотятъ, на Балканскомъ полуостровѣ. Отъ этого полнаго индифферентизма къ ближневосточнымъ дѣламъ, однако, Вильгельмъ отказался съ самаго начала своего царствованія, и при его содѣйствіи Германскій Банкъ получилъ еще въ 1888 г. концессію на постройку желѣзнодорожной линіи въ М. Азіи до Ангоры. Когда же этотъ путь былъ оконченъ въ 1893 г., то Вильгельмъ добился предоставленія тому же Германскому Банку права продолжить желѣзную дорогу до Кейсаріэ. Но и на этомъ Вильгельмъ не остановился и сталъ добиваться для нѣмецкихъ капиталистовъ концессіи на продолженіе малоазіатскаго желѣзно-дорожнаго пути даље въ Месопотамію до Багдада и еще даље до самаго Персидскаго залива. Нечего говорить, что индустріальные и коммерческие круги были живо заинтересованы въ осуществленіи этого великаго желѣзно-дорожнаго пути, открывавшаго самая широкія перспективы для германскаго сбыта. Но здѣсь Германіи пришлось столкнуться съ Англіей. Желѣзно-дорожный путь отъ Константинополя до Персидскаго заливагрозилъ замѣнить собой или, по крайней мѣрѣ, понизить значеніе англійскаго морскаго пути черезъ Суэцкій каналъ въ Индию и Китай. Поэтому англійская дипломатія вѣми мѣрами старалась помѣшать осуществленію германскаго проекта, и Каприви, поддерживавшій добрая отношенія съ Англіей, не особенно на немъ настаивалъ и сдерживалъ чрезмѣрную, по его мнѣнію, настойчивость въ этомъ отношеніи императора. Самъ Вильгельмъ, однако, ни за что не хотелъ отказаться отъ своего плана, хотя бы даже и цѣною разрыва добрыхъ отношеній съ Англіей. Съ от-

ставкой Каприви онъ удвоилъ свои хлопоты передъ султаномъ о разрѣшении на постройку дороги, и угдливый Гогенлоэ, конечно, не могъ и не хотѣлъ оказывать ему въ этомъ никакого противодѣйствія. Чтобы склонить на свою сторону султана, Вильгельмъ не остановился передъ довольно необычнымъ шагомъ: осенью 1898 г. онъ предпринялъ путешествіе на Востокъ, въ Константинополь и Иерусалимъ. Въ турецкой столицѣ онъ былъ съ необычайной пышностью принять султаномъ Абдулъ-Гамидомъ, и это должно было выставить на показъ всему свѣту дружбу между Турцией и Германіей. Въ рѣчахъ, которыя Вильгельмъ произносилъ въ Іерусалимѣ и Дамаскѣ, онъ также подчеркивалъ свое расположение къ мусульманскому народу и оказывалъ всяческое вниманіе къ турецкимъ национальнымъ святынямъ и преданіямъ. Въ результатѣ этого султанъ сталъ болѣе уступчивъ и, несмотря на явное неудовольствіе Англіи, далъ нѣмецкому обществу капиталистовъ концессію на проведеніе багдадской желѣзной дороги (1899 г.). Дѣло, однако, встрѣтило еще нѣкоторыя затрудненія, и въ концѣ концовъ германскіе капиталисты при постройкѣ багдадской дороги должны были допустить въ свою кампанію и французскихъ, и дѣло постройки дороги было передано въ руки германско-французского общества. Это произошло уже при преемникѣ Гогенлоэ—Бюловѣ.

Постройка дороги отъ Босфора вглубь Азіи по нѣмецкой иниціативѣ и по преимуществу на нѣмецкія деньги отдала почти весь турецкій рынокъ въ руки германскаго капитала. Въ то же время Германіи удалось расширить свое вліяніе и еще дальше—на дальній Востокъ. Германское правительство воспользовалось ничтожнымъ поводомъ—убийствомъ китайцами двухъ нѣмецкихъ миссіонеровъ—для того, чтобы занять германскимъ флотомъ бухту Къяо-Чоу съ городомъ Цзинтау. Это было въ концѣ 1897 г., а въ самомъ началѣ 1898 г. Китай долженъ былъ по особому договору признать право Германіи пользоваться этой бухтой въ теченіе 99 лѣтъ на арендныхъ правахъ. Скоро для Германіи представился случай еще болѣе энергично вмѣшаться въ китайскія дѣла. Въ Китаѣ возникло извѣстное движеніе «Большого кулака», направленное противъ иностранцевъ. Въ Пекинѣ были осаждены всѣ европейскія посольства, и на выручку ихъ державы отправили соединенную армію, во главѣ которой былъ поставленъ германскій главнокомандующій—графъ Вальдерзее. Вальдерзее прибылъ въ Китай уже при преемникѣ Гогенлоэ и до его прибытія китайское восстаніе было уже въ сущности подавлено ранѣе прибывшими туда русскими и японскими войсками, такъ что для дѣятельности германскаго фельдмаршала оставалось

уже небольшое поле. Да и самое влияние Германії на Китай встрѣчало сильное соперничество со стороны Японіи и Соединенныхъ Штатовъ, и потому, конечно, о такомъ глубокомъ внѣдреніи нѣмецкаго капитала въ экономическую жизнь дальн资料го Востока, какъ это имѣло мѣсто въ Турціи, не могло быть и рѣчи. Больше существенного успѣха удалось достигнуть Германії въ дальневосточныхъ водахъ покупкой у Испаніи Маріанскихъ и Каролинскихъ острововъ и приобрѣтеніемъ части Самоанскихъ острововъ (1899 г.).

Что касается до Африки, то новыхъ приобрѣтеній Германії при Гогенлоэ тамъ сдѣлать не удалось, но зато Германія рѣшительно отказалась отъ своей прежней уступчивости по отношенію къ расширенію въ Африкѣ англійскаго влиянія. Германія помѣшила Англіи получить отъ Конго небольшую полосу земли, которую Конго соглашалось отдать въ пользу Англіи и не позволило Англіи соединить Египетъ съ Капландомъ желѣзной дорогой черезъ германскую территорію. А въ 1896 г. Вильгельмъ нашумѣль своей сочувственной телеграммой президенту трансваальской республики по поводу набѣга на нее англійскаго авантюриста Джемсона. Въ виду того, что предпріятіе Джемсона, пользовалось большимъ сочувствіемъ въ Англіи, телеграмма Вильгельма была новымъ поводомъ къ возникновенію неудовольствій между Германіей и Англіей.

Колоніальная политика, на путь которой Германія вступила при Гогенлоэ, требовала, конечно, и большихъ морскихъ силъ: заморскія владѣнія нуждались въ военной охранѣ, которая могла быть подана лишь при помощи флота. Поэтому Гогенлоэ долженъ былъ обратиться къ рейхстагу за морскими кредитами. До 1898 г. германскій флотъ былъ очень слабъ. Но въ 1898 г. по настояніямъ Гогенлоэ рейхстагъ при поддержкѣ центра принялъ новую судостроительную программу, покоторой въ ближайшія шесть лѣтъ предполагалось завести довольно сильный броненосный флотъ (предполагалось построить 19 броненосцевъ, 8 береговыхъ крейсеровъ и 42 крейсера); но и этого оказалось мало и въ 1890 г. число предполагавшихся къ постройкѣ военныхъ судовъ было увеличено почти вдвое (38 броненосцевъ, 14 большихъ и 38 малыхъ крейсеровъ). Начиналась эпоха маринизма, а Англія, которая всегда ревниво относилась къ своему морскому могуществу, теперь съ величайшей подозрительностью стала смотрѣть на ростъ германского флота. Вообще дружба между Германіей и Англіей, налаженной при Каприви, теперь приходила конецъ, и отношенія между ними все болѣе разстраивались. Германія начинала вторгаться какъ разъ въ тѣ области, которыя

Англія считала своимъ главнымъ удѣломъ—моря и колоніи. Ни къ расширеню колоніальныхъ владѣній Германіи, грозившему англійской торговлѣ, ни къ усиленю германскаго флота, создававшему соперника англійскому могуществу на моряхъ, Англія не могла относиться равнодушно, и на новыя стремления Германіи она посмотрѣла со все болѣе возраставшей враждой.

Изъ другихъ сторонъ правительственной дѣятельности при Гогенлоэ надо отмѣтить мѣры къ укрѣплению государственной власти Германіи и расширению правъ общегерманскихъ властей и учрежденій—отчасти въ нѣкоторый ущербъ правамъ и властямъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ. Это было продолженiemъ старой, начавшейся уже въ первые годы послѣ создания Германской имперіи тенденціи. Сюда прежде всего надо отнести создание общеимперскаго гражданскаго кодекса (*Bürgerliches Gesetzbuch*). Работа надъ нимъ началась уже давно, еще съ 1874 г.; въ комиссіяхъ, выработавшихъ его, работали лучшіе юристы Германіи. Наконецъ, въ началѣ 1897 г. проектъ общеимперскаго гражданскаго кодекса былъ представленъ рейхстагу; тамъ еще около полугода шла горячая борьба между представителями разныхъ юридическихъ точекъ зѣнія, и наконецъ 1 июля 1896 г. кодексъ былъ принятъ. Теперь новое звено скрѣпило цѣли германского единства, и партикуляристическимъ стремлениямъ былъ нанесенъ новый ударъ. Гражданское уложеніе должно было вступить въ силу съ 1-го января 1900 г.

Черезъ годъ послѣ этого (7 апрѣля 1897 г.) было принято и новое обще-имперское торговое уложение, а еще черезъ годъ (май 1898 г.) и новый законъ о военно-уголовномъ судопроизводствѣ. Желѣзнодорожное дѣло также сдѣлало еще одинъ шагъ на пути къ объединенію: гессенскія желѣзныя дороги по особой конвенціи соединились съ прусскими, образовавъ единую желѣзнодорожную сѣть (1896). Наконецъ, къ тому же укрѣплению общеимперской государственной власти надо отнести и увеличеніе имперскаго бюджета; доходы государственной казны, главнымъ образомъ въ связи съ ростомъ германской промышленности и торговли, значительно увеличились, и теперь имперскіе финансы почти совершенно освобождались отъ зависимости отъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ.

Послѣдніе годы правленія Гогенлоэ были отмѣчены рѣзкимъ столкновеніемъ почти всѣхъ партій рейхстага съ центромъ. Могущество этой партіи все яснѣе вырисовывалось. И при Каприви, и при Гогенлоэ почти всегда бывало такъ, что все поддерживавшееся ею въ рейхстагѣ—принималось, все непризнававшееся ею—отвергалось. Между прочимъ морская программа

могла быть осуществлена только при содѣйствіи центра. Но это чрезмѣрное могущество центра должно было вызвать противъ себя и оппозицію. Сила клерикаловъ становилась опасной для свѣтской культуры, и на притязаніе ценгра подчинить ее клерикальному контролю рейхстагъ отвѣтилъ рѣзкимъ отпоромъ. Весной 1890 г. правительство внесло въ рейхстагъ законопроектъ, который былъ направленъ противъ разврата и сводничества (т. н. *lex Heinze*). Рейхстагъ готовъ былъ принять этотъ законопроектъ, но центръ воспользовался поводомъ, чтобы, путемъ поправокъ къ нему, установить контроль надъ художественными произведеніями и театральными представленіями съ точки зрењія ихъ соотвѣтствія «чувству стыдливости и нравственности». Консерваторы стали на сторону этихъ поправокъ, но въ обществѣ поднялась противъ нихъ агитација. Общество увидало въ поправкахъ угрозу противъ свободы художественного творчества; цѣлый рядъ писателей, ученыхъ и правовѣдовъ выступилъ съ рѣзкими протестами. Образовалось даже цѣлое общество, «гетеевскій союзъ», со специальной цѣлью защищать искусство, подвергнувшееся опасности со стороны фарисеевъ и тартюфовъ. Въ результатѣ этой общественной агитациіи рейхстагъ, въ которомъ уже готово было образоваться большинство въ пользу принятія поправокъ центра, въ концѣ концовъ отвергъ ихъ, хотя самъ законопроектъ и былъ принятъ (22 мая 1900 г.).

Вскорѣ послѣ этого Гогенлоэ ушелъ въ отставку. Между нимъ и императоромъ не было расхожденій по принципіальнымъ вопросамъ, ибо канцлеръ во всемъ послушно исполнялъ волю императора. Поэтому отставка его носила другой характеръ, чѣмъ отставка Бисмарка и Каприви, носившія принципіальный характеръ. Новый канцлеръ оказался неудобнымъ не потому, что имѣлъ самостоятельные взгляды, не сходившиеся со взглядами императора (какъ это было съ его предшественниками), а просто потому, что былъ уже слишкомъ старъ и дряхлъ для того, чтобы служить исполнителемъ политики императора, дѣлавшейся все болѣе энергичной и во внутреннихъ, и во внѣшнихъ вопросахъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, сблизивъ императора съ консервативными кругами, отъ которыхъ правительство отошло было при Каприви, и теперь Вильгельмъ уже болѣе не нуждался въ его услугахъ. Ему нужны были болѣе энергичные и молодые люди, чѣмъ дряхлый канцлеръ, которому было уже болѣе 80 лѣтъ. Вслѣдъ за Гогенлоэ въ отставку ушелъ и наиболѣе видный и талантливый представитель его министерства—Микель. Ему было поставлено въ вину его двойственное поведеніе во время обсужденія законопроекта о водныхъ путяхъ (каналѣ между З. и В.

Германіей), который онъ въ угоду аграріямъ не особенно энергично защищалъ, и онъ ушелъ черезъ полгода вслѣдъ за своимъ принципаломъ (5 мая 1891 г.).

Преемникомъ Гогенлоэ былъ назначенъ 17 октября 1900 г. Бернгардъ фонъ-Бюловъ. По личнымъ способностямъ онъ стоялъ гораздо выше Гогенлоэ. Это былъ человѣкъ талантливый, надѣленный выдающимся даромъ слова, «трудоспособный, съ ясно-холоднымъ взглядомъ на вещи. На ораторской трибунѣ онъ чувствовалъ себя превосходно, и даже завѣдомо слабыя и плохо укрѣпленныя позиціи встрѣчали въ немъ яркаго и остроумнаго защитника. Но у него не было твердыхъ убѣжденій, и онъ стремился постоянно лавировать между партіями, не раздражая ни одной изъ нихъ и держась, какъ онъ любилъ говорить, «по средней линіи». Политическую гибкость, граничащую съ безпринципностью, онъ пытался даже возвести въ теорію, и въ своей книгѣ о политическихъ и общественныхъ настроеніяхъ Германіи за послѣднее десятилѣтіе онъ доказывалъ, что «никакое правительство не можетъ долго работать съ однимъ и тѣмъ же составомъ большинства»¹⁾. «Если задать министрамъ вопросъ», писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «какую партійную платформу они поддерживаютъ, то большинство изъ нихъ будетъ въ затрудненіи, что отвѣтить на подобный вопросъ». Однако, при всей своей гибкости, Бюловъ обнаруживалъ въ своей политикѣ вполнѣ опредѣленное стремленіе къ защитѣ аграрныхъ интересовъ. Онъ находилъ, что земледѣліе было до сихъ поръ пасынкомъ правительства, и что, если правительство не приметъ мѣръ къ его защитѣ, то «ему угрожаетъ пасть подъ молотомъ промышленности и быть имъ раздавленнымъ». Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бюловъ остерегался становиться на точку зрѣнія крайнихъ аграріевъ въ родѣ графа Каница и поддерживалъ только умѣренныя притязанія восточно-пруссихъ юнкеровъ, не слишкомъ противорѣчащія интересамъ крупной промышленности. Отъ слишкомъ тѣснаго сближенія съ аграріями его спасалъ парламентскій тактъ и гибкость его политической программы. Да и императоръ не допустилъ бы слишкомъ рѣзкаго нарушенія интересовъ промышленности. Для Вильгельма въ сущности была одинаково дорога связь, какъ съ юнкерами, создавшими удобную почву для примѣненія его патріархально-феодальныхъ идей, такъ и съ королями промышленности, обслужившими армію и флотъ и облегчавшими пути для колоніальныхъ захватовъ. И если онъ позволялъ своему канцлеру нѣсколько перегибать лукъ германской политики въ пользу

¹⁾ Кн. Б. фонъ Бюловъ. Державная Германія. Рус. переводъ 1915 г.

агаріевъ, то только потому, что и самъ находилъ нужнымъ, послѣ блестящаго расцвѣта нѣмецкой промышленности, доставить нѣкоторыя компенсаціи и землевладѣльческимъ кругамъ, доходы которыхъ въ то время далеко не были такъ велики, какъ доходы промышленниковъ. Это не значитъ, однако, чтобы личная самостоятельность четвертаго германскаго канцлера была совершенно ничтожной. Наоборотъ, Бюловъ, при всей покладистости своего характера, во многихъ отношеніяхъ умѣлъ подчинить императора своему вліянію и послѣ Бисмарка былъ самымъ самостоятельнымъ изъ всѣхъ германскихъ канцлеровъ. Режиму личнаго управления, которое практиковалъ Вильгельмъ, онъ, конечно, не могъ положить предѣла,—этого не могъ сдѣлать даже и Бисмаркъ,—но въ девятылѣтіе 1900—1909 гг. на всѣхъ мѣропріятіяхъ германскаго правительства лежала довольно яркая печать личности Бюлова, и этой печати не могли смыть никакія самыя энергичныя выступленія императора.

Кромѣ консерваторовъ-агаріевъ вторымъ союзникомъ Бюлова (въ первую половину его канцлерства) былъ центръ. Такимъ образомъ, въ началѣ правленія Бюлова создавалось то же самое парламентское положеніе, какое было и при Гогенлоэ: правительство опиралось (или хотѣло опираться) на клерикально-консервативный блокъ, причемъ и теперь, какъ и прежде, между обѣими составными частями этого блока далеко не всегда существовало согласіе. Когда центръ въ октябрѣ 1890 г. внесъ въ рейхстагъ проектъ о вѣротерпимости (*Toleranzantrag*), разрѣшившій религіознымъ обществамъ полную свободу пропаганды и культа и открывавшій католическимъ организаціямъ новыя возможности для вліянія на свѣтское общество, то противъ этого законопроекта подали свои голоса не только свободомыслящіе и націоналъ-либералы, но и консерваторы, и проектъ былъ отвергнутъ. Такъ какъ въ теченіе 1900 г. это была уже вторая крупная неудача клерикаловъ (первая—поправка къ *Lex Heinze*), то центръ былъ раздраженъ и возникала опасность, что онъ окончательно отвернется и отъ консерваторовъ и отъ правительства. Тогда Бюловъ рѣшилъ доставить ему удовлетвореніе въ видѣ отмѣны закона объ іезуитахъ, по которому ордену іезуитовъ запрещался доступъ на германскую территорію¹⁾. Въ этомъ случаѣ положеніе Бюлова было довольно труднымъ, такъ какъ ему приходилось побѣждать противодѣйствіе самого императора и другихъ протестантскихъ государей, продолжавшихъ смотрѣть на дѣятельность іезуитовъ, какъ на большую опасность для

¹⁾ См. «Г. М.» 1915 г. № 7, стр. 61.

государства. Что касается до рейхстага, то онъ не раздѣлялъ опасеній Вильгельма и не былъ склоненъ особенно преувеличивать іезуитскую опасность. Еще при Каприви (въ 1893 г.) въ рейхстагѣ прошелъ законъ объ отмѣнѣ стѣсненій для іезуитовъ, но въ виду противодѣйствія этому закону со стороны императора и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ государей союзный совѣтъ отвергъ его. Теперь Бюловъ употребилъ всѣ усилия, чтобы побороть сопротивленіе императора, и это ему удалось. Вильгельмъ сдался, однако, не вполнѣ: онъ согласился только на то, чтобы іезуиты не изгонялись изъ прежнихъ мѣстъ ихъ поселенія; но статья, запрещавшая новыя іезуитскія поселенія, должна была оставаться, по его мнѣнію, въ полной силѣ. Такого рода предложеніе и было внесено Бюловымъ въ союзный совѣтъ отъ имени Пруссіи, и послѣ цѣлаго ряда проволочекъ, весною 1904 г. оно и было принято. Этой сравнительно-незначительной клерикальной уступки оказалось достаточно, чтобы расположить въ пользу правительства депутатовъ центра. Гораздо болѣе требовательными оказались консерваторы. Они требовали для себя очень существенныхъ удовлетвореній и прежде всего такихъ, которыя бы влили въ ихъ карманы новые денежные доходы. Удобный случай для этого представлялъ пересмотръ заключенныхъ при Каприви либеральныхъ торговыхъ договоровъ. Въ свое время землевладѣльцы изливали потоки бурного негодованія на либерального канцлера, не позаботившагося при опредѣленіи тарифовъ на ввозной хлѣбъ оградить ихъ отъ иноземной конкуренціи. Теперь, когда срокъ торговыхъ договоровъ подходилъ къ концу (этотъ конецъ наступилъ для различныхъ странъ между 1903 и 1906 г.), юнкера рѣшили вознаградить себя за прошлое. «Союзъ сельскихъ хозяевъ» повелъ усиленную агитацию за возвышеніе таможенныхъ ставокъ и на первыхъ порахъ заломилъ такія повышенія на тарифъ, что даже и Бюловъ, заявившій уже въ рейхстагѣ, что онъ «одушевленъ желаніемъ» улучшить «тяжелыя условія, въ которыхъ оказалось сельское хозяйство», нашелъ нужнымъ умѣрить ихъ аппетитъ. Однако, и то, что предложилъ Бюловъ въ пользу аграріевъ, могло удовлетворить самыя взыскательныя требования: пошлины на важнѣйшіе сорта хлѣба поднимались почти вдвое, на мясо—вдвое, на живыхъ быковъ—почти втрое. Въ обществѣ новый тарифъ получилъ название ростовщического; а рабочіе, на которыхъ дорогія цѣны на хлѣбъ должны были особенно тяжело отзваться, увидали въ немъ прямой вызовъ себѣ. Въ демократической печати всгрѣчались такія фразы: «этотъ таможенный тарифъ есть тревожный призывъ къ нѣмецкому народу, на который огромное большинство его можетъ дать только одинъ отвѣтъ: на баррикады!»

Тѣмъ не менѣе, въ рейхстагѣ, куда проектъ новыхъ таможенныхъ ставокъ былъ внесенъ въ 1892 г., ему было обезпечено большинство: приуроченный Бюловымъ центръ былъ за одно съ консерваторами, и кромѣ того на сторону этого консервативно-клерикального блока стали и националь-либералы. Ихъ Бюловъ привлекъ на свою сторону тѣмъ, что предложилъ повысить ставки не только на предметы сельского хозяйства, но и на нѣкоторые продукты горнозаводской и фабричной промышленности, хотя далеко и не въ томъ размѣрѣ и объемѣ, какъ на хлѣбъ, мясо и скотъ. Противъ повышенныхъ тарифовъ были одни только соціаль-демократы и свободомыслящіе, да еще небольшая кучка «сверхъ-аграріевъ», требовавшихъ еще болѣе высокихъ ставокъ. Соціаль-демократы попробовали прибѣгнуть къ обструкціи; тогда большинство, въ нарушеніе парламентскихъ обычаевъ и даже наказа, чтобы положить конецъ обструкціи, рѣшило голосовать весь законопроектъ о новыхъ тарифахъ не постатейно, а цѣликомъ, и 14 декабря 1902 г. онъ былъ принятъ большинствомъ 202 голосовъ противъ 100. Чтобы удовлетворить до нѣкоторой степени демократические элементы общества (которые, какъ мы видѣли, были и въ центрѣ), центръ, вслѣдъ за принятиемъ законопроекта, предложилъ нѣкоторые излишки отъ доходовъ съ таможенныхъ пошлинъ обратить на страхованіе вдовъ и сиротъ. Рейхстагъ принялъ предложеніе центра, но излишковъ оказалось такъ мало, что страховыя преміи пришлось назначить въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ, и демократические элементы даже и центра (не говоря уже о лѣвыхъ партіяхъ) не могли чувствовать себя хоть сколько-нибудь удовлетворенными.

Повышенныя ставки на ввозные продукты были приняты, но оставалось еще оформить ихъ въ новыхъ торговыхъ договорахъ съ чужеземными государствами. Это и было сдѣлано въ промежутокъ между 1904 и 1907 гг. Легче всего было добиться согласія на новые тарифы со стороны Россіи. Повышенныя пошлины на нашъ ввозной хлѣбъ приносили намъ убытки въ размѣрѣ 13 милл. ежегодно; но у насъ была тогда война съ Японіей, приходилось заботиться о германскомъ нейтралитетѣ, и это заставляло Россію быть особенно уступчивой. Договоръ съ ней былъ заключенъ 28 іюля 1904 г. Въ концѣ того же года были подписаны договоры съ Румыніей, Болгаріей, Италіей, Швейцаріей и Сербіей, а въ началѣ 1905 г.—съ Австро-Венгріей. Труднѣе всего было поладить съ С.-А. Соединенными Штатами, которые не менѣе Россіи были заинтересованы въ вывозѣ въ Германію избытокъ своего хлѣба. Однако, цѣнною повышенія ставокъ на вывозимые изъ Германіи фабричные продукты удалось добиться и ихъ согласія. Договоръ

съ ними былъ заключенъ позднѣе всего—въ 1907 г. Аграріи, отгородившіяся теперь ото всего міра почти запретительными пошлинами, торжествовали побѣду по всей линії.

Около того же времени имъ удалось добиться еще одной важной уступки со стороны императора. Вильгельмъ еще не отказывался отъ своего старого проекта соединить воднымъ путемъ востокъ и западъ Пруссіи и надъ консерваторами продолжала висѣть опасность сооруженія ненавистнаго имъ «средиземнаго канала», (Mittellandkanal), какъ онъ тогда назывался. Чтобы удовлетворить одновременно и императора, и аграріевъ, Бюловъ придумалъ компромиссъ. По его порученію новый министръ Рейнбabenъ, занявший мѣсто Микеля, не отказываясь окончательно отъ проекта воднаго пути, представилъ его, однако, рейхстагу въ пріемлемомъ для аграріевъ видѣ: по этому новому проекту каналъ долженъ былъ пройти лишь по западной половинѣ Пруссіи, кончая Ганноверомъ и не доходя до Эльбы. Однако, консерваторы приняли и этотъ проектъ съ довольно кислой миной: хотя онъ и не создавалъ теперь нового пути для ввоза иностраннаго хлѣба въ цитадель нѣмецкаго юнкерства—заэльбскую Пруссію, но все же содѣствовалъ дальнѣйшему расцвѣту западно-прусской промышленности и, слѣдовательно, косвеннымъ своимъ результатомъ долженъ былъ имѣть отливъ восточныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ фабричные прирейнскіе округа. Законъ о каналѣ прошелъ черезъ ландтагъ въ началѣ 1905 г.

Финансовая политика при Бюловѣ также была довольно ярко окрашена благожелательностью по отношенію къ консерваторамъ и вообще къ владѣющимъ классамъ. Усиленное развитіе маринизма и милитаризма требовало все новыхъ и новыхъ налоговъ, и Бюловъ ясно сознавалъ необходимость финансовыхъ реформъ, которые бы усилили поступленія въ имперскую казну. Но онъ обнаружилъ при этомъ очень большую осторожность и бережливость по отношенію къ доходамъ аграріевъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ и рѣщался хотя бы и въ слабой степени затронуть ихъ имущественные интересы, консерваторы при помощи қлерикаловъ всегда сами умѣли дать отпоръ канцлеру, а на рѣшительную борьбу съ ними, которая обязывала бы сблизиться съ болѣе лѣвыми партіями рейхстага, ни онъ, ни императоръ не хотѣли итти. При Бюловѣ было проведено три финансовыхъ реформы. Первая реформа, проведенная въ 1904 г., въ сущности не создавала новыхъ источниковъ дохода, но вводила болѣе опредѣленное раздѣленіе косвенныхъ налоговъ между имперскимъ казначействомъ и казначействами отдѣльныхъ государствъ; одни

налоги шли цѣликомъ въ пользу имперіи, другіе—также цѣликомъ въ пользу мѣстныхъ государствъ; матрикулярные взносы при этомъ все-таки сохранялись. Гораздо больше новыхъ ресурсовъ въ пользу имперской казны предоставила вторая реформа, проведенная въ 1906 г. Бюловъ внесъ въ рейхstagъ проектъ новыхъ налоговъ на цѣлыхъ 254 миллиона рублей; почти половина новыхъ налоговъ (110 милл.) падала на предметы постояннаго народного потребленія (пиво, табакъ и папиросы); 72 милл. падало на гербовый сборъ и 72 милл. на налогъ на наслѣдства. Только послѣдній налогъ затрагивалъ интересы владѣющихъ классовъ, да и то далеко не во всѣхъ случаяхъ, такъ какъ этотъ налогъ нужно было уплачивать только въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдниками являлись дальние родственники или даже совсѣмъ не родственники; близкіе родственники при переходѣ къ нимъ наслѣдства не должны были ничего платить. Тѣмъ не менѣе, консервативно-клерикальное большинство встрѣтило этотъ проектъ очень недружелюбно, и въ рейхstagѣ налогъ на наслѣдство былъ сокращенъ на $\frac{1}{3}$ —до 48 милл. Всего же рейхstagъ сократилъ количество требуемыхъ съ него налоговъ на 70 милл., т.-е. до общей суммы въ 180 милл. Но и за эту сокращенную сумму новыхъ налоговъ Бюловъ долженъ былъ дать рейхстагу компенсацію, ввести вознагражденіе для депутатовъ рейхстага. Смыслъ безвозмездности депутатскаго званія заключался въ томъ, чтобы не пускать въ депутаты людей неимущихъ; безвозмездность была направлена, главнымъ образомъ, противъ соціалъ-демократовъ; но рабочіе уже давно оплачивали своихъ депутатовъ изъ партійной кассы, и потому Бюловъ съ легкимъ сердцемъ сдѣлалъ эту уступку рейхстагу. Труднѣе было убѣдить императора, которому была всегда противна мысль, что въ роли законодателей могутъ оказаться полунищіе люди. Но въ концѣ-концовъ и онъ сдался. Депутатамъ было, однако, назначено очень небольшое вознагражденіе въ 3000 марокъ ежегодно,—притомъ съ вычетами по 20 марокъ за отсутствіе во время именного голосованія.

Разрѣшенныхъ 180 милл. марокъ далеко не хватало для ежегодно увеличивавшихся имперскихъ расходовъ, и въ 1908 г. Бюловъ внесъ проектъ третьей реформы, повышавшей налоги еще на 472 милл. марокъ. Въ это время обстоятельства измѣнились и консервативно-клерикальный блокъ распался¹⁾; вместо него Бюловъ опирался на либерально-консервативное большинство, и онъ думалъ, что временное содружество съ либералами заставитъ консерваторовъ быть болѣе уступчивыми въ вопросѣ

¹⁾ Объ этомъ см. ниже стр. 217—219.

о пошлинахъ на наследство. Поэтому количество предположенныхъ къ взысканию наследственныхъ пошлинъ онъ назначилъ въ довольно высокой суммѣ 92 миллионовъ, причемъ должны были подвергнуться обложению за получаемыя наследства уже не одни дальние родственники, но и близкіе, даже дѣти и супруги. Хотя большинство остальныхъ вновь вводимыхъ налоговъ, количество которыхъ достигало до общей суммы 472 милл., падали на предметы потребленія широкихъ народныхъ массъ, консерваторы тѣмъ не менѣе взбунтовались. Они ни за что не хотѣли огорчать «плачущихъ сиротъ, вдовъ и вдовцовъ» высокими налогами на переходящія къ нимъ наследства и неожиданно для канцлера измѣнили съ такимъ трудомъ наложенному имъ консервативно-либеральному блоку, снова вернувшись къ близкому ихъ сердцу клерикальному центру. Въ союзѣ съ клерикалами они провалили налогъ на наследства, передѣлавъ его въ налогъ на денежныя бумаги; огорченный Бюловъ не снесъ этой измѣны консерваторовъ и подалъ въ отставку (25 июня 1909 г.). Оставшіеся изъ вновь вводимыхъ налоговъ были также подвергнуты передѣлкѣ въ желательномъ для возродившагося консервативно-клерикального блока смыслѣ: изъ проекта Бюлова исчезли налоги на электричество, газъ, которыми не пользовались широкіе народные круги; налогъ на вино упалъ съ 20 милл. до 5 милл. Зато появились новые налоги на такія необходимыя для народа предметы, какъ чай, кофе (37 милл.) и спички (25 милл.). Въ этомъ измѣненномъ видѣ финансовая реформа была проведена уже при преемникѣ Бюлова и должна была дать имперской казнѣ новыхъ 453 милл. марокъ. Весь этотъ новый налогъ палъ главной своею частью на трудящіеся слои населенія; владѣющіе классы, и особенно аграріи, почти совсѣмъ ими не были затронуты. Склонность къ аграріямъ является одной стороной дѣятельности Бюлова. Другая сторона ея— это крайне агрессивный тонъ по отношенію къ инородцамъ, особенно къ полякамъ. Гоненія на поляковъ были давнимъ фактомъ германской политики. Уже Бисмаркъ былъ очень энергичнымъ германизаторомъ; особенно усилились гоненія на нихъ въ послѣднее пятилѣтіе его канцлерства. Бисмаркъ имѣлъ въ виду истребить польское землевладѣніе въ восточныхъ областяхъ, и для этой цѣли онъ провелъ въ 1886 году въ прусскомъ ландтагѣ законъ о выкупѣ государствомъ земель у поляковъ, для чего была основана особая колонизаціонная комиссія и въ ея распоряженіе было дано 100 милл. марокъ. При Каприви, какъ мы видѣли, гнетъ противъ поляковъ ослабѣлъ, но немедленно ведѣсь за его отставкой снова начались гоненія на нихъ. Уже

въ 1894 г. три нѣмецкихъ «культуртрегера» Ганземанъ, Кеннemanъ и Тидеманъ основали въ Познани «Общество для покровительства нѣмецкому вліянію въ восточныхъ провинціяхъ» (названное по начальнымъ буквамъ ихъ фамилій обществомъ гакатистовъ; общество стало быстро распространяться и уже черезъ десять лѣтъ оно насчитывало болѣе 400 отдѣленій и болѣе 40 тысячъ членовъ въ своей средѣ. Въ члены общества записывались, главнымъ образомъ, нѣмецкіе купцы и помѣщики, которые сѣдили на мѣстахъ за всякаго рода успѣхами поляковъ въ области производства, торговли или сельскаго хозяйства и обо всѣмъ замѣченномъ доносили прусской администраціи. Въ то же время развивалась и дѣятельность основанной Бисмаркомъ колонизаціонной комиссіи; въ 1898 г. ей уже не хватило прежде ассигнованной сотни миллионовъ, и потребовалась вторичная ассигновка новыхъ ста миллионовъ. Несмотря на большія затраты дѣятельность комиссіи не была особенно успѣшной. Поляки очень неохотно продавали ей свои земли, и въ ея руки попадали лишь неплодородные, заброшенные обремененные долгами земельные участки, да и то за очень дорогую цѣну,—раза въ три выше рыночныхъ цѣнъ, однако, и такой земли оказалось недостаточно, и колонизаціонной комиссіи приходилось покупать земли даже не у поляковъ, а у нѣмцевъ. Въ то же время поднимавшееся польское бургерство довольно удачно конкурировало и въ торговово-промышленной области съ нѣмецкими купцами и промышленниками. Все это побудило Бюлова приняться съ удвоенной энергией за германизацію заселенныхъ поляками прусскихъ областей (Познани, Силезіи, зап. и отчасти вост. Пруссіи). Изъ всѣхъ германскихъ канцлеровъ онъ оказался въ этомъ отношеніи самымъ ревностнымъ, причемъ проводя свою германизаторскую политику, онъ особенно любилъ подчеркивать свою вѣрность традиціямъ дома Гогенцоллерновъ, который, по его словамъ, былъ всегда «неустаннымъ и бдительнымъ, но въ то же время храбрымъ и рѣшительнымъ охранителемъ германскихъ границъ». Въ своей книгѣ Бюловъ рѣшительно указываетъ на обязанность правительства «дѣлать все зависящее для того, чтобы сохранить и усилить германскую національность въ бывшихъ польскихъ владѣніяхъ» и «слѣдить за тѣмъ, чтобы германцы не были вытѣснены поляками изъ восточной части Германіи». Для этой цѣли онъ не жалѣлъ денежныхъ средствъ: въ 1902 г. въ распоряженіе колонизаціонной комиссіи было предоставлено еще 150 миллиарокъ, въ 1908 г. было ассигновано 321 милл. марокъ вообще на борьбу съ польской національностью. Но и здѣсь результатъ далеко не оправдалъ ожиданій: поляки не только почти перестали

продавать свои земли колонизационной комиссии, но и сами занялись скупкой нѣмецкихъ земель. Въ теченіе 1904—1905 гг. они скупили земель на 31 тыс. гект. болѣе, чѣмъ продали. Въ виду этого Бюловъ прибѣгнулъ къ еще болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ: въ 1904 г. онъ провелъ черезъ прусскій ландтагъ законъ, по которому при всякой покупкѣ земли въ Познани и з. Пруссіи нужно было испрашивать разрѣшеніе властей; конечно, оно охотно давалось нѣмцамъ и крайне неохотно—полякамъ. Въ 1908 г. черезъ ландтагъ прошелъ новый законъ которымъ правительству было предоставлено право въ предѣлахъ опредѣленной земельной площади производить въ извѣстныхъ случаяхъ и принудительное отчужденіе польскихъ земель. Нужно, однако, замѣтить, что хотя законъ и прошелъ, но правительство долгое время не рѣшалось производить принудительного отчужденія земель въ польскихъ провинціяхъ, и первый такой опытъ былъ произведенъ лишь въ 1913 году. О практическомъ значеніи послѣдняго закона, поэтому, пока еще преждевременно судить. Зато законъ 1904 г. возымѣлъ дѣйствіе, и польское землевладѣніе почти перестало увеличиваться; но оно и не уменьшалось, такъ какъ поляки попрежнему отказывались продавать свои земли нѣмцамъ, и дѣло колонизаціи нѣмцами польскихъ провинцій, несмотря на большія средства, затраченныя на это (отъ 1886 до 1910 гг. болѣе 650 милл. марокъ), надо признать въ конечномъ результѣтѣ неудачнымъ.

Не многимъ болѣе удачной была и культурная германизація Польши. Въ Польшѣ усиленно насаждались нѣмецкія школы; польскій языкъ былъ запрещенъ, какъ языкъ преподаванія; даже Законъ Божій долженъ былъ преподаваться на нѣмецкомъ языку. Польскія общества, польская пресса подвергались всякаго рода преслѣдованіямъ. Въ 1908 г. правительство предложило рейхстагу законопроектъ, которымъ предполагалось запретить въ общественныхъ собраніяхъ произнесеніе рѣчей не на нѣмецкомъ языку; однако, рейхстагъ нашелъ, что это—чрезмѣрное требованіе, и законопроектъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что запрещеніе должно было касаться публичныхъ рѣчей только въ тѣхъ мѣстностяхъ, где «инородческое» населеніе не превышало 60% общаго числа жителей. Поляки, однако, очень энергично отстаивали свою самостоятельность, и дѣло не разъ доходило до острыхъ столкновеній между мѣстными властями и польскимъ населеніемъ. Въ 1906—7 гг. возникла даже школьная забастовка, и множество дѣтей, конечно, съ согласія своихъ родителей отказались посѣщать школы. Для защиты своихъ правъ на национальное воспитаніе польская молодежь

стала образовывать союзы самообразованія и просвѣщенія. Въ Познани, З. Пруссіи и Силезіи возникло бойкотистское движение, направленное не только противъ нѣмецкихъ купцовъ и промышленниковъ, но и противъ нѣмецкой интеллигенціи (адвокатовъ, учителей, докторовъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ провинціяхъ процентъ польского населенія не падаетъ, а изъ года въ годъ возрастаетъ (это объясняется, главнымъ образомъ, большею плодовитостью польского крестьянскаго населенія въ сравненіи съ нѣмецкимъ). Въ виду всего этого ни культурное, ни хозяйственное подавленіе поляковъ нѣмцами пока еще не имѣетъ мѣста.

Кромѣ поляковъ правительство Бюлова съ большой подозрительностью относилось еще къ датчанамъ и евреямъ. Правительственное недовѣріе къ нимъ, однако, не достигало такой остроты, какъ по отношенію къ полякамъ; гоненія на евреевъ не шли дальше устраненія ихъ изъ офицерства, дипломатической службы и администраціи, и крайнія требования нѣмецкихъ антисемитовъ не пользовались большимъ сочувствіемъ правительства. Что же касается до эльзасцевъ, то правительство, остерегаясь ихъ тяготѣнія къ Франціи, держалось по отношенію къ нимъ довольно примирительно; въ 1902 г. былъ даже отмѣненъ законъ, по которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ намѣстникъ могъ получать диктаторскія полномочія. Правительство имѣло въ виду какъ бы приручить эльзасцевъ, добиться ихъ дружбы, но, конечно, уничтожить ихъ тяготѣніе къ Франціи оно не могло.

Въ общемъ направленіи политики Бюлова огромную роль сыграли виѣшнія отношенія. Съ самаго же начала своего канцлерства Бюловъ принялъ крайне агрессивный тонъ. Въ своей книжѣ онъ объяснялъ эту агрессивность тѣмъ, что «въ виду беспокойства и разочарованности охватившихъ Германію въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ послѣ ухода кн. Бисмарка, на общественное мнѣніе возможно было оказать давленіе, только играя на струнахъ национализма и будя въ народѣ самосознаніе». Не позволять, чтобы Германіи кто-нибудь посмѣль наступить на ногу, не допускать разрѣщенія какихъ-либо, даже не имѣющихъ прямого отношенія къ интересамъ Германіи вопросовъ безъ ея участія и вмѣшательства—вотъ, что стало тѣперь лозунгомъ всей виѣшней политики Бюлова. Благодаря этому въ международныхъ отношеніяхъ Германіи при Бюловѣ вопросы самолюбія заняли первостепенное мѣсто,—часто даже вопреки здравому пониманію реальныхъ выгодъ нѣмецкой націи. Въ этомъ заключалась коренная разница между Бюловымъ и Бисмаркомъ. Бисмаркъ былъ реальнымъ политикомъ въ точномъ и прямомъ значеніи этого

слова и никогда бы не допустилъ, чтобы амбиціозное пониманіе національной чести въ чемъ бы то ни было могло повредить прочности международного положенія Германіи и ея добрымъ отношеніямъ къ тѣмъ державамъ, съ которыми, по его мнѣнію, Германіи было выгодно дружить. Для Бюлова, а также и для самого Вильгельма, на первомъ планѣ стояла забота о томъ, чтобы имя нѣмца было грозно во всемъ свѣтѣ, чтобы никто «не дерзнулъ хотя бы только бросить косой взглядъ на нѣмца»¹⁾, и эта заносчивость нерѣдко только вредила Германіи и ссорила ее съ тѣми, съ кѣмъ ей не было выгодно ссориться. Съ «реальной политикой» такое преувеличеннное пониманіе національной чести имѣло довольно мало общаго, и реалистически настроенный Бисмаркъ несомнѣнно осудилъ бы многія изъ устрашительныхъ проявленій политики Бюлова. Стоитъ только припомнить хотя бы то, какъ онъ обошелся въ 1866 г. съ побѣжденной Австріей.

Невыгодность для Германіи устрашительныхъ пріемовъ Бюлова сказалась прежде всего при ликвидациіи китайскаго восстанія. Послѣ подавленія китайскаго восстанія (1901 г.) Вильгельмъ потребовалъ, чтобы китайцы принесли передъ нимъ извиненія въ оскорбительной для національного достоинства китайцевъ формѣ; глава китайскаго «извинительного» посольства, братъ китайскаго императора принцъ Чунъ долженъ былъ трижды поклониться сидѣвшему на тронѣ Вильгельму и въ унизительныхъ выраженіяхъ произнести слова извиненія. Слѣдствіемъ этого было то, что китайцы главную тяжесть своего вынужденного униженія возложили на Германію и къ нѣмецкимъ культуртрегерамъ, прїехавшимъ въ Китай, они относились съ большей непріязнью, чѣмъ къ пришельцамъ другихъ націй. Нѣмецкіе купцы, которымъ приходится имѣть дѣло съ китайскими покупателями, теперь очень реально испытываютъ на себѣ неудобства этой китайской непріязни. Другой разъ устрашительная политика пришла въ конфліктъ съ реальными выгодами націи при подавленіи восстанія южно-африканскаго племени гереро. Это маленькое племя жило въ германской юго-западной колоніи; нѣмецкіе власти и купцы подвергали его самой жестокой эксплоатациі; въ началѣ 1904 г. оно, наконецъ, не вынесло и возстало. Сначала Бюловъ отправилъ противъ повстанцевъ только небольшой отрядъ, но въ скоромъ времени его пришлось увеличить до 17 тысячъ солдатъ. Къ концу года къ гереро присоединились еще и готтентоты подъ предводительствомъ своего вождя, 80-ти лѣтняго фанатика Гендрика Витбоя. Германскому корпусу

¹⁾ Изъ рѣчи Вильгельма къ отправлявшимся въ Китай солдатамъ.

не стоило большого труда подавить восстание гереро. Подавление сопровождалось очень большими жестокостями. Немецкие солдаты огнем и мечом прошли через маленькую страну и уничтожили более, чем $\frac{2}{3}$ ее населения; из 60 т. жителей там осталось всего 18 т. К концу 1905 г. восстание гереро было подавлено. Несколько больше времени потребовало подавление готтентотского восстания. Оно было закончено к 1907 г. и сопровождалось такими же жестокостями, как и усмирение гереро. Для германских купцов и промышленников эти жестокости имели довольно печальный результат. Южная Африка изобилует большиими рудными богатствами, но зато страдает от недостатка людей. Белые идут туда неохотно, а туземное население слишком немногочисленно. Поэтому-то немецкие капиталисты и предприниматели отнюдь не имели оснований благодарить германскую власти за опустошительность их усмирительных приемов. Недостаток рабочих рук, который и прежде был сильно замечен, теперь стал чувствовать особенно остро, и благодаря ему многим рудным богатствам Ю. Африки до сих пор лежать втунъ.

Главную роль в международных отношениях Германии при Бюловѣ занимало прогрессирующее ухудшение ее отношений с Англией. Агрессивный тон политики Бюлова, его притязания на моря, заботы об усилении флота, необычайно быстрое развитие германской торговли и промышленности, которая начинала успешно конкурировать с англичанской индустрией даже в предѣлах самой Англии, не говоря уже о других странах—все это заставляло англичан смотреть все съ большей и большей тревогой и враждой на соперничающую с ними державу. Разрывъ произошелъ, однако, не сразу, и еще въ самые первые годы XX вѣка Англія еще считала своимъ главнымъ врагомъ не Германию, а Россію. Когда выяснились русскія притязанія на Манчжурию, то, чтобы положить конецъ расширению русского влияния на дальнемъ Востокѣ, Англія искала даже поддержки Германии; но Бюловъ неожиданно для Англіи заявилъ (мартъ 1901 г.), что Германия не заинтересована въ манчжурскихъ дѣлахъ; Англія была этимъ оскорблена, такъ какъ увидала въ этомъ отказъ Германии отъ совмѣстного противодѣйствія русскимъ планамъ относительно Китая. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ 1902 году Германия и Англія пришлось совмѣстно выступать противъ маленькой американской республики Венесуэлы, отказавшейся возмѣстить убытки немецкихъ и англійскихъ фирмъ, пострадавшихъ во время тамошнихъ безпрестанныхъ междуусобныхъ войнъ. Венесуэла была подвергнута блокадѣ и вынуждена усту-

пить подъ совмѣстнымъ давленіемъ Англіи и Германіи. Однако отношенія между этими двумя державами продолжали ухудшаться. Особенно способствовало этому начавшееся въ самыхъ первыхъ годахъ ХХ вѣка сближеніе между Франціей и Англіей. Въ 1903 и 1904 гг. между ними даже были заключены формальная соглашенія, по которымъ онѣ обязывались передавать спорные вопросы на разсмотрѣніе гаагскаго суда и разграничивали сферы своего вліянія въ колоніяхъ. Этотъ переходъ на сторону Англіи заклятаго врага Германіи, конечно, далеко не могъ способствовать улучшенню отношеній между ними. Къ этому присоединилось еще и то обстоятельство, что послѣ русско-японской войны значительно улучшились отношенія Англіи къ Россіи; исходъ войны положилъ предѣлъ русскимъ честолюбивымъ планамъ на дальнемъ Востокѣ, и Англія избавилась отъ необходимости искать въ Германіи союзника для противодѣйствія этимъ планамъ. Съ своей стороны и Франція воспользовалась своимъ положеніемъ друга обѣихъ еще недавно враждовавшихъ державъ—Англіи и Россіи—для того, чтобы сблизить ихъ другъ съ другомъ. Ея старанія принесли плоды, и во второй половинѣ 900-хъ годовъ Германіи пришлось считаться съ крайне непріятнымъ для нея переходомъ Англіи на сторону ея враговъ—Франціи и Россіи¹⁾. Вильгельмъ не могъ скрыть своего раздраженія по поводу этого, и, по своей привычкѣ открыто выражать свои настроенія, излилъ свое неудовольствіе противъ Англіи въ нашумѣвшемъ интервью съ сотрудникомъ англійской газеты «Daily Telegraph», имѣвшемъ мѣсто въ 1908 году. Разговоръ императора съ англійскимъ журналистомъ начался словами: «Вы, англичане, попросту ошалѣли! Что за подозрѣнія, совершенно, недостойныя великой націи?» За этимъ неожиданнымъ выпадомъ слѣдовали рѣзкіе упреки по адресу англичанъ въ томъ, что они подозрѣваютъ германскаго императора въ скрытой враждѣ и боятся ея агрессивной политики. Императоръ съ большимъ жаромъ доказывалъ, что ничего подобнаго нѣтъ, что онъ, наоборотъ, всегда искалъ дружбы съ Англіей; и въ увлечениіи онъ сдѣлалъ такія заявленія, которыя еще болѣе ухудшили отношенія этихъ двухъ странъ; онъ сказалъ: «Большая часть низшаго и средняго класса моего народа не пи-таетъ къ Англіи особенно дружескихъ чувствъ; значитъ, остается меньшинство, то меньшинство, которое меня слышитъ, состоящее, правда, изъ лучшихъ элементовъ; но вѣдь и въ Англіи только меньшинство хорошо относится къ Англіи». Это заявленіе, ко-

¹⁾ Соглашеніе между Англіей и Россіей, разграничивавшее сферы вліянія этихъ державъ въ Персіи, Афганістанѣ и Тибетѣ, было подписано 31 августа 1907 г.:

иично, не могло не показаться обиднымъ для англичанъ, которыхъ отнюдь не могло успокоить то обстоятельство, что только меньшинство германского народа, вкупе съ Вильгельмомъ, относится къ нимъ благожелательно. Въ интервью былъ еще рядъ другихъ неосторожныхъ заявлений¹⁾, и оно подняло настоящую бурю и за границей, и въ Германи. Въ обществѣ и въ прессѣ упрекали Вильгельма въ томъ, что онъ своими личными заявлениями сорить Германію съ другими державами, что все его поведение носить «такой характеръ, какъ будто бы онъ—не конституціонный, а абсолютный монархъ, ведущій международную политику Германіи за свой страхъ и рискъ. Въ газетахъ съ негодованіемъ спрашивали, какъ канцлеръ, несущій на себѣ отвѣтственность за внѣшнюю политику Германіи, могъ допустить то обстоятельство, что рѣчь оказалась опубликованной. Чтобы реабилитировать императора, Бюловъ взялъ всю вину на себя и заявилъ, что англичанинъ, интервьюировавшій императора, спрашивалъ у императора разрѣшенія опубликовать его статью объ интервью, а императоръ спрашивалъ заключенія его, канцлера; но онъ, канцлеръ, самъ статьи не имѣлъ времени прочитать и положился на своихъ чиновниковъ, которые не возражали противъ опубликованія интервью. Только послѣ напечатанія интервью канцлеръ прочиталъ его и, найдя, что его не слѣдовало бы печатать и виня во всемъ одного себя, подалъ въ отставку; но императоръ отказался ее принять. Это явно несостоятельное, придуманное объясненіе никого не удовлетворило, и канцлеру пришлось имѣть очень непріятныя объясненія въ рейхstagѣ. Оправдывая императора, канцлеръ всячески старался смягчить остроту его заявлений; что же было самымъ важнымъ въ его рѣчи,—это обѣщаніе, данное имъ за Вильгельма, что на будущее время императоръ будетъ соблюдать даже въ частныхъ бесѣдахъ извѣстную осторожность, необходимую для единства нашей политики и для престижа короны. «Если же этого не будетъ, прибавилъ канцлеръ:—то и я, и мои преемники вынуждены будемъ отказаться отъ всякой отвѣтственности». Императоръ одобрилъ это заявленіе своего канцлера и два года послѣ того не выступалъ ни съ какими личными заявленіями. Но весь эпизодъ съ интервью оставилъ въ

¹⁾ Императоръ приглашалъ англичанъ «подумать» объ успѣхахъ Японіи и о «национальномъ пробужденіи Китая» и намекалъ, что можетъ наступить время, когда «Англія сама будетъ счастлива имѣть германский флотъ на своей сторонѣ». Кроме того онъ вы boltalъ, что во время англо-бурской войны онъ, «съ помощью статистическихъ данныхъ», которыхъ ему были представлены «намѣтилъ планъ военной кампаниіи и телеграфомъ сообщилъ его въ Англію». Этими заявленіями онъ задѣвалъ одновременно Японію, и Китай, и буровъ, и Голландію, которая держала сторону буровъ во время войны.

Англія очень непріятное впечатлѣніе, и отношенія между нею и Германіей были въ конецъ разстроены.

Обострились также и отношенія Германіи къ Франції. Столкновеніе между ними произошло изъ-за такъ наз. марокскаго вопроса. Мадридская конвенція 1880 г. и соглашеніе 1887 г. гарантировали почти всѣмъ державамъ Европы права наибольшаго благопріятствованія въ Марокко. Этимъ была недовольна Франція, которая издавна претендовала на то, чтобы Марокко осталось въ сферѣ ея исключительного вліянія, и всѣми силами старалась измѣнить въ свою пользу международныя соглашенія относительно Марокко. Долгое время ея старанія оставались безуспѣшными, но въ началѣ 900-хъ годовъ положеніе дѣль измѣнилось: Италія въ это время заявила свои притязанія на Триполи; Франція согласилась предоставить ей тамъ свободу дѣйствій, въ обмѣнъ за что сама получила свободу дѣйствій въ Марокко (1902 г.). Затѣмъ по упомянутому уже соглашенію съ Англіей 1904 г., разграничивавшему англійскія и французскія сферы вліянія въ колоніяхъ, и Англія заключила съ Франціей сепаратный договоръ относительно Марокко, которымъ Англія предоставляла Франціи право произвести въ Марокко цѣлый рядъ реформъ военнаго, экономического, финансового и административного характера, за что англичане получали свободу дѣйствій въ Египтѣ. Такимъ образомъ, Италія и Англія развязывали Франціи руки по отношенію къ Марокко. Германія, однако, ни за что не хотѣла допустить, чтобы Марокко подпало подъ власть Франціи. Ей придало смѣлости то обстоятельство, что Россія только что потерпѣла неудачу въ войнѣ съ Японіей, и не могла въ то время никакъ помочь Франціи. Вильгельмъ захотѣлъ показать, что онъ не хочетъ считаться съ франко-англійскимъ соглашеніемъ 1904 г. и попрежнему считаетъ Марокко свободнымъ государствомъ. Высадившись въ апрѣлѣ 1905 г. во время прогулки по Средиземному морю въ Танжерѣ, онъ въ своемъ обращеніи къ «дядѣ султана» назвалъ послѣдняго «независимымъ государемъ» и заявилъ, что надѣется на равное участіе всѣхъ націй въ торговлѣ съ Марокко «безъ какихъ-либо monopolій и исключеній». Вслѣдъ затѣмъ Бюловъ предложилъ созвать международную конференцію по поводу марокскаго вопроса и настоялъ на своемъ требованіи, хотя Франція сначала этому и противилась¹⁾. Конференція собралась въ началѣ 1906 г. въ Алжесираѣ, но ея результаты не оправдали германскихъ

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ Делькассе, не соглашавшійся на конференцію принужденъ былъ подать въ отставку и былъ замѣненъ болѣе уступчивымъ по отношенію къ Германіи Рувье.

ожиданій. На конференції Францію поддержали не только Россія и Англія, но и Соединенные Штаты, Италія и Испанія. На ея сторонѣ оказалась только одна Австрія; конференція одобрила почти всѣ французскія преобразованія въ Марокко, и Германіи пришлось отступить во всѣхъ существенныхъ пунктахъ. Черезъ три года послѣ этого (9 февраля 1909 г.) между Германіей и Франціей былъ заключенъ особый договоръ по мароккскимъ дѣламъ, по которому Германія признавала, что у Франціи есть особые интересы въ Марокко, и обѣщала не противодѣйствовать имъ; Франція же согласилась признать независимость Марокко и хозяйственное равноправие всѣхъ державъ въ этомъ султанатѣ. Особое положеніе Франціи въ Марокко было признано самой Германіей, и это была несомнѣнная побѣда Франціи.

Зато въ 1908 г. Германія сумѣла получить себѣ реваншъ за уступки въ мароккскомъ вопросѣ, на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ году Австро-Венгрія аннексировала Боснію и Герцеговину. Несмотря на то, что Англія, Франція и Россія сначала были противъ аннексіи, Австро-Венгріи удалось удержать свое новое пріобрѣтеніе, и этимъ она была всецѣло обязана Германіи. Германія не остановилась даже передъ угрозой войны Россіи, которая въ то время къ войнѣ не была готова и не могла ее принять. Аннексія Босніи и Герцеговины была успѣхомъ не только для Австро-Венгріи, но и для Германіи: она проектировала новый путь для нѣмецкаго вліянія на Балканахъ и наглядно демонстрировала слабость Россіи въ защитѣ славянскихъ интересовъ на ближнемъ Востокѣ.

Воинствующая политика Бюлова требовала все новыхъ и новыхъ кредитовъ. Нѣсколько разъ за время его канцлерства Германія находилась на рубежѣ, за которымъ должны были уже начаться военные дѣйствія. Вся вѣнчаная политика Бюлова была построена на томъ, что Германія должна быть каждый часъ готова къ войнѣ. Война могла вспыхнуть съ Франціей изъ-за Марокко, съ Россіей—изъ-за балканскихъ дѣлъ и даже съ Англіей—изъ-за широкихъ колоніальныхъ стремленій Германіи.

Нужда въ новыхъ военныхъ кредитахъ росла почти безпрерывно; осенью 1905 г. правительство предложило новый законъ объ усиленіи флота, и онъ былъ принятъ весной 1906 г. Но и этого оказалось мало, и Бюловъ внесъ въ рейхстагъ проектъ новой судостроительной программы, ускорявшій постройку уже разрѣшенныхъ судовъ и увеличивающей водоизмѣщеніе для строившихся броненосцевъ.

Ввиду этого Бюлову нужно было создать для себя и соотвѣт-

ствующее большинство въ рейхстагѣ, всегда готовое на новые кредиты въ пользу армії и флота. До 1906 г. онъ опирался на блокъ изъ консерваторовъ и центра. Но центръ былъ очень ненадежнымъ союзникомъ для воинствующей политики. Клерикалы не были кровно заинтересованы во внѣшнихъ успѣхахъ Германіи, часто противодѣйствовали агрессивнымъ планамъ Бюлова и за каждую свою уступку въ этой области требовали соответственныхъ компенсаций, часто очень обременительныхъ для правительства. Тогда Бюловъ рѣшился разстаться съ клерикалами. Послѣднимъ толчкомъ, заставившимъ канцлера рѣшиться на разрывъ, было нежеланіе центра дать кредиты въ требуемомъ правительствомъ размѣрѣ для окончательного подавленія готтентотскаго восстанія. Разногласіе не было особенно существеннымъ (правительство требовало 29 милл., а центръ соглашался только на 20 милл.). и при нѣкоторой настойчивости канцлера вопросъ можно было бы уладить, но Бюлову надобна постоянная неуступчивость клерикаловъ и вѣчная необходимость торговаться съ ними изъ-за пустяковъ, и онъ рѣшился отъ нихъ отдѣлаться. Рейхстагъ, голосовавшій противъ колоніальныхъ кредитовъ, былъ распущенъ (декабрь 1906 г.), и канцлеръ сталъ искать новыхъ друзей вмѣсто клерикаловъ. Такими, какъ ему казалось, удобнѣе всего могли быть либералы, со включеніемъ въ нихъ националь-либераловъ и свободомыслящихъ. Идея сильной Германіи пріобрѣла въ XX-мъ вѣкѣ надъ ихъ умами гораздо большую власть, чѣмъ надъ умами клерикаловъ, и начиная съ 900-хъ годовъ широкіе военные и морскіе законопроекты канцлера перестали вызывать съ ихъ стороны оппозицію. Въ то же время ихъ объединялъ съ консерваторами страхъ передъ все растущимъ соціалъ-демократическимъ движениемъ (выборы 1903 г. повысили цифру соціалъ-демократическихъ депутатовъ съ 56 до 81). Этой боязни передъ соціалъ-демократами, да кое-какихъ незначительныхъ уступокъ въ либеральномъ духѣ Бюлову, казалось, вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы привлечь и правую и лѣвую нѣмецкаго либерализма на свою сторону. На первыхъ порахъ события оправдали ожиданія канцлера; националь-либералы и свободомыслящіе соглашались дѣйствовать совмѣстно съ консерваторами противъ соціалъ-демократовъ, и идея консервативно-либерального блока получила осуществленіе. На выборахъ 1907 г. противъ соціалъ-демократовъ объединились всѣ партіи (кромѣ центра), и они понесли страшное, небывалое для нихъ пораженіе: число ихъ депутатовъ сократилось почти вдвое (съ 81 до 43), и большинство утраченныхъ ими мандатовъ раздѣлилось почти поровну между партіями, вошед-

шими во вновь образовавшійся блокъ. Зато центръ ничего не потерялъ и сохранилъ прежнее число депутатовъ.

Консервативно-либеральный блокъ не могъ быть долговѣчнымъ; между консерваторами и либералами было мало общаго по вопросамъ внутренней политики, несмотря на ихъ общую ненависть къ соціаль-демократамъ и на общую готовность приносить жертвы на алтарь милитаризма и маринизма. По второстепеннымъ вопросамъ они еще могли столковаться и дѣйствовать сообща; къ числу такихъ второстепенныхъ законопроектовъ, проведенныхъ блокомъ совмѣстно, относится ограниченіе наказуемости оскорблений величества только тѣми случаями, когда на лицо имѣется завѣдомая предумышленность, и отмѣна нѣкоторыхъ изъ ограниченій биржевой игры, принятыхъ закономъ 1896 г.¹⁾ Болѣе важное значеніе имѣло принятіе (1908 г.) уже упомянутаго ²⁾ морского законопроекта, ускорявшаго судостроеніе, и особенно принятіе общеимперскаго закона объ обществахъ, собраніяхъ и союзахъ (1907 г.). Этотъ законъ носилъ явно компромиссный характеръ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ либералы пошли на него, лишь скрѣпля сердце. Мы уже видѣли, что онъ ухудшилъ положеніе поляковъ, установивъ обязательное употребленіе нѣмецкаго языка на собраніяхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, где число «инородцевъ» не достигаетъ 60% общей численности населенія³⁾. Ухудшилъ онъ также права собраній и въ южныхъ государствахъ Германіи (Вюртембергъ, Баденъ, Баварія), где мѣстное законодательство было проникнуто въ этомъ отношеніи довольно либеральными тенденціями. Зато въ отсталыхъ государствахъ съвера (Пруссіи, Саксоніи) законопроектъ ввелъ нѣкоторыя улучшенія, допустивъ участіе женщинъ въ политическихъ собраніяхъ и отмѣнивъ требованіе доставлять полиціи списки членовъ союзовъ.

Столковавшись по второстепеннымъ вопросамъ, консерваторы и либералы, однако, рѣшительно не могли притти къ соглашенію по такимъ вопросамъ, которымъ они придавали большое значеніе. Первымъ изъ такихъ вопросовъ большей важности былъ вопросъ о реформѣ избирательного права въ Пруссіи. Старый избирательный законъ, изданный еще королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV въ 1849 г.⁴⁾, былъ уродливъ даже для своего времени, а теперь въ началѣ XX вѣка былъ уже рѣшительно архаическимъ пережиткомъ старыхъ временъ. Особенное раздра-

¹⁾ См. стр. 190.

²⁾ См. стр. 215.

³⁾ См. стр. 208.

⁴⁾ См. «Г. М.» 1914, № 12 стр. 115—116.

женіе вызывалъ онъ среди рабочихъ, которые не могли провести въ прусскій ландтагъ ни одного своего кандидата, хотя на выборахъ 1903 года они собрали болѣе 300 тысячъ голосовъ,—почти столько же, сколько консерваторы, получившіе въ ландтагъ 143 депутатскихъ мандата! Уродливость прусскаго избирательнаго закона вызывала раздраженіе не въ одной только Пруссіи, но и во всей Германіи, потому что Пруссія, какъ самое большое германское государство, оказывала большое вліяніе и на общегерманскую политику; существуетъ выраженіе, что «узелъ германской реacciі завязанъ въ прусскомъ ландтагѣ». Броженіе въ пользу прусской избирательной реформы существовало уже давно, но особенный толчокъ оно получило послѣ русскихъ событий 1905 г. Въ Берлинѣ стали происходить уличныя демонстраціи (январь 1906 г.) съ сотнями тысячъ участниковъ,—главнымъ образомъ, конечно, рабочихъ. Либеральная буржуазія пошла другимъ путемъ. Она надѣялась добиться своего путемъ парламентской реформы, и въ апрѣлѣ 1906 года националь-либералы внесли въ ландтагъ проектъ избирательной реформы. Проектъ, однако, былъ отвергнутъ консерваторами при содѣйствії Бюлова. Въ слѣдующіе годы, однако, парламентская позиція либераловъ стала прочнѣе. Союзъ, который организовалъ Бюловъ въ 1907 г. между консерваторами и либералами въ рейхстагѣ, обязывалъ его сдѣлать кое-что и для либеральной половины ландтага. Передъ выборами 1907 г. Бюловъ даже прямо обѣщалъ либераламъ измѣнить избирательный законъ въ Пруссіи. Но, когда выборы прошли и при содѣйствії либераловъ были разбиты соціаль-демократы, канцлеръ не обнаружилъ никакого намѣренія исполнять свое обѣщаніе. Тогда о немъ ему рѣшили напомнить свободомыслящіе ландтага; въ январѣ 1908 г. они внесли въ прусскую палату соответственную интерpellацию. Отвѣтъ Бюлова былъ въ сущности нечѣмъ инымъ, какъ отказомъ отъ принятаго имъ на себя обязательства. Канцлеръ заявилъ, что для правительства непріемлема широкая избирательная реформа, и единственно, на что оно можетъ согласиться—это на нѣкоторыя частичныя измѣненія, напр. на предоставление избирательныхъ правъ лицамъ, окончившимъ курсъ средней школы, достигшимъ 25-лѣтняго возраста или занимающимся либеральными профессіями, кромѣ, конечно, тѣхъ, кто имѣлъ и имущественный цензъ; при этомъ, по мысли Бюлова, лица, имѣющія нѣсколько цензовъ (возрастный, образовательный, професіональный, имущественный) должны были получить и нѣсколько избирательныхъ голосовъ при выборахъ (множественные вотумы). Такого рода реформа не могла удовлетворить не только соціаль-

демократовъ, но и либераловъ. Соціаль-демократы снова устроили большую уличную демонстрацію (12 января 1908 г.) въ Берлинѣ, которая окончилась кровавымъ столкновеніемъ съ полиціей. Свободомыслящіе также заняли довольно непримиримую позицію по отношенію къ канцлеру. Какъ разъ въ началѣ XX вѣка въ южныхъ нѣмецкихъ государствахъ осуществилось то, чего они добивались для Пруссіи,—было проведено всеобщее избирательное право (въ Баденѣ въ 1904 г., въ Баваріи и въ Вюртембергѣ въ 1906 г.), и сознаніе, что Пруссія, далеко опередившая южную Германію по своимъ образовательнымъ и индустріальнымъ силамъ, обладала, однако, крайне отсталымъ государственнымъ строемъ, было особенно непріятно для образованной буржуазіи. За Бюловымъ продолжали стоять консерваторы, но либералы отъ него отвернулись, и это было началомъ распада консервативно-либерального блока. Уже на выборахъ 1908 г. въ прусской ландтагъ свободомыслящіе заключили союзъ съ соціаль-демократами, и слѣдствіемъ этого было то, что впервые въ прусскую палату прошли представители рабочаго пролетариата (въ количествѣ шести человѣкъ).

Окончательный ударъ организованному Бюловымъ соглашенію между либералами и консерваторами нанесъ правительственный законопроектъ о финансовой реформѣ, внесенный Бюловымъ въ рейхстагъ въ 1908 г.¹⁾. Бюловъ придавалъ законопроекту очень большое значеніе, но, какъ мы видѣли, консерваторы отказались пойти и на ту маленькую уступку, которой требовалъ отъ нихъ канцлеръ въ видѣ налоговъ на наследства. При голосованіи этого налога обнаружилось давнишнее естественное тяготѣніе другъ къ другу клерикаловъ и консерваторовъ, и консервативно-клерикальнымъ большинствомъ противъ всей лѣвой половины рейхстага налогъ на наследства былъ отклоненъ. Консервативно-либеральный блокъ послѣ этого окончательно распался, и это было концомъ и для политической карьеры самого Бюлова. Возвращаться къ союзу съ клерикалами онъ не захотѣлъ; это бы уже походъ въ Каноссу, и итти на это канцлеру не позволило его самолюбіе. Продолжать опираться одновременно и на консерваторовъ, и на либераловъ, какъ показалъ опытъ, также оказалось невозможнымъ, и канцлеръ предпочелъ уйти въ отставку (1909 г.). Многіе авторы, писавши о Бюловѣ, видятъ въ этомъ послѣднемъ шагѣ четвертаго нѣмецкаго канцлера вполнѣ парламентарный актъ²⁾. Бюловъ остался въ меньшинствѣ и подалъ въ отставку—такъ поступилъ бы всякий

¹⁾ См. стр. 205.

²⁾ См. книгу André Tardieu. Prince de Bülow. 1910.

парламентарный министръ. Мы думаемъ, однако, что отставка Бюлова носила парламентарный характеръ только по виѣшности, а не по существу. Да, Бюловъ ушелъ послѣ того, какъ большинство рейхстага высказалось противъ предложенаго имъ законопроекта; но это большинство состояло изъ клерикаловъ и консерваторовъ, и въ его составѣ надо искать причины парламентской чувствительности канцлера. Если бы противъ канцлера сложилось большинство изъ либераловъ и соціаль-демократовъ, то, нисколько не рискуя впасть въ ошибку, можно навѣрное сказать, что онъ предпочелъ бы распустить рейхстагъ, чѣмъ уйти въ отставку, или даже сталъ бы править страной вопреки парламентскому большинству. Но перенести измѣну консерваторовъ, къ которымъ всегда лежало его сердце, по отношенію къ которымъ онъ обнаруживалъ большую заботливость, онъ не смогъ и ушелъ, какъ бы наказывая своихъ недавнихъ друзей за нежеланіе сдѣлать для него хотя бы маленькую уступку.

Наказаніе, однако, оказалось не особенно чувствительнымъ. Новымъ канцлеромъ сталъ Теобальдъ Бетманъ-Гольвегъ, чиновникъ по своей прежней карьерѣ и консерваторъ по убѣжденіямъ. Это былъ человекъ безъ большихъ способностей и безъ ораторскаго таланта; въ глазахъ Вильгельма онъ имѣлъ, однако, большую цѣнность благодаря своей почти безграничной угодливости и нежеланію въ чёмъ бы то ни было сдерживать и умѣрять императора. Послѣ довольно яркой фигуры Бюлова онъ оказался почти пустымъ мѣстомъ на канцлерскомъ креслѣ. Личныя выступленія императора, которыя было прекратились послѣ бури, вызванной опубликованіемъ интервью Вильгельма съ корреспондентомъ «Daily Telegraph», при немъ начались снова¹⁾). Исполненія обѣщаніе, данное за него Бюловымъ, императоръ молчалъ только два года. 21-го августа 1910 г. онъ снова вызвалъ всеобщее удивленіе своею рѣчью, произнесенной на банкетѣ въ Кенигсбергѣ. Предавшись историческимъ воспоминаніямъ, Вильгельмъ заявилъ, что его дѣдъ «возложилъ на себя собственной властью корону короля Пруссіи, показавъ еще разъ вполнѣ опредѣленно, что она дарована ему только Божіей милостью, а не рѣшеніемъ парламентовъ, національныхъ собраній или плебисцитовъ». Вспомнивъ затѣмъ о добродѣтеляхъ прусской королевы Луизы и поставивъ ее въ примѣръ всѣмъ нѣмецкимъ женщинамъ, императоръ закончилъ свою рѣчь такимъ абсолютскимъ исповѣданіемъ: «считая себя орудіемъ въ рукахъ Всевышняго и глубоко равнодушный къ взглядамъ и мнѣніямъ текущаго дня, я слѣдую своей дорогой, посвященной исключительно благоденствію и мирному

¹⁾ См. стр. 212.

развитію отечества». Эти абсолютистскія заявленія Вильгельма вызвали въ печати и парламентѣ почти такое же раздраженіе, какъ и имѣвшее два года тому назадъ интервью съ англійскимъ корреспондентомъ, но отношеніе Бетманъ-Гольвега къ нимъ было инымъ, чѣмъ отношеніе Бюлова. Въ 1908 г. Бюловъ, давая свои объясненія въ рейхстагѣ, въ сущности призналъ, хотя и въ очень осторожной формѣ, что императоръ никакихъ личныхъ заявлений не долженъ дѣлать, и призналъ свою вину передъ рейхстагомъ въ томъ, что онъ, Бюловъ, пропустилъ черезъ свою канцелярскую цензуру опубликованіе личныхъ мнѣній императора. Бетманъ-Гольвегъ поступилъ иначе. Никакой вины ни за императоромъ, ни за собой, допустившимъ опубликованіе кенигсбергской рѣчи Вильгельма, онъ не призналъ. Въ рейхстагѣ онъ сказалъ, что конституція германской имперіи не препятствуетъ дѣлать императору такія заявленія, которыя вытекаютъ изъ его глубокихъ религіозныхъ убѣждений, тѣмъ болѣе, что эти убѣжденія «понимаютъ и раздѣляютъ многіе классы націі». «Нѣсколько вѣковъ,—продолжалъ канцлеръ—создавалось прусское королевство и создавалось не прусскимъ народомъ, а трудами великихъ монарховъ династіи Гогенцоллерновъ, которымъ мы обязаны единеніемъ сначала прусской націі, а затѣмъ и прусского государства, чemu способствовала стойкость и способность населения. Прусская конституція въ своемъ историческомъ развитіи не знаетъ концепцій суверенитета народа. Вотъ почему прусскіе короли передъ своимъ народомъ являются королями своею собственной властью»...

Далеко не всѣ члены рейхстага (особенно соціал-демократы) согласились съ аргументаціей канцлера, но зато императоръ былъ вполнѣ удовлетворенъ. Заявленія Бетманъ-Гольвега находились въ полномъ согласіи съ его самыми задушевными, неоднократно выражавшимися имъ самимъ убѣжденіями, и онъ имѣлъ всѣ основанія быть болѣе довольнымъ своимъ новымъ покладистымъ канцлеромъ, чѣмъ Бюловымъ, который заставлялъ его выслушивать нотаціи о неудобствѣ личной политики.

Вслѣдъ за Бюловымъ императоръ поспѣшилъ отдѣлаться и отъ нѣкоторыхъ другихъ имперскихъ и прусскихъ министровъ, которые были слишкомъ самостоятельны и авторитетны. Раньше всѣхъ ушелъ статьѣ-секретарь колоній Дернбургъ; у него были большия заслуги по колоніальнымъ дѣламъ (проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Африкѣ, нахожденіе алмазныхъ копей въ юго-западной Африкѣ и др.), но у него были на все свои взгляды, и его самостоятельность, наконецъ, надоѣла императору. За нимъ ушли прусскіе министры—внутреннихъ дѣлъ фонъ-Мольтке, замѣненный оберъ-президентомъ Силезіи ф.-Далльвицемъ,—зем-

ледѣлія Арнимъ, замѣненный барономъ Шорлемеромъ,—и финансъ ф.-Рейнбабенъ, замѣненный магдебургскимъ оберъ-бургомистромъ ф.-Ленце; ушелъ также и статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ баронъ ф.-Шенъ, на мѣсто котораго былъ назначенъ бухарестскій посланникъ ф.-Кидерленъ-Вехтеръ. Эта смѣна министровъ не имѣла, въ сущности, политического значенія, ибо и старые и новые министры принадлежали къ одному и тому же консервативному лагерю. Разница была только въ томъ, что за новыми министрами не было большого авторитета ни въ общественныхъ, ни даже въ бюрократическихъ кругахъ, и они обѣщали быть болѣе послушными, чѣмъ прежніе, вполнѣ подѣстать новому канцлеру.

Помимо угодливости, вторымъ достоинствомъ новаго канцлера въ глазахъ Вильгельма было его нежеланіе дѣлать существенные уступки либерализму. Бюловъ ушелъ потому, что при всей искренности своего консерватизма, онъ, въ послѣдніе годы своего правленія, сталъ искать дружбы у либераловъ и на этой почвѣ не поладилъ съ консерваторами, не хотѣвшими итти ни на какія уступки. Бетманъ-Гольвегъ болѣе рѣшительно, чѣмъ его предшественникъ, порвалъ съ либералами, хотя подчасъ и не отказывался отъ игры въ показной либерализмъ. Но этотъ разрывъ съ либералами обязывалъ его вернуться опять къ союзу съ клерикалами, что онъ и не замедлилъ сдѣлать. Консервативно-клерикальный блокъ при немъ снова возродился и несмотря на временно возникавшія разногласія съ клерикалами, продержался вплоть до начала великой войны, сразу перевернувшей всѣ партійныя отношенія въ Германіи.

Ввиду необходимости опираться на клерикаловъ и консерваторовъ, большинство попытокъ реформъ имѣло при Бетманъ-Гольвегѣ крайне нерѣшительный и слабый характеръ. На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить попытку реформы прусскаго избирательного права. Общественное мнѣніе продолжало требовать очень настойчиво измѣненія трехкласснаго избирательнаго закона, и канцлеръ нашелъ нужнымъ сдѣлать видъ, что правительство идетъ въ этомъ отношеніи навстрѣчу обществу. Въ 1910 г. онъ внесъ въ ландтагъ проектъ избирательной реформы, но онъ носилъ такой недостаточный и жалкій видъ, что никого не могъ удовлетворить¹⁾. Соціалъ-демократы пришли въ возму-

¹⁾ Проектъ сохранялъ принципъ открытаго голосованія и трехклассную систему, но принималъ начало прямыхъ выборовъ и ослаблялъ плутократический принципъ; именно, если избиратель платить болѣе 5000 марокъ налоговъ, при опредѣленіи его избирательныхъ правъ перевѣсь сверхъ 5000 м. уже не принимался во вниманіе; зато извѣстное образованіе и участіе въ общественной дѣятельности повышали его избирательные права и содѣйствовали передвиженію въ высшій классъ.

щеніе и устроили грандіозную демонстрацію въ Тиргартенѣ, въ которой приняли участіе сотни тысячъ человѣкъ народу. По ихъ мнѣнію проектъ правительства былъ на смѣшной надѣ требованіями общества и не давалъ рѣшительно ничего для низшихъ классовъ. Националь-либералы были также недовольны и находили, что необходимо дополнить правительственный проектъ перекройкой заново избирательныхъ округовъ, уничтоженіемъ или, по крайней мѣрѣ, ослабленіемъ трехклассной системы и введеніемъ тайного голосованія. Наоборотъ, консерваторы находили, что правительственный проектъ идетъ на слишкомъ большія уступки обществу. Особенно непріятно было для нихъ предполагаемое правительствомъ введеніе прямыхъ выборовъ. Они заключили союзъ съ центромъ и такъ передѣлали правительственный законопроектъ, что онъ вышелъ изъ ландтага въ совершенно неузнаваемомъ видѣ. Палата господъ, однако, опять значительно приблизила его къ правительственной редакціи, но когда законопроектъ вернулся опять въ ландтагъ, то консервативно-клерикальный блокъ обнаружилъ твердое намѣреніе настаивать на всѣхъ своихъ первоначальныхъ поправкахъ. Тогда канцлеръ взялъ весь законопроектъ обратно. Вступать въ борьбу съ тѣми партіями, которые составляли главную опору всей его политики, у него не было никакого желанія. Въ сущности вся исторія съ избирательной реформой была ничѣмъ инымъ, какъ своего рода политической игрой съ обществомъ: канцлеръ почти навѣрно зналъ, что его проектъ не встрѣтитъ сочувствія въ прусской палатѣ и будетъ отвергнутъ, но выступая въ качествѣ реформатора прусского избирательного права, онъ этимъ самымъ привлекалъ къ себѣ сочувствіе среднихъ общественныхъ классовъ, готовыхъ многое простить ему за его, яко бы, добрыя намѣренія. Выходило такъ, что, ничего не измѣняя въ прусскомъ государственномъ строѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ снималъ съ себя клеймо непримиримаго консерватора и сторонника юнкерскихъ идеаловъ. Проектъ избирательной реформы былъ похороненъ послѣ этого на долгое время¹⁾.

Одной изъ самыхъ существенныхъ мѣръ, проведенныхъ въ канцлерство Бетманъ-Гольвега, было введеніе конституціи въ Эльзасъ-Лотарингіи. По виду эта мѣра имѣла довольно яркій либеральный характеръ, но канцлеръ, давая свое согласіе на эльзасъ-лотарингскую конституцію руководился соображеніями,

¹⁾ Только въ наши дни во время великой войны въ январѣ 1917 г. императоръ особымъ рескриптомъ возвѣстилъ реформу прусского государственного строя, признавъ, что основанное на исторической традиціи государственное управление Пруссіи перестало соответствовать современнымъ соціально-экономическимъ условіямъ.

не имѣющими ничего общаго съ либерализмомъ. Во-первыхъ, ему нужно было снискать дружбу католического центра. Въ Эльзасъ-Лотарингіи ^{3/4} населенія были католиками и, обнаруживая свое довѣріе къ католической странѣ, канцлеръ совершалъ дѣйствіе, очень пріятное для клерикаловъ. Во-вторыхъ, канцлеръ имѣлъ въ виду привлечь къ себѣ эльзасцевъ на случай враждебнаго столкновенія съ Франціей. Война съ ней была уже въ 1911 г. далеко не одной только теоретической возможностью¹⁾, и имѣть во время этой войны сочувственно расположеннное къ Франціи населеніе внутри Германіи, въ ея собственной провинціи было, конечно, очень опасно. Канцлеръ понималъ, что убить франко-фильское настроеніе въ Эльзасъ-Лотарингіи можно только большими уступками въ ея пользу, и этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется его конституціонная уступчивость по отношенію къ эльзасцамъ; какъ бы то ни было въ 1911 году Эльзасъ-Лотарингія получила конституцію. По этой конституціи въ ней вводились двѣ палаты: нижняя, выбиравшаяся на основѣ всеобщаго, прямого и тайного (но не равнаго ²⁾) голосованія, и верхняя, наполовину назначавшаяся императоромъ и наполовину замѣщавшаяся высшими духовными и свѣтскими должностными лицами провинціи и выборными отъ университетовъ, большихъ городовъ, отъ торговыхъ и промышленныхъ камеръ и сельскохозяйственного совѣта. Конституція, однако, оставила намѣстника Эльзасъ-Лотарингіи въ прежнемъ безответственномъ положеніи, и грубость прусской администраціи, а особенно нестерпимо-заносчивое поведеніе офицеровъ и солдатъ продолжали возбуждать неудовольствіе мѣстнаго населенія ³⁾. Нижняя палата, выбранная на основѣ всеобщаго избирательного права, уже въ 1912 году выразила неодобреніе правительству. Это страшно разсердило императора, который надѣялся прочно привязать къ себѣ эльзасцевъ введеніемъ областной конституції. По своей всегдашней невоздержанности въ словахъ, онъ, пріѣхавъ въ Страсбургъ, грозно заявилъ городскому головѣ, что если дѣло будетъ такъ продолжаться, то «мы просто отмѣнимъ вашу конституцію и присоединимъ васъ къ Пруссіи». Слова императора, не могли, конечно, имѣть никакого реального значенія, такъ какъ безъ согласія рейхстага онъ не могъ своею властью отнять разъданныя эльзасцамъ права, но они ясно показывали, что до мира

¹⁾ См. ниже о марокканскомъ вопросѣ.

²⁾ Конституція установила двойные вотумы для лицъ старше 35 лѣтъ и тройные для лицъ, перешагнувшихъ 45-лѣтній возрастъ.

³⁾ Особенное негодованіе вызвало поведеніе въ гор. Цабернѣ прусского лейтенанта барона фонъ-Форстнера.

между германскимъ правительствомъ и эльзасъ-лотарингскимъ ландтагомъ было еще далеко.

Проектъ избирательной реформы въ Пруссіи (хотя и неудавшійся) и Эльзасъ - лотарингская конституція носили, по крайней мѣрѣ по виду, характеръ уступки общественному мнѣнію. Зато во всемъ осталыномъ Бетманъ-Гольвегъ принялъ вполнѣ опредѣленный консервативный курсъ. Это было тѣмъ труднѣе, что послѣ выборовъ 1912 года соотношеніе силъ въ рейхстагѣ измѣнилось въ явно неблагопріятную для правительства сторону. Центръ потерялъ 11 мѣстъ, консерваторы — 12, свободные консерваторы — тоже 12, національ-либералы — 8; зато очень усилились соціаль-демократы, число депутатовъ которыхъ съ 46 поднялось до 110. Теперь лѣвая половина рейхстага (причисляя къ ней и національ-либераловъ) имѣла нѣкоторый перевѣсъ надъ правой, хотя и очень ничтожный — всего въ 4 голоса. Этимъ своимъ перевѣсомъ либералы воспользовались прежде всего для того, чтобы увеличить права рейхстага. Въ наказъ рейхстага были включены двѣ новыхъ статьи, по которымъ рейхстагъ получалъ право, во-первыхъ, признавать отвѣты канцлера на запросы рейхстага неудовлетворительными (по предложенію 30 членовъ рейхстага), а во-вторыхъ, —ставить канцлеру разнаго рода вопросы по дѣламъ внутренней и внѣшней политики. Подъ видомъ измѣненія наказа рейхстагъ въ сущности вводилъ измѣненіе конституції, и германское правительство въ лицѣ имперскаго статсъ-секретаря по внутреннимъ дѣламъ Дельбрюка, выразило рѣзкій протестъ противъ этого; министры и члены союзного совѣта даже покинули залу засѣданій рейхстага. Въ виду такого отношенія правительства къ принятымъ измѣненіямъ наказа вотумы недовѣрія со стороны рейхстага получили только моральное значеніе и не влекли за собой никакихъ реальныхъ слѣдствій. Правительство ихъ открыто игнорировало, но и рейхстагъ велъ себя довольно независимо по отношенію къ правительству, причемъ бывали случаи довольно острыхъ столкновеній между ними ¹⁾.

Стоя на стражѣ правительственныхъ прерогативъ, канцлеръ въ то же время довольно ревниво поддерживалъ то первенствующее положеніе, котораго достигли въ нѣмецкомъ обществѣ аграріи

¹⁾ Въ 1912 г. соціаль-демократъ Зюдекумъ напомнилъ, что во времія мароккскаго столкновенія умѣренно-консервативная газета «Post» называла императора трусомъ. Канцлеръ потребовалъ отъ президента рейхстага, чтобы тотъ призвалъ оратора къ порядку, но президентъ рѣзко отвѣтилъ: «Это мнѣ рѣшать, что онъ въ правѣ говорить; онъ свободенъ высказывать мысли, не ему принадлежащія, а вотъ когда онъ объявить ихъ своими, я вмѣшаюсь».

при его предшественникахъ, и старательно охранялъ ихъ имущественные права отъ всякихъ покушений на нихъ. Въ 1911 и 1912 гг. рейхстагъ принялъ предложенія правительствомъ новыя увеличенія арміи и флота; особенно много расходовъ требовала предположенная реформа флота, предусматривавшая созданіе третьей морской эскадры и большого количества подводныхъ лодокъ. На квінквінатъ 1912—17 гг. требовалось болѣе миллиарда марокъ. Для покрытія этихъ расходовъ лѣвая половина рейхстага предложила (1912 г.) вернуться къ проекту наследственныхъ пошлинъ, на введеніи которыхъ недавно настаивалъ Бюловъ. Консерваторы, однако, возстали противъ этого проекта съ той же энергией, какъ и три года тому назадъ; но новый канцлеръ поступилъ теперь иначе, чѣмъ его предшественникъ. Онъ уступилъ аграріямъ и даже заставилъ уйти въ отставку статсъ-секретаря по финансамъ Вермута, который имѣлъ мужество настаивать на наследственныхъ пошлинахъ. Вермутъ былъ замѣненъ болѣе угоднымъ для аграріевъ министромъ Кюномъ, и проектъ пошлинъ на наследства былъ похороненъ. Другой разъ канцлеръ поддержалъ аграріевъ въ вопросѣ о вздорожаніи цѣнъ на мясо осенью 1912 г. Чтобы ослабить это вздорожаніе національ-либералы, свободомыслящіе и консерваторы потребовали въ рейхстагъ пониженія ввозныхъ пошлинъ на скотъ, мясо и кормовые средства. Канцлеръ, однако, энергично всталъ на защиту интересовъ юнкеровъ, поставлявшихъ изъ своихъ имѣній на рынки убойный скотъ, и решительно воспротивился всякому пониженію таможенныхъ пошлинъ.

Благопріятствующая аграріямъ политика нового канцлера находила себѣ живѣйшее одобрение въ самомъ императорѣ. Въ 1913 году онъ не нашелъ несомнѣтимымъ со званіемъ главы государства выступить въ качествѣ рядового члена помѣщичьяго класса; какъ бы афишируя свою принадлежность къ аграріямъ, онъ прочиталъ въ этомъ году докладъ въ обществѣ сельскихъ хозяевъ и сообщилъ своимъ сочленамъ по профессіи, какими мѣрами онъ поднималъ доходность одного изъ своихъ имѣній. Между прочимъ императоръ рассказалъ о томъ, какъ онъ «вышвырнуль» съ арендованной земли до истеченія срока контракта одного арендатора, «оказавшагося, по его словамъ, никуда негоднымъ». Слушатели высокаго докладчика были необычайно довольны его рассказомъ и горячо благодарили его за интересное сообщеніе. Но судь взглянуль на это дѣло иначе и отказалъ императору въ искуствѣ о выселеніи непонравившагося ему арендатора на томъ основаніи, что еще не истекъ оговоренный въ контрактѣ срокъ аренды.

Съ клерикалами канцлеръ жилъ не такъ мирно, какъ съ консерваторами. Центръ былъ слишкомъ требователенъ въ глазахъ Бетманъ-Гольвега, и ему не разъ приходилось вступать съ нимъ въ борьбу. Законъ 1872 г.¹⁾ запрещалъ іезуитамъ преподавательскую и религіозную дѣятельность, но въ 1911 году баварское министерство разрѣшило іезуитамъ вести въ церквяхъ бесѣды на религіозныя темы. Баварія, какъ католическая страна, всегда тянула къ сближенію съ римской куріей; но рейхстагъ увидалъ въ уступчивости баварского правительства по отношенію къ іезуитамъ нарушение имперскаго закона, и въ немъ былъ сдѣланъ запросъ канцлеру. Клерикалы подняли брошенную имъ перчатку и завели рѣчъ о необходимости полной отмѣны закона 1872 г. Въ рейхстагъ рука объ руку съ центромъ дѣйствовали и соціаль-демократы, которые настаивали на необходимости снятія вообще всякой опеки правительства съ публичныхъ собраній и дѣла преподаванія; зато всѣ остальные партіи—отъ свободомыслящихъ до консерваторовъ—высказались противъ предоставленія какой бы то ни было свободы іезуитамъ. Союзный совѣтъ, на обсужденіе котораго былъ перенесенъ вопросъ объ образѣ дѣйствій баварского правительства, также не нашелъ возможнымъ развязывать іезуитамъ руки и не одобрилъ баварскаго «либерализма». Канцлеръ, который нѣкоторое время медлилъ, получилъ теперь въ рѣшеніи союзнаго совѣта прочную опору для отвѣта на предъявленный ему запросъ. Въ своемъ отвѣтѣ (1913 г.) онъ отозвался довольно рѣзко о домогательствахъ іезуитовъ и совѣтовалъ имъ не вызывать новаго культуркампфа.

Новое столкновеніе съ центромъ у Бетманъ-Гольвега произошло изъ-за польского вопроса. Прусское правительство слишкомъ усердно стало экспроприировать польскихъ помѣщиковъ. Центръ взялъ поляковъ подъ свою защиту, и въ рейхстагѣ канцлеру былъ предъявленъ новый запросъ. Бетманъ-Гольвегъ предъявилъ, однако, формальный отводъ противъ запроса: онъ заявилъ, что то, что дѣлается прусскимъ правительствомъ въ Польшѣ, можетъ обсуждать только прусскій ландтагъ, но не германскій рейхстагъ. Центръ не удовлетворился этимъ объясненіемъ и, соединившись и на этотъ разъ съ соціаль-демократами, вотировалъ канцлеру недовѣrie, на которое тотъ, конечно, не обратилъ никакого вниманія.

Наконецъ, довольно острое столкновеніе между канцлеромъ и клерикалами произошло и изъ-за вопроса о дуэляхъ. Одинъ военный врачъ (Замберь) подвергся оскорблению со стороны

¹⁾ См. «Г. М.», 1915, № 7, стр. 61.

одного офицера и былъ имъ вызванъ на дуэль. Замберь, однако, отказался принять вызовъ, сославшись на свои религиозные убеждения. Въ отвѣтъ на это офицерскій судъ чести предложилъ ему подать въ отставку. Клерикалы подняли по этому случаю бурю, и дѣло перешло на усмотрѣніе императора, который нашелъ, что принципіальныи противникъ дуэли не мѣсто въ арміи. На этотъ разъ возмутились уже не одни клерикалы, но и всѣ лѣвыя партіи. Резолюція императора подверглась очень суровой критикѣ въ рейхстагѣ, и было принято постановленіе, что отказъ отъ дуэли, наказуемой къ тому же уголовными законами, не можетъ быть поводомъ къ исключенію изъ военной службы.

Между правительствомъ и рейхстагомъ были и другія столкновенія по болѣе мелкимъ поводамъ (изъ-за вопроса о прибавкахъ жалованья для чиновниковъ вост. Пруссіи, изъ-за гоненія на польскихъ чиновниковъ, голосовавшихъ за неугодныхъ для правительства кандидатовъ), но эти столкновенія никогда не доходили до разрыва. Обѣ стороны понимали, что разрывъ сулитъ имъ слишкомъ большими непріятностями и въ минуты крайнихъ обостреній всегда умѣли найти общій языкъ. Бетманъ-Гольвегъ понималъ, что разрывъ съ клерикалами долженъ толкнуть его въ объятія либераловъ, къ чему совсѣмъ не лежала его душа. Поэтому, несмотря на отдѣльныя рѣзкія выступленія противъ клерикаловъ, онъ никогда не покушался на за占有енія въ прежнія времена права церкви и часто былъ готовъ идти на уступки. Уже одно введеніе конституціи въ Эльзасъ-Лотарингіи стоило въ глазахъ клерикаловъ очень многаго. Съ своей стороны и центръ сталъ теперь не такъ требователенъ, какъ въ прежнія времена, и несмотря на свое фрондерство въ частныхъ случаяхъ въ общемъ былъ готовъ идти рука обь руку съ правительствомъ въ существенномъ и главномъ.

А самымъ главнымъ въ глазахъ правительства Бетманъ-Гольвега было попрежнему увеличеніе силъ арміи и флота. Центръ, увлеченный все нароставшимъ въ Германіи воинственнымъ настроениемъ, отказался отъ своей прежней оппозиціи въ этомъ отношеніи, и теперь почти всякому новому требованію правительства на армію и флотъ было обеспечено большинство, ибо националь-либералы, консерваторы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже свободомыслящіе и прежде смотрѣли благосклонно на требованія относительно вооруженій. Правительство воспользовалось такимъ настроениемъ рейхстага, и увеличеніе военныхъ силъ теперь стало производиться почти ежегодно. Въ 1911 году рейхстагъ далъ согласіе на увеличеніе арміи въ мирное время на 10 т. человѣкъ; въ 1912 г. правительство провело черезъ рейхстагъ

новое увеличение армии на 29 тыс. человекъ, а также и создание новыхъ боевыхъ единицъ въ видѣ двухъ армейскихъ корпусовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ была предположена новая реформа флота, предусматривавшая образование третьей морской эскадры и большаго количества подводныхъ лодокъ. Въ 1913 г. правительство опять потребовало увеличения армии еще на 136 тысячъ человекъ, и рейхstagъ принялъ это предложеніе большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ соціалъ-демократовъ, поляковъ и эльзасцевъ. Средства для покрытия новыхъ военныхъ расходовъ были добыты путемъ чрезвычайного налога (въ одинъ миллиардъ марокъ), падавшаго на имущество и доходы. Несмотря на то, что этотъ налогъ долженъ былъ пасть главнымъ образомъ на состоятельныхъ людей, правыя партіи не возражали противъ него: отчасти и они были напуганы увѣреніями правительства о грозномъ положеніи, въ которомъ якобы находится отечество, отчасти же этимъ путемъ они надѣялись избѣгнуть еще болѣе непріятнаго для нихъ налога на наслѣдства.

Противъ кого же были направлены всѣ эти вооруженія? Съ тѣхъ порь какъ Англія заключила соглашеніе съ Франціей (1904 г.), а затѣмъ и съ Россіей (1907 г.), Германіи пришлось считаться съ комбинаціей трехъ великихъ державъ, занявшихъ положеніе секретной обороны противъ нея, но это не заставило ее понизить агрессивный тонъ ея виѣшней политики. При Бетманѣ-Гольвегѣ до великой войны отношенія Германіи къ членамъ тройственного соглашенія два раза обострялись до крайности. Самое начало нового канцлерства какъ бы предвѣщало миръ и знаменовало улучшеніе отношеній съ Россіей. Въ началѣ ноября 1910 г. императоръ Вильгельмъ имѣлъ свиданіе въ Потсдамѣ съ русскимъ царемъ, въ результатахъ которого правительства обѣихъ странъ обязались «не вступать ни въ какія комбинаціи, которыя могутъ имѣть агрессивный характеръ противъ другой стороны». Кромѣ того въ Потсдамѣ было заключено соглашеніе по персидскимъ дѣламъ. Именно Германія согласилась признать, что Россія имѣеть особые стратегическіе и политическіе интересы въ сѣверной Персіи и уступала ея притязаніямъ относительно желѣзныхъ дорогъ, путей и телеграфовъ. Съ своей стороны Россія обязалась не противодѣйствовать нѣмецкой торговлѣ въ Персіи и не мѣшать постройкѣ Багдадской желѣзной дороги; кромѣ того Россія обѣщала на свои деньги построить вѣтви Тегеранъ—Ханеканъ, которая должна была соединить Багдадскую дорогу съ русско-персидскими желѣзодорожными путями. Для Германіи это имѣло очень большое экономическое значеніе, ибо облегчало проникновеніе германскихъ товаровъ во всю Персію. Германскіе

перспективы на захватъ персидского рынка благодаря этому приближались къ своему осуществлению, и потому торгово-промышленные круги нѣмецкаго общества были очень довольны потсдамскимъ соглашеніемъ.

Но, несмотря на это соглашеніе, прочнаго мира между Россіей и Германіей быть не могло. Если въ 1910 г. и удалось путемъ взаимныхъ компромиссовъ разграничить сферы вліянія обѣихъ державъ въ Персіи, то гораздо труднѣе оказалось это сдѣлать относительно Балканскаго полуострова. Съ тѣхъ поръ, какъ въ Африкѣ Германія наткнулась на энергичное сопротивленіе со стороны Англіи и Франціи, а въ Персіи—со стороны Россіи и Англіи, она особенное вниманіе обратила на Балканскій полуостровъ. Онъ и самъ по себѣ представлялъ почти нетронутый рынокъ для сбыта продуктовъ германской промышленности, но главное—черезъ него лежала дорога въ крайне заманчивый для Германіи край легко поддающейся чужому вліянію азіатской культуры и въ земли тоже нетронутаго рынка—въ М. Азію, Мессопотамію, Аравію и въ ту же Персію, которую было невозможно прочно подчинить германскому вліянію безъ сухопутной дороги черезъ Балканскій полуостровъ и Турцію. Мало этого, передъ глазами германскихъ имперіалистовъ рисовались еще болѣе заманчивыя перспективы о достижениіи черезъ Ближній востокъ и индійскихъ владѣній Англіи и о пораженіи недосягаемой до сихъ поръ соперницы Германіи въ ея лучшей, наиболѣе драгоценной колоніи. Подчинить Турцію германскому вліянію оказалось очень нетрудно,—объ этомъ свидѣтельствовалъ крайне благосклонный пріемъ, оказанный турецкимъ правительстvомъ миссіи германского генерала Лимана фонъ Сандерса; Турція видѣла въ Германіи свою защитницу отъ Россіи, вѣрила въ германскую мощь и готова была предоставить ей полную свободу дѣйствій. Помѣхой въ германскихъ стремленіяхъ на востокъ оставался одинъ лишь Балканскій полуостровъ,—безъ подчиненія его вліянію Германіи не могла осуществиться ея главная мечта—о германской дорогѣ Берлинъ—Багдадъ. Между тѣмъ, въ 1912 г. на Балканахъ произошли события, которыя были тяжкимъ ударомъ для Германіи и ея союзницы—Австріи. Четыре балканскихъ державы—Сербія, Черногорія, Болгарія и Греція—соединились противъ Турціи и на голову разбили ее; теперь уже не тайна, что этотъ союзъ былъ 'заключенъ при содѣйствії Россіи, которая торжествовала теперь двойную победу. Во-первыхъ, Болгарія вступила въ союзъ съ Сербіей и Черногоріей, естественными соперниками Австріи въ господствѣ надъ Адріатическимъ побережьемъ; и уже благодаря одному этому

должна была отказаться—правда, на короткое время—отъ своей австрофильской политики; она даже согласилась на арбитражъ русскаго императора въ нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ¹⁾; для Австріи, а черезъ нее и для Германіи все это было, несомнѣнно, очень непріятною неожиданностью. Во-вторыхъ, быль ослабленъ вѣковой врагъ Россіи на Черномъ морѣ и въ Закавказьѣ, и это открывало новые пути для распространенія русскаго могущества на ближнемъ Востокѣ. Но, насколько заключеніе балканскаго союза и первая балканская война были торжествомъ для Россіи, настолько же они были пораженіемъ для центральныхъ державъ. Ослабленіе Турціи и союзъ Болгаріи съ Сербіей были встрѣчены въ Австріи и Германіи съ открытой враждой. Опаснѣе всего для нихъ было возрожденіе велико-сербскихъ стремленій къ Адріатическому морю, къ Босніи и Герцеговинѣ, къ Задунайскимъ землямъ, и чтобы помѣшать этимъ стремленіямъ, Австрія и Германія приняли самыя энергичныя мѣры. Когда сербскія войска вышли къ Адріатическому морю (у Ахессіо), а черногорцы заняли Скутари, то центральныя державы наложили категорическое veto на эти завоеванія и, уступая ихъ давленію, Сербіи и Черногоріи пришлось отступить. Не безъ участія берлинскаго и вѣнскаго дворовъ загорѣлась и вторая балканская война, столкнувшая недавнихъ союзниковъ между собой. Для Австріи и Германіи было необычайно важно разстроить наладившуюся было дружбу между Болгаріей и Сербіей, и въ этомъ отношеніи ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ, причемъ Болгарія, разорвавъ съ Сербіей, снова стала обнаруживать тяготѣніе къ германскимъ державамъ. Но исходъ второй балканской войны не оправдалъ ожиданій Германіи и Австріи: Болгарія была разбита, а въ Сербіи еще съ большей силой поднялись великосербскія мечтанія, представлявшія собой прямую угрозу для Австріи. Второй естественный союзникъ Германіи и Австріи на ближнемъ Востокѣ Болгарія—(если считать первымъ Турцію) быль ослабленъ, ихъ врагъ—Сербія, наоборотъ,—возвышенъ. Передъ центральными державами теперь стояли двѣ задачи. Одна изъ нихъ была дипломатической: надо было помирить ихъ разсорившихся ближневосточныхъ союзниковъ—Турцію и Болгарію, и этого ихъ дипломатіи удалось достичнуть уже въ ближайшіе мѣсяцы вслѣдъ за Бухарестскимъ миромъ 1912 г. Другая задача была военной и могла осуществиться только на поляхъ сраженій; она заключалась въ томъ, чтобы унизить Сербію и вознаградить Болгарію и Турцію, сдѣлавъ это,

¹⁾ Въ раздѣлѣ между Болгаріей и Сербіей части Коссовскаго вилайета.

однако, такъ, чтобы тѣ почувствовали свою зависимость отъ силы германского оружія и отъ милости Германіи. Но путь къ осуществленію этой второй цѣли лежалъ только черезъ великую европейскую войну; въ 1912 г. Германія еще не была къ ней готова, и тѣмъ съ большей энергіей она принялась за ея подготовку въ ближайшемъ же будущемъ...

Отношенія къ Франціи и Англіи при Бетманъ-Гольвегѣ были также далеко не спокойными, и въ 1911 г. на западной границѣ Германіи въ воздухѣ вполнѣ опредѣленно послышался запахъ пороха. Основываясь на соглашеніи 1909 г.,¹⁾ французы стали энергично вмѣшиваться въ мароккскія дѣла; когда въ странѣ началось движеніе противъ суроваго управлениія султана Мулей Гофида, то французы поддержали послѣдняго и въ маѣ 1911 года заняли своими войсками мароккскую столицу Феъ подъ предлогомъ защиты жившихъ тамъ европейцевъ отъ возставшихъ. Германія нашла нужнымъ энергично противъ этого протестовать; въ ея глазахъ занятіе мароккской столицы вооруженными французскими силами знаменовало собой начало полнаго подчиненія султанства Франціи. 1-го іюля 1911 г. германское правительство заявило, что для охраны своихъ интересовъ въ Марокко оно отправляетъ въ мароккскую гавань Агадиръ свою канонерку, и дѣйствительно нѣмецкое военное судно (*«Пантера»*) направилось къ мароккскимъ берегамъ. Тогда на сцену выступила Англія. Англійскій министръ Ллойдъ-Джорджъ, заявилъ что англичане не допустятъ занятія нѣмцами какого-либо пункта въ Марокко и поддержать въ мароккскомъ вопросѣ Францію. Было ясно, что если Германія будетъ настаивать на своемъ, то ей придется воевать, и въ случаѣ войны Англія станетъ на сторону Франціи. Германіи пришлось отступить по той же причинѣ, по которой она въ 1912 г. не пожгла на рѣшительныя дѣйствія въ балканскомъ вопросѣ: она еще не была готова къ войнѣ. Въ ноябрѣ 1911 г. она заключила съ Франціей новое соглашеніе, по которому она согласилась признать за незначительныя уступки въ Конго протекторатъ Франціи надъ Марокко. Въ 1912 г. этотъ протекторатъ былъ установленъ. Германія отсрочила свои расчеты съ Франціей и Англіей до болѣе благопріятнаго времени.

На этомъ мы и оканчиваемъ нашъ обзоръ царствованія Вильгельма II. То, что было дальше, относится уже не къ исторіи, а къ современности. Великая европейская война многое измѣнила въ Германіи, заставила германское правительство во мно-

¹⁾ См. стр. 215.

гомъ перестроить свою тактику и многое пересмотрѣть въ своемъ отношеніи къ различнымъ общественнымъ группамъ, хотя цѣли, къ которымъ оно стремится, и идеалы, которые имъ руководятъ, остались пока, повидимому, прежніе. Во всякомъ случаѣ для того, что произошло внутри Германіи во время великой войны, исторія еще не наступила. Мы можемъ подвести итоги только тому, что дѣлало правительство Вильгельма II до 1914 года. Въ этомъ отношеніи можно намѣтить двѣ основныя линіи, по которымъ шла дѣятельность этого правительства: все большій уклонъ вправо, въ сторону консервативныхъ круговъ во внутренней политикѣ и возрастающей агрессивный тонъ въ политикѣ внѣшней.

Начавъ съ системы либеральныхъ торговыхъ договоровъ, соціального законодательства и благожелательныхъ отношеній къ инородцамъ въ либеральное канцлерство Каприви, Вильгельмъ II черезъ умѣренно-консервативную политику Гогенлоэ и Бюлова, еще не отрекавшихся отъ среднихъ круговъ нѣмецкаго общества и не отказывавшихся отъ заигрываній съ либеральными партіями, пришелъ къ ярко-консервативному канцлерству Бетманъ-Гольвега, связавшаго себя съ юнкерами прочнѣе, чѣмъ это дѣлалъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Во внѣшней политикѣ мы видимъ не менѣе характерную эволюцію: стремленіе къ дружбѣ съ Англіей и соглашеніе съ ней по африканскимъ дѣламъ вначалѣ, при Каприви, и постепенное возрастающее обостреніе отношеній къ ней при Гогенлоэ, Бюловѣ и Бетманъ-Гольвегѣ; наряду съ этимъ—все болѣе выясняющаяся невозможность ужиться въ мирѣ съ Франціей и Россіей. Столкновеніе съ первой изъ нихъ по марокскому вопросу (въ 1905—6 и въ 1911 г.г.) и со второй—по балканскому (въ 1908 и 1912 г.г.) едва не доводятъ до войны. Чѣмъ дальше продвигалось во времени царствованіе Вильгельма II, тѣмъ съ большей неизбѣжностью надвигалась общеевропейская катастрофа. Будущее покажетъ, насколько прочными окажутся въ огнѣ всемирного пожара тѣ устои, на которыхъ основывалась до сихъ поръ прусско-германская политика Гогенцоллерновъ.

В. Нерцвъ.

Профессорская дѣятельность Н. И. Костомарова.

Ученый историкъ и этнографъ, издатель старыхъ документовъ и поэтъ, Николай Ивановичъ Костомаровъ, родившійся ровно сто лѣтъ назадъ, 4-го мая 1817 года, былъ блестящимъ лекторомъ, оригинальнымъ ораторомъ; и онъ постоянно стремился къ профессорской каѳедрѣ и къ общенію со слушателями въ живомъ устномъ словѣ о прошлыхъ судьбахъ родной страны. Не въ громкомъ, звучномъ голосѣ и риторическомъ паѳосѣ заключалась его сила: онъ говорилъ спокойно, иногда какъ будто монотонно, безъ жестикуляцій, особыхъ подчеркиваній и удареній, но рѣчъ Н. И. была серьезна, логична, художественно-красива, полна изящнаго юмора и сдержаннаго, проникновеннаго вдохновенія. Иногда онъ, какъ старый лѣтописецъ, говорилъ нѣсколько надтреснутымъ, глуховатымъ голосомъ, будто исходящимъ изъ давно прошедшихъ временъ, и слова его производили громадное, захватывающее глубину душевную впечатлѣніе. Одинъ изъ слушателей историка вспоминаетъ, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ гг. Костомаровъ былъ «положительно богомъ студентовъ». Въ его XII-й самой большой аудиторіи Петербургскаго университета не хватало на лекціяхъ мѣста. Студенты сидѣли и стояли на окнахъ, по два сидѣли на одномъ стулѣ, сидѣли другъ у друга на колѣняхъ, и во все продолженіе лекціи была мертвая тишина; но когда лекція оканчивалась, бывалъ взрывъ апплодисментовъ, и онъ долженъ былъ проходить всю аудиторію между двумя стѣнами стоявшихъ и хлопавшихъ ему студентовъ и постороннихъ слушателей, которыхъ тогда было сколько угодно на всѣхъ лекціяхъ ¹⁾.

Важно, однако, указать, что въ невеселой и порою очень

¹⁾ Воспоминанія С. Терпигорева. «Историч. Вѣстн.» 1896 г. № 4, стр. 58.

Н. И. Костомаровъ.

тяжелой жизни Костомарова большую роль сыграли и неудачи его профессорской работы, меньше всего зависевшая от его ученых знаний и лекторских способностей.

Мы остановим внимание читателей на кратком обзоре отношений историка к университетским кафедрам и публичному лекторству, нисколько не предполагая исчерпать весь запас воспоминаний и документов по этому вопросу; пользоваться же будем и некоторыми рукописными материалами, еще не появившимися в печати¹⁾.

I.

Николай Иванович получил высшее образование в Харьковском университете 1833—1836 гг. Туда же он представил в 1841 г. первую свою магистерскую диссертацию «О значении Университета в Западной России», сожженную по протесту харьковского епископа, известного духовного вити Иоанниса Борисова, и министра народного просвещения Уварова²⁾, и ему пришлось написать новое сочинение, для которого он избрал тему «Объ историческом значении русской народной поэзии». Эта диссертация, однако, нисколько не способствовала получению Костомаровым кафедры русской истории в Харьковском университете.

Дело в том, что она явилась результатом страстного увлечения историка изучением народной, преимущественно украинской, жизни, и эти этнографические затеи «хождения в народ» послужили во вред Н. И-чу. О жизни Костомарова в 40-е годы его харьковский приятель вспоминает, что он любил сближение с простым народом, посещая вечерницы, где иной раз попадал в комическое положение, писал произведения на малорусском языке и задумывал историческую драму «Богдан Хмельницкий»³⁾. Как Гоголем, вместо историй Малороссии, написана была повесть «Тарас Бульба», так историк Костомаров, задумавший драму, дал впоследствии трехтомную знаменитую монографию о Богдане Хмельницком. Но в то время его увлекало изучение быта украинского селянства. Он сам рассказывает, как делал эти этнографические экскурсии из Харькова по соседним селам и по шинкам, которые были

¹⁾ За предоставленное нам возможность воспользоваться неопубликованными пока отрывками из автобиографии Н. И. Костомарова и письмами к нему приносим глубокую благодарность В. Г. Котельникову. Авт.

Неопубликованные отрывки из автобиографии Н. И. Костомарова, о которых говорить авторъ, печатаются в настоящей книжкѣ журнала. Ред.

²⁾ См. статью об этомъ акад. М. Сухомлинова въ «Древн. и Нов. Россіи» 1877 г. № 1.

³⁾ Изъ воспоминаний Ф. К. Несслуховского въ «Истор. Вѣстн.» 1890 г., № 4, стр. 147.

настоящими народными клубами, слушалъ рѣчъ и разговоры, замѣчалъ слова и выраженія, вмѣшивался въ бесѣды, разспрашивалъ о народномъ житьѣ-бытьѣ, записывалъ сообщаемыя свѣдѣнія и заставлялъ пѣть пѣсни. И уже до защиты его диссертаций обѣ историческомъ значеніи народной поэзіи одинъ профессоръ находилъ, «что такой предметъ, какъ мужицкія пѣсни, унизителенъ для сочиненія, имѣющаго цѣлью пріобрѣтеніе ученой степени» и недостоинъ науки. А другой коллега (Н. И-чъ въ 1842 г. занималъ недолгое время должность помощника инспектора въ Харьковскомъ у-тѣ) прямо считалъ Костомарова человѣкомъ ненормальнымъ. Послѣ же защиты диссертаций молодой магистръ не получилъ мѣста адъюнкта исторіи въ Харьковѣ, потому что большинство профессоровъ принимали ученаго «за блаженненныкаго».

Николай Ивановичъ перебрался учителемъ въ другой учебный округъ—сперва въ Ровно, а потомъ въ Киевскую гимназію. Своеобразно вель онъ тамъ преподаваніе. Костомаровъ былъ самымъ любимымъ учителемъ, какъ сообщаетъ Ге въ воспоминаніяхъ о Киевской 1-й гимназіи 1845 года, и «не было ни одного ученика, который бы не слушалъ его рассказовъ по русской исторіи. Н. И-чъ никогда никого не спрашивалъ, никогда не ставилъ балловъ,—даже мѣсячные баллы ставили мы сами, и надо правду сказать, добросовѣстно. Уроки Костомарова были духовные праздники. Его всѣ ждали; впечатлѣніе было таково, что учитель Линнichenko, поступившій на его мѣсто, въ послѣднемъ классѣ цѣлый годъ не читалъ исторіи, а читалъ русскихъ авторовъ, сказавъ, что послѣ Костомарова онъ не будетъ читать намъ исторіи. Такое же впечатлѣніе онъ производилъ въ женскомъ пансіонѣ и потомъ въ университетѣ»¹⁾.

Въ факультетскомъ собраніи Киевскаго у-та Н. И-чъ прочелъ 4-го іюня 1846 г. прекрасную лекцію о томъ, что русскую исторію слѣдуетъ начинать съ древнѣйшихъ свѣдѣній о появленіи и разселеніи славянъ и историческихъ данныхъ о готахъ и гуннахъ, и былъ единогласно избранъ адъюнктомъ русской исторіи, а 1-го августа утвержденъ въ этой должности. Но лекціи въ Киевѣ Костомарову пришлось читать менѣе, чѣмъ семь мѣсяцевъ. Ихъ полагалось четыре въ недѣлю, и часть курса была на тему о славянской міѳології; этотъ курсъ позже былъ напечатанъ оригинальнымъ шрифтомъ Кириллицы и представляеть библіографическую рѣдкость.

Въ автобіографіи Костомаровъ кратко разсказываетъ о своихъ

¹⁾ Сборникъ въ пользу студентовъ у-та св. Владимира 1895 г., стр. 59—60.

сослуживцахъ и пребываніи въ университетѣ и отмѣчаетъ, какъ неодобрительно относилось начальство къ его попыткамъ сближенія со своими слушателями. Профессору предоставлялось только «отбарабанивать» свои лекціи, а студентамъ «вызубривать» записанное для сдачи на экзаменѣ или репетиціяхъ. И понятно, что ничего живого и бодрого нельзя было и Костомарову, и другимъ даровитымъ профессорамъ внести въ университетское преподаваніе, разъ общее направленіе могло доходить до такихъ циническихъ выходокъ, какъ та, о которой передаетъ намъ историкъ въ ненапечатанномъ отрывкѣ его воспоминаній. «Однажды, разсказываетъ Н. И-чъ, генералъ-губерн. Бибиковъ (кіевскій всесильный сатрапъ) на университетскомъ актѣ, послѣ ухода изъ залы всей публики, приказалъ остаться всѣмъ принадлежащимъ къ составу университета какъ профессорамъ, такъ и студентамъ, и проговорилъ грозную и вмѣстѣ страшную рѣчь. Онъ объявилъ, что до него дошли слухи о тайныхъ сходкахъ студентовъ, дерзающихъ обсуждать политические предметы, и по этому поводу дѣлалъ угрозы, что если еще онъ услышитъ что-нибудь подобное, то по данному ему отъ гоударя праву, закроетъ университетъ и виновныхъ разошлетъ въ ссылку. При этомъ онъ, шутя, совѣтовалъ студентамъ, вмѣсто политическихъ вопросовъ, заниматься лучше женщинами и кутежами, и что за это онъ не будетъ никого преслѣдовать».

Катастрофа, разразившаяся послѣ недолгой профессуры надъ Костомаровымъ, дѣятельнѣйшимъ членомъ украинского славяно-федеративнаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства и составителемъ его устава, достаточно извѣстна по напечатаннымъ уже материаламъ и хорошо обслѣдована историками общественныхъ движений въ Россіи. Нельзя только не напомнить, что она разрушила жизнь 30-лѣтняго ученаго за два дня до свадьбы, и онъ, такъ нуждавшійся и искашій семейнаго уюта, только черезъ 28 лѣтъ обвѣнчался со своей невѣстой, тогда уже овдовѣвшей послѣ первого брака Алиной Леонтьевной г-жей Кисель, урожденной Крагельской.

II.

Прошло двѣнадцать лѣтъ послѣ Киевскаго разгрома плановъ, работъ и мечтаній Николая Ивановича. Саратовская ссылка безъ права заниматься учеными изысканіями, чего, впрочемъ, онъ не могъ исполнить и не исполнялъ, поѣздка въ началѣ новаго царствованія за границу, потомъ труды въ Саратовскомъ комитетѣ по крестьянскому освобожденію, опять смѣнились для историка профессорской каѳедрой: прославленный тогда своими

изслѣдованіями о Богданѣ Хмельницкомъ, Стенькѣ Разинѣ и торговлѣ Московскаго государства въ XVI и XVII вѣкахъ, онъ былъ приглашенъ въ С.-Петербургскій университетъ и съ 22-го ноября 1859 г. началъ читать лекціи по русской исторіи. Онъ пользовались поразительнымъ успѣхомъ у студентовъ и постороннихъ слушателей и слушательницъ, которыхъ тогда было уже много въ университетѣ. Одна изъ первыхъ лекцій о начальной исторіи Руси была напечатана въ «Современникѣ» 1860 г. № 1 и послужила поводомъ къ знаменитой «прѣ», шумному публичному диспуту между Костомаровымъ и Погодинымъ 19-го марта 1860 года по вопросу о норманнахъ, Литвѣ и Руси. Чтенія Костомарова въ университетѣ относились не только къ общему курсу исторіи удѣльного періода, но и къ исторіи сѣверно-русскихъ народоправствъ—Новгорода, Пскова и Вятки, впослѣдствіи составившихъ отдельную большую монографію. Мы ужъ упоминали о томъ, какова была сила ораторскаго таланта Костомарова. Одинъ изъ нынѣ еще живущихъ слушателей его, вспоминая прошлое, передаетъ, что Н. И-чъ, обладая феномenalной памятью, хотя на лекціяхъ и имѣлъ передъ собою листочки, заглядывалъ въ нихъ крайне рѣдко, все цитируя наизусть и тексты документовъ, и цифры, и библіографическія указанія. Замѣчательное умѣніе располагать материалъ, подкрѣплять и окрашивать свою мысль характерными мѣстами лѣтописи или документовъ, неподражаемое искусство передавать слова современниковъ ихъ тономъ—придавали изложенію особенную живость и интересъ. Все это до такой степени очаровывало слушателей, что на лекціяхъ Костомарова буквально можно было слышать, какъ муха летить; часовая лекція проходила, какъ 10 минутъ, и всѣ съ крайнимъ сожалѣніемъ выслушивали звонокъ; едва замолкало послѣднее слово профессора, какъ раздавался взрывъ рукоплесканій и провожалъ его до выхода изъ аудиторіи ¹⁾.

Уже съ начала 1861 г. въ университетѣ нацрѣженное спокойствіе смѣнилось ропотомъ и волченіями. На актѣ 8-го февраля 1861 г. Костомаровъ долженъ былъ прочесть рѣчь «О значеніи критическихъ трудовъ Констант. Аксакова по русской исторіи». Въ день университетскаго торжества ожидали безпорядковъ и ограничились чтеніемъ одного отчета. Публику и студентовъ, громко требовавшихъ Костомаровской рѣчи, успокоили лишь тѣмъ, что она будетъ прочтена, какъ публичная лекція, что впослѣдствіи состоялось.

Недолго пробылъ ученый историкъ и въ этотъ разъ на профес-

¹⁾ Изъ воспоминаній Л. Пантелеева, т. I, стр. 101—102.

сорской кафедрѣ,—всего три полугодія, такъ какъ фактически университетскія правильныя занятія прекратились къ лѣту 1861 года, и попытки возобновленія лекцій съ начала новаго учебнаго года ни къ чему не привели.

Правительственныея реакціонныя попыткі при министрѣ нар. просв. Путятинѣ въ срединѣ 1861 г. «обуздатъ» университетъ, запретить всякія общія дѣла (касса, библіотека, устройство концертовъ) и сходки студентовъ, ограничить число слушателей, а также прекратить доступъ въ аудиторіи для всѣхъ постороннихъ и введеніе строгихъ печатныхъ правилъ, называемыхъ матрикулами, вызвали сильное волненіе въ университетѣ. Костомаровъ, исключительно занятый наукой, стоялъ въ сторонѣ отъ студенческаго движенія. Но у него давно сложилась репутація отчаяннаго либерала, и это приводило къ тому, что, напримѣръ, въ одномъ нѣмецкомъ заграничномъ журналь сообщалось, будто именно «профессоръ Костомаровъ волнуетъ студентовъ».

Въ декабрѣ 1861 г. и весной слѣдующаго года студенческая исторія была ликвидирована вновь назначеными министромъ нар. просв. Головинымъ и Петербургскимъ генераль-губернаторомъ кн. Суворовымъ. Костомаровъ числился еще до мая 1862 г. профессоромъ университета, но лекцій не читалъ, а затѣмъ подалъ въ отставку и уже больше никогда не занималъ профессорской кафедры.

III.

Въ связи со студенческими волненіями и уходомъ Костомарова изъ университета стоитъ исторія съ частными публичными лекціями петербургскихъ профессоровъ и ученыхъ весною 1862 года. Онъ также вызвали немало воспоминаній, разъясненій и даже кривотолковъ, и этимъ лекціямъ Н. И-чъ посвящаетъ цѣлую неопубликованную главу въ своей автобіографії.

Съ конца января 1862 г. профессорами и студентами были организованы систематические курсы публичныхъ лекцій, какъ бы вмѣсто университетскихъ. Происходили онѣ въ залахъ городской лумы и нѣмецкаго училища св. Петра; небольшая плата за лекціи со слушателей шла въ пользу студенческой кассы, лекторы же читали безвозмездно. Согласились выступать Костомаровъ, Бекетовъ, М. Сухомлиновъ, Стасюлевичъ, Соколовъ и др.,—всего до 20 лекторовъ, предположившихъ читать 36 лекцій въ недѣлю. Н. И-чъ началъ въ февралѣ читать курсъ русской исторіи съ XV в., такъ какъ предшествовавшій періодъ онъ уже закончилъ при чтеніи университетскаго курса. Его лекціи пользовались

наибольшимъ выдающимся успѣхомъ и собирали сотни слушателей—студентовъ и постороннихъ.

Но не болѣе пяти недѣль продолжалось это чтеніе и закончилось «исторіей», воспоминанія о которой навсегда легли на душу Костомарова тяжкимъ камнемъ и заставили его съ горечью признать, «что не слѣдуетъ слишкомъ обольщаться расположениемъ толпы, которая легко можетъ нанести и незаслуженное оскорблѣніе тому, кого недавно возносila, если услышитъ отъ него непріятный ея самолюбію голосъ правды».

На публичныя лекціи тогда была большая мода. Одну изъ нихъ вечеромъ 5-го марта прочелъ при стечениіѣ большой публики въ залѣ Руадзе, на Мойкѣ (позже з. Кононона) популярный профессоръ Пл. В. Павловъ на современную тему о тысячелѣтії Россіи (это былъ годъ торжествъ по поводу постановки памятника въ Новгородѣ). Лекція была достаточно скромна по содержанію, да и проф. Павловъ никогда никакихъ крайнихъ воззрѣній не придерживался. Но лектора арестовали, а потомъ отправили въ ссылку¹⁾.

Въ обществѣ, а особенно среди студентовъ, это вызвало необыкновенно сильное возмущеніе и волненія. Студенты-распорядители публичныхъ лекцій—рѣшили въ видѣ протеста прекратить чтенія курсовъ въ думѣ и съ этимъ постановленіемъ начали обходить лекторовъ. Кто соглашался со студентами, кто считалъ, что исторія съ П. В. Павловымъ никакого отношенія къ публичнымъ думскимъ курсамъ не имѣть и настаивалъ на продолженіи чтеній; особенно рѣшительно высказывался въ этомъ смыслѣ Костомаровъ.

На ближайшей лекціи Костомаровъ былъ освистанъ студентами-устроителями лекцій, хотя въ то же время въ публикѣ раздавались просьбы продолжать лекціи. Когда Костомаровъ выходилъ изъ залы, одни кричали—«браво, Костомаровъ», другіе осипали его бранью²⁾. Вызванный къ кн. Суворову профессоръ рассказалъ, какъ было дѣло, и просилъ его, и шефа жан-

¹⁾ Лекція эта безпрепятственно была напечатана въ «Академическомъ мѣсяцесловѣ» за 1862 годъ. Пл. В. Павловъ (1823—1895) профессоръ Киевск. у-та послѣ Костомарова (1847—1861 и съ 1875 по 1885), въ 1861 г. читалъ университетскій курсъ въ Петербургскомъ у-тѣ. Онъ былъ устроителемъ и руководителемъ первыхъ воскресныхъ школъ въ Кіевѣ (Ж. М. Н. Пр. 1895 г. № 6). Высланный въ Ветлугу Павловъ былъ потомъ переведенъ въ Кострому, где и жилъ по 1869 г.

²⁾ Въ воспоминаніяхъ Л. Пантелеева указывается, что распорядитель Б. Утинъ бросилъ въ лицо Костомарову брань: «Подлецы! Второй Чичerinъ, (Б. Н., тогда весьма непопулярный авторъ статей по университетскому вопросу) Станислава на шею!» (т. I, стр. 214). То же подтверждается въ несовсѣмъ, впрочемъ, точной записи по памяти отрывковъ изъ автобіографіи Костомарова Н. Бѣлозерской. «Рус. Мысль» 1885 г. № 6, стр. 39.

дармовъ кн. Долгорукаго не производить разслѣдованія и никого не трогать; такъ это дѣло и было замято.

Но Н. И-ча сильно потрясло все происшедшее, о чёмъ свидѣтельствуетъ и онъ самъ, и его современники. С. Терпигоревъ вспоминаетъ, что когда онъ послѣ происшествія прѣѣхалъ на квартиру къ ученому, то «засталъ его въ страшно раздраженномъ, какомъ-то полупомѣшанномъ точно состояніи. Онъ ходилъ изъ угла въ уголь, разводилъ руками и все повторялъ: «Я ихъ не понимаю... я ничего не понимаю... Чего же они хотятъ? Они хотятъ только мутить... Они не понимаютъ, что ими играютъ, какъ пѣшками... Имъ надо это объяснить»... «Но кто это сдѣлаетъ?» «Да! Вотъ, кто это сдѣлаетъ» повторилъ Костомаровъ, остановившись противъ меня. «Вамъ теперь нельзя», сказалъ я. «Нѣ-ѣтъ. Меня теперь побьютъ еще, пожалуй... Боже, что это дѣлается, что это дѣлается... И кто это, и для чего это дѣлаютъ!» Вслѣдъ за мною къ нему прѣѣхало еще нѣсколько студентовъ, и прибывали все новые и новые. Квартира, наконецъ, набралась полная-полнешенькая. Это его ободрило, утѣшило и хотя нѣсколько успокоило. Егоувѣряли въ уваженіи къ нему, высказывали самыя полныя осужденія поведенію извѣстныхъ въ этомъ дѣлѣ заправиль, называли всю исторію печальной, позорной, недостойной»¹⁾.

Однако Костомаровъ рѣшилъ лекціи для публики продолжать, несмотря на протесты и волненія молодежи. Тогда въ дѣло вмѣшался Н. Г. Чернышевскій. Онъ черезъ нѣсколько дней послѣ исторіи прѣѣхалъ къ Костомарову просить его прекратить чтеніе лекцій и не раздражать молодежь. Отказъ Костомарова раздражилъ Чернышевскаго. Въ своей автобіографіи Костомаровъ пишеть, что, уѣзжая, Чернышевскій сказалъ, что постарается пріостановить лекціи черезъ ministra или ген.-губернатора Суворова. Черезъ день Костомаровъ получилъ отъ ministра извѣщеніе о томъ, что чтеніе публичныхъ лекцій пріостанавливается. «Мнѣ неизвѣстно», говорить Костомаровъ, «сдѣлано ли это было при ходатайствѣ Чернышевскаго или безъ него». Но въ записи Н. Бѣлозерской сказано нѣчто болѣе опредѣленное: «Чернышевскій сѣѣздилъ самъ къ Суворову и Головину и устроилъ дѣло такъ, что мнѣ запретили читать лекціи»²⁾. Кажется, въ данномъ случаѣ наиболѣе достовѣрно, что мнѣнія ministra Головина и Н. Г. Чернышевскаго совершенно совпадли. Самъ Н. Г-чъ говорилъ Л. Пантелеѣву, что онъ, раздраженный и даже

¹⁾ «Ист. Вѣстн.» 1896 г., № 4, стр. 60.

²⁾ «Рус. Мысль» 1885 г., № 6, стр. 41.

не попрощавшись съ Н. И-чемъ, уѣхалъ къ Головину и объяснилъ тому, что въ виду настроенія публики необходимо закрыть лекціи Костомарова. Министръ пошутилъ надъ медлительностью своихъ курьеровъ и сказалъ, что еще вчера отдалъ и послалъ къ Костомарову приказъ о прекращеніи его лекцій. На Чернышевскаго, по словамъ Л. Пантелеѣва, произвело непріятное впечатлѣніе, что Головинъ съ первыхъ же словъ не предупредилъ его о принятой имъ наканунѣ мѣрѣ¹⁾.

Костомаровъ все же продолжалъ получать оскорбительныя анонимныя письма и угрозы, а въ нѣкоторыхъ газетахъ появлялись инсинуаціи на его счетъ; и крайне подавленный духомъ и разстроенный онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ отъ петербургской профессуры.

Только черезъ семь лѣтъ уже отвыкшій отъ каѳедры Костомаровъ вновь читалъ и опять съ поразительнымъ успѣхомъ курсъ въ 20 публичныхъ лекцій по древнему періоду русской, преимущественно культурной, исторіи въ залѣ клуба художниковъ зимою 1869—1870 гг. и остался доволенъ какъ чуткой публикой, такъ и вниманіемъ къ его лекторскимъ талантамъ.

IV.

Николай Ивановичъ «не передумалъ» о петербургской профессурѣ, а министерство нар. просв. лишь ставило въ дальнѣйшемъ препятствія для полученія ученымъ профессорской каѳедры, несмотря на выборы и просьбы университетскихъ коллегій и желанія самого историка. Въ печати извѣстны очень коротенькая, глухія сообщенія о предложеніяхъ Костомарову профессуры въ Кіевскомъ и Харьковскомъ университетахъ въ 60-е годы. Мы имѣемъ возможность нѣсколько пополнить эти свѣдѣнія, главнымъ образомъ, по перепискѣ Н. И-ча.

Сейчасъ, вслѣдъ за выходомъ Костомарова изъ Петербургскаго университета, послѣдовало предложеніе отъ нѣкоторыхъ профессоровъ Кіевскаго у-та о занятіи имъ каѳедры русской исторіи. Это предложеніе сперва носило полуофиціальный характеръ. Ректоръ Иванишевъ писалъ Н. И-чу 16-го іюля 1862 г.: «Историко-филолог. факультетъ нашего университета предложилъ пригласить Васъ на каѳедру русской исторіи... Я счѣль долгомъ письменно отнести къ Вамъ и покорнѣйше просить увѣдомить меня, согласитесь ли Вы быть опять нашимъ товарищемъ и сотрудникомъ? Въ нашемъ у-тѣ Вы найдете тихое пристанище послѣ всѣхъ треволненій Вашей славной, но хлопотливой петер-

¹⁾ Изъ Воспоминаній т. I, стр. 217—218.

бургской жизни. Страсть къ историческимъ открытиямъ, Васъ пожирающая, можетъ быть удовлетворена киевскимъ центральнымъ архивомъ, который доставить Вамъ приятное занятіе на всю жизнь. Быть можетъ, Вы найдете возможнымъ принять на себя роль главнаго коновода (главн. редактора изданій) въ нашей археографической комиссії?». Ученый, только что покинувшій лекторство въ Петербургскомъ у-тѣ и занятый изданіемъ монографіи о съверно-великорусскихъ народоправствахъ и др. работами по московской исторіи, уклонился отъ немедленного официального выставленія своей кандидатуры на каѳедру, несмотря на просьбы профессоровъ, поручившихъ своему коллегѣ А. Вальтеру отправить Н. И-чу письмо. Такъ дѣло и оставалось пока не решеннымъ, о чёмъ свидѣтельствуетъ и официальное сообщеніе ректора Костомарову 27-го августа 1862 г. отъ университета, рѣшившаго ждать нѣкоторое время, пока историкъ устроится въ Петербургѣ со своими учеными дѣлами.

Въ слѣдующемъ году предложеніе было официально возобновлено. Несомнѣнно, къ этимъ годамъ относится и любопытное письмо киевскихъ студентовъ, подъ которымъ находятся подписи многихъ виднѣйшихъ впослѣдствіи дѣятелей украинскаго національного движенія (П. Чубинскаго, В. Антоновича, Є. Рильскаго, К. Михальчука, П. Житецкаго, М. и А. Андріевскихъ, П. Косача, И. Бѣлозерскаго, Є. Панченка и др.). Въ этомъ коллективномъ посланіи молодые поклонники историка просили Н. И-ча принять киевскую профессуру, такъ какъ надѣялись, что это «принесетъ пользу нашей бѣдной родинѣ, о которой одинаково забываютъ и рутинные карьеристы среди своихъ бюрократическихъ занятій, и богатые землевладѣльцы среди своего кейфа, и отвлеченные либералы среди своихъ утопическихъ, ненародныхъ и недѣйствительныхъ мечтаній, готовые все ворочать по-своему, не спрашиваясь народа общество, не оглядываясь на его потребности, обсыпая грязью его истинныхъ слугъ». На Костомарова, какъ на одного изъ такихъ слугъ, и надѣялась киевская украинская молодежь, мечтая найти въ немъ поддержку въ выработкѣ идеиной программы и сгройной организації общественнаго національнаго движенія¹⁾.

Несмотря на просьбы нѣкоторыхъ друзей Н. И-ча, писавшихъ изъ Киева, чтобы онъ не придавалъ значенія интригамъ и застрашиваніямъ, будто мѣстныя власти ставятъ рѣшительныя препят-

¹⁾ Интересно, что среди подписей студентовъ находится и подпись Владимира Юзефовича, старшаго сына помощника попеч. киевск. учебн. округа М. В. Юзефовича, столь много способствовшаго грозной карѣ, выпавшей на долю Костомарова въ 1847 году.

ствія на пути ученаго къ кіевской профессурѣ, случилось какъ разъ то, чего онъ опасался. 10-го апрѣля 1864 г. совѣтъ у-та св. Владимира возвель Костомарова въ доктора русской исторіи honoris causa. Проф. А. Ф. Кистяковскій (извѣстный криминалистъ), сообщая объ этомъ, писалъ Н. И-чу 13 го апрѣля: «Можетъ быть, Вамъ неизвѣстно, что Анненковъ (кіев. ген.-губ.) узнавши, что университетъ Васъ баллотируетъ, написалъ Витте (попечителю кіевск. округа) письмо, что онъ Васъ ни подъ какимъ видомъ не допустить профессоромъ въ свое генералъ-губернаторство. Этѣ я узналъ изъ самаго достовѣрнаго источника. Менѣе достовѣрно, хотя и не невѣроятно, что Анненковъ получилъ недоброжелательное письмо отъ Кульжинскаго изъ Нѣжина, переполненное всякою клеветою¹⁾). Кульжинскій могъ узнать о Вашемъ намѣреніи отъ одного Нѣжинскаго профессора, который недавно здѣсь былъ. Нѣть сомнѣнія, что подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ баллотировка будетъ затруднена, и многіе, положивши бѣлый (шаръ) на доктора, сообразно съ видами начальства положать черный на каѳедру. Лучшая, впрочемъ, часть профессоровъ рѣшилась баллотировать Васъ во что бы то ни стало, и большинство будетъ». Въ неопубликованномъ отрывкѣ своей автобіографіи Костомаровъ отмѣтилъ, что по поводу каѳедры онъ сперва далъ согласіе, но потомъ «узнавши, что тогдашній генералъ-губернаторъ заявилъ о своемъ нежеланіи въ видахъ политическихъ допустить меня въ кіевскій университетъ, по причинѣ возникшихъ на меня обвиненій въ такъ называемомъ украино-фильствѣ»—вынужденъ былъ отказаться отъ кіевской профессуры. Иванишевъ, дѣйствительно, получилъ письмо отъ Костомарова отъ 29-го апрѣля съ просьбой не производить баллотировки, и совѣтъ, выразивъ большія сожалѣнія, отложилъ ее на неопределеннное время.

Но пока университетъ св. Владимира въ третій разъ, почти черезъ 5 лѣтъ, не возобновилъ попытку заполучить къ себѣ знаменитаго историка, отклинулся университетъ Харьковскій. По предложенію профессора всеобщей исторіи М. Н. Петрова ист.-филолог. факультетъ единогласно избралъ Н. И-ча 5-го декабря 1864 г. на каѳедру русской исторіи, что подтверждено было и совѣтскимъ избраніемъ 19-го декабря, какъ свидѣтельствуютъ документы и письма изъ Костомаровскаго архива. Затрудненіе, казалось, было лишь въ томъ, что ученому надле-

¹⁾ И. Г. Кульжинскій, учитель Гоголя въ Нѣжинской гимназіи, потомъ реакціоннѣйший директоръ гимназій въ Юго-Западномъ краѣ, доживалъ съ 1847 по 1881 г. свой долгій вѣкъ въ Нѣжинѣ и, очевидно, занимался доносительствомъ.

жало пробыть нѣсколько мѣсяцевъ на положеніи экстраординарного профессора въ ожиданіи ординарной вакансіи. За дѣло горячо взялся популярный харьковскій профессоръ политической экономіи И. П. Сокальскій, который убѣждалъ и писалъ, что университетъ рѣшилъ всѣ материальные вопросы въ пользу Н. И-ча, и онъ въ положеніи экстраординарного профессора будетъ изъ специальныхъ суммъ дополучать все то, что полагается профессору ординарному. Но министръ народн. просв. Головнинъ «посовѣтовалъ» ученому отказаться отъ каѳедры въ Малорусскомъ краѣ «по причинѣ возникшихъ въ, нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ обвиненій въ украинофильствѣ». Такъ черезъ 20 лѣтъ послѣ отказа Харьковскаго университета принять въ свою среду Костомарова, ему самому, противъ своего желанія, пришлось отказаться отъ этой чести, несмотря на избраніе и просьбы профессорской коллегіи¹⁾.

Въ октябрѣ 1868 года деканъ филолог. факультета Киевскаго университета А. И. Селинъ обратился къ историку съ новымъ предложеніемъ отъ университетскаго совѣта занять каѳедру въ Киевѣ, на что Н. И-чъ согласился²⁾. Единогласный выборъ Костомарова пошелъ на утвержденіе нового министра народн. просв. гр. Д. Толстого. Тотъ, конечно, не утвердилъ Костомарова киевскимъ профессоромъ, но нашелъ выходъ, чтобы на всегда покончить съ хлопотами и домогательствами и исходатайствовалъ ученому, который числился всего лишь членомъ археографической комиссіи, ежегодное содержаніе ординарного профессора. Послѣ этого отношенія Костомарова къ университетамъ выражались исключительно въ избраніяхъ его почетнымъ членомъ въ 1869—Петербургскаго, а въ 1884 г. Киевскаго университетовъ.

Весьма характерно, что послѣдними строками, напечатанными Костомаровымъ передъ самой смертью, была его небольшая статья³⁾ по поводу того же самого обвиненія въ украинскомъ народолюбіи и сепаратизмѣ, которое мѣшало ему проявить во всю ширь и мощь свои таланты историка, обладавшаго великою силой живого и художественнаго слова. И на этотъ разъ, какъ въ десят-

1) Ссылка на то, что Костомаровъ не поѣхалъ въ Харьковъ ради окончанія въ Петербургѣ монографіи о Смутномъ времени—едва ли достовѣрна (см. эту ссылку въ Библіограф. Словарѣ у-та св. Владимира, стр. 289).

2) Селинъ, другъ и ученикъ московскаго словесника Шевырева, рѣшительно, впрочемъ, заявлялъ по поводу каѳедры русскаго языка и литературы, что въ Киевѣ ее можетъ занимать человѣкъ обязатѣльно великорусскаго происхожденія и образованія, въ чемъ ему удалось убѣдить и многихъ сослуживцевъ.

3) «Вѣстн. Евр.» 1885 г. № 4.

какъ подобныхъ случаевъ за прежнюю долгую жизнь, Николай Ивановичъ принужденъ былъ опровергать недобросовѣстныя обвиненія въ тенденціяхъ къ разрушению Россійскаго государства, въ угрозахъ государственной безопасности и спокойствію. Ему приходилось доказывать право любить свою родную землю, жить радостью и горемъ соплеменного народа, говорить, писать молиться и учить дѣтей на своемъ языку, работать въ области науки, искусства, экономики и политики на пользу своей родины въ средѣ родного населенія, создавать свои культурныя цѣнности и строить свой культурный укладъ, подготовлять лучшее, свѣтлое будущее любимому краю...

То общество, то государство, то правительство, которому нужно разъяснить великое значеніе и предъ которымъ тщетно приходится защищать право на такой трудъ и на такую дѣятельность,—оно само преуготовляеть путь къ разъединенію, идеиному непониманію, национальной розни и политическому обособленію. Судьба профессорскихъ стремленій и мечтаній Костомарова, какъ работы и для своей родины, и среди своего народа—одна изъ многочисленнѣйшихъ страницъ повѣствованія о томъ, какъ выростали и выросли въ кругахъ украинскаго общественнаго движенія мысли и желанія отрѣшиться и уйти отъ тѣхъ, кому чужды евангельскія по своей простотѣ слова поэта, кому нужно доказывать, что

«Въ своїй хаті—своя правда,
І сила, і воля».

Ігн. Житецкій.

Неизданная глава изъ автобіографіи Н. И. Костомарова¹⁾).

(Къ столѣтію со дня рожденія).

VIII.

Студенческія смуты.— Закрытие университета.— Публичные лекціи.— Скандалъ въ думѣ.— Выходъ въ отставку отъ университетской каѳедры²⁾.

Я возвратился въ Петербургъ 20 сентября. Еще на дорогѣ я услыхалъ, что въ петербургскомъ университѣтѣ, какъ и въ учебномъ округѣ, произошли важныя перемѣны. Министръ Ковалевскій удалился въ отставку; за нимъ послѣдовалъ и попечитель петербургскаго округа И. Д. Деляновъ. Между студентами распространилось сильное волненіе. На другой день послѣ моего приѣзда я отправился въ университетъ съ цѣлью начинать курсъ; но къ удивленію замѣтилъ, что аудиторія моя не въ примѣръ противъ прошлаго года была бѣдна слушателями, да и тѣ, которыхъ я засталъ, стали расходиться одинъ за другимъ.

Я узналъ, что въ это самое время въ университетскомъ парадномъ залѣ происходила бурная сходка, студенты выломали дверь и шумно требовали отмѣны установленныхъ для нихъ стѣсненій, объясняясь съ новымъ ректоромъ И. И. Срезневскимъ, заступившимъ мѣсто выбывшаго и уѣхавшаго за границу Плетнева. На другой день произошло знаменитое, надѣлавшее въ свое время шуму, путешествіе нѣсколькихъ сотъ студентовъ въ Колокольную улицу, въ квартиру нового попечителя университета Филипсона, котораго студенты потянули за собой черезъ весь Невскій проспектъ до университета. На слѣдующій день новый министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ сдѣлалъ распоряженіе о временномъ закрытии университета.

¹⁾ Автобіографія Н. И. Костомарова напечатана была въ 1890 г. въ сборнике «Литературное Наслѣдіе». Главы IV, VIII и IX были тогда въ ней опущены. Глава IV была въ 1910 г. напечатана въ «Вѣстн. Европы»; глава IX вошла въ 1909 г. въ «Юбилейный Сборникъ» Литературного Фонда. Восьмая же глава появляется въ нашемъ журнале *впервые*.

²⁾ 1861 года. Ред.

Болѣе двадцати студентовъ, сочтенныхъ зачинщиками, были арестованы и посажены въ крѣпость. Съ этихъ порь въ Петербургѣ чуть не каждый день повторялось волненіе молодежи, выражавшееся сходками на улицахъ, которыхъ разгонялись солдатами. Духъ волненія, выходя изъ петербургскаго университета, сообщался въ другія высшія заведенія столицы и отражался на провинціальныхъ русскихъ университетахъ. Между профессорами университета также господствовали недоразумѣнія и несогласія. Дѣло въ томъ, что лѣтомъ, во время бытности моей за границей, образована была изъ профессоровъ комиссія для составленія правилъ, имѣвшихъ цѣлью приведеніе всей корпораціи студентовъ къ подчиненію и порядку. Люди, враждебные лицамъ, составлявшимъ эту комиссію, упрекали ихъ за начертанія правилъ, произведшихъ волненіе, а сами эти лица объясняли, что правила, которыхъ были ими написаны, явились измѣненными отъ начальства. Какъ бы то ни было, студентовъ приводили въ негодованіе нѣкоторыя новыя распоряженія, а именно: 1) назначеніе ценза для поступленія въ университетъ, простиравшагося до пятидесяти рублей ежегоднаго взноса, безъ всякаго изъятія для бѣдныхъ, такъ что въ университетъ могли поступать только люди зажиточные; 2) запрещеніе студенческихъ сходокъ и уничтоженіе студенческихъ кассъ для вспомоществованія бѣдныхъ студентамъ; 3) запрещеніе устраивать въ зданіи университета концерты, спектакли и литературные вечера съ цѣлью пополненія студенческой кассы; 4) закрытіе университетскихъ аудиторій для особъ женского пола и допущеніе постороннихъ мужчинъ не иначе, какъ съ особою платою и особыми билетами; 5) обязательство, возложенное на студентовъ, при вступленіи въ университетъ брать печатныя правила, называемыя матрикулами. Студентамъ до крайности были не по сердцу эти распоряженія, въ которыхъ они видѣли стѣсненіе своей свободы.

Ожесточеніе ихъ дошло до такой степени, что многіе толпами собирались на сходки на улицахъ съ тѣмъ, чтобы ихъ арестовали и увѣли въ крѣпость, что и дѣжалось чуть ли не каждый день, а 12 октября громадная толпа студентовъ, человѣкъ болѣе трехсотъ у зданія университета была окружена войскомъ и отправлена въ казематы, причемъ двумъ студентамъ нанесены были жестокіе удары въ голову. Въ Петропавловской крѣпости недостало мѣста, и половина арестованныхъ была отправлена въ Кронштадтъ. Я не принималъ ни малѣйшаго участія въ тогдашніхъ университетскихъ вопросахъ, и хотя студенты часто приходили ко мнѣ, чтобы потолковать со мною, что имъ дѣлать, но я отвѣчалъ имъ, что не знаю ихъ дѣлъ, что знаю только науку, которой всецѣло

посвятилъ себя, и все, что не относится непосредственно къ моей наукѣ, меня не интересуетъ. Студенты были очень недовольны мною за такую постановку себя къ ихъ студенческому дѣлу; но мнѣ не удалось тогда уйти отъ клеветъ, ничѣмъ незаслуженныхъ. Однажды, я пришелъ по обыкновенію заниматься въ Публичную библіотеку, и тамъ одинъ ученый нѣмецъ сообщилъ мнѣ, что въ какомъ-то нѣмецкомъ періодическомъ изданіи описывается петербургскія студенческія смуты и въ этомъ описаніи мое имя играетъ незавидную роль: «Professor Kostomaroff die Studenten aufwiegelt» (профессоръ Костомаровъ волнуетъ студентовъ). Такая вѣсть очень меня растревожила, тѣмъ болѣе, что съ моей стороны не подано къ тому никакого повода. Закрытый университетъ былъ вновь открытъ для тѣхъ, которые покорились волѣ правительства и взяли матрикулы, повинуясь предписаннымъ въ нихъ правиламъ, которыя, непринявшими матрикула, считались стѣснительными. Такихъ противники ихъ прозвали матрикулистами. Количество покорныхъ властямъ не составляло и трети студенческаго сословія, да и взявшіе матрикулы не посѣщали аудиторіи, такъ что хотя университетъ объявленъ былъ открытымъ, но читать въ немъ было не для кого. Между тѣмъ грозные слухи приходили о студентскихъ смутахъ, совершающихся въ другихъ университетскихъ городахъ. Въ Москвѣ волненіе перешло изъ университетскихъ стѣнъ на улицы. Народъ, разсерженный слухами, будто бы студенты, дворянскія дѣти, оказываются недовольство противъ правительства за уничтоженіе крѣпостного права, поколотилъ нѣкоторыхъ студентовъ на улицѣ, а иныхъ даже изувѣчили. Въ Харьковѣ и Казани, какъ слышно, происходили большія волненія въ стѣнахъ университета. Въ университетѣ св. Владимира студентскій вопросъ сталкивался уже съ национальнымъ, примѣшивая вражду между поляками и русскими. Впослѣдствії явилось мнѣніе, что и въ Петербургѣ волненію молодежи содѣйствовали поляки, готовившіе у себя восстаніе и желавшіе произвести всѣми силами беспорядокъ въ русскомъ обществѣ. Насколько я могъ слѣдить и замѣтить, это мнѣніе едва ли основательно. Польская молодежь держалась въ сторонѣ отъ русской и при всякомъ удобномъ случаѣ не скрывала національной антипатіи ко всему русскому. Притомъ же въ русскихъ умахъ, какъ и въ русской литературѣ того времени, было и безъ польского вліянія достаточно либеральныхъ тенденцій, которыя могли вскружить головы молодымъ русскимъ людямъ и довести ихъ до непослушанія и беспорядковъ. Почти одновременно съ студентскимъ волненіемъ стали появляться печатные листки, имѣвшіе смыслъ прокламаций, призывающихъ

общество къ политическимъ и соціальнымъ перемѣнамъ, иные, по своему содержанію, были проникнуты умѣреннымъ либерализмомъ, въ другихъ дѣлались воззванія къ революціи и даже рѣзинъ. Судя по шрифту, эти прокламаціи печатались въ Россіи, хотя, какъ говорять, впослѣдствіи были попытки производить ихъ за границею и привозить въ предѣлы имперіи контрабанднымъ способомъ. Въ самомъ Петербургѣ эти прокламаціи разносились по домамъ молодыми людьми, которые или затыкали ихъ за двери квартиръ, или же, позвонивши, передавали печатные листки прислугѣ, приказывая подать хозяину, а сами немедленно убѣгали на улицу. Что въ составленіи и распространеніи такихъ прокламацій вовсе не было польского вліянія, какъ нѣкоторые подозрѣвали, это всего лучше показываетъ содержаніе русскихъ прокламацій, въ которыхъ никогда не заявлялось симпатій къ Польшѣ и, напротивъ, онъ были проникнуты такимъ духомъ, который совершенно былъ несвойственъ ни польскимъ сочувствіямъ, ни польскимъ привычкамъ. Поляки того времени, при всемъ своемъ кажущемся либерализмѣ и патріотизмѣ, не могли ни на шагъ отрѣшиваться отъ католицизма тогда какъ русская молодежь отличалась не только холодностію къ вопросамъ религіи, но и склонностію къ отрицанію всячаго догматическаго авторитета. Поляки, при всѣхъ своихъ тенденціяхъ къ возстановленію отечества, были всегда шляхетны: у нихъ много говорилось о народѣ, но подъ народомъ разумѣлось дворянство, или люди, приближающіеся къ дворянамъ, тогда какъ русскій, если былъ либераленъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлался ярымъ демократомъ и относился къ дворянскому достоинству не только презрительно, но даже съ ненавистью. Поляки хорошо понимали бездну, раздѣлявшую ихъ отъ русскихъ по понятіямъ и симпатіямъ, и потому совершенно справедливо со своей точки зрењія задавались необходимостію провести строгую, непроходимую менжу между Русью и Польшею, приписывая впрочемъ своей Польшѣ всю ту часть Руси, въ которой успѣли провести свой шляхетскій элементъ. Каковъ бы ни былъ москаль, либераленъ ли онъ или консервативенъ—для нихъ было все равно: достаточно того, что онъ москаль и не католикъ—онъ уже имъ чужой. При такомъ положеніи дѣлъ, при совершенномъ отчужденіи поляковъ отъ русскихъ, можно ли приписывать какія бы то ни было явленія въ русской жизни польскому вліянію? Съ другой стороны, и у русскихъ не видно было большой охоты къ сближенію съ поляками и сердечной любви къ нимъ. Несмотря на то, что въ русскихъ университетахъ уже давно преподавали славянскія нарѣчія, очень мало можно было встрѣтить молодыхъ людей

изъ великоруссовъ, сколько - нибудь знающихъ по-польски и интересующихся польскою литературою. Гораздо чаще можно было найти молодого человѣка, учившагося по-сербски, по-чешски, но не по-польски. Правда, въ началѣ послѣдняго польского восстанія, когда поляки тайными убийствами вооружили противъ себя русское общество, русскіе либералы были того мнѣнія, что Польшѣ, въ предѣлахъ ея народности, слѣдуетъ предоставить самобытное развитіе, но съ этимъ вмѣстѣ не соединялось ни малѣйшаго желанія заимствовать что нибудь для себя изъ явленій польской жизни. Что же касается до извѣстныхъ польскихъ претензій на принадлежность къ Польшѣ всего западно-руссскаго края и даже такихъ кореннѣхъ русскихъ мѣстностей, какъ Киевъ или Смоленскъ, то уже и тогда русская молодежь вооружилась противъ этого съ извѣстною долею фанатизма. Мнѣ разсказывали бывшіе въ заключеніи въ Кронштадтской крѣпости студенты, что у нихъ тамъ происходили безпрестанныя столкновенія съ поляками, готовыя даже разразиться дракою, если бы начальство не принимало мѣръ къ прекращенію споровъ и ссоръ. Студенческое дѣло производилось до конца 1861 года. Въ декабрѣ произошли двѣ важныя перемѣны въ администрації. Министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ удалился отъ должности; вмѣсто него назначенъ Головнинъ, и въ то же время с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ сдѣлался свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Съ тѣхъ поръ наступилъ рѣшительный поворотъ въ вопросѣ о студенческихъ волненіяхъ и объ университетскихъ порядкахъ. За нѣсколько дней до праздника Рождества Христова университетъ вторично былъ закрытъ и уже на долгое время.

Головнинъ предположилъ, посредствомъ выборныхъ лицъ ученаго сословія, составить новый университетскій уставъ, на мѣреваясь дать университетамъ возможно большую автономію. Всѣхъ студентовъ, заключенныхъ въ крѣпости, освободили и дозволили имъ держать окончательные экзамены, что неизбѣжно подало поводъ къ большому злоупотребленію, такъ какъ молодые люди, не выслушавшіе всего курса наукъ, являлись на окончательный экзаменъ и были пропускаемы со степенью кандидата: отъ начальства было сообщено профессорамъ, чтобы они были возможно снисходительнѣ къ этимъ юношамъ. Я самъ экзаменовалъ этихъ недоучившихся юношей и не могъ безъ смѣха слушать ихъ отвѣтовъ, обличавшихъ такое невѣжество, какое не-простительно было бы и для порядочнаго гимназиста. Такъ, напримѣръ, одинъ студентъ, сознавшійся, что слушалъ въ прошедшемъ году мои лекціи о Новгородѣ и Псковѣ, не могъ отвѣ-

тить, на какой рѣкѣ лежитъ Новгородъ; другой—не слыхалъ никогда о существованіи самозванцевъ въ русской исторіи; третій (это былъ впослѣдствіи составившій себѣ извѣстность въ литературѣ Писаревъ) не зналъ отъ томъ, что въ Россіи были патріархи, и не могъ отвѣтить, гдѣ погребались московскіе цари. Кандидаты петербургскаго университета 1861 года составили надолго своего рода знаменитость въ исторіи русскаго просвѣщенія. Правительство было чрезвычайно щедро и къ матеръяльнымъ нуждамъ выпущенныхъ изъ крѣпости студентовъ: каждый недостаточный студентъ, отправляясь по случаю закрытия университета къ родителямъ, получалъ изъ рукъ генераль-губернатора до ста рублей вспомоществованія. Министръ Головнинъ, вскорѣ по своемъ вступленіи въ должность, пожелалъ со мной познакомиться и пригласилъ вечеромъ къ себѣ. Я нашелъ въ немъ очень образованного и благонамѣренного дѣятеля; лично же ко мнѣ онъ былъ чрезвычайно любезенъ. Такъ какъ университетъ былъ закрытъ, и неизвѣстно было, когда онъ откроется, то, желая сохранить за мною профессорское содержаніе, министръ Головнинъ оставилъ меня при должности члена-редактора въ Археографической комиссіи съ сохраненіемъ профессорскаго жалованья на три года. Въ то же время я познакомился съ княземъ Суворовымъ, который принималъ меня очень радушно. Къ университетскому дѣлу князь относился съ особеннымъ добродушиемъ.

Въ началѣ 1862 года студенты, выпущенные изъ крѣпости, составили планъ публичныхъ лекцій. Устроено было такъ, чтобы эти лекціи не представляли чего-нибудь отрывочнаго, но имѣли бы видъ полнаго университетскаго курса. Нѣсколько профессоровъ, а въ томъ числѣ и я, согласились читать лекціи, каждый по своему предмету въ опредѣленные часы въ недѣлю и безъ всякаго вознагражденія за трудъ, принося, такимъ образомъ, свои ученыя занятія въ пожертвованіе въ пользу бѣдныхъ студентовъ: слушатели изъ общества обязывались платить по два рубля за весь курсъ каждого предмета, а посѣщеніе одной лекціи по билету стоило 25 копеекъ. Весь этотъ сборъ шелъ въ студенческую кассу, которою завѣдывали десять распорядителей лекцій изъ бывшихъ студентовъ. Съ февраля я началъ чтеніе русской исторіи съ периода XV-го вѣка, именно съ того периода, до которого довелъ свое чтеніе въ прошломъ году въ университетѣ. Вообще я раздѣлялъ русскую исторію по времени на два отдѣла: первый заключалъ исторію Руси удѣльно-вѣчевого уклада; второй—обнималъ Русь единодержавную. Первый отдѣлъ былъ уже мною прочитанъ въ университетѣ, теперь я предположилъ

читать второй отдѣлъ. Лекціи читаемы были въ большомъ залѣ городской думы, очень просторномъ и свѣтломъ, въ два свѣта, съ галлереями наверху. Такимъ образомъ, послѣ закрытія университета самъ собою возникъ новый, совершенно свободный университетъ, открытый для лицъ обоего пола всѣхъ званій и безъ всяаго официального начальства. Февраль прошелъ благополучно; но въ началѣ марта наступило неожиданное потрясеніе. Въ домѣ Руадзѣ, на Мойнѣ, происходилъ литературный вечеръ 5 марта. На этомъ вечерѣ, между прочими участниками, читалъ небольшую статью профессоръ Платонъ Васильевичъ Павловъ. Статья называлась «Тысячелѣtie Россіи» и была небольшимъ сокращеніемъ той статьи, которая въ томъ же году была напечатана въ календарѣ¹⁾. Передъ началомъ вечера Павловъ, увидя меня, подошелъ ко мнѣ и далъ мнѣ прочитать написанную имъ статью, спрашивая моего мнѣнія, годится ли она для чтенія на вечерѣ. Пробѣжавши ее, я отвѣчалъ, что, по моему мнѣнію, она не заключаетъ въ себѣ ничего, способнаго обратить неблагосклонное вниманіе властей, и что я вполнѣ раздѣляю его взглядъ на русскую исторію. Когда Павловъ взошелъ на каѳедру читать свою статью, студенты и другія лица изъ публики встрѣтили его такими громкими рукоплесканіями, которыя съ первого раза показывали чрезвычайное сочувствіе публики къ его личности, сочувствіе, котораго, правду надобно сказать, онъ вполнѣ заслуживалъ, какъ по своей многолѣтней профессорской дѣятельности, такъ и по направленію въ наукѣ, весьма нравившемуся тогдашней публикѣ, въ особенности же молодой. Профессоръ нѣсколько разъ былъ останавливаемъ и прерываемъ рукоплесканіями, болѣе на такихъ мѣстахъ, которыя могли имѣть либеральный смыслъ и которыя могли подать поводъ къ толкованіямъ въ дурномъ смыслѣ. По окончаніи чтенія, когда Павлова стали вызывать, онъ произнесъ текстъ изъ евангелія: «имѣющіе уши слышати, да слышатъ». Это до чрезвычайности понравилось публикѣ: его наградили самыми бѣшенными рукоплесканіями, которыя побудили его въ другой разъ повторить то же изреченіе. На другой же день мы всѣ узнали, что Павловъ арестованъ и ссылается въ Кострому. Студенты распорядители заволновались и стали ходить къ профессорамъ, представляя, что по этому поводу, въ видѣ демонстраціи, слѣдуетъ прекратить чтеніе лекцій. Нѣкоторые профессора поддались голосу студентовъ, но я энергически доказывалъ и тѣмъ и другимъ, что прекращеніе лекцій не имѣетъ никакого смысла, тѣмъ болѣе, что Павловъ навлекъ

¹⁾ «Академический мѣсяцесловъ» за 1862 г.

на себя нерасположеніе правительства вовсе не за эти лекцій, а по поводу тона чтенія, не имѣвшаго къ лекціямъ никакого прямого отношенія, и что дѣлать демонстраціи вообще въ нашемъ положеніи нелѣпо. Я успѣлъ отклонить нѣкоторыхъ профессоровъ отъ прекращенія лекцій: по поводу этого вопроса студенты распорядители собирали нѣсколько разъ профессоровъ въ ихъ квартирахъ и уговаривали прекратить лекціи; но я и нѣкоторые другіе профессора, принявши мое мнѣніе, упорно не хотѣли поддаваться студентамъ. Тогда студенты-распорядители сильно озлобились противъ меня, видя, что я становлюсь ихъ главною помѣхой къ произведенію демонстрацій, до которыхъ у нихъ родилась большая охота со времени студенческихъ смутъ, поведшихъ къ закрытію университета. Надобно замѣтить, что я, нѣкогда пользовавшійся у студентовъ большою любовью, сталъ уже прежде терять многое въ глазахъ ихъ. Меня почему-то считали вначалѣ отъявленнымъ либераломъ, даже революціонеромъ, и это было одною изъ причинъ того горячаго сочувствія, какимъ я пользовался у молодежи. Вѣроятно, къ тому мнѣнію обо мнѣ располагало молодежь мое долгое пребываніе въ ссылкѣ за политическое дѣло, котораго значенія они хорошо не знали. Еще въ предшествовавшемъ году, послѣ Святой недѣли, ко мнѣ явилась странная депутація изъ студентовъ, съ требованіемъ объясненія, что значитъ, что они видѣли меня въ день великой субботы прикладывавшимся къ плащаницѣ и причащавшимся св. таинъ. «Неужели, спрашивали они, я поступалъ съ вѣрою». Я отвѣчалъ имъ тогда же, что ничто не даетъ имъ права вторгаться въ мою духовную жизнь и требовать отъ меня отчета, а ихъ вопросъ: поступалъ ли я такъ съ вѣрою и сознаніемъ меня огорчаетъ потому, что я не изъ такихъ людей, которые бы безъ вѣры и убѣжденія притворялись для какихъ-то постороннихъ цѣлей въ священной сферѣ религіи. Студенты объяснили, что они обратились ко мнѣ съ такимъ вопросомъ оттого, что мои лекціи, пропитанныя свободными воззрѣніями, слушанныя ими долгое время, не заключали въ себѣ ничего такого, послѣ чего можно было бы ожидать отъ меня уваженія къ церковнымъ обрядамъ, свойственнаго необразованной толпѣ. На это я замѣтилъ имъ, что читалъ имъ русскую исторію, а не церковную и еще менѣе богословіе, слѣдовательно не могъ, по совѣсти, высказать имъ относительно своей собственной вѣры никакихъ ни пріятныхъ для нихъ, ни непріятныхъ убѣжденій; если же, по ихъ словамъ, мои лекціи отличались свободными воззрѣніями, то это одно понуждаетъ меня требовать отъ нихъ уваженія къ свободѣ совѣсти. Я прибавилъ, что если меня возмущали и теперь возму-

щаютъ темныя дѣянія католической инквизиціі, преслѣдовавшія безвѣріе, то еще болѣе возмущала бы наглость безвѣрія, преслѣдующая, какъ нравственное преступленіе, всякое благочестивое чувство. «Если вы, господа,—сторонники свободы, то научитесь сами уважать ее для тѣхъ мнѣній, которыхъ вамъ не нравятся и которыхъ вы опровергнуть положительно научнымъ способомъ не въ состояніи». Эта выходка студентовъ уже показала, что они во многомъ ошиблись относительно моей личности. Не нравилось имъ и то, что въ моихъ лекціяхъ они не могли отыскать никакихъ признаковъ либеральничанья, намекающаго на что-либо современное, такъ какъ всѣ лекціи мои имѣли строго-научный характеръ. Наконецъ, строгое неучастіе мое въ недавнихъ ихъ студенческихъ смутахъ и много разъ заявленное нежеланіе входить въ разсмотрѣніе вопросовъ, ихъ волновавшихъ, еще болѣе вооружили противъ меня молодежь. Теперь мое нежеланіе прекращать лекціи и мое увѣщаніе, обращенное къ профессорамъ о томъ же, сдѣлали меня въ глазахъ молодежи рѣшительнымъ противникомъ всякаго моднаго либерализма. Затаивши противъ меня злобу, студенты-распорядители сказали мнѣ, что они покинули свое намѣреніе прекратить публичныя лекціи, и, обнадеженный ихъ увѣреніями, я пріѣхалъ 9 марта на свою лекцію. На лѣстницѣ, при входѣ въ залъ, одинъ изъ молодыхъ профессоровъ сообщилъ мнѣ, что студенты, злясь на меня, устраиваютъ противу меня какой-то скандалъ. Назадъ я уже не могъ воротиться и смѣло вошелъ въ залъ. Вступая на каѳедру, я былъ озадаченъ вопросомъ одного изъ распорядителей, Утина: «Всѣ Ваши товарищи согласились прекратить лекціи, и мы сегодня заявимъ объ этомъ публично; какъ угодно будетъ Вамъ?»—«Если вы заявите публично, отвѣчалъ я, то и я съ своей стороны заявлю публикѣ собственное мнѣніе». Я вошелъ на каѳедру и прочиталъ лекцію о Столгавѣ, извѣстивши публику въ концѣ о томъ, какаго содержанія будетъ моя слѣдующая лекція. Не успѣль еще я сойти съ каѳедры, какъ на нее вскочилъ одинъ изъ распорядителей и объявилъ публикѣ, что по поводу ареста профессора Павлова всѣ профессора единогласно порѣшили прекратить чтеніе публичныхъ лекцій. Мое положеніе было странное послѣ того, какъ я за минуту передъ тѣмъ объявилъ публикѣ, въ чёмъ будетъ состоять содержаніе моей слѣдующей лекціи. Притомъ заявленіе о прекращеніи лекцій всѣми профессорами, читавшими въ этомъ залѣ, было несправедливо, такъ какъ мнѣ было достовѣрно извѣстно, что многіе, подобно мнѣ, не соглашались изъ угощенія студентамъ-распорядителямъ прекращать свое чтеніе. Наконецъ я считалъ себя и не въ правѣ, по волѣ какихъ

нибудь десяти человѣкъ, лишать многочисленную публику возможности слушать мой курсъ, который былъ почтенъ большими сочувствіемъ. Я объявилъ съ каѳедры, что другимъ, какъ угодно, а я не считаю себя въ правѣ прекращать чтеніе иначе, какъ только тогда, когда услышу отъ публики желаніе этого прекращенія. На мое заявленіе раздалось множество голосовъ: «читайте, читайте, непремѣнно читайте»; но въ это же время раздались студенческие свистки и посыпались ругательные слова. Давши время этому шуму успокоиться, я сказалъ публикѣ: «Эти крики и свистки меня не огорчаютъ; я служу наукѣ и высоко цѣню всякую свободу мнѣній, но подчиняюсь законнымъ дѣйствіямъ; но я не могу сочувствовать этому псевдо-либерализму, который пытается насиливать совѣсть и убѣжденія другихъ. Скажу вамъ милостивые государи, что эти либералы, которые такъ меня награждаютъ, не болѣе какъ Репетиловы, изъ которыхъ лѣтъ черезъ десять выйдутъ Расплюевы». Снова раздались свистки и ругательства, но ихъ заглушали рукоплесканія и одобрительные возгласы публики. Я вышелъ изъ зала провожаемый и тѣмъ и другимъ: въ одномъ мѣстѣ я слышалъ: «браво, Костомаровъ», въ другомъ—ругательства. Вышедши изъ зданія, я отправился вмѣстѣ съ профессоромъ Бекетовымъ въ трактиръ Балабина пить чай, куда пришелъ также книгопродавецъ Кожанчиковъ. Не успѣли мы усѣсться, какъ является оберъ-полицеймейстеръ Паткуль и требуетъ меня къ генераль-губернатору. Я вышелъ, полицеймейстеръ предложилъ мнѣ сѣсть въ его сани; я догадался, что онъ меня считаетъ арестованымъ. Когда я вошелъ въ квартиру князя Суворова, генераль-губернатора, разсмѣявшись, сказалъ по латыни: «*Quousque tandem abutere, academia Petropolitana, patientia nostra!*» (Доколѣ, петербургскій университетъ, будешь ты употреблять во зло наше терпѣніе!) «Что у васъ тамъ вышло? Ко мнѣ пріѣхалъ голова и наговорилъ мнѣ такого, что я понять не могъ». Я рассказалъ ему все, какъ было. Черезъ нѣсколько минутъ явился шефъ корпуса жандармовъ князь Долгорукій и, увидѣвши меня, сталъ также разспрашивать. Я рассказалъ и ему, какъ было дѣло. Онъ требовалъ назвать имена распорядителей, угрожая посадить ихъ тотчасъ въ крѣпость. Тогда я стала просить князя не дѣлать этого, такъ какъ весь этотъ беспорядокъ произошелъ изъ-за меня. Студенты стали мною недовольны и хотѣли учинить собственно мнѣ пакость—и если по такому цоду, да еще вслѣдствіе моихъ показаній, ихъ заключать въ крѣпость, то у меня это будетъ на совѣсти, и, кроме того, на меня падетъ незаслуженное и ничѣмъ несмываемое пятно. Поэтому я просилъ, если нужно по поводу случившихся безпорядковъ

предпринять что-нибудь, то, по крайней мѣрѣ, отстранивъ совершенно изъ слѣдствія случай, происшедшій со мною, и не поставивъ имъ въ виду нанесенное мнѣ оскорблениe. Князь Долгорукій сказалъ, что, изъ уваженія къ моей просьбѣ, онъ не предприметъ слѣдствія, касающагося собственно того, что произошло по поводу моей лекціи, но если узнаетъ что-нибудь за ними, не относящееся ко мнѣ, то не оставить ихъ безъ преслѣдованія. Оказалось, что послѣ моего ухода изъ зала, беспорядокъ продолжался: кто-то изъ молодежи говорилъ пламенную рѣчъ, въ которой требовалъ предать меня суду общественнаго мнѣнія и наказать всеобщимъ презрѣніемъ. Наконецъ, составляли какуюто подпиську о подачѣ адреса въ пользу Павлова. Князь Долгорукій исполнилъ свое обѣщаніе: ни одинъ изъ студентовъ-распорядителей не былъ арестованъ и даже привлечены къ разспросамъ насчетъ случившихся на моей лекціи беспорядковъ. Между тѣмъ нѣсколько профессоровъ составили адресъ и подали его министру Головину. Въ этомъ адресѣ просили снисхожденія ихъ товарищу Павлову; текстъ адреса былъ написанъ мѣю, и я вмѣстѣ съ двумя профессорамиѣздили къ министру подать его. Ходатайство наше не имѣло успѣха, хотя министръ отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ судьбѣ осуждаемаго профессора. Князь Суворовъ также увѣрялъ нась, что при всемъ его желаніи, не въ его силахъ добиться возможности спасти Павлова отъ ссылки. Спустя нѣсколько недѣль Павловъ былъ отправленъ на жительство подъ надзоръ полиціи въ Кострому. Я собирался продолжать свои публичныя лекціи и только искалъ мѣста для чтенія, такъ какъ Дума, послѣ случившагося скандала, не соглашалась уступить своего зала. Тутъ пріѣхалъ ко мнѣ Чернышевскій и сталъ просить меня не читать лекцій и не раздражать молодежь, потому что, какъ ему извѣстно, молодежь, сильно негодуя противъ меня, собирается устроить мнѣ въ моей аудиторіи скандалъ похоже прежняго. Я отвѣчалъ, что если ему это извѣстно, то гораздо справедливѣе было бы обратиться не ко мнѣ, а къ тѣмъ, которые думаютъ устроить скандалъ, и уговорить ихъ не дѣлать этого. Чернышевскій уѣхалъ отъ меня разсерженный и сказалъ, что постарается пріостановить мои лекціи просьбою у министра и у генераль-губернатора. Я заявилъ ему, что если правительственные лица, облеченные правомъ, пріостановятъ чтеніе лекцій во избѣжаніе беспорядковъ, то я подчинюсь этому; притворяться же больнымъ, когда я не боленъ, не стану, потому что это значило бы, заявивши публикѣ о будущемъ моемъ чтеніи, вдругъ испугаться молодежи и волею-неволею примкнуть къ ихъ партіи и участвовать въ программѣ ихъ дѣйствій. Черезъ день послѣ

этого, я получилъ отъ министра извѣщеніе о томъ, что чтеніе публичныхъ лекцій пріостанавливается. Минъ неизвѣстно: сдѣлано ли это было при ходатайствѣ Чернышевскаго или безъ него, но дѣло тѣмъ для меня не кончилось. Я началъ получать одно за другимъ анонимныя письма, составляемыя съ явнымъ желаніемъ оскорбить и раздразнить меня. Въ нихъ, между прочимъ, меня укоряли въ томъ, что на желаніе студентовъ закрыть лекціи я не поддался съ намѣреніемъ поддѣлаться къ правительству въ милость и получить орденъ. Кромѣ того, въ газетахъ начали появляться летучія статейки, въ которыхъ задѣвали меня, иногда даже не касаясь происшедшаго въ Думѣ безпорядка, а придираясь то къ тому, то къ другому изъ моей литературной дѣятельности, съ явнымъ желаніемъ тѣмъ или другимъ задѣть и уязвить меня. Наконецъ всѣ незаслуженные укоры и клеветы, распространяемыя про меня и доходившія до моего слуха, привели меня въ такую досаду, что я поѣхалъ къ министру и объявилъ ему о своемъ нежеланіи быть болѣе профессоромъ петербургскаго университета. Тогда я невольно вспомнилъ день, въ который читаль вступительную лекцію въ университетѣ, а вечеромъ былъ въ театрѣ на представлѣніи «Пророка» и замѣтилъ тогда же моему знакомому доктору, что не слѣдуетъ слишкомъ обольщаться расположениемъ толпы, которая легко можетъ нанести незаслуженное оскорблѣніе тому, кого недавно возносила, если услышитъ отъ него непріятный ея самолюбію голосъ правды. Министръ принялъ отъ меня прошеніе, замѣтивши, что быть можетъ я передумаю, и во всякомъ случаѣ онъ будетъ имѣть меня въ виду для одного изъ русскихъ университетовъ. Несмотря на оскорблѣнія, нанесенные мнѣ университетскою молодежью, я тогда же получилъ свидѣтельство о томъ, что направленіе заявленное этою же молодежью не раздѣляется публикою и, напротивъ, много такихъ лицъ, которыхъ иными глазами смотрѣть на мои дѣйствія. Ко мнѣ принесли адресъ, подписанный болѣе чѣмъ двумя стами особъ обоего пола, бывшихъ моими слушателями въ залѣ городской думы. Между ними было большинство студентовъ. Въ этомъ адресѣ сознавали справедливость моего поступка и изъявляли, что оцѣнили мою любовь къ наукѣ и мою готовность служить всѣми средствами обществу. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ адресъ подписалъ въ числѣ прочихъ одинъ изъ бывшихъ студентовъ, награждавшій меня свистками и ругательствами. Онъ самъ сознавался мнѣ въ прежней своей продѣлкѣ противъ меня и объяснялъ ее тѣмъ, что товарищи возымѣли надъ нимъ вліяніе, постаравшись представить меня въ дурномъ свѣтѣ, какъ заклятаго врага молодежи и всѣхъ современныхъ прогрессивныхъ

движений. Эта думская исторія оставила на меня глубокое впечатлѣніе, которое перемѣнило многое въ моихъ убѣжденіяхъ. Я увидѣлъ, что большинство русской того времени молодежи, въ научные силы которой я простодушно вѣрилъ, легко могло быть увлекаемо трескучими фразами, шумихой, но оно мало цѣнило посвященіе себя наукѣ.

Все это дѣжалось въ эпоху самаго крайняго развитія либерального движения умовъ въ Россіи. Въ образованной молодежи начиналось направление, которое такъ характеристично прозвано нигилизмомъ. То было недовольство всѣмъ существующимъ общественнымъ, семейнымъ и политическимъ строемъ, у иныхъ, переходившее уже въ мечтанія о перестройкѣ общественного зданія,—у другихъ ограничивалось либеральными охужденіями всего того, что нравилось правительству и пожилымъ людямъ. Начало этого направленія можно прослѣдить еще съ 50-хъ годовъ—въ періодъ предшествовавшаго царствованія. Сочиненія Прудона читались съ наслажденіемъ мыслящою молодежью. Собственно Прудонъ не могъ своимъ вліяніемъ повести къ созданию какой бы то ни было общественной теоріи: Прудонъ былъ только критикъ общества, критикъ часто ловкій и безжалостный, но онъ былъ настолько благоразуменъ, что, указывая болѣзnenныя стороны общественного быта, не въ состояніи будучи сказать навѣрное, что такія лекарства окажутся дѣйствительными. Въ этомъ то отсутствіи утопій и заключается сила и достойная уваженія сторона французского мыслителя; зато, не прописывая самъ цѣлебныхъ средствъ противъ общественныхъ язвъ, но открывая предъ взорами всѣхъ эти язвы, Прудонъ подалъ широкій поводъ другимъ братъ на себя должностъ общественныхъ врачей и создавать всякаго рода мечтательныя теоріи объ улучшеніи условій жизни человѣческаго общества. Въ предшествовавшее царствованіе, при чрезвычайномъ стѣсненіи мысли въ печати, навѣянныя чтеніемъ Прудона идеи не смѣли явно кружиться въ публикѣ. Настало новое царствованіе, а съ нимъ—иныя времена. Само правительство рядомъ предназначатыхъ реформъ показало, что у насъ накопилось много требующаго измѣненія. Русскіе умы стали проникаться мыслю, что въ Россіи слишкомъ много дурнаго, и наше общество требуетъ радикального возрожденія. Какъ всегда и вездѣ бываетъ, мыслящая молодежь несется безъ удержанья впередъ; все, что дѣлается вокругъ нея, хотя бы съ явными цѣлями улучшеній, ей кажется малымъ, недостаточнымъ; ей хотѣлось бы видѣть совершившимся въ нѣсколько мѣсяцевъ то, на что, по неизмѣннымъ законамъ исторіи, потребны годы, де-

сятки лѣтъ и даже зѣка! «У насъ все дурно!»—такан фраза сдѣлалась модною и стереотипно произносилась всяkimъ, кто не хотѣлъ быть или казаться отсталымъ. Что въ нашемъ общественномъ строѣ, какъ и вообще во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, есть темная стороны—это ни для кого не новость, и иначе быть никогда не могло, пока человѣчество проходитъ свое земное по-прише; но пылкая молодежь рѣдко умѣеть отличать злоупотребленія отъ сущности того, чѣмъ злоупотребляетъ, склонна бываетъ смѣшиватъ то и другое и вмѣсто того, чтобы обрѣзывать вѣтви дерева, мѣшающія его росту, посягаетъ на самыи корень. Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, молодежь стала попирать все, предъ чѣмъ старое поколѣніе благоговѣло: религию, государственность, нравственность, законъ, семейство, собственность, даже искусство, поэзію и таланты. Наука имѣла для нея важность только въ утилитарномъ отношеніи, насколько она могла содѣйствовать улучшенію материальнаго быта человѣка. Все, что прежде считалось достояніемъ духовнаго міра, отвергалось, какъ праздное занятіе, и самый духовный міръ назывался мечтою. Нѣть сомнѣнія, что во всѣхъ исчисленныхъ сферахъ были всегда и вездѣ темные стороны, возбуждавшія умъ къ критикѣ. Религія, въ вульгарномъ смыслѣ, нисходила до ханжества или безсмысленной приверженности къ символической буквѣ; государственность, какъ показывала исторія, нерѣдко являлась въ формѣ безсмысленнаго насилия надъ массами народа; люди государственные придавали ореолъ святости тому, что держалось на обманѣ, создавали права, основанныя вначалѣ на дикой силѣ; законъ часто выказывался безсильнымъ противу людскихъ пороковъ или служилъ имъ благовидною прикрышкою; права собственности, упорно защищаемыя собственниками, обличали свою несостоятельность, какъ только подвергались критикѣ средства возникновенія и упроченія собственности; семейство представляло слишкомъ частые случаи, показывающіе, что на дѣлѣ происходило совсѣмъ не то, что признается предразсудками общества; нравственность вообще имѣла очень шаткое и неточное примѣненіе; что въ одно время или въ одномъ мѣстѣ считалось нравственнымъ, то въ иныхъ временахъ и мѣстахъ признавалось противнымъ; наконецъ искусство, поэзія и свободная наука оказывались, по большей части, привилегіями счастливцевъ міра сего, эксплуатировавшихъ бѣдную, невѣжественную массу народа. Такой мрачный взглядъ на человѣческія отношенія не былъ новостью: самъ Спаситель Христосъ положилъ ему начало для своихъ послѣдователей. Его пламенная проповѣдь противъ фарисеевъ была осужденіемъ и приговоромъ для ханжества всѣхъ

вѣковъ. Въ противоположность земному величію владыкъ и царей, требовавшихъ себѣ поклоненія, Спаситель указалъ правила признавать старшимъ надъ всѣми того, кто будетъ всѣмъ слугою.

Какъ мало Спаситель цѣнилъ важность нашихъ имущественныхъ правъ, которыя мы привыкли считать дѣломъ первой важности, показываетъ отвѣтъ его человѣку, просившему его разрѣшить споръ о наслѣдствѣ. Суровость и вмѣстѣ несостоительность карательного правосудія наглядно обличены Христомъ въ его приговорѣ надъ женою прелюбодѣйницею. Слова, сказанныя Петру, хотѣвшему въ порывѣ любви защищать ножемъ своего учителя, послужили рѣшительнымъ неодобреніемъ всякаго военнаго права. Наконецъ христіанское общинное устройство, возникшее у Христовыхъ послѣдователей въ первый же день основанія Христовой церкви, когда всѣ имущіе сносили свое достояніе къ ногамъ апостоловъ—все это признаки, показывающіе, что въ духѣ христіанства лежало иное начало общественнаго строя, что цѣль Христовой проповѣди была радикальное возрожденіе человѣка или, какъ выражался апостоль, преобразованіе ветхаго человѣка въ новаго. Но въ томъ-то и высота христіанскаго ученія, что оно, указывая человѣку идеаль, съ одной стороны не думаетъ принуждать его насилиемъ къ воспринятію этого идеала на землѣ, нѣ показываетъ только путь къ достижению его на небѣ, а самое стремленіе къ иску на землѣ ставить только условіемъ къ получению небеснаго блаженства. Христость, какъ Богочеловѣкъ, зналъ слишкомъ человѣческую натуру и не задавалъ для нея несбыточныхъ утопій; напротивъ, въ Своихъ предсказаніяхъ о будущей судьбѣ человѣчества, напоминаль, что въ мірѣ всегда будутъ и войны и всякия физическая бѣдствія, нарушающія материальное благосостояніе человѣка. Отъ этого, если черты, показывавшія, что христіанство требовало отъ человѣческаго общества иныхъ условій противъ тѣхъ, съ какими оно существовало прежде, наскали воображеніе головъ, задававшихся всякими мечтаніями о преобразованіи человѣческихъ обществъ, то съ другой стороны строгій и нельстивый приговоръ Христа о непрекращаемости всякаго рода бѣдствій, мѣшившихъ полному счастію на землѣ, отталкивалъ ихъ отъ Христовой вѣры. Такъ случилось на западѣ въ XVIII вѣкѣ; тотъ же процессъ происходилъ и у насъ въ описываемое время. Наши либералы стали съ первого же раза во враждебное отношеніе къ христіанству и всѣмъ его доктринаамъ и нравственнымъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что положительная религія, въ формѣ церкви, освящала законность всѣхъ условій общественнаго и политическаго быта, въ кото-

рыхъ видѣлись темныя стороны. Съ отверженiemъ христіанства отвергалась идея будущей жизни; человѣкъ признавался существующимъ только на землѣ до могилы, и вся цѣль его ограничивалась материальнымъ міромъ. Мыслящая молодежь наша пропиталась самыми крайнимъ господствомъ материалистическихъ ученій и побужденій. Съ отверженiemъ Бога и духовнаго міра, не оставалось уже вѣчныхъ нравственныхъ историческихъ законовъ: все казалось возможнымъ въ человѣческомъ мірѣ по желанію человѣка. Не нужно было ни постепенности, ни разъясненія подробностей, при которыхъ могло совершаться возрожденіе общества. «Мы хотимъ; нужно только внушиТЬ, чтобы и другое того же хотѣли, чего мы,—а кто станетъ упорствовать, того большинство, склоненное къ намъ, станетъ безжалостно истреблять». Таковъ былъ девизъ тогдашихъ либераловъ, возомнившихъ стать преобразователями общества. Имъ дали кличку «нигилистовъ», и сами они не стыдились этой клички, а еще хвалились ею.

Нигилизмъ сильно сталъ охватывать умы молодежи, и каждый день увеличивались сотнями полки его послѣдователей. Отъ прежнихъ либераловъ нигилисты, какъ я сказалъ уже выше, стали отличаться крайнимъ неуваженiemъ къ положительной наукѣ, признавая полезнымъ только утилитарную часть реальныхъ наукъ, содѣйствующихъ материальному благосостоянію человѣка. Отсюда возникла въ молодежи видимая наклонность къ естествознанію, но эта наклонность мало произвела между ними полезныхъ дѣятелей въ сферѣ естественныхъ наукъ. Возникла мода заниматься естествознаніемъ; но замѣчательно, что никто столько не возмущался этой модой и не признавалъ за нею дурныхъ сторонъ, какъ люди, дѣйствительно посвятившіе себя специальному изученію естествознанія въ различныхъ его сферахъ. Гимназисты и недорослія дѣвочки съ увлечениемъ бросались собирать насѣкомыхъ и изучать формы и названія растеній, но дѣйствительнаго плодотворнаго изученія природы за ними не было. Это была какая-то игра въ естествознаніе. Задавались мыслю, что общественные связи и условія подлежатъ коренному измѣненію: молодежь бросилась на мечтанія объ общинномъ житіи. Стали заводиться кружки, куда входили молодые лица обоего пола, и составляться коммуны, гдѣ жили общимъ трудомъ и общими средствами мужчины и женщины. Несостоятельность такого способа житія сказалась на первыхъ же порахъ, такъ что большая часть этихъ коммунъ разстраивалась сама собою скоро послѣ своего основанія. Бракъ признавался дѣломъ эгоистичнѣй и потому безнравственнымъ. Дѣвицы стали переходить отъ

сожитія съ однимъ къ сожитію съ другимъ безъ всякаго стѣсненія совѣсти и даже хвастаясь этимъ, какъ подвигомъ новаго строя жизни, достойнымъ человѣческой природы. Возникли мечтанія о расширеніи нигилистического ученія въ массѣ, и средствомъ для того считали тайное печатаніе и распространеніе листковъ или прокламаций, призывавшихъ общество къ преобразованію путемъ кровавой революціи. Молодое поколѣніе при такомъ направленіи естественно становилось въ разрѣзъ со старымъ; отсюда начались враждебныя отношенія дѣтей къ родителямъ и вообще молодыхъ къ старымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ молодежи развивалась мысль, что для благой цѣли общественного преобразованія не нужно стѣсняться ни въ какихъ средствахъ; всѣ мѣры признавались хорошими, если только въ виду имѣлась желанная цѣль. Это была самая черная и возмутительная сторона современного нигилизма. Пусть бы у нигилистовъ были какіе угодно идеалы обѣ устройствъ общества, но если бы путь къ достижению этихъ идеаловъ согласовался со враждебными душами человѣка принципами нравственности, нигилисты не представляли бы слишкомъ опасныхъ элементовъ, такъ какъ ничто не можетъ поставить отпора безпощадной силѣ логики и убѣждений. Что бы ни взяло верхъ въ человѣческомъ обществѣ, со всѣмъ пришлось бы мириться, лишь бы только это совершилось тою неотразимою силою признанной истины, которая всегда двигала и вѣчно будетъ двигать исторіею рода человѣческаго; но какъ скоро допустится столь извѣстное у іезуитовъ правило для доброй цѣли позволять дурныя средства, то самая добрая цѣль превращается во вредную, а злые мѣры, отъ которыхъ общество не въ силахъ будетъ уберечься, принесутъ свои злые плоды, и послѣдніе непремѣнно окажутъ вредоносное вліяніе, хотя бы и временное. Впрочемъ, всѣ эти нигилистические теоріи и попытки тѣмъ или другимъ способомъ примѣнять ихъ къ жизни не могли имѣть слишкомъ продолжительного и широко-вліятельного послѣдствія на духъ и жизнь русскаго народа. Они были вредны и опасны потому, что увлекали интеллигентное юношество обоего пола въ тѣ нѣжные годы жизни, когда пріобрѣтаются научныя знанія и устанавливаются воспитаніемъ нравственные жизненные приемы. Вмѣсто полезныхъ общественныхъ дѣятелей, въ той или другой формѣ, вырабатывались разные либеральные болтуны, заносчивые хвастуны, воображавшіе за собою такія достоинства, какихъ на самомъ дѣлѣ не было, а въ концѣ-концовъ—вредные лѣнивцы, твердившіе о трудѣ, а на самомъ дѣлѣ бѣгавшіе истинно полезнаго труда, или своимъ порочнымъ отношеніемъ портившіе его, когда за него принимались. Вѣнцомъ всего былъ страшный эгоизмъ,

выразившійся впослѣдствіи тѣмъ, что значительная часть такихъ юныхъ преобразователей общества, возмужавши, переродилась въ биржевыхъ игроковъ и эксплоататоровъ чужой собственности всѣми возможными средствами; тѣ же, которые остались энергически преданными своимъ нигилистическимъ теоріямъ, оправдывающимъ всякое средство для цѣли, нравственно произвели поколѣніе безумныхъ фанатиковъ, отваживающихся проводить свои убѣжденія кинжалами и пистолетами. Таковы были неизбѣжныя послѣдствія ученія, главнымъ образомъ, задававшагося материализмомъ и отверженiemъ нравственного закона, вложеннаго въ сердце человѣка высочайшимъ вѣчнымъ разумомъ. управляющимъ по невѣдомымъ намъ путямъ всею судьбою исторіи человѣчества.

Николай II въ Москвѣ въ 1912 г.

(Матеріалы Московскаго Охраннаго Отдѣленія).

Всякій монархъ долженъ время отъ времени показываться своему народу. Какъ ни рисковано это часто бываетъ, «положеніе обязываетъ», и ему нужно появляться не только среди придворныхъ, нужно быть «среди своихъ вѣрноподанныхъ», нужно, чтобы его видѣли тысячи людей.

Долженъ былъ общаться съ народомъ и послѣдній изъ Романовыхъ, но эти «общенія» особенно ярко показали всю ненародность самодержавія. «Ходынка» и «9-е января 1905 года» окончательно превратили въ истинно «безсмысленныя мечтанія» идеи о народности самодержавія. 18 мая 1896 г. царь пошелъ къ народу и увидѣлъ трупы, 9-го января 1905 г. народъ пошелъ къ царю за правдой и услышалъ стрѣльбу и увидѣлъ разстрѣливающихъ.

Насколько эти «встрѣчи», сыгравшія роковую роль для самодержавія, были трагичны, насколько комичны «удавшіяся» «общенія обожаемаго монарха со своими вѣрноподанными». Объ этихъ псевдо-народныхъ встрѣчахъ прекрасно писалъ Л. Толстой Николаю II:

«Васъ, вѣроятно, приводитъ въ заблужденіе о любви народа къ самодержавію и его представителю—царю то, что, вездѣ, при встрѣчахъ Васъ въ Москвѣ и другихъ городахъ толпы народа съ криками «ура» бѣгутъ за Вами. Не вѣрьте тому, чтобы это было выраженіемъ преданности Вамъ,—это толпа любопытныхъ, которая побѣжитъ точно такъ же за всяkimъ непривычнымъ зрѣлищемъ. Часто же эти люди, которыхъ Вы принимаете за выразителей народной любви къ Вамъ, суть не что иное, какъ полиціей собранная и подстроенная толпа, долженствующая изображать преданный Вамъ народъ, какъ напримѣръ, это было съ Вашимъ дѣдомъ въ Харьковѣ, когда соборъ былъ полонъ народа, но весь народъ состоялъ изъ переодѣтыхъ городовыхъ».

Рассказать, на основаніи документовъ Московскаго Охраннаго

Отдѣленія, какъ организовывались встрѣчи царя «народомъ» въ Москвѣ въ 1912 г., и является нашей задачей.

Пріѣздъ царя въ Москву это—экзаменъ для охранки. Декабрьскія события 1905 г. въ Москвѣ, убийство секретнымъ сотрудникомъ Департамента Полиціи въ 1911 г. Столыпина въ киевскомъ театрѣ въ присутствіи царя заставляли Московское Охранное Отдѣленіе особенно старательно готовиться къ этому экзамену. Съ другой стороны, чѣмъ отъ большей грозившей опасности спасешь царя, тѣмъ большую благодарность отъ него заслужишь. И вотъ «слуги царскіе» старались...

14 января 1912 г. состоялось первое засѣданіе «Комиссіи по выработкѣ мѣръ охраны во время празднованія столѣтнаго юбилея Отечественной войны въ г. Москвѣ и въ Московской губерніи». Предсѣдателемъ Комиссіи былъ товарищ министра внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Золотаревъ, членами: директоръ Департамента Полиціи т. с. Зуевъ, временно командующій отдѣльнымъ корпусомъ милиции ген.-лейт. Гершельманъ, московскій губернаторъ ген.-м. Джунковскій, московскій градоначальникъ ген.-м. Адріановъ, вице-директоръ Департамента Полиціи с. с. Бѣлецкій, исп. об. вице-директора департамента полиціи с. с. Виссаріоновъ, завѣд. особ. отдѣл. Департамента Полиціи полковн. Ереминъ, завѣдыв. охранной агентурой, подвѣдомственной дворцовому коменданту, полковн. Спиридовичъ и начальникъ Московскаго Охраннаго Отдѣленія полковникъ Заварзинъ.

Сначала Комиссія занялась выработкой проекта программы юбилейныхъ торжествъ въ маѣ и августѣ 1912 г. Несколько программа эта стояла въ зависимости отъ степени безопасности царя, свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто журнала Комиссіи:

«Предсѣдатель указалъ на нежелательность включать въ программу поѣздку въ Фили и на Поклонную гору, куда дорога ведетъ очень длиннымъ (около шести верстъ) и небезопаснымъ съ точки зрѣнія охраны путемъ.

На случай же, если Его Императорскому Величеству будетъ благоугодно посѣтить указанныя мѣста, о чемъ, по свѣдѣніямъ Московскаго Губернатора, уже давно ходатайствуетъ разными путями общество хоругвеносцевъ, на счетъ которыхъ устраивается въ Филяхъ часовня, надлежитъ все-таки принять всѣ необходимыя мѣры охраны.

Попутно на совѣщаніи было отмѣчено, что и поѣздка въ Кустарный музей, находящійся въ очень узкомъ Леонтьевскомъ переулкѣ, тоже крайне небезопасна, на что генералъ Джунковскій указалъ, что исключить ее изъ проекта программы не пред-

ставляется возможнымъ съ точки зрењія политической. Дворянство принимаетъ Его Величество въ Дворянскомъ домѣ, городъ въ зданіи Городской Думы, земство предполагаетъ принять въ зданіи Кустарного Музея, какъ въ единственномъ наиболѣе удобномъ и интересномъ изъ находящихся въ его распоряженіи помѣщеній; исключение же изъ программы этого пункта повлекло бы за собой полѣвѣніе земства.

Засимъ далѣе, Комиссія отмѣтила, что во время послѣднихъ путешествій Его Императорскаго Величества въ Полтаву, Ригу и Киевъ часто происходили уже по пріѣздѣ Государя Императора, по ходатайству мѣстныхъ властей, отклоненія отъ существовавшихъ программъ, что крайне неудобно съ точки зрењія охраны. Въ сихъ видахъ Комиссія полагала бы предусмотрѣть всѣ возможныя мѣста посѣщенія и войти съ особымъ предъ Министромъ Двора ходатайствомъ, чтобы по прибытіи на торжества уже не происходили измѣненія утвержденной программы».

Предположеніе Джунковскаго о «полѣвѣніи» земства въ случаѣ непосѣщенія царемъ Кустарного Музея, очевидно, возымѣло свое дѣйствіе: посѣщеніе состоялось, но въ Фили и на Поклонную гору царь, какъ и желали охранники, не поѣхалъ, ибо охранить его на протяженіи цѣлыхъ шести верстъ (шутка сказать!) въ города охранникамъ представлялось слишкомъ хлопотливымъ дѣломъ.

Послѣ обсужденія проекта программы торжествъ, Комиссія перешла къ выработкѣ «мѣръ обезпеченія охраны порядка» въ Москвѣ, подробно остановившись на соображеніяхъ, выработанныхъ Московскимъ Охраннымъ Отдѣленіемъ.

«Соображенія» эти настолько интересны, такъ полно и всесторонне рисуютъ намъ картину подготовки общенія «обожаемаго монарха со своими вѣрноподанными въ Первопрестольной», что и мы въ свою очередь остановимся на нихъ подробнѣе.

Совершенно секретно.

С О О Б Р А Ж Е Н И Я

по Отдѣленію по охраненію общественной безопасности и порядка въ гор. Москвѣ о мѣрахъ, кои необходимо принять въ виду предстоящаго въ 1912 году пребыванія въ здѣшней столицѣ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

(При составленіи настоящихъ соображеній взяты въ основаніе руководящія указанія, изложенные въ письмахъ, на имя г. Московскаго Градоначальника Генерал-Майора Адріанова, за Министра, бывшаго г. Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ

Генералъ-Лейтенанта Курлова отъ 3 августа 1909 года за № 11-
отъ 8 того же августа за №№ 13 и 14 и отъ 12 ноября 1909 года
за № 294, а также опытъ по предыдущимъ работамъ при Высо-
чайшихъ пребываніяхъ въ Москвѣ и указанія, преподанныя
Охранному Отдѣленію Г. Градонаачальникомъ.)

*А) Мѣры, къ осуществленію коихъ необходимо приступить
теперь же.*

1) Установить усиленное какъ внутреннее, такъ и наружное наблюденіе за дѣятельностью существующихъ въ Москвѣ революціонныхъ организацій, въ особенности партіи соціалистовъ-революціонеровъ и другихъ съ террористическимъ направленіемъ. Ликвидация таковыхъ организацій должна быть подготовлена до пріѣзда заблаговременно.

2) Усилить выясненіе неблагонадежнаго элемента, находящагося въ столицѣ, для чего представляется необходимымъ продолжать еще интенсивнѣе фактическую проверку: проживающихъ постоянно, останавливающихся проѣздомъ и выѣзжающихъ,—способомъ, указаннымъ въ одобренныхъ Московскимъ Градонаачальникомъ положеніи о Московскомъ Регистраціонномъ Бюро и руководящихъ указаніяхъ этому Бюро по наблюдению за лицами, прѣѣзжающими въ Москву.

3) Учредить при отдѣленіи Справочное Бюро для работъ по заблаговременной заготовкѣ справокъ на всѣхъ лицъ, проходящихъ по дѣламъ Отдѣленія, проживающихъ по неизбѣжному пути слѣдованія. Кроме того, подробныя справки необходимы по всей работѣ Регистраціонного Бюро и Бюро по сформированію добровольной охраны.

4) Заблаговременно систематизировать планъ работъ по осмотру владѣній, а равно подземныхъ и надземныхъ техническихъ сооруженій по путямъ, по коимъ прослѣдованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ неизбѣжно.

5) Учредить Бюро по сформированію добровольной охраны.
Осуществленіе вышеизложенныхъ мѣропріятій потребуетъ:

1) Усиленія теперь же Московскаго Охраннаго Отдѣленія б-ю офицерами Отдѣльного Корпуса Жандармовъ, независимо отъ состоящихъ въ прикомандированіи въ настоящее время, причемъ вновь прикомандированные будутъ распределены слѣдующимъ образомъ: а) одинъ завѣдывать Московскимъ Регистраціоннымъ Бюро, для котораго въ настоящее время офицера нѣть; б) два для приведенія въ порядокъ и болѣе детальной разработки плановъ отдѣльныхъ участковъ гор. Москвы по мѣсту пребыванія

Ихъ Императорскихъ Величествъ, Министровъ и другихъ высоко-поставленныхъ лицъ, а равно маршрутовъ Высочайшаго слѣдованія въ столицѣ и ся окрестностяхъ; в) одинъ для разработки регистратуры по домамъ и систематизаціи таковой на предмет веденія списковъ неблагонадежнаго элемента въ такомъ порядкѣ, чтобы списки эти постоянно отвѣчали данному моменту, а не времени первоначального ихъ составленія. Этотъ же офицеръ имѣть быть приспособленъ для обширнаго Справочнаго Бюро, которое возникаетъ при Высочайшихъ проѣздахъ и требуетъ со стороны офицера знакомства съ техникой работы Отдѣленія, и г) одинъ для завѣдыванія обычательской «добровольной» охраны. Предназначаемыя въ эту охрану лица подлежать въ значительной части провѣркѣ не только по спискамъ въ архивѣ, но и наведеніемъ справокъ по мѣсту ихъ жительства. Кромѣ того, съ ними необходимо вести нѣкоторое время занятія по ознакомленію съ приемами охраны.

II) Увеличенія штата имѣющихъся въ Отдѣленіи 41 полицейскихъ надзирателей на 18 человѣкъ.

Необходимо 59 человѣкъ надзирателей по слѣдующему расчету: 1 для несенія службы старшаго въ командѣ, 48 человѣкъ въ районахъ полицейскихъ участковъ, по 1-му на каждый участокъ, и 10 надзирателей для наблюденія на вокзалахъ.

III) Увеличенія штата служащихъ канцеляріи на 10 вольнонаемныхъ канцелярскихъ служителей для подготовительныхъ работъ по Высочайшему прїѣзду.

IV) Усиленія функціонирующаго при Отдѣленіи (безъ специальнаго отпуска изъ Департамента) Регистраціоннаго Бюро 10-ю вольнонаемными писцами.

V) Найма 6-ти человѣкъ вольнонаемныхъ писцовъ для Бюро по сформированію добровольной охраны.

VI) Найма 15-ти человѣкъ вольнонаемныхъ писцовъ для Справочнаго Бюро.

VII) Усиленія внутренняго и наружнаго наблюденія за дѣятельностью и сношеніями революціоннаго элемента, проживающаго въ столицѣ.

VIII) Принимая во вниманіе, что помѣщеніе Московскаго Охраннаго Отдѣленія и при настоящемъ составѣ служащихъ совершенно не отвѣчаетъ своему назначенію по отношенію высоты, площади и кубическому содержанію, а при учрежденіи новыхъ отдѣловъ Отдѣленія значительно увеличится штатъ служащихъ, то необходимо нанять для этихъ отдѣловъ соотвѣтствующее помѣщеніе, каковое должно быть присмотрѣно теперь же, а нанято съ 1 января 1912 года въ виду того, что въ дальнѣйшемъ

возрастуть въ Москвѣ цѣны на всѣ свободныя квартиры въ нѣсколько разъ.

IX) Пріобрѣтенія для коннаго двора трехъ городскихъ выѣздовъ, двухъ автомобилей, постановки дополнительныхъ телефоновъ и проч.

Что же касается дополнительного, со дня утвержденія сего проекта, денежнаго отпуска, то нынѣ, согласно вышеизложеннаго, намѣчаются слѣдующія статьи расхода:

а) 18-ти полицейскимъ надзирателямъ (п. II)		
по 50 р. жалованья и 15 р. расходныхъ		
въ мѣсяцъ, всего	1.170	р. въ мѣсяцъ
б) 10-ти вольнонаемнымъ канцелярскимъ	600	» » »
служителямъ (п. III)		
в) 10-ти вольнонаемнымъ писцамъ Регистра-	500	» » »
ціоннаго Бюро (п. IV)		
г) на расходы 48 околоточнымъ надзирате-		
лямъ и 100 городовымъ, откомандирован-		
нымъ въ Регистраціонное Бюро г. Москов-		
скимъ Градоначальникомъ изъ состава		
Столичной Поліції	1.220	» » »
д) Изготовка пакетовъ и пріобрѣтеніе пись- менныхъ принадлежностей для Регистра- ціоннаго Бюро (будеть расходоваться въ мѣсяцъ до ста тысячъ конвертовъ) и дру- гіе расходы по означенному Бюро (п. IV)	250	» » »
е) 6-ти вольнонаемнымъ писцамъ Бюро по сформированію добровольной охраны (п. V)	360	» » »
ж) Канцелярскіе расходы по Бюро добро- вольной охраны, расходные по разѣздамъ, приглашенія пятисотниковъ, сотниковъ и прочіе расходы по организації (сюда же относится ежемѣсячный расходъ въ раз- мѣрѣ 80 р. на прокатъ необходимаго ин- вентаря, мебели, арматуры и проч.) . . .	1.500	» » »
з) Наемъ 15-ти вольнонаемныхъ писцовъ для Справочнаго Бюро (п. VI)	900	» » »
и) Расходы, вызываемые усиленіемъ дѣя- тельности Охраннаго Отдѣленія (п. VII), а равно служебные расходы помощниковъ приставовъ и околоточныхъ надзирателей		

Московской Столичной Полиціи, которые будуть командированы до времени Высочайшаго прїѣзда къ разнымъ отдѣламъ	5.000	»	»	»
Отдѣленія	5.000	»	»	»
i) Наемъ добавочнаго помѣщенія для Охраннаго Отдѣленія (п. VIII)	1.000	»	»	»
<hr/>				
Итого . . .	12.500	р. въ мѣсяцъ		

Кромѣ того, 1) единовременный отпускъ на усиленіе коннаго двора и проч. (п. IX) 20.000 р. въ мѣсяцъ и 2) аванса въ распоряженіе г. Московскаго Градоначальника на расходы по охранѣ 50.000 » » »

Б) Мѣры, къ осуществленію коихъ необходимо приступитьъ за два мѣсяца до Высочайшаго прїѣзда.

1) Регистраціонное Бюро за два мѣсяца до прїѣзда имѣеть быть развернуто и усилено средствами и людьми на общемъ основаніи, какъ это исполняется при Высочайшихъ пребываніяхъ въ С.-Петербурга.

2) Усилить Охранное Отдѣленіе прикомандированіемъ 46 офицеровъ Отдѣльного Корпуса Жандармовъ, на которыхъ будетъ возложена работа по самому осмотру владѣній, а равно подземныхъ и надземныхъ техническихъ сооруженій, по путямъ, по коимъ прослѣдованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ неизбѣжно, а также работа въ Справочномъ Бюро и Бюро по выдачѣ билетовъ на право присутствія въ мѣстахъ нахожденія Ихъ Императорскихъ Величествъ во время пребыванія Ихъ Величествъ въ Москвѣ.

Въ дни Высочайшаго пребыванія на офицеровъ, назначенныхъ для производства осмотровъ, будетъ возложено въ ихъ районахъ руководство наблюденіемъ и добровольной охраной во время Высочайшихъ прїѣздовъ.

3) Прикомандировать къ Охранному Отдѣленію 400 філеровъ изъ всѣхъ районныхъ охранныхъ отдѣленій Имперіи: а) для усиленія наблюденія за неблагонадежнымъ элементомъ столицы, б) для организации особаго наблюденія на 10 вокзалахъ и всѣхъ шоссейныхъ эставахъ, в) для сформированія свободнаго резерва изъ лучшихъ філеровъ для быстраго занятія тѣхъ районовъ, посыпаніе которыхъ Ихъ Императорскими Величествами заблаговременно известно не будетъ.

4) Учредить команду для отправки письменныхъ распоряженій и другихъ бумагъ по охранѣ, въ составѣ: 3 вольнонаемныхъ канцелярскихъ служителей, 8 пѣшихъ разсыльныхъ и 10 конныхъ вѣстовыхъ.

Завѣдующій командой и его помощникъ должны быть офицеры Московскаго Жандармскаго Дивизіона.

Таковы были «соображенія» начальника Московскаго Охранныго Отдѣленія о мѣрахъ, гарантирующихъ, по его мнѣнію, безопасность пребыванія Николая II въ Москвѣ. «Соображенія» эти Заварзинъ былъ представлена въ Департаментъ Полиціи, который, подсчитавъ, въ что обойдется, по Заварзину, охрана царя въ Москвѣ, увидѣлъ, что получается сумма въ 226,300 рублей, не считая испрашиваемаго «аванса» въ распоряженіе Московскаго Градоначальника на «расходы по охранѣ» въ 50,000 рублей. Такой размахъ Заварзина удивилъ Департаментъ, и онъ составилъ любопытныя возраженія по отдѣльнымъ пунктамъ представленныхъ «соображеній». Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ возраженій.

По сметѣ Заварзина, содержаніе Регистраціоннаго Бюро, Справочнаго Бюро и Бюро для выдачи билетовъ обойдется въ 13.010 рублей въ мѣсяцъ или 434 рубля въ день, «тогда какъ,—возражаетъ Департаментъ,—содержаніе означеныхъ учрежденій въ Кіевѣ [въ 1911 г.] обходилось въ день въ 287 руб.»

Относительно прикомандированія къ Московскому Охрannому отдѣленію изъ другихъ охранныхъ отдѣленій и жандармскихъ управлений 400 філеровъ Департаментъ пишетъ: «Принимая во вниманіе, что філеры при командировкахъ получаютъ суточныя деньги по 1 р. въ сутки, квартирные деньги по 1 р. 50 к. и что имъ, кромѣ сего, возмѣщаются расходы на проѣздъ и по наблюдению, содержаніе каждого філера обходится въ день по 3 р. 50 к., содержаніе 400 філеровъ—1400 р. въ день, а за 2 мѣсяца—84.000 р.

На охрану въ г.г. Ригѣ и Кіевѣ командировались въ среднемъ 250 філеровъ, причемъ большинство ихъ было отправлено лишь за 2 недѣли до прїѣзда Государя Императора, въ виду чего общій расходъ по этой статьѣ выразился въ значительно меньшей цифре (около 30.000 р.)».

Эти возраженія Департамента вызвали въ свою очередь объяснительныя записки Заварзина къ нѣкоторымъ пунктамъ его сметы. Такъ, необходимость прикомандированія 400 філеровъ онъ объяснялъ такими соображеніями:

«400 филеровъ распредѣлены по слѣдующему расчету:	
Николаевскій вокзалъ	12
Станція Николаевской ж. дор. «Петровско-Разумовское»	3
Ярославскій вокзалъ	9
Станція Ярославской ж. д. «Мытищи»	3
Казанскій вокзалъ	9
Станція Казанской ж. д. «Перово»	3
Курско-Нижегородскій вокзалъ	18
Станція Курской ж. д. «Люблино»	2
Станція Нижегородской ж. д. «Кусково»	3
Рязанско-Уральскій вокзалъ	3
Брестскій вокзалъ	12
Станція Бретской ж. д. «Фили»	3
» » » » » «Кунцево»	3
» » » » » «Одинцово»	3
» » » » » «Бородино»	30
Брянскій вокзалъ	9
Виндавскій вокзалъ	6
Станція Виндавской ж. д. «Новый Иерусалимъ»	3
Савеловскій вокзалъ	3
Сергіевскій посадъ (12 на вокз., 10 въ посадѣ)	22
Кутузовская изба	3
Постоянное наблюденіе внутри	8
Кремль. Ворота: Спасскія	6
Никольскія	6
Троицкія	6
Боровицкія	6
Въ распоряженіе Дворц. Полиційм.	8
Памятникъ Императору Александру III	6
Музей Императора Александра III	6
Часовня Иверской Божіей Матери	3
Марео-Маріинское подворье (Ордынка)	3
Петровскій Дворецъ и Петровскій паркъ	6
Домъ Градоначальства	3
Домъ Генераль-Губернатора и Тверская площадь	3
Домъ Губернатора	3
Дворянскій Институтъ Императора Александра III у Красныхъ воротъ	4
Почтамтъ (Мясницкая)	6
Театральная площадь и Большой театръ	6
Сокольничій кругъ	3
Воробьевы горы	3

Бородинскій мостъ	3
7 пароходныхъ пристаней на Москвѣ-рѣкѣ	14
Охрана Предсѣдателя Совѣта Министровъ ¹⁾ въ мѣстахъ посѣщенія (передвижные посты, помимо охранной команды)	6
Охрана Министра Внутреннихъ Дѣлъ ²⁾ въ мѣстахъ посѣщенія (передвижные посты, помимо охранной команды) и его Товарища	6
Охрана Министра Народнаго Просвѣщенія ³⁾ въ мѣстахъ посѣщенія (передвижные посты, помимо охранной команды)	6
Охрана Августѣйшихъ Дѣтей Ихъ Императорскихъ Величествъ въ мѣстахъ посѣщенія отдельно отъ Государя Императора	6
Патруль: Тверская ул. отъ Иверской до Віадука Мясницкая улица	6
У заставъ по 2 филера, кромѣ Дорогомиловской, у которой 3. Для усиленія наружнаго наблюденія въ Охранномъ Отдѣленіи, по обслѣдованію среды террористовъ	60

Итого . . . 400

Примѣчаніе:

1) Если охрана Высочайшихъ Дѣтей и высокопоставленныхъ лицъ, признаваемая мною необходимой, будетъ осуществляться Охранной Командой съ откомандированіемъ людей въ мое полное распоряженіе, то въ ходатайствѣ сокращается, въ маѣ и августѣ мѣсяцахъ, число филеровъ на 24 человѣка.

2) Усиленіе наружнаго наблюденія Отдѣленія на 60 человѣкъ тоже можетъ быть не удовлетворено, если для этой цѣли въ мое распоряженіе будетъ данъ летучій отрядъ, который, будучи ознакомленъ съ обширной средой и связями террористовъ, явится исключительно полезнымъ для этой цѣли и удовлетворить своему основному назначенію (по Москвѣ имѣются связи Савинкова, Слѣтова, Бартольда и др.) и 48 человѣкъ въ маѣ исключается по Бородину и

3) Можетъ быть сокращено еще на 40 человѣкъ, если не потребуется въ Кремлѣ 16 человѣкъ и 24 человѣка къ воротамъ Кремля, но съ тѣмъ, что послѣдній нарядъ осуществляется

¹⁾ т. е. В. Н. Коковцева.

²⁾ т. е. А. А. Макарова.

³⁾ т. е. Л. А. Кассо.

Прим. М. Ц.

Охранной Командой, съ подчиненiemъ наружныхъ постовъ Начальнику Московскаго Охраннаго Отдѣленія.

Такимъ образомъ, въ маѣ мѣсяцѣ явится необходимость въ командированіи филеровъ на 172 человѣка менѣе, всего 228 человѣкъ

На тѣхъ же основаніяхъ въ августѣ исключается изъ 400:	
По Троицко-Сергіевской Лаврѣ	22
По Отдѣленію	60
По охранѣ Высочайшихъ Дѣтей и высокопоста-	
вленныхъ лицъ	24
и наряды въ Кремль	40

Итого менѣе на 146 человѣкъ, т.-е. потребуется въ августѣ всего 254 человѣка.

Полагалъ бы желательнымъ командированіе филеровъ за 2 мѣсяца до прїездовъ, такъ какъ по системѣ распределенія постовъ, большая часть жителей Москвы должна пройти хотя бы мимо нѣсколькихъ филеровъ, почему болѣе продолжительное занятіе постовъ дастъ и лучшій результатъ.

Усмотрѣнныe филерами революціонеры подлежать задержанію или наблюденію. Задержанію лишь лица, опредѣленно указанныя филерамъ, остальная же должны наблюдаваться до особаго распоряженія.

Хотя филерскіе посты въ части и расположены кольцомъ, какъ бы замыкающимъ Москву, но основной принципъ во всемъ расположениіи проводится не предупрежденіе прорыва въ Москву опредѣленныхъ террористовъ, а ихъ задержаніе въ пунктахъ наибольшаго прохода жителей Москвы (на вокзалахъ Москвы въ лѣтній періодъ времени проѣздъ достигаетъ 40 тысячъ человѣкъ въ день) или мѣстахъ, которыя всегда отмѣчаются, какъ пункты свиданій революціонеровъ.

Беря въ основаніе тотъ же принципъ въ Варшавѣ, бытъ задержанъ рядъ серіозныхъ террористовъ, которые въ большинствѣ затѣмъ были приговорены къ смертной казни (казнено было болѣе 300 человѣкъ)¹⁾.

Такимъ образомъ, упомянутая система имѣеть крупные результаты въ прошломъ и не только въ Варшавѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Имперіи.

Расходъ въ 5000 р. въ мѣсяцъ «на усиленіе внутренняго и наружнаго наблюденія за дѣятельностью и сношеніями рево-

¹⁾ Заварзинъ былъ съ сентября 1906 по декабрь 1909 Начальникомъ Варшавскаго Охраннаго Отдѣленія, такъ что въ этихъ строчкахъ онъ повѣствуетъ о своей благородной дѣятельности.

люционного элемента, проживающего въ столицѣ» (пунктъ VII его «соображеній») Заварзинъ оправдывалъ такимъ расчетомъ	
48 участковымъ надзирателямъ по 15 руб. въ мѣсяцъ на оплату вспомогательной агентуры	
(въ Отдѣлѣніи зарегистрировано до 600 вспомогательныхъ сотрудниковъ, изъ коихъ 16 воинскихъ чиновъ)	720
Для той же цѣли, по 15 руб. въ мѣсяцъ 10-ти вокзальнымъ надзирателямъ	150
Усиленные расходы агентурѣ Отдѣленія съ расчетомъ по 30 руб. въ мѣсяцъ каждому секретному сотруднику. (Въ Отдѣлѣніи въ среднемъ работаетъ до 60-ти сотрудниковъ) ¹⁾	1800
Расходы по командировкамъ сотрудниковъ за границу съ экскурсіями, увеличеніе конспиративныхъ квартиръ и усиленіе секретнаго наблюденія за войсками, которыя, принадлежа къ Московскому гарнизону, примутъ участіе въ парадѣ и торжествахъ на Бородинскомъ полѣ	1300
Добавочные на покрытіе дѣйствительныхъ расходовъ, вызываемыхъ усиленной иочной работой состава Отдѣленія. (За исключеніемъ Начальника Отдѣленія)	600
Возмѣщеніе дѣйствительныхъ расходовъ чинамъ полиціи, которые будутъ работать по регистраціи, съ расчетомъ по 9 руб. на участокъ	430
Итого . . .	5000 р.

Испрашивается кредитъ на 5 мѣсяцевъ, на два мѣсяца по майскому пріѣзду и на три мѣсяца по августовскому. Всего въ 25.000 рублей.

Разсмотрѣвъ «соображенія» Заварзина, Комиссія въ общемъ приняла его программу, урѣзавъ ее лишь въ отдѣльныхъ пунктахъ. Такъ, напримѣръ, вместо просимыхъ 400 філеровъ Заварзинъ получилъ въ свое распоряженіе лишь 200 філеровъ, «въ томъ числѣ и центральный філерскій отрядъ», срокомъ на 6 недѣль.

Смѣту расходовъ по охранѣ Комиссія свела въ 124.734 рубля.

¹⁾ «Секретными сотрудниками» охранка называла лицъ, одновременно работавшихъ въ революціонныхъ партіяхъ и въ охранѣ.

Каковъ былъ дѣйствительный расходъ, мы пока свѣдѣній не имѣемъ.

Остановимся теперь подробнѣе на нѣкоторыхъ пунктахъ «соображеній» Заварзина, принятыхъ подкомиссіей, выдѣленной изъ своего состава Комиссіей, а потомъ и самой Комиссіей.

Первый пунктъ говоритъ о «ликвидациі» революціонныхъ организацій, т.-е. обь обыскахъ и арестахъ.

Въ журналѣ Комиссіи по поводу этого пункта читаемъ:

«Коснувшись, прежде всего, поставленнаго въ первую голову вопроса обь усиленіи внутренняго и наружнаго наблюденія за дѣятельностью существующихъ въ Москвѣ революціонныхъ организацій, а равно подготовки общей ликвидациі, подкомиссія высказалась за то, чтобы ликвидациі, въ случаѣ, если Высочайшій прїездъ состоится въ маѣ, была произведена въ среднихъ числахъ апрѣля. Исходя, далѣе, изъ того положенія, что задача ликвидациі заключается въ изъятіи ко времени Высочайшаго прїзыва преимущественно тѣхъ революціонныхъ элементовъ, со стороны коихъ можно ожидать террористическихъ выступленій, подкомиссія признала распространеніе ликвидациі на соціал-демократовъ, какъ не представляющихъ въ данномъ отношеніи особой опасности, излишнимъ, кроме тѣхъ, конечно, случаевъ, когда имѣлись бы указанія на намѣреніе послѣднихъ предпринять какія-либо активныя дѣйствія, какъ напримѣръ, устройство съѣздовъ, забастовокъ и т. п.

Массовая ликвидациі, какъ было отмѣчено на засѣданіи комиссіи 14 января, имѣть быть произведена не иначе, какъ съ предварительного одобренія Департамента Поліції, куда заблаговременно должны быть доставлены списки лицъ, подлежащихъ обыскамъ и арестамъ, съ подробнымъ изложеніемъ свѣдѣній о нихъ и основаній ареста. Ближайшая цѣль ликвидациі—очистить Москву отъ соціалистовъ-революціонеровъ и анархистовъ».

Какъ видимъ, здѣсь прямо не скрывается желаніе сберечь соціал-демократовъ, «на разводъ», какъ выражались охранники. «Ликвидировать» соціал-демократовъ, кормившихъ охранку и Департаментъ Поліції, имъ, конечно, не было расчета. Такая ликвидациі неминуемо ликвидировала бы и ихъ «освѣдомителей», а потому и понятно, что аресты должны были производиться не иначе, какъ съ предварительного одобренія Департамента Поліції, куда нужно было доставлять списки лицъ, подлежащихъ обыскамъ и арестамъ.

Какова была эта «массовая» ликвидациі видно изъ слѣдующихъ цифръ.

Въ ожиданіи августовскаго пріѣзда по 16 августа было арестовано:

по анархист.-коммун.	2	чел.
» партіи соц.-рев.	1	»
» » соц.-дем.	24	»
» сомнѣнію въ личности	3	»

Всего . . . 30 чел.

Изъ этого числа представлено къ высылкѣ подъ гласный надзоръ полиціи 1 чел., и о 29 лицахъ переписка въ производствѣ.

По 16 августа Московскимъ Градоначальникомъ, на основаніи п. 4, ст. 16 Положенія о государственной охранѣ, воспрещено жительство въ Москвѣ за политическую неблагонадежность 234 лицамъ.

Кромѣ того, сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе о недопущеніи на жительство въ Москву 226 лицъ, коимъ, по сообщенію С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія, воспрещено жительство въ С.-Петербургѣ за подстрекательство рабочихъ къ забастовкѣ.

Изъ приведенныхъ цифръ ясно видно, что нечего было «ликвидировать» террористовъ, ибо таковыхъ въ Москвѣ, по свѣдѣніямъ охранки, въ сущности не оказалось и пришлось отыграться все на тѣхъ же соціалъ-демократахъ.

Второй пунктъ заварзинскихъ «соображеній» говоритъ о «Регистраціонномъ Бюро» при Московскому Охранномъ Отдѣленіи. Бюро это было учреждено еще въ августѣ 1909 г., въвиду ожидавшагося тогда въ Москву пріѣзда Николая, на основаніи письма «за министра товарища министра внутреннихъ дѣлъ» П. Курлова отъ 8 августа московскому градоначальнику.

Что это было за учрежденіе, каковы были его функціи, расскажутъ намъ нѣсколько параграфовъ «Положенія» о немъ, нѣсколько разъ измѣнявшагося въ отдѣльныхъ второстепенныхъ подробностяхъ ¹⁾.

Общая часть «Положенія» заключаетъ въ себѣ такихъ шесть параграфовъ;

§ 1. Регистраціонное Бюро при Московскому Охранномъ Отдѣленіи имѣть цѣлью провѣрку паспортовъ, самоличности и благонадежности всѣхъ прибывающихъ и прописывающихся

1) Ниже текстъ приводимъ въ редакціи «Положенія о временномъ Регистр. Бюро. Утверждено Моск. Градоначальникомъ ген.-м. Адріановымъ 16 августа 1912 г.» Самое Бюро называлось въ разное время и особымъ и «постояннымъ» и «временнымъ».

въ гор. Москвѣ, хотя бы на самое короткое время, лицъ, а также и всѣхъ постоянно проживающихъ по подлежащимъ регистраціи улицамъ или частямъ города.

§ 2. Каждое лицо, прибывающее на жительство въ городъ Москву, а также проживающее по подлежащимъ регистраціи улицамъ или частямъ города, помимо прописки установленнымъ для адреснаго стола порядкомъ:

а) опрашивается регистраціоннымъ надзирателемъ по пунктамъ установленного на сей предметъ бѣлаго листка ¹⁾;

б) самоличность его проверяется словесной справкой у того изъ проживающихъ въ Москвѣ лицъ, на которое оно сошлеется; если же это окажется недостаточнымъ, или такихъ знакомыхъ не имѣется, канцелярскимъ путемъ, т.-е. соответствующими письменными или телеграфными запросами по мѣсту выдачи документа и послѣднему мѣсту жительства;

в) политическая благонадежность его проверяется въ подлежащихъ учрежденіяхъ;

г) паспортъ его представляется для проверки въ Регистраціонное Бюро:

§ 3. На каждое вновь прибывшее лицо, которое хотя бы и безъ особы формальныхъ уликъ навлекло на себя подозрѣніе относительно своей легальности или благонадежности, а также которое въ удостовѣреніе своей самоличности сошлеется на проживающаго не въ Москвѣ,—составляется вмѣсто бѣлаго розовый листокъ ²⁾. При этомъ о лицахъ, навлекшихъ подозрѣніе, тотчасъ же докладывается въ Регистраціонное Бюро, для установки за ними наружнаго наблюденія.

§ 4. Всѣ доставляемые въ Регистраціонное Бюро какъ бѣлые, такъ розовые и желтые листки, проверяются по архиву Московскаго Охраннаго Отдѣленія, а въ случаѣ надобности, при недостаточности или неимѣніи въ архивѣ Отдѣленія свѣдѣній, по нимъ дѣлаются телеграфные запросы въ соответствующія охраннага отдѣленія или губернскія жандармскія управлѣнія.

§ 5. Лица, о коихъ будуть получены неблагопріятныя въ по-

¹⁾ Пункты бѣлаго листка: Фамилія, имя и отчество; званіе и сословіе; лѣта; вѣроисповѣданіе; гдѣ проживаетъ (подробный адресъ); когда прибылъ въ Москву или сколько времени живеть въ Москвѣ; откуда прибылъ въ Москву; съ какою цѣлью прибылъ; послѣднее мѣсто жительства до переѣзда въ настоящій пунктъ (подробный адресъ и съ какого по какое время тамъ проживало лицо); какой, кѣмъ, когда и откуда выданъ документъ по которому проживаетъ; гдѣ служить, чѣмъ занимается, на какія средства живеть, кто можетъ удостовѣрить самоличность изъ лицъ, проживающихъ въ данномъ пункѣ, Москвѣ или ея окрестностяхъ.

²⁾ Вопросы розового листка тѣ же, что и бѣлага, а кромѣ того еще: основанія занесенія лица на розовый листокъ; примѣты; знакомства, связи и особыя свѣдѣнія.

политическомъ отношеніи свѣдѣнія, регистрируются на особые разовые листки съ указаніемъ на нихъ общаго характера этихъ свѣдѣній (партийность, время привлечения и проч.).

§ 6. Доставляемые въ Регистрационное Бюро паспорта просматриваются специально для сего назначенными чиновниками, снабженными всѣми необходимыми на сей предметъ средствами, и незамедлительно возвращаются владѣльцамъ. При обнаружении же нелегального паспорта, таковой немедленно передается въ Охранное Отдѣление для ареста владѣльца паспорта.

Изъ части «Положенія», трактующей обѣ обязанностяхъ завѣдующаго Бюро приведемъ слѣдующія:

§ 7. Всѣ свѣдѣнія о зарегистрированныхъ неблагонадежныхъ лицахъ, проживающихъ по путямъ Высочайшаго проѣзда, сообщасть Начальнику секретной охраны и Завѣдывающему охранной командой, подвѣдомственной Дворцовому Комендантцу, и знакомить съ имѣющимися свѣдѣніями районныхъ офицеровъ и околоточныхъ надзирателей.

§ 9. Въ дни пребыванія Его Величества въ Москвѣ, для болѣе частыхъ обходовъ домовъ линіи проѣзда, назначаетъ въ помощь надзирателямъ агентовъ охраны, кои въ цѣляхъ конспираціи предъ обывателями дѣйствуютъ подъ видомъ письмоводителей надзирателей.

§ 10. Въ самые дни торжествъ всѣхъ вновь прибывающихъ лицъ, кои не могутъ немедленно удостовѣрить свою легальность или самоличность или возбудятъ сомнѣніе въ ихъ благонадежности,—удаляеть съ линіи проѣзда или вообще обезвреживается ихъ, пользуясь для этого содѣйствиемъ какъ надзирателей, такъ и находящихся при нихъ чиновъ охраны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, о всѣхъ такихъ лицахъ докладываетъ Начальнику Отдѣленія и Начальнику охраны.

Обязанности районныхъ околоточныхъ надзирателей.

1. Каждый районный околоточный надзиратель, получивъ въ свое вѣдѣніе районъ подлежащей регистраціи мѣстности, детально знакомится съ таковымъ, составляетъ подробное описание этого района съ указаніемъ наименованія улицъ, переулковъ, номеровъ домовъ и проч. и представляетъ это описание своему районному офицеру.

Приступая къ регистраціи, околоточный надзиратель знакомится съ населеніемъ своего района по каждому дому въ отдѣльности и населеніе каждого изъ нихъ заносить въ особую на каждый жилой домъ бѣлую домовую выписку, каковая пишется въ 2-хъ экземплярахъ.

Въ домовыя выписки жильцы вносятся въ хронологическомъ порядке на каждую квартиру отдельно, а въ гостиницахъ по номерамъ въ каждомъ этажѣ. Въ случаѣ необходимости и по усмотрѣнію региструющаго, опросы жильцовъ производятся въ присутствіи управляющаго или старшаго дворника.

2. Опрашиваетъ каждое, достигшее 16 лѣтъ, проживающее нынѣ, а въ дальнѣйшемъ и каждое вновь прибывающее на жительство лицо, немедленно по его прибытіи, по формѣ бѣлаго листка, который пишется въ двухъ экземплярахъ, отчетливо внося въ таковой всѣ требуемыя данныя, обращая особенно вниманіе на отвѣтъ по вопросу: «кто можетъ удостовѣрить самоличность» и точно указываетъ адресъ и участокъ того, кто можетъ удостовѣрить.

3. При этомъ просматриваетъ паспорта лицъ, опрашиваемыхъ, и заносить съ нихъ въ этотъ же листокъ необходимыя свѣдѣнія. Попутно провѣряетъ соотвѣтствіе лицъ съ обозначенными ими профессіями, занимаемыми квартирами и обстановкой послѣднихъ.

9. Въ г҃хъ мѣстахъ, по путямъ Высочайшихъ проѣздовъ, гдѣ находятся торгово-промышленныя, финансовые и т. п. заведенія, а также мастерскія, фабрики и заводы, въ которыхъ большинство служащихъ и рабочихъ не проживаетъ, а является лишь на занятія, регистрація означенныхъ лицъ производится околоточными надзирателями по особымъ желтымъ листкамъ, которые тоже пишутся въ двухъ экземплярахъ и представляются ежедневно въ канцелярію Бюро общимъ порядкомъ. Если же означенныхъ лицъ очень много, почему первоначальная регистрація черезъ околоточныхъ надзирателей является затруднительной, то такія учрежденія региструются распоряженіемъ и подъ отвѣтственностью администраціи этихъ учрежденій и повѣряются районными околоточными надзирателями.

19. За лицами, внесеными на розовые листки, имѣть постоянное строжайшее наблюденіе, причемъ обязательно знаніе ихъ адресовъ и всѣхъ въ лицо.

21. Для наиболѣе успѣшнаго выполненія всѣхъ обязанностей возможно чаще обходить дома своего района и заводить среди жильцовъ довѣренныхъ лицъ, которыя освѣдомляли бы его относительно прибытія туда постороннихъ посѣтителей и о выѣздахъ живущихъ. Ведеть подробній списокъ такихъ лицъ съ указаніемъ ихъ адресовъ, телефоновъ и наиболѣе удобнаго времени для прихода къ нимъ за справками.

22. Надзиратель обязанъ точно знать свой районъ, его границы и мѣста, наиболѣе заслуживающія вниманія при охранѣ.

23. Во время производства регистраціи, въ случаѣ вопроса

объясняясь, что учетъ населенія производится согласно существующаго обязательнаго постановленія Г. Московскаго Градоначальника, отнюдь не вступая въ лишніе разговоры и даже не намекая какъ о цѣли регистраціи, такъ и о тѣхъ неблагопріятныхъ свѣдѣніяхъ, которая имѣются о регистрируемомъ лицѣ.

30. Въ день Высочайшаго проѣзда обходитъ всѣ владѣнія своего района, провѣряетъ жильцовъ и исполненіе мѣропріятій, постановленныхъ комиссіей по осмотру владѣній. Въ моментъ проѣзда долженъ находиться въ своемъ раionѣ, въ пунктѣ по указанію своего комиссіоннаго офицера.

31. Въ случаѣ появленія въ день проѣзда неблагонадежныхъ лицъ и отмѣченыхъ на розовыхъ листкахъ въ раionѣ регистраціи, немедленно докладываетъ своему раionному офицеру съ передачей прибывшаго въ наблюденіе чинамъ секретной охраны.

32. Успѣшное выполненіе регистраціонной работы тѣсно сопряжено съ установлениемъ и поддержаніемъ добрыхъ отношеній съ лицами домовой администраціи, а также и съ населеніемъ. Необходимо полное проявленіе вѣжливости, служебнаго такта при сношеніяхъ и въ то же время деликатной настойчивости въ работѣ и безупречнаго личнаго поведенія. Населеніе регистраціонной работой не должно быть стѣснено ни въ какой мѣрѣ. Обычныя ихъ занятія не должны прерываться. Надлежитъ примѣнять регистраціонную работу къ послѣднимъ, не вызывая ни претензій, а тѣмъ менѣе раздраженія и жалобъ со стороны населенія.

33. Окологоточные надзиратели должны твердо помнить, что на лицъ, прибывающихъ на пути Высочайшаго проѣзда за три дня до Высочайшаго прибытія, а также во всѣ дни Высочайшаго пребыванія, свѣдѣнія по мѣсту ихъ постояннаго жительства прибывшихъ не всегда могутъ быть своевременно получены, а потому окологоточные надзиратели должны принять мѣры къ точной установкѣ самоличности вновь прибывшихъ и во время личнаго ихъ опроса выясняютъ причину и цѣль ихъ прїезда, и на всѣхъ лицъ, навлекшихъ хотя малѣйшее подозрѣніе, составляютъ розовые листки и устанавливаютъ тщательное наблюденіе черезъ домовую администрацію.

34. Всѣ неудостовѣренныя прибывшія лица во время Высочайшаго слѣдованія мимо мѣсть ихъ жительства при выходѣ неудостовѣреннаго на улицу обязательнно передаются для наблюденія чинамъ секретной охраны съ указаніемъ, что это вновь прибывшее неудостовѣренное лицо и объ этихъ лицахъ немедленно докладываютъ предсѣдателю раionной комиссіи, а свѣдѣнія на нихъ сообщаютъ въ Регистраціонное Бюро.

Кромѣ этихъ указаний имѣются еще

Руководящія указанія Регистраціонному Бюро по наблюденію за лицами, пріѣзжающими въ городѣ Москвѣ.

Составлены 26 декабря 1910 г.

Въ цѣляхъ наблюденія за всѣми прибывающими въ столицу лицами дѣятельность Регистраціоннаго Бюро распадается на слѣдующіе отдѣлы:

- 1) Наблюденіе на вокзалахъ столицы.
- 2) Наблюденіе за прибывающими въ гостиницы, меблированные комнаты и дома.
- 3) Наблюденіе за прибывающими въ частные квартиры и дома.

Организація наблюденія на вокзалахъ.

1) На каждомъ изъ вокзаловъ учреждается непрерывное дежурство полицейскихъ надзирателей и филеровъ, находящихся въ непосредственномъ вѣдѣніи названныхъ полицейскихъ надзирателей.

2) Полицейские надзиратели выбираются изъ числа опытнѣйшихъ и освѣдомленнѣйшихъ людей политического розыска; эти полицейскіе надзиратели не только должны знать въ лицо возможно широкій кругъ революціонныхъ элементовъ, проходившихъ по наблюденію, но и имѣть навыкъ распознавать революціонера на основаніи специальныхъ особенностей послѣдняго.

3) Полицейскіе надзиратели и филеры обязаны тщательно осматривать пріѣзжающую публику, останавливая преимущественное свое вниманіе на интеллигентномъ элементѣ.

4) Тѣхъ лицъ, которыхъ останавливаютъ на себѣ вниманіе, полицейскіе надзиратели передаютъ филерамъ для прослѣдки, отмѣчая у себя въ дневникѣ примѣты переданного лица, фамилію филера.

5) Полицейскіе надзиратели обязаны слѣдить за всѣмъ, что дѣлается въ общихъ залахъ вокзала, буфетѣ, парикмахерскихъ и уборныхъ, обращая вниманіе—не имѣются ли тамъ конспираціонныя свиданія и не производятся ли переодѣванія, частичная смена костюма и т. п.

6) Изъ числа полицейскихъ надзирателей, находящихся на данномъ вокзалѣ, одинъ назначается за старшаго, который и входитъ въ непосредственное сношеніе съ чинами жандармскаго полицейскаго управлѣнія желѣзныхъ дорогъ.

7) Старшій полицейскій надзиратель обязанъ входить въ конспираціонныя сношенія съ багажными кондукторами и конторщиками, а равно съ лицами, коимъ пассажиры сдаютъ багажъ на храненіе, съ горничными дамскихъ уборныхъ и т. п.

8) Старшій поліцейскій надзиратель обязанъ входить въ сношенія съ артельнымъ старостой носильщиковъ багажа, дабы они указывали ему тѣхъ лицъ, кои будутъ обращаться къ нимъ съ просьбой осторожнѣе нести багажъ, или багажъ коихъ, при незначительномъ объемѣ, будетъ обладать большимъ вѣсомъ и т. п.

9) Філеръ, получивъ указаніе прослѣдить, доводить наблюденаго до того мѣста, гдѣ послѣдній останавливается въ столицѣ на жительство, и возвращается на вокзалъ.

10) Возвратившись на вокзалъ, філеръ дѣлаетъ у себя въ дневникѣ замѣтку о примѣтахъ проведенного лица, отмѣчая особенности его поведенія, и записываетъ фамилію поліцейскаго надзирателя, давшаго ему порученіе, затѣмъ докладываетъ по телефону № 62-34 въ Особый Отдѣлъ Охраннаго Отдѣленія.

11) Вечеромъ, по окончаніи службы, листки дневниковъ передаются Завѣдующему Регистраціоннаго Бюро.

12) Попутно, для осуществленія вокзальныхъ наблюденій, Раіонное Охранное Отдѣленіе вошло въ подлежащія сношенія, дабы: 1) начальники желѣзнодорожныхъ Отдѣленій установили агентурныя сношенія съ представителями кондукторскихъ бригадъ, чтобы послѣдніе о замѣченномъ за пассажирами опрашивались бы о подозрительной личности на ближайшей остановкѣ поѣзда, станціоннымъ жандармомъ—этотъ же телеграфировалъ бы условными терминами на станцію прибытія Начальнику Отдѣленія, который передаетъ полученные свѣдѣнія одному изъ поліцейскихъ надзирателей, находящимся на вокзалѣ; 2) чтобы жандармскіе унтеръ-офицеры, по указанію своего ближайшаго начальства, принимали бы активное участіе въ наблюденіи за публикой въ духѣ общей работы Регистраціоннаго Бюро.

Настоящій пунктъ относится не только къ унтеръ-офицерамъ Московскихъ вокзаловъ, но и всѣхъ участковъ дорогъ, прилегающихъ къ Москвѣ, причемъ необходимо, чтобы о всякомъ подозрительномъ лицѣ унтеръ-офицерь условно телеграфировалъ бы въ Москву начальнику своего желѣznодорожнаго отдѣленія, копія Начальнику Охраннаго Отдѣленія, обращая особенное вниманіе на дальнихъ пассажировъ, оставляющихъ поѣздъ на пригородныхъ станціяхъ и платформахъ, которыхъ могутъ встрѣтить автомобили и другіе экипажи, появленіе коихъ ранѣе не наблюдалось.

Внѣ всякаго сомнѣнія, что при серьезности отношенія и сознаніи важности возлагаемыхъ обязанностей, при соблюденіи секрета въ выполненіи—чины жандармскаго надзора могутъ дать нити къ открытію преступленій чрезвычайной важности.

Примѣчаніе: Потребнымъ числомъ фотографическихъ карточекъ Раіонное Охранное Отдѣленіе имѣеть снабдить желѣзно-дорожныя жандармскія полицейскія управлениія.

Организація наблюденія въ гостиницахъ, меблированныхъ комнатахъ и домахъ.

Въ основу этого наблюденія должна быть положена агентура въ каждомъ заведеніи изъ среды мѣстныхъ конторщиковъ, паспортистовъ и швейцаровъ, а по возможности и другихъ служащихъ. На конторщикахъ и паспортистахъ приходится останавливаться вслѣдствіе того, что имъ, во-первыхъ, доступны всѣ номера данной гостиницы, каковымъ правомъ остальные служащіе не пользуются, такъ какъ они несуть службу или по этажамъ, или коридорамъ; во-вторыхъ, паспортисты имѣеть въ своихъ рукахъ паспорта всѣхъ пріѣзжающихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда наличный конторщикъ или паспортистъ не будетъ представлять материала, годнаго для исполненія разбираемыхъ обязанностей, онъ немедленно хозяиномъ заведенія долженъ быть удаленъ и замѣненъ лицомъ, по возможности, указаннымъ полиціей.

Находясь въ большой зависимости отъ полицейскихъ органовъ столицы, врядъ ли хозяева указанной категоріи заведеній рѣшатся не исполнить рекомендаціи полиціи, причемъ, въ видахъ конспираціи, соотвѣтствующая указанія хозяевамъ должны дѣлаться Начальникомъ Сыскной Полиціи, какъ бы въ интересахъ уголовнаго розыска.

Обязанности конторщиковъ и паспортистовъ.

- 1) Знать въ лицо тѣхъ лицъ, кои останавливаются въ завѣдываемыхъ ими домахъ.
- 2) Имѣть, по возможности, понятіе о багажѣ прибывающихъ постояльцевъ.
- 3) Тщательно осматривать паспорта, давая немедленно знать въ мѣстный участокъ о возбудившихъ подозрѣніе.
- 4) Завести среди прислуги заведенія свою агентуру.

Обязанности швейцаровъ.

- 1) Знать въ лицо всѣхъ прибывающихъ въ его заведеніе постояльцевъ.
- 2) О всемъ замѣченномъ немедленно доводить до свѣдѣнія мѣстной полиціи.

Организація наблюденія за частными квартирами и домами.

Эта часть работы Регистраціонного Бюро, вслѣдствіе трудности подойти къ прибывшему негласно, какъ это возможно въ гостиницѣ, является самой серьезной, и на правильную ея постановку должно быть обращено преимущественное вниманіе.

Въ основу наблюденія должна быть положена мысль, чтобы каждый швейцарь, старший дворникъ, паспортній и конторщикъ домовой конторы, если таковая имѣется, были бы «своими» людьми для мѣстной полиціи.

На означенныхъ лицъ долженъ быть возложенъ постоянный надзоръ за всѣмъ происходящимъ въ частныхъ домахъ и квартирахъ и за всякими подозрительными явленіями внутренней жизни населенія дома, какъ напримѣръ: частая сбирающа или подозрительная работы въ частныхъ квартирахъ, измѣненіе виѣшности жильцовъ путемъ гримировки, переодѣванія, или ношеніе неприсвоенной формы, несоответствіе образа жизни заявленному роду занятій, замкнутая жизнь, недопускъ прислуги къ уборкѣ помѣщеній, слишкомъ секретное поведеніе, уклоненіе отъ встрѣчъ съ дворниками и швейцарами, разспросы о мѣстахъ расположенія финансовыхъ учрежденій, образъ жизни высшихъ начальствующихъ лицъ.

А также надлежитъ отмѣтить, не передана ли пріѣзжему квартира лицомъ, которое арестовывалось, обыскивалось или о коемъ наводились секретныя справки полиціей, не наводигъ ли подозрѣніе прислуга своей близкостью къ хозяевамъ, какъ «ровня», не чуждается ли она прислуги другихъ жильцовъ и не производить ли впечатлѣнія интеллигентнаго лица. Если жильецъ выѣзжаетъ, выяснить негласно, согласуется ли отмѣтка о мѣстѣ выѣзда въ домовой книгѣ съ дѣйствительнымъ, для этой цѣли рекомендуется записывать номера автомобилей, извозчиковъ легковыхъ, ломовыхъ и т. п.

Такъ былъ организованъ политической сыскъ или, вѣрнѣ, такъ называемое «наружное наблюденіе» въ Москвѣ, долженствовавшее «очистить» Первопрестольную отъ опаснаго элемента къ Высочайшему пріѣзду. Казалось бы трудно ити дальше въ этомъ направлениі. Но «инструктирующіе» пошли. Подполковникъ Отдѣльного Корпуса Жандармовъ Дукельскій по порученію Начальника С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія полковника фонъ-Котена составилъ «временную инструкцію чинамъ регистраціонного отдѣла Спб. Охр. Отд.», представляющую, по всей вѣроятности, послѣднее слово въ этой области. Инструкція эта, составленная для Петербурга, находится въ томъ же «дѣлѣ»,

гдѣ и московскія «руководящія указанія», выдержки изъ которыхъ мы только что приведи. Это указываетъ на то, что ознакомленіе съ ней считалось полезнымъ и для московскихъ охранниковъ.

Для наблюденія за гостиницами и меблированными комнатами Москва (такъ же какъ и Петербургъ) была раздѣлена на 30 районовъ, въ каждый изъ которыхъ командировался специальній «гостиничный агентъ». Въ Москвѣ таковыми были особые полицейскіе надзиратели.

Отдѣль обѣ этихъ «гостиничныхъ агентахъ» замѣчательной инструкціи Дукельского мы и позволимъ себѣ привести полностью.

§ 10¹⁾.

Ближайшей обязанностью гостиничнаго агента является знаніе имъ самыхъ подробныхъ свѣдѣній о каждомъ постояльцѣ въ гостиницахъ и меблированныхъ комнатахъ его района, причемъ знаніе это отнюдь не должно ограничиваться свѣдѣніями о томъ, по какому паспорту проживаетъ лицо и откуда оно значится прибывшимъ по пропискѣ, а должно быть основано на дѣйствительномъ установлении самоличности прибывшаго, выясненіи цѣли его прѣѣзда и, по возможности, образа его жизни, связей и круга знакомства.

§ 11.

По прибытии лица, агентъ обращаетъ вниманіе на слѣдующее:

1) Проживалъ ли прибывшій въ данномъ домѣ ранее и известенъ ли онъ домовой администрацией.

2) Какая цѣль его прѣѣзда и не прибылъ ли онъ къ ближайшимъ родственникамъ, давно проживающимъ въ домѣ и хорошо известнымъ домовой администрацией, а также вообще соответствуютъ ли поступки прибывшаго заявленной цѣли прѣѣзда.

3) Не прибылъ ли онъ съ опредѣленной, очевидной цѣлью, напримѣръ, къ больному родственнику, на семейное торжество, на похороны, раздѣль имущества и т. п.

4) Какова внѣшность и манера держаться прибывшаго (т.-е. интеллигентъ, полуинтеллигентъ или рабочій; если учащійся, то въ какомъ учебномъ заведеніи).

5) Нѣть ли несоответствія костюма со степенью интеллигентности прибывшаго (напримѣръ, рабочій, одѣтый въ изысканный костюмъ, и, наоборотъ, интеллигентъ—въ костюмѣ рабочаго).

¹⁾ Первые 9 параграфовъ говорятъ о назначеніи Регистр. Отд., обѣ его составѣ и организаціи, о завѣдующемъ, его помощникѣ и старшемъ агентѣ.

6) Нѣтъ ли несоответствія кажущейся національности съ предъявленнымъ имъ паспортомъ (напримѣръ, предъявитель русскаго паспорта центральныхъ губерній имѣть иностранный акцентъ и, наоборотъ, предъявитель иностранного паспорта обладаетъ совершенно чистой русской рѣчью; типичный еврей предъявляетъ въ прописку паспортъ христіанина и пр.).

7) Не замѣтилъ ли дворникъ, швейцаръ или гостиничная администрація несоответственно большихъ денежныхъ средствъ прибывшаго лица; напримѣръ, если прибывшій рабочій даетъ большія чаевые и т. п.

8) Не имѣть ли прибывшій очень много вещей или, наоборотъ, вовсѣ не имѣть ихъ.

9) Не привлекали ли вещи прибывшаго вниманіе дворника, швейцара или прислуги своей тяжестью и не было ли среди нихъ такихъ вещей, которыхъ прибывшій не позволилъ никому переносить, а перенесъ самъ.

10) Не разспрашивалъ ли прибывшій о способахъ прописки паспортовъ и полицейскихъ строгостяхъ, не заявлялъ ли просьбу не прописывать вовсе документа и т. п.

11) Самъ ли снялъ данную квартиру или комнату или черезъ другихъ лицъ.

12) Не занимаетъ ли прибывшій помѣщеніе, несоответствующее кажущемуся его соціальному положенію (напримѣръ, рабочій снимаетъ дорогую комнату и, наоборотъ, лицо, повидимому не стѣсняющееся въ средствахъ, занимаетъ дешевую комнату, среди чернорабочихъ и пр.).

13) Кто остальные жильцы квартиры, и не былъ ли прибывшій съ ними знакомъ ранѣе.

14) Не разспрашивалъ ли прибывшій при наймѣ квартиры о томъ, капитальная ли внутреннія стѣны и ктососѣди, а также не интересовался ли высокопоставленными лицами и не имѣется ли ихъ фотографическихъ карточекъ.

15) Не производилось ли въ этой квартирѣ обыска по требованію охраннаго отдѣленія или сыскной поліціи, не наведѣкала ли эта квартира ранѣе какого-либо подозрѣнія.

16) Не проявляетъ ли постоялецъ въ образѣ жизни особую замкнутость или скрытность, а также не препятствуетъ ли убирать свою комнату и не принимаетъ ли особыхъ мѣръ къ сокрытию своихъ сношеній.

17) Откуда постоялецъ получаетъ корреспонденцію; не получаетъ ли ее изъ-за границы или условную (до востребованія, на какіе-либо иниціады и т. п.).

18) На всякое лицо, за которымъ агентъ имѣть наблюденіе,

онъ требуетъ отъ прислуги, чтобы всѣ письменные и печатные листки, конверты, куски газетъ и т. п., выметаемы изъ номеровъ, не выбрасывались бы, а доставлялись ему на просмотръ. Проматривая ихъ, агентъ выясняетъ—не дадутъ ли ему они материала, указывающаго, что прибывшее лицо дало о себѣ неправильныя свѣдѣнія (напримѣръ, иностранецъ, не говорящій по-русски, получаетъ корреспонденцію или газету на русскомъ языкѣ; указывающій прибытіе изъ одного города—имѣть послѣдній номеръ газеты, выходящей въ городѣ, не бывшемъ на его пути, и т. п.).

19) Въ случаѣ дѣйствительной надобности, не какъ правило, а какъ исключеніе, только по указаніямъ и съ разрѣшеніемъ за-вѣдующаго отдѣломъ, допускается осмотръ вещей наблюдаемаго. Во время этого осмотра вещей, агенты должны обращать вниманіе на соотвѣтствіе бѣлья съ личностью, не спороты ли мѣтки съ бѣлья, а также съ одежды—мѣтка торговой фирмы и пр. Агенты должны помнить, что вышеуказанный осмотръ надлежитъ обставить вполнѣ конспиративно, выполнять при участіи только гостиничной агентуры, и свѣдѣнія о произведенномъ осмотрѣ отнюдь не должны быть достояніемъ служащихъ гостиницы.

§ 12.

Въ дѣятельности, направленной къ пріобрѣтенію указанныхъ въ предыдущихъ §§ 10 и 11 свѣдѣній о постояльцѣ, агентъ обязанъ строго сообразовать свои пріемы съ характеромъ и назначениемъ данной гостиницы и меблированныхъ комнатъ, не допуская, чтобы его пріемы были бы въ тягость живущимъ, что вызывали бы справедливыя нареканія на назойливое и нетактичное поведеніе агента. Агентъ обязанъ считаться съ положеніемъ лица, его интеллигентностью и условіями, въ которыхъ наблюдалось лицо находится въ данный моментъ. Такъ, напримѣръ, продолжительное пребываніе въ коридорѣ и въ пріемной меблированной квартиры, имѣющей мѣсячныхъ жильцовъ, является неудобнымъ, а такое пребываніе въ пріемной большой гостиницы или меблированного дома, где агентъ становится незамѣтенъ среди мѣстной прислуги, комиссіонеровъ и т. п. лицъ, является допустимымъ и цѣлесообразнымъ. Требованіе предъявленія документа и немедленной прописки въ гостиницахъ и меблированныхъ квартирахъ, существующихъ исключительно, какъ пріюты любви, не допустимо, а такое же требованіе въ нормальныхъ гостиницахъ и меблированныхъ квартирахъ—обязательно. Въ гостиницахъ (пріюты любви) прибывающіе должны записываться

въ гостиничную книгу, а въ случаѣ надобности, на нихъ составляются, со словъ, прибылые листки, которые въ полицейское управление не отсылаются.

§ 13.

Агенты ни въ коемъ случаѣ не имѣютъ права препятствовать или воспрещать останавливаться въ гостиницахъ или меблированныхъ комнатахъ какимъ бы то ни было лицамъ. Въ случаѣ прибытія лицъ, не имѣющихъ права жительства въ столицѣ, и обращенія къ агентамъ по сему вопросу со стороны администраціи гостиницы или меблированныхъ комнатъ, надлежитъ указывать, что со стороны отдѣла требуется лишь немедленная ихъ прописка.

§ 14.

Гостиничный агентъ обязанъ ежедневно обходить всѣ гостиницы и меблированные комнаты своего района, дѣлая это, по возможности, нѣсколько разъ въ сутки. Независимо отъ сего, онъ обязанъ поставить дѣло такъ, чтобы сама гостиничная администрація или вспомогательная агентура сообщала ему о всякомъ навлекающемъ на себя подозрѣніе обстоятельствѣ въ ихъ гостиницахъ или меблированныхъ комнатахъ, не дожидаясь его очередного прихода въ это заведеніе, а также обязанъ ежедневно два раза—утромъ, передъ началомъ обхода гостиницъ или меблированныхъ комнатъ, и вечеромъ—во время обхода, сообщать по телефону въ отдѣлъ дежурному агенту о мѣстѣ своего находженія и ожидать отъ него распоряженій начальства, если таковыя имѣются.

§ 15.

1) Агенты, при обходѣ гостиницъ и меблированныхъ комнатъ, попутно съ ознакомлениемъ съ живущими и прибывающими лицами, отмѣчаютъ у себя число прибывшихъ въ означеннное заведеніе лицъ и потомъ составляютъ рапортничку суточнаго пріѣзда, которую и подаютъ во время ежедневнаго рапорта. Рапортничка дѣлится на три графы: въ первой проставляется название гостиницы или меблированныхъ комнатъ; во второй—число прибывшихъ въ нее лицъ, на которыхъ явочный прибылой листокъ домовой администрацией представленъ въ мѣстное полицейское участковое управление; въ третьей—число лицъ (отдѣльно мужчинъ и женщинъ), на коихъ вышеуказанные явочные прибылые листки въ мѣстное полицейское управление не представляются, но которые значатся въ гостиничной книжѣ. Лица,

прибывающія въ гостиницы и меблированныя комнаты, какъ въ «пріюты любви», и оставшіяся на нѣсколько часовъ, не регистрируются. Одиночные люди, хотя бы и оставшіяся на короткій срокъ, отмѣчаются на оборотѣ рапортичкі, указывая причину непредъявленія прибывшимъ въ прописку документа.

2) Обо всемъ замѣченномъ по району по каждому отдѣльному случаю, на пріемѣ агентъ подаетъ письменный докладъ. Въ случаяхъ особо важныхъ и интересныхъ—пріѣзжаетъ немедленно въ отдѣль, гдѣ дѣлаетъ первоначально словесный докладъ, а затѣмъ—письменный.

3) На лицъ, за которыми, согласно § 8 п. 3, будетъ приказано учредить особое внутреннее, по мѣсту жительства, наблюденіе, а также и на тѣхъ лицъ, за которыми такое наблюденіе учреждается на основаніи доклада агента или по другимъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ отдѣль, агенты составляютъ въ двухъ экземплярахъ по выработанной формѣ карточки зеленаго цвѣта. Одинъ экземпляръ карточки остается у агента, а второй находится на регистраторѣ въ отдѣль.

4) Агенты обязаны: а) знать наблюдаемаго въ лицо, б) изучить подробно обстановку его жизни, т.-е. гдѣ находится занимаемая имъ комната, куда выходятъ окна изъ его комнаты, какими выходами наблюдаемый пользуется при выходѣ на улицу и т. п.; в) нѣть ли у наблюдаемаго въ гостиницѣ родныхъ или знакомыхъ; г) цѣль пріѣзда его, занятія и средства къ жизни; д) сношенія наблюдаемаго, т.-е. не посѣщаетъ ли его кто-нибудь, если посѣщаетъ, то кто именно и по какимъ дѣламъ; не получаетъ ли наблюдаемый корреспонденцію, если получаетъ, то откуда и, по возможности, огъ кого; е) вообще, ежедневно посѣщаю мѣстожительство наблюдаемаго, собираетъ черезъ довѣренныхъ лицъ администраціи гостиницы или меблированныхъ комнатъ свѣдѣнія объ образѣ жизни наблюдаемаго, и ж) чѣмъ вызвано установлениѣ наблюденія и какія имѣются на наблюдаемаго свѣдѣнія въ отдѣль.

5) О всѣхъ добытыхъ въ день свѣдѣніяхъ агентъ на пріемѣ докладываетъ, внося тѣ изъ нихъ въ зеленый листокъ наблюдаемаго, на который послѣдуетъ указаніе помощника завѣдующаго отдѣломъ.

6) О всемъ выдающемся въ жизни наблюдаемаго, напримѣръ: о замѣченныхъ у него схѣдкахъ, о проносѣ къ нему или выносѣ отъ него подозрительныхъ предметовъ и тяжестей, а также въ случаѣ посѣщенія его лицами, находящимися подъ наружнымъ наблюденіемъ чиновъ охраннаго отдѣленія, немедленно докладываетъ въ отдѣль для доклада завѣдующему отдѣломъ.

7) Въ особо исключительныхъ случаяхъ допускается фильтрованіе наблюдаемаго лица, но при этомъ соблюдаются правила, изложенные въ § 27 настоящей инструкціи.

8) При выѣздахъ наблюдаемаго въ другой городъ, завѣдующій отдѣломъ, получивъ о семь докладъ отъ помощника завѣдующаго отдѣломъ, указываетъ, надлежитъ ли сообщать всѣ имѣющіяся свѣдѣнія на наблюдаемаго и куда именно. Агентъ же, въ случаѣ, если наблюденіе приказано продолжать, обязанъ доносить всѣ могущія поступить къ нему дополнительныя свѣдѣнія на выѣбывшее наблюдаемое лицо.

9) Всѣ мѣры наблюденія, принимаемыя агентами, должны иметьъ секретный характеръ, какъ отъ лица, подвергнутаго наблюденію, такъ и отъ прочихъ постороннихъ лицъ (§ 30 настоящей инструкціи).

10) Наблюденіе за заподозрѣнными лицами прекращается по приказанію завѣдующаго отдѣломъ.

§ 16.

Агентъ обязанъ точно знать расположеніе всей гостиницы, меблированныхъ комнатъ, для чего: выясняетъ всѣ номера, выходящіе окнами на улицу; внутреннія соединенія наблюдаемаго имъ помѣщенія съ какими-либо другими помѣщеніями; обязанъ знать всѣ выходы на улицу и во дворъ и иметьъ на учетѣ тѣ номера, изъ которыхъ выходъ болѣе удобенъ не черезъ главный подъѣздъ; также долженъ знать такие номера и комнаты, которые болѣе изолированы и представляютъ удобство для лицъ, скрывающихъ свои сношенія и цѣль прїезда.

§ 17.

Помимо тщательнаго знакомства съ помѣщеніемъ гостиницы или меблированныхъ комнатъ, агентъ долженъ собрать самыя подробныя свѣдѣнія о харacterистикѣ ихъ отъ чиновъ участковой полиціи, полицейскихъ надзирателей охранного отдѣленія и, по возможности, отъ агентовъ сыскной полиціи, обращая вниманіе на характеръ нарушеній или преступныхъ дѣяній, обнаруженыхъ ранѣе въ этихъ гостиницахъ или меблированныхъ комнатахъ, а также тщательно ознакомиться съ окружающей данную гостиницу или меблированныя комнаты мѣстностью, съ цѣлью выяснить—не находятся ли по близости правительственные учрежденія, требующія охраны, и не проживаютъ ли должностные лица, могущія подвергнуться опасности. Въ зависимости отъ результатовъ этого выясненія и наблюденіе должно иметьъ

осооый характеръ. Особено тщательное наблюденіе должны агенты имѣть за лицами, прибывающими и проживающими въ гостиницахъ и меблированныхъ квартирахъ, выходящихъ на пути возможныхъ Высочайшихъ проѣздовъ, какъ то: набережная рѣки Фонтанки отъ Прачеснаго моста до Никольскаго переулка; Гороховая улица, Морская улица, Невскій пр., отъ Адмиралтейства до Литейнаго проспекта, Никольскій пер. и улица Глинки и, кромѣ того, въ тѣхъ районахъ, на которые будуть даны указанія начальникомъ охраннаго отдѣленія.

§ 18.

Для осуществленія фактическаго наблюденія въ гостиницахъ и меблированныхъ комнатахъ, агентъ обязанъ установить добрыя отношенія съ гостиничной администрацией и прислугой и, въ потребныхъ случаяхъ, приобрѣтать въ этихъ заведеніяхъ и вспомогательную агентуру средь паспортистовъ, швейцаровъ, телефонистовъ, коридорныхъ, горничныхъ, офиціантовъ, мальчиковъ для посылокъ, посыльныхъ, прачекъ, полотеровъ и прочихъ лицъ, служащихъ въ данной гостиницѣ или меблированныхъ комнатахъ.

§ 19.

Въ цѣляхъ установленія надлежащихъ отношеній съ администрацией гостиницы или меблированныхъ комнатъ и служащими тамъ лицами, агенты обязаны:

- 1) быть всегда внимательными и корректными;
- 2) не позволять себѣ вмѣшиваться во внутренніе порядки жизни гостиницы;
- 3) не быть излишне придирчивыми и, замѣтивъ нарушеніе общихъ правилъ для этихъ заведеній, не возбуждая этого вопроса, въ случаѣ, если таковое не отзывается на исполненій имъ его служебныхъ обязанностей, докладывать объ этомъ на приемъ въ отдѣлѣ;
- 4) своими отношеніями въ гостиницѣ или меблированныхъ комнатахъ заставить хозяевъ видѣть въ нихъ только нужныхъ и полезныхъ для себя лицъ.
- Агентамъ разрѣшается оказывать мелкія услуги служащихъ въ гостиницахъ своими совѣтами, справками, а иногда даже и заступничествомъ;
- 5) постоянно посѣщаю гостиницу и меблированныя комнаты, пріучить къ себѣ не только администрацію и служащихъ въ гостиницѣ, но даже и лицъ, постоянно живущихъ, дабы такимъ путемъ не возбуждать общаго интереса къ себѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда агентъ будетъ вести за кѣмъ-нибудь наблюденіе.

6) интересоваться каждымъ лицомъ какъ живущимъ, такъ и приходящимъ въ гостиницу, имъя ту же цѣль—собирать свѣдѣнія о лицахъ, его интересующихъ, конспиративно;

7) познакомиться фактически, насколько возможно, со всѣми служащими въ гостиницѣ и меблированныхъ комнатахъ; интересоваться ихъ личной жизнью; вызывать ихъ на такого рода разговоры, дабы быть имъ болѣе близкимъ человѣкомъ;

8) въ разговоры служебного характера вступать только съ лицами болѣе или менѣе знакомыми и то стараться вести его теоретически, заставляя собесѣдника болѣе говорить, а самому надлежитъ слушать;

9) только въ случаяхъ служебной необходимости, агенты могутъ оказывать услуги постояльцу и то только такія, которыя являются, какъ средство, необходимое для наблюденія, какъ то: позвать посыльного или извозчика, съ цѣлью посмотреть номеръ, чтобы впослѣдствіи сдѣлать соотвѣтственныя выясненія; въ исключительномъ интересныхъ случаяхъ можетъ даже брать на себя отнести письмо или телеграмму, опять-таки имъя цѣлью ознакомиться съ содержаніемъ таковыхъ. О всѣхъ такихъ случаяхъ агенты обязательно докладываютъ на пріемъ въ отдѣлѣ;

10) ни въ какомъ случаѣ агенты не должны принимать никакихъ вознагражденій отъ администраціи гостиницъ, а также не должны пользоваться столомъ въ гостиницахъ своего района, а тѣмъ болѣе допускать угощать себя.

§ 20.

Ознакомившись достаточно съ составомъ служащихъ въ гостиницѣ и меблированныхъ комнатахъ, агентъ, изъ среды ихъ, намѣчаешь себѣ лицъ, годныхъ для освѣщенія обстоятельствъ внутренней жизни постояльца, а также и тѣхъ изъ нихъ, которыя по характеру своей работы (паспортисты, швейцары) могутъ быть всегда полезны.

§ 21.

О лицахъ, пригодныхъ, какъ вспомогательная агентура, агентъ собираетъ подробныя справки и затѣмъ докладываетъ въ отдѣлъ для проверки ихъ благонадежности и только послѣ этого вступаетъ съ ними въ разговоры, дабы притти къ соотвѣтствующему соглашенію.

§ 22.

Имѣющіяся у агентовъ данныя о наблюдаемыхъ лицахъ ни въ коемъ случаѣ не сообщаются вспомогательной агентурѣ, а имъ только указывается лицо и предъявляется требованіе о тщательномъ за нимъ наблюденіи.

§ 23.

По получениі оть кого-либо свѣдѣній о прибывшемъ нелегальномъ лицѣ или же о преступной дѣятельности жильца, агенту, послѣ того, какъ данные свѣдѣнія подтвердились, разрѣшается объявлять заявителю, что по ходатайству его, агента, заявителю будетъ выдано вознагражденіе.

Выдача вознагражденія производится старшимъ агентомъ, по докладѣ о каждомъ случаѣ завѣдующему отдѣломъ. Старшему агенту въ иѣкоторыхъ случаяхъ (когда онъ уже знакомъ съ агентурой) разрѣшается выдачу вознагражденія производить черезъ районныхъ агентовъ.

§ 24.

Всѣ свѣдѣнія, служащія къ характеристицѣ гостиницы или меблированныхъ комнатъ, а также и особенности ихъ расположения (§ 16) и №№ телефоновъ агенты вносятъ въ книгу, которую они ведутъ одну на районъ. Книги эти хранятся въ канцеляріи отдѣла и въ нее вносятся агентами случаи задержанія тамъ нелегальныхъ лицъ и обнаруженія преступной дѣятельности тамъ проживающихъ. Кроме того, въ отдѣлѣ ведется на каждый районъ отдѣльная наглядная карта съ отмѣтками о всѣхъ данныхъ, могущихъ служить характеристикой гостиницъ и меблированныхъ комнатъ. Списки вспомогательной агентуры составляются въ двухъ экземплярахъ, которые хранятся: у завѣдующаго отдѣломъ и его помощника. Агенту должна быть известна вспомогательная агентура только лишь своего района.

§ 25.

Агентъ пріучаетъ лицъ, изъявившихъ желаніе оказывать ему услуги и присутствующихъ при прѣѣздѣ прибывающихъ, какъ то: швейцара, его помощниковъ, комиссіонеровъ, посыльныхъ и т. п. лицъ, разспрашивать извозчиковъ, шофферовъ, комиссіонеровъ и т. п. лицъ, откуда прѣѣхало наблюдаемое лицо, не оставило ли какихъ-либо вещей на вокзалѣ, и не было ли при самомъ прѣѣздѣ лица чего-либо обращающаго на себя вниманіе, а также записывать номера извозчиковъ и автомобилей.

§ 26.

Агенты обязаны установить извѣстный порядокъ обхода района, выяснивъ время наибольшаго прѣѣзда, и къ этому времени надо стараться быть въ гостиницахъ или меблированныхъ комнатахъ съ наибольшимъ числомъ прѣѣзжихъ. Выработавъ

порядокъ обхода раіона, агентъ излагаетъ его письменно на отдѣльномъ листкѣ, каковой хранится въ книгѣ, указанной въ § 24. Особыя порученія и наблюденія даютъ право агенту измѣнять порядокъ обхода раіона. Агентъ ежедневно совершаетъ два обхода раіона: утренній и вечерній. Время начала утренняго должно быть расчитано такъ, чтобы обходъ былъ оконченъ къ началу доклада въ отдѣлѣ. Время вечерняго обхода зависитъ отъ общаго характера меблированныхъ комнатъ и гостиницъ раіона.

§ 27.

Обративъ вниманіе на кого-либо изъ пріѣзжихъ, агенты не должны удовлетворяться свѣдѣніями, собранными по мѣсту жительства (съ особой осторожностью агенты относятся къ отзывамъ прислуги о жильцаѣ; такой отзывъ, по большей части, зависитъ отъ платежныхъ силъ жильца и его тароватости), а въ потребныхъ случаяхъ устанавливаютъ наблюденіе за его знакомствами; иногда допускается даже филированіе его. Послѣднее агентъ дѣлаетъ самостоительно исключительно лишь въ томъ случаѣ, если наблюдаемое лицо достаточно интересно и если у него есть увѣренность, что отсутствіе его изъ раіона не отзовется вредно на общемъ дѣлѣ надзора. Вообще же филерскія наблюденія за лицами учреждаются только съ разрѣшенія завѣдующаго отдѣломъ или его помощника.

§ 28.

Установивъ филерское наблюденіе, агенты самостоительно никакихъ установокъ по частнымъ домамъ не дѣлаютъ; въ гостиницахъ же и меблированныхъ комнатахъ своего раіона установки дѣлаютъ при помощи соотвѣтствующаго раіоннаго агента, прибѣгая къ этому только въ случаяхъ экстренныхъ; вообще же, по окончаніи наблюденія, прослѣдки представляютъ въ отдѣлъ, откуда уже идутъ распоряженія объ установкахъ.

§ 29.

Получивъ (въ рѣдкихъ случаяхъ) приказаніе завѣдующаго отдѣломъ, переданное лично или черезъ помощника завѣдующаго отдѣломъ, объ установкѣ сношеній, наблюдаемаго по частнымъ домамъ, въ которыхъ можетъ и не быть обслуживаемыхъ имъ меблированныхъ комнатъ, агентъ дѣлаетъ такія установки вполнѣ конспиративно, для чего сначала прибѣгаетъ къ выпискѣ изъ домовой книги, дѣлая это черезъ полицейское участковое управ-

вленіе и только, если такимъ образомъ цѣли не дѣстгнеть, то прибѣгаеть къ опросу домовой администраціи. Прибѣгая къ опросу домовой администраціи, агенты предварительно должны ознакомиться съ характеристикой ихъ, находящейся въ столахъ о дворникахъ въ участковыхъ управленияхъ, или же путемъ опроса полицейскихъ надзирателей охранного отдѣленія или околоточныхъ чадзирателей участковаго управлениія.

§ 30.

Принимая мѣры къ установкѣ сношенія заподозрѣнаго лица въ гостиницахъ и меблированныхъ комнатахъ, агенты должны твердо помнить п. 6 § 19.

§ 31.

Въ гостиницахъ, служащихъ для свиданія (парочекъ), агентъ долженъ наблюдать, чтобы прибывшіе на ночь до утра, кроме написанія листковъ, записывались также въ существующія въ гостиницахъ домовыя книги съ отмѣтками—котораго числа и въ которомъ часу лицо прибыло, а также отмѣтать число и часъ выбытія съ оговоркой, что прописка въ участкѣ не состоялась..

§ 32.

Агенты должны всегда помнить, что регистраціонный отдѣль есть вспомогательная часть Спб. охранного отдѣленія; на послѣднемъ лежитъ весь розыскъ по политическимъ преступленіямъ и тамъ сосредоточены все свѣдѣнія, а потому, при каждой своей работѣ, они должны обращать вниманіе на все ихъ окружающее и, замѣтивъ работу агентовъ охранного отдѣленія, должны свою работу прекратить совсѣмъ, или же вести ее только для вида, дабы не возбудить вниманія наблюдаемыхъ лицъ.

§ 33.

Получивъ требованіе о содѣйствіи отъ чина охранного отдѣленія, агенты отдѣла должны оказать полное содѣйствіе, не входя въ обсужденіе цѣлесообразности предъявленного требованія. О такихъ требованіяхъ агенты докладываютъ завѣдующему отдѣломъ.

§ 34.

Агентамъ безусловно воспрещается сообщать въ отдѣлъ по телефону свѣдѣнія о какой-либо работе чиновъ охранного отдѣленія, а также и о предполагаемыхъ или совершающихся про-

ездахъ лицъ Императорской фамилии или высокопоставленныхъ. Такіе доклады должны дѣлаться въ экстренныхъ случаяхъ письменно въ условной формѣ (разрѣшается отправка писемъ въ запечатанныхъ конвертахъ черезъ посыльныхъ, сообщая одновременно по телефону, что докладъ отправленъ) или же при личномъ прибытии въ отдѣль.

Нечего и говорить, что приведенная программа «дѣятельности» «гостиничнаго» агента—программа таихим, во всѣхъ своихъ подробностяхъ въ жизнь не проводившаяся уже по одному тому, что выполнение ея превосходитъ человѣческія силы. Надо думать, подполковникъ Дукельскій въ своихъ 25-ти пунктахъ рисовалъ большие идеального сыщика, чѣмъ реального. Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что даже въ дѣяніяхъ агентовъ «наружнаго» наблюденія, каковыми являются эти «гостиничные» агенты, можно усмотрѣть моментъ пособничества, о чѣмъ говорить, правда съ оговорками, п. 9 § 19-го.

Въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ Регистраціоннымъ Бюро работали специальная комиссія по осмотру владѣній, выходящихъ на пути высочайшаго проѣзда. Комиссій было образовано 9: одна желѣзнодорожная по линіи Александровской ж. д. и 8 по городу. О составѣ и обязанностяхъ комиссій говоритъ «Инструкція» (въ 22 параграфахъ), изъ которой приведемъ шесть параграфовъ.

1. Для осмотра всѣхъ жилыхъ строеній, ихъ службъ и усадьбъ, выходящихъ на путь Высочайшаго проѣзда, образуются комиссіи, въ составѣ: предсѣдателя—офицера отдѣльного корпуса жандармовъ и членовъ—помощника пристава, районнаго околоточнаго надзирателя, представителя отъ городского общественнаго управления, полицейскаго надзирателя или лица, замѣняющаго его, и, при надобности, техника-инженера.

2. Осмотръ владѣній производится съ цѣлью выясненія: а) не произведено ли изъ означенныхъ владѣній подъ улицы предполагаемыхъ проѣздовъ какихъ-либо, въ цѣляхъ злоумышленія, подкоповъ; б) не пролегаютъ ли подъ улицы проѣздовъ трубы, канавы или подземные ходы, каковые можно было бы использовать въ цѣляхъ злоумышленія; в) не имѣется ли въ домахъ подваловъ, чердаковъ, колодцевъ и вообще вмѣстилищъ, которыя могли бы безъ ущерба для жильцовъ быть временно закрыты, впредь до распоряженія, въ чѣмъ отирается подпись на актѣ.

3. Комиссія обходитъ всѣ владѣнія, причемъ жандармскій офицеръ и чины общей полиції:

а) осматриваютъ тщательно всѣ жилыя и нежилыя строенія,

обращая особое вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые выходятъ на линію проѣзда или расположены вблизи таковой, причемъ въ особый списокъ заносятся владѣльцы лицевыхъ квартиръ;

б) обращаютъ особое вниманіе на подвалы, сточные трубы, канавы, колодцы, выгребныя ямы и вообще на всѣ подземныя сооруженія, при чмъ о подземныхъ сооруженіяхъ, соединяющихся съ общей городской канализацией, въ случаѣ, если таковыя сооруженія могутъ быть использованы изъ домовъ съ злоумышленной цѣлью, составляютъ коричневый листокъ о назначеніи дополнительного осмотра специальной технической комиссией, отмѣчая о семъ въ актахъ, и во всѣхъ случаяхъ, заслуживающихъ особаго вниманія, испрашиваютъ черезъ завѣдывающаго Регистраціоннымъ Бюро личнаго доклада г. Градонаачальному;

в) знакомятся съ расположениемъ комнатъ квартиръ, изучая особенно тѣ изъ нихъ, которые выходятъ на путь проѣзда, и устанавливаютъ, не имѣется ли въ квартирахъ лабораторій или механическихъ мастерскихъ.

4. При осмотрѣ выясняется, не производится ли во владѣніяхъ какихъ-либо строительныхъ и земляныхъ работъ, капитального ремонта, а также работъ по установкѣ и проводкѣ электричества; о всѣхъ таковыхъ работахъ составляется, въ двухъ экземплярахъ, коричневый листокъ для назначенія дополнительного осмотра специальной технической комиссіи, отмѣчая о семъ на актахъ.

5. Попутно съ осмотромъ владѣній жандармскій офицеръ на мѣстѣ въ квартирахъ фактически провѣряетъ околосѣчныхъ надзирателей Регистраціоннаго Бюро для выясненія—всѣ ли проживающія въ домѣ лица ими зарегистрированы.

6. Попутно съ осмотромъ владѣній жандармскій офицеръ, чинъ полиціи и агентъ охраны знакомятся съ составомъ жильцовъ, обращая строгое вниманіе на тѣхъ изъ нихъ, которые зарегистрированы на розовые листки.

Всего нужно было вышеуказаннымъ образомъ осмотрѣть 584 владѣнія, что и было исполнено къ 16 августа.

Для осмотра всѣхъ электротехническихъ и подземныхъ сооружений въ г. Москвѣ, могущихъ встрѣтиться по пути высочайшаго слѣдованія, были организованы особая комиссія, цѣль организаціи которыхъ заключалась «въ тщательномъ осмотрѣ черезъ имѣющихъ въ составѣ Градонаачальства специалистовъ-инженеровъ всѣхъ электротехническихъ, подземныхъ, водопроводныхъ, водосточныхъ, канализационныхъ и газопроводныхъ сооруженій, находящихся по пути Высочайшаго слѣдованія, для выясненія, къ какимъ изъ этихъ сооруженій долженъ быть прекращенъ доступъ совсѣмъ и въ отношеніи какихъ именно должно быть

установлено постоянное наблюдение со стороны специально назначенныхъ чиновъ полиції или войскъ.

Тремя такими техническими комиссіями произведено было осмотровъ къ августовскому прїѣзду 329.

Водосточные каналы большого сѣченія осматривались на канунѣ каждого объявленного проѣзда и послѣ осмотра охранялись подземными постами, которые несли десятники. Объ обязанностяхъ этихъ подземныхъ или точнѣе «подземно-водныхъ» стражей такъ говорить «инструкція»:

а) Рабочій внутренняго поста домѣщается въ колодцѣ на днѣ водостока на приспособленныхъ, освѣщенныхъ фонаремъ, подмосткахъ; въ случаѣ наполненія трубы сточной водой поднимается къ верхнему посту, а при первой возможности, по убыли воды, немедленно становится на прежнее мѣсто;

б) обязанъ не допускать никого въ водосточную трубу, слѣдить за тѣмъ, чтобы не появлялись въ ней никакія постороннія лица и предметы».

Въ будкѣ надъ колодцемъ помѣщался городовой верхняго поста, находившійся въ тѣсномъ «контактѣ» съ рабочимъ, стоявшимъ въ трубѣ. Опасаясь нападенія изъ-подъ земли, охранники не забывали и объ опасности, угрожавшей сверху, со стороны аэроплановъ, относительно которыхъ тоже принимались соответствующія мѣры.

Работой Регистраціоннаго Бюро, въ частности лѣятельностью «гостиничныхъ агентовъ», а также комиссій по осмотру владѣній не ограничивались мѣры охраны царя. Какъ далеко ни шли агенты въ своемъ стремлѣніи выловить изъ населенія Москвы всѣхъ террористовъ, всего этого Начальнику Моск. Охр. Отд. казалось все-таки недостаточнымъ, и онъ просить, какъ мы видѣли, еще 400 филеровъ на 2 мѣсяца. Комиссія рѣшила дать ему лишь 200 филеровъ «въ томъ числѣ и центральный филерскій отрядъ» на 6 недѣль.

Обязанности этихъ филеровъ изложены въ руководственномъ письмѣ Начальника Петербургскаго Охр. Отд. Начальнику центральнаго филерскаго отряда (отъ 7 января 1912 г.).

«Филерамъ, на коихъ будетъ возлагаться обслѣдованіе мѣстностей, прилегающихъ къ тому или другому пункту Высочайшаго посѣщенія, вамъ надлежитъ внушить:

а) что въ ожиданіи Высочайшихъ проѣздовъ, на путь предстоящаго проѣзда выставляется особая секретная охрана, въ задачи коей и входитъ, главнымъ образомъ, охрана этихъ проѣздовъ; въ виду сего всѣ филеры центральнаго отряда должны въ точности знать инструкцію для секретной охраны, ея органи-

зацио и кругъ дѣятельности, дабы въ нужныхъ случаяхъ они могли бы прибѣгнуть къ помоши секретной охраны, самимъ помочь ей и избѣжать вмѣшательства не въ свое дѣло;

б) какіе именно улицы, площиади, мосты и пр. они должны обслѣдовать;

в) что главной ихъ задачей является контръ-наблюденіе, то-есть выясненіе, не ведется ли кѣмъ-либо въ данной мѣстности прослѣдка съ преступными цѣлями;

г) что въ случаѣ встрѣчи съ извѣстнымъ филерамъ серьезнымъ революціонеромъ-боевикомъ, филеры поступаютъ двояко: если въ это время ожидается проѣздъ Его Величества—немедленно его задерживаются, дѣйствуя быстро, энергично, но со всѣми мѣрами предосторожности, на случай возможности сопротивленія, и безъ излишняго шума; если проѣзда не предполагается, то берутъ встрѣченного революціонера въ тщательное наблюденіе и сообщаютъ при первой возможности въ охранное отдѣленіе для высылки имъ помоши и дальниѣшихъ распоряженій, но чи въ коемъ случаѣ не «теряютъ» наблюдаютаго; филерамъ должно быть строго внушено, что въ отношеніи подобныхъ лицъ, если явится опасеніе утерять ихъ, то надлежить переходить къ аресту;

д) объ арестѣ кого бы то ни было немедленно давать знать въ охранное отдѣленіе, вамъ и, если выставлена линія секретной охраны, начальнику ближайшаго участка таковой;

е) въ случаѣ высылки въ обслѣдуемый районъ секретной охраны, выставляемой въ ожиданіи Высочайшаго проѣзда, филеры вступаютъ съ нею въ связь, являясь соотвѣтственному начальнику участка съ докладомъ, примѣрно, слѣдующаго содержанія: «Обходъ съ особымъ порученіемъ начальника охраннаго отдѣленія»;

ж) что въ случаѣ встрѣчи филерами лица, въ отношеніи коего явится подозрѣніе, что оно ведетъ прослѣдки за Высочайшими выѣздами, или же лица, извѣстнаго имъ по прежней ихъ службѣ, въ качествѣ имѣющаго второстепенное революціонное значеніе,— надлежитъ брать его въ наблюденіе, въ цѣляхъ выясненія его соучастниковъ; въ случаѣ появленія такого лица въ то время, когда на пути предстоящаго Высочайшаго проѣзда выставлена линія секретной охраны, надлежитъ такое лицо указать ближайшему обходному, дабы его отогнали съ пути проѣзда; но при этомъ необходимо продолжать наблюденіе за этимъ лицомъ, ведя его самимъ или передавая это наблюденіе секретной охранѣ, въ зависимости отъ серьезности случая;

з) вообще филерамъ должна быть внушена главная цѣль ихъ назначенія: полное обеспеченіе безопасности проѣзда Государя

Императора, и разъяснено, что образъ дѣйствій ихъ въ каждомъ частномъ случаѣ долженъ быть согласованъ съ вышеуказанными главными положеніями, но въ деталяхъ зависѣть отъ ихъ опыта, смѣтливости и расторопности».

Казалось бы, что теперь-то царь можетъ безъ опаски проѣхать по улицамъ, но нѣтъ, и всего приведенного еще недостаточно. Въ цитированномъ письмѣ Начальнику центрального филерского отряда не разъ упоминается о «секретной охранѣ». Эта охрана— отличная отъ двухъ описанныхъ. О ней въ журналѣ Комиссіи читаемъ:

«Въ то же время подкомиссія признала необходимымъ включить въ общую схему мѣропріятій по обеспеченню благополучнаго пребыванія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ Москвѣ ниже- слѣдующія, касающіяся секретной охраны, положенія:

1) каждое мѣсто предполагаемаго Высочайшаго посѣщенія поручается наблюденію одного изъ жандармскихъ офицеровъ изъ числа предсѣдателей комиссій по осмотру зданій по линіи проѣзда;

2) для фактическаго же ознакомленія со всѣми лицами, проживающими въ тѣхъ мѣстахъ, и для регистраціи ихъ, въ каждое изъ нихъ назначается чинъ подвѣдомственной Дворцовому Команданту охранной агентуры, каковой на сей предметъ командируется съ 1-го марта въ распоряженіе начальника Московскаго охраннаго отдѣленія;

3) означенный офицеръ, по ознакомленіи со всѣми мѣстными условіями, составляетъ планъ охраны мѣста посѣщенія, составляетъ распределеніе постовъ секретной охраны, каковые и утверждаются затѣмъ начальникомъ охраннаго отдѣленія;

4) охрана въ Императорскомъ театрѣ во время Высочайшаго тамъ пребыванія будетъ осуществляться согласно особой для такового предмета инструкціи;

5) для осуществленія секретной охраны по путямъ Высочайшаго проѣзда въ Москвѣ имѣеть быть сформированъ сборный отрядъ секретной охраны, въ составъ котораго войдутъ: подвѣдомственная Дворцовому Команданту охранная агентура—175 человѣкъ, охранная команда С.-П.Б. охраннаго отдѣленія—75 человѣкъ, філеры разныхъ охранныхъ отдѣленій изъ числа командированныхъ въ Москву—150 человѣкъ и городовыхъ—100 человѣкъ;

6) начальникомъ наряда секретной охраны назначается одинъ изъ офицеровъ охранной агентуры, подвѣдомственной Дворцовому Команданту, командируемый своевременно въ распоряженіе Московскаго Градоначальника;

7) чины поименованныхъ выше категорій, входящихъ въ составъ секретной охраны, командируются въ Москву не позже какъ за двѣ недѣли до Высочайшаго прїѣзда, сбиваются въ отрядъ, послѣ чего съ ними начальникъ отряда производить занятія по ознакомленію съ линіями проѣзда и лицами, политически неблагонадежными, по нимъ проживающими, а также съ тѣми революціонными дѣятелями, съ коими то будетъ признано необходимоимъ начальникомъ охраннаго отдѣленія.

Мы не будемъ останавливаться подробнѣе на этой «секретной охранѣ», хотя матеріала у насъ болѣе чѣмъ достаточно въ видѣ брошюры (въ 46 страницъ) подъ названіемъ «Інструкція чинамъ Отряда Секретной Охраны, по охранѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ во время Высочайшихъ путешествій и пребываній въ мѣстѣ постоянныхъ резиденцій». Спб. 1913. Въ книжкѣ этой въ 199 параграфахъ обстоятельнѣйшимъ образомъ говорится и объ «обходныхъ» и «постовыхъ» агентахъ, и объ агентахъ, «назначаемыхъ въ мѣста общаго пользованія по путямъ проѣздовъ», и объ агентахъ «особыхъ наблюдательныхъ постовъ», и о «постовыхъ 2-й линіи секретной охраны, и объ агентахъ, поселяемыхъ въ мѣстахъ Высочайшаго посѣщенія».

Оставляя всѣхъ этихъ многочисленныхъ сыщиковъ въ покоѣ, приведемъ только первый параграфъ инструкціи, говорящій о тѣхъ, за кѣмъ они должны были слѣдить.

Вотъ этотъ параграфъ:

«Анархисты, члены революціонныхъ организацій, психически больные, фанатики изъ иновѣрцевъ, вообще такъ называемые «неудачники»—вотъ тѣ категоріи лицъ, которыя скорѣй всего могутъ дать субъекта, готоваго пойти на тяжкое преступленіе, а потому на нихъ главнымъ образомъ должно быть направлено вниманіе всѣхъ чиновъ, принимающихъ участіе въ осуществленіи мѣръ охраны».

Итакъ, оказывается, съ «неудачниками» боролись охранники-«удачники».

Изъ мѣстъ Высочайшаго посѣщенія театры внушали сильное беспокойство охранникамъ, въ особенности послѣ убийства Столыпина.

Мы, къ сожалѣнію, сейчасъ не имѣемъ подъ руками той особой инструкціи обѣ охранѣ въ Большомъ театрѣ, о которой говоритъ журналъ Комиссіи, но у насъ имѣются указанія на этотъ счетъ Начальника Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія Начальнику центральнаго філера скаго отряда, не лишенныя интереса, а мѣстами прямо-таки веселыя.

«При посѣщеніи Государемъ Императоромъ Императорскихъ

театровъ, пишеть Начальникъ Петербургскаго Охраниаго Отдѣленія,

1. Въ театръ назначаются:

а) на мѣста въ партерѣ—Вы или офицеръ по моему особому назначенію, и интеллигентный филеръ Корниловъ;

б) на мѣста у входовъ, а гдѣ таковыхъ мѣсть нѣтъ—въ проходахъ, филеры: Фроловъ, Мицкусъ и Федотовъ (при отсутствіи ихъ—Семеновъ или Малкинь);

в) на балконъ—2 человѣка;

г) на галлерею—3 человѣка;

д) у вѣшалокъ внизу, въ зависимости отъ числа ихъ, отъ 3 до 5 человѣкъ.

Выборъ филеровъ на посты, указанные въ п.п. в), г) и д), предоставляется вашему усмотрѣнію.

2. Назначаемые въ театры и особенно въ партеръ филеры должны быть безусловно прилично одѣты, т.-е. на парадныхъ спектакляхъ—во фракахъ, на обыкновенныхъ—въ смокингахъ или сюртукахъ.

3. Всему наряду, назначенному въ театръ, надлежитъ прибывать къ началу сѣзона, дабы успѣть просмотрѣть публику во время самого сѣзона и познакомиться съ агентами охранной команды, наряженными въ театръ.

4. Филерамъ, назначеннымъ въ театръ, надлежитъ преподать слѣдующія указанія:

а) главное ихъ назначеніе—опознаніе извѣстныхъ имъ по ихъ предыдущей службѣ революціонныхъ дѣятелей;

б) во время дѣйствій и въ антрактахъ они должны оставаться на своихъ мѣстахъ, тщательно наблюдая за тѣми лицами изъ публики, дѣйствія которыхъ являются подозрительными (нервничаетъ, встаетъ съ мѣста, наблюдаетъ за Императорской ложей, направляется къ послѣдней и т. д.);

в) уходить съ мѣста по личной надобности разрѣшается лишь въ случаѣ крайней къ тому необходимости и то лишь во время дѣйствія;

г) необходимо обращать особое вниманіе на лицъ, входящихъ въ зрительный залъ съ опозданіемъ;

д) у вѣшалокъ филеры, независимо опознанія извѣстныхъ имъ революціонеровъ, должны присматриваться, не будетъ ли кто-либо изъ публики вынимать чего-либо подозрительного изъ кармановъ верхняго платья;

е) замѣтивъ извѣстное имъ по прежней службѣ или хотя бы сомнительное лицо, филерамъ необходимо тщательно осмотрѣть его, опредѣлить, не имѣтъ ли оно спрятанного при себѣ оружія,

для чего въ отрядѣ должны быть выработаны особые пріемы (нѣсколькимъ лицамъ стиснуть его, толкнуть, какъ бы нечаянно, и т. п.);

ж) въ случаѣ встрѣчи съ извѣстнымъ имъ серьезнымъ революционеромъ-боевикомъ филеры немедленно приглашаютъ его въ комнату полиціймейстера, дѣйствуя при этомъ энергично и быстро со всѣми необходимыми предосторожностями и, по возможности, безъ шума, и немедленно даютъ знать начальникамъ охраннаго отдѣленія и центральнаго отряда;

з) въ отношеніи лицъ, показавшихся подозрительными, передаютъ ихъ въ наблюденіе другимъ агентамъ, для чего въ отрядѣ должны быть выработаны нѣсколько условныхъ фразъ безразличного содержанія, вродѣ «не хотите ли покурить», «пойдемте пить чай» и т. д., и немедленно сообщаютъ объ этомъ начальникамъ охраннаго отдѣленія и центральнаго отряда;

и) что никакія замѣны ихъ другими филерами, а тѣмъ болѣе женами, не допускаются.

Въ заключеніе нашего обзора предварительныхъ мѣръ сыска, производившихся охранкой, приведемъ нѣсколько справокъ, которыя намъ дадутъ ясное представлѣніе о той большой работе, которую она производила.

Вотъ двѣ таблицы, показывающія количество работавшихъ къ 16 августа.

Постоянный составъ отдѣленія по охраненію общественной безопасности и порядка въ городѣ Москвѣ.

	По списку.	Въ командингахъ.	Въ отпуску.	Больныхъ	На лицо.
а) Штатныхъ классныхъ чиновъ.	12	—	—	—	12
б) Классныхъ чиновъ, прикоманд.	7	—	—	—	7
в) Полицейскихъ надзирателей .	41	—	—	—	41
г) Филеровъ	84	8	—	—	76
д) Ун.-оф. Моск. Губ. Жанд.					
Упр., командированныхъ для изученія филерской службы	11	—	—	—	11
е) Служащихъ въ канцеляріи .	30	1	—	—	29
ж) Стражниковъ	19	—	—	—	19
Всего . . .	204	9	—	—	195

20*

Временный составъ, работающій во временному бюро (регистрационное, справочное и по сформированію добровольной охраны)..

Наименование должностей.	По списку.	Бѣкомандировкѣ.	Въ отпуску.	Вольныхъ.	На лицо.
а) Офицеровъ Отдѣльного Корпуса Жандармовъ	36	1	-	-	35
б) Околоточныхъ надзирателей Московской Столичной Полиціи	54	-	-	-	54
в) Околоточныхъ надзирателей С.-Петербургской Столичной полиціи	91	-	-	-	91
г) Временныхъ полицейскихъ надзирателей	18	-	-	-	18
д) Прикоманд. Жанд. унт.-офиц.	32	-	-	-	32
е) Иногороднихъ филеровъ . .	271	-	-	-	271
ж) Вольнонаемныхъ писцовъ . .	18	-	-	-	18
з) Служителей	3	-	-	-	3
Всего . . .	523	1	-	-	522

Суммируя данныя двухъ таблицъ, получимъ общее число охранниковъ разныхъ категорій въ 717 человѣкъ.

Накая работа кипѣла въ Регистраціонномъ Бюро, показывающа слѣдующія данныя. По 16 августа къ высочайшему прѣездѣ было зарегистрировано 13496 человѣкъ, изъ нихъ по дѣламъ Охраннаго Отдѣленія проходили 240; послано письменныхъ запросовъ о провѣркѣ документовъ и самоличности прибывающихъ въ Москву 6946; получено отвѣтовъ 3351, послано телеграфныхъ запросовъ 218, получено отвѣтовъ 52, провѣрено паспортовъ 31542, изъ нихъ оказалось нелегальныхъ 6.

Не меныше было работы и служащими въ специальному «Справочному Бюро», о которомъ говоритъ Заварзинъ въ пунктѣ 3.

отд. А своихъ «соображеній». По 16 же августа въ это бюро поступило запросовъ 265539 и выдано справокъ 1724.

Приведенные цифры показываютъ, какія ничтожныя результаты получались въ итогѣ громадной работы. Нужно было произвести специальная обслѣдованія тридцати тысячи слишкомъ паспортсвъ, чтобы найти шесть подложныхъ.

Вотъ ужъ дѣйствительно—гора родила мышь!

Кромѣ філеровъ разныхъ наименованій по всѣмъ путямъ Высочайшихъ проѣздовъ, какъ всѣмъ извѣстно, весьма густо разставлялись чины наружной полиціи. Приведемъ одну справку. Путь отъ Александровскаго вокзала до Большого Кремлевскаго дворца 27 августа 1912 г. (протяженіемъ 3 версты 210 саж.) былъ раздѣленъ на 14 «районовъ» (5 «отдѣленій») и на немъ стояло:

Завѣдующихъ отдѣленіями	5
» районами	14
Приставовъ	26
Помощниковъ приставовъ	74
Околоточныхъ надзирателей	227
Городовыхъ пѣшихъ	1693
Конныхъ офицеровъ	3
» городовыхъ	104
Жандармовъ конныхъ офицеровъ	9
» нижнихъ чиновъ	190
Помощниковъ брандмейстеровъ	12
Пожарныхъ служителей	74
Ночныхъ сторожей	511
<hr/>	
Всего . . .	2942 чел.

Но и это еще не все. По путямъ Высочайшихъ проѣздовъ разставлялись еще добровольцы охранники, члены такъ называемой «народной добровольной охраны». Охрана эта учреждалась во время прїѣзда царя въ разныхъ городахъ съ давнишняго времени. Точно опредѣлить время, когда впервые такая охрана была организована, мы пока не можемъ; намъ извѣстно только, что въ 1909 году поднимался вопросъ о награжденіи медалями «за усердіе» членовъ добровольной охраны, принимавшихъ въ ней участіе болѣе 15 лѣтъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до ожидаемаго прїѣзда царя извѣстные полиціи своимъ монархическими убѣжденіями обыватели города получали предложеніе отъ начальства стать во главѣ «отдѣловъ» охраны. Каждый изъ этихъ начальниковъ отдѣловъ долженъ

быть избрать не менѣе пяти «сотниковъ», каждый изъ которыхъ—не менѣе десяти «десантниковъ», и каждый «десантникъ»—не менѣе десяти членовъ охраны. Инструкція для организаціи народной добровольной охраны говоритъ, что она «обоснована на принципѣ всесторонняго знанія начальниками отдѣловъ охраны своихъ сотниковъ, послѣдними своихъ десантниковъ и десантниками членовъ своего десантка». «При формированиі добровольной охраны всѣ усилия должны быть направлены не на привлеченіе въ составъ ея возможно большаго количества людей, а на укомплектованіе ея безусловно благонадежнымъ элементомъ и притомъ такимъ, который идетъ въ народную охрану не изъ желанія получить почетную награду или мелкихъ корыстныхъ побужденій, а изъ чувства безкорыстнаго патріотизма».

Тѣмъ не менѣе списки лицъ, выразившихъ желаніе вступить въ охрану, провѣрялись по охранному и сыскному отдѣленіямъ. Послѣднее было особенно важно, такъ какъ, по свидѣтельству той же инструкціи, при организаціи народной охраны въ Москвѣ въ маѣ 1912 г. «въ спискахъ отдѣловъ было включено нѣсколько лицъ позорныхъ профессій, отбывавшихъ наказанія за политическія и уголовныя преступленія, ведущихъ нетрезвый образъ жизни и даже неимѣющихъ опредѣленнаго мѣстожительства и noctуящихъ по ночлежнымъ домамъ. Наблюдались и такие случаи: одинъ изъ сотниковъ, при формированиі своей сотни, поилъ водкой рабочихъ одной фабрики, чтобы тѣ записались въ его сотню».

Какъ бы тамъ ни было, изъ чувства ли «безкорыстнаго патріотизма» или въ надеждѣ получить угощеніе, но добровольцевъ-охранниковъ набралось немало. Къ августовскому прѣїзду было сформировано 88 отдѣловъ въ числѣ 31500 человѣкъ (въ маѣ было членовъ на 7500 человѣкъ менѣе). Въ это число вошло 2698 хоругвеносцевъ, сформированныхъ въ 11 отдѣловъ и представлявшихъ собою какъ бы гвардію народной охраны.

Все протяженіе высочайшихъ проѣздовъ при составленіи наряда добровольной охраны дѣлилось на отдѣльныя рубрики, которыя подраздѣляли означенное протяженіе на мелкіе участки отъ 100 до 200 шаговъ соотвѣтственно установки на нихъ отдѣловъ народной охраны.

Ряды добровольныхъ охранниковъ, снабженныхъ особыми билетами, которые запрещалось «выставлять на показъ», располагались за цѣпью полиціи въ 2 или 3 ряда, а при пересѣченіи улицъ или площадей въ 4—6 рядовъ, выдѣляя одну десятую часть охраны для размѣщенія среди публики. Но и этогоказалось недостаточнымъ. Къ вышесказанному «Инструкція» добавляетъ:

«При инструктированіи объяснить: чтобы члены охраны приводили на линію высочайшихъ проѣздовъ съ собою своихъ родственниковъ, коихъ и размѣщать позади соотвѣтствующаго отдѣла, дабы имѣть болѣе глубокій фронтъ надежнаго элемента».

Теперь остается только разставить шпалерами войска, и царь можетъ проѣхать по улицамъ Первопрестольной. «Народная» встрѣча «обожаемому монарху» трудами охранки инсценирована.

M. Цявловскій.

Война и общественность.

Скоро три года съ начала войны. При той быстрой сменѣ событий, которую мы переживаемъ, время начала войны стало уже историческимъ прошлымъ. Это позволяетъ намъ начать въ нашемъ журнале печатаніе материаловъ, которые могутъ быть объединены подъ однимъ заглавиемъ «Война и общественность». Воспоминанія Г. Цыперовича о первыхъ мѣсяцахъ войны во Франціи открываютъ серію такихъ статей и материаловъ.

Ред.

Изъ зарубежной жизни.

Нѣть такого политического ссылочного, поселенца или каторжника, который не мечталъ бы постоянно о побѣгѣ, и очень мало среди нихъ такихъ, которые представляютъ себѣ совершенно отчетливо, что ожидаетъ ихъ, если побѣгъ удастся и приведетъ къ переселенію за рубежъ. Обыкновенно ссылка и каторга рѣзко противопоставляются эмиграціи, и для этого противопоставленія есть, безусловно, немало оснований. Все же человѣкъ, попавшій въ эмиграцію, гарантированъ отъ исключительного режима русскихъ тюремъ и нестерпимыхъ условій нашей ссылки, главное назначеніе которыхъ состоять въ болѣе или менѣе быстромъ и совершенномъ выведеніи изъ строя активныхъ и оппозиціонно настроенныхъ общественныхъ элементовъ; здѣсь онъ пользуется широкой свободой, можетъ заняться профессіей по собственному выбору, акклиматизироваться, пріобрѣсти права гражданства, войти въ экономическую и политическую жизнь. Но... при всемъ этомъ необходимо имѣть въ виду многія весьма существенные поправки, которые вносятся послѣднею въ это противопоставленіе и именно не къ выгодѣ эмиграціи, хотя, разумѣется, и не во славу ссылки и каторги.

Прежде всего, благополучно бѣжавшій изъ внутренняго пленя и очутившійся за границей недавній обитатель какого-нибудь Нарымска или подобнаго «гиблаго» мѣста является къ новому очагу «безъ языка». Старое поколѣніе революціонеровъ

изъ дворянскихъ или богатыхъ купеческихъ слоевъ, гдѣ обученіе иностраннымъ языкамъ считается основой «приличнаго» воспитанія, уже давно исчезло; теперь въ эмиграцію идетъ масса, воспитанная и обученная на мѣдные гроши, знающая заграничную жизнь лишь по переводнымъ романамъ и учебникамъ. Она воспріимчива—эта масса, тщательно отобранныя опытными руками российскихъ охранительныхъ органовъ власти, ея способности въ общемъ выше средняго уровня, она нерѣдко поражаетъ своею жизнестойкостью и соціальнымъ упорствомъ; но для такого трудного дѣла, какимъ является для взрослого человѣка овладѣніе иностраннымъ языкомъ, усвоеніе его духа, необходимо очень много времени, а между тѣмъ жизнь надо устраивать немедленно.

Нерѣдко случается, что уже это первое препятствіе оказывается непреодолимымъ. Потому что дѣло не только въ томъ, чтобы научиться кое-какъ говорить и писать по-французски или на другомъ языкѣ; этого достаточно для объясненій съ приказчиками, торговцами и вообще для дѣловыхъ, служебныхъ отношеній, и слишкомъ мало для установленія болѣе тѣсныхъ и интимныхъ связей съ населеніемъ новой родины, которое и безъ того принимаетъ невольныхъ гостей съ большою осторожностью, похожею нерѣдко на опаску, держитъ ихъ на почтительномъ разстояніи отъ своей внутренней жизни, какъ представителей чуждой и, конечно, низшей расы.

Но дѣло не ограничивается лишь этимъ препятствіемъ. Общая разница въ культурѣ европейской и русской оказывается на первыхъ порахъ слишкомъ рѣзкой, чтобы процессъ приспособленія къ новой средѣ могъ протекать спокойно и безболѣзенно; и притомъ наши эмигранты попадаютъ за границу съ огромнымъ, чаще всего совершенно неизрасходованымъ запасомъ ненависти ко всему мѣщанско-му, слишкомъ размѣренному и разсчитанному, съ рѣзко обозначенною склонностью къ отрицанію обыденной всѣмъ надобившой морали, съ непримируемымъ презрѣніемъ къ традиціямъ, въ большинствѣ случаевъ уже давно отставшимъ отъ жизни и превратившимся въ тормазъ для нея, т.-е. какъ разъ къ тому, что пользуется такимъ признаніемъ на западѣ, съ его культурой, развивающейся медленно, путемъ постепенно, часто едва замѣтнаго отбрасыванія изжитыхъ культурныхъ цѣнностей и замѣны ихъ новыми, выработанными органически, а не щедринско-экспериментальнымъ методомъ.

Все это относится въ равной степени къ эмиграціи въ различныхъ странахъ, и вездѣ наиболѣе легко дается приспособленіе къ новымъ условіямъ тѣмъ изъ эмигрантовъ, которые попадаютъ

на чужбину вооруженные профессиональнымъ образованіемъ и приступаютъ къ трудной задачѣ ассимиляціи съ мѣстнымъ населеніемъ въ процессѣ труда, за однимъ станкомъ, на одной фабрикѣ, гдѣ слово, сказанное на ломанномъ языкѣ, не такъ рѣжетъ ухо, какъ на улицѣ, въ ресторанѣ или кафѣ, потому что въ процессѣ труда виѣшнее жизни вообще во многомъ утрачиваетъ свою призрачную важность и приобрѣтаетъ значительную упрощенность.

Именно эта сторона зарубежной жизни прежде всего бросилась мнѣ въ глаза, когда я сталъ знакомиться съ французской или точнѣе—съ парижской эмиграціей, причемъ для меня скоро выяснилось, что не только общность условій труда, но и какъ прямой выводъ изъ нихъ, и общность борьбы за ихъ улучшеніе ведетъ рабочую русскую эмиграцію къ болѣе тѣсному сближенію съ французскимъ населеніемъ, чѣмъ эмиграцію интеллигентскую, которая всегда страдаетъ отъ рѣзкой оторванности, почти полной разобщенности съ мѣстнымъ населеніемъ, восполняя недостатокъ общенія съ живыми людьми изученіемъ литературы и искусства. Такъ подходитъ къ новой, почти цѣликомъ чуждой, хотя и не враждебной жизни, «лѣвобережная» парижская эмиграція, т.-е. основная демократическая масса ея, живущая въ мансардахъ, дешевыхъ отеляхъ и крошечныхъ квартирахъ Латинскаго и смежныхъ рабочихъ кварталовъ на лѣвомъ берегу Сены и въ районѣ Бастильской Площади; «правобережники», ихъ сравнительно немноги, небольшая группа, проживающіе въ буржуазныхъ и аристократическихъ кварталахъ, приспособляются къ французской жизни, какъ и рабочая эмиграція, на дѣловой, практической почвѣ, но только въ иномъ направленіи и въ несоизмѣримо болѣе широкомъ масштабѣ. Они занимаютъ хорошія мѣста въ банкахъ и различныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, нерѣдко пользуются репутацией серьезныхъ дѣльцовъ и опытныхъ специалистовъ, устраиваютъ собственные торговыя и юридическія конторы и вступаютъ въ болѣе или менѣе тѣсный kontaktъ съ французами на дѣловой почвѣ съ тѣмъ большей легкостью, что изъ-за ихъ специальныхъ знаній, солиднаго положенія и солидныхъ заработкахъ очень многое имъ прощается, какъ иностранцамъ, съ которыми выгодно имѣть дѣла.

Въ первый разъ я познакомился съ русской эмиграціей въ Парижѣ весною 1905 года, когда по многимъ признакамъ предчувствовалось близкое наступленіе очень крупныхъ событий въ Россіи. Жизнь въ парижской колоніи въ то время была бурнымъ ключомъ. Шла дѣятельная провѣрка основныхъ положеній, спѣшно заканчивалась формулировка программы ближайшихъ

дѣйствій, потому что всѣ увѣренно знали, что не сегодня—завтра къ нимъ придется приступить, жили близкимъ и своимъ будущимъ, физически еще въ Парижѣ, но душою и умомъ въ Россіи, и это создавало удивительный подъемъ настроенія, сильно сглаживавшій наиболѣе острые углы эмигрантскаго бытія. Это была пора безпрерывныхъ собраній, совѣщаній и митинговъ, энергичныхъ сношеній съ Россіей, подготовки исхода эмиграціи обратно на родину съ предвкушеніемъ побѣды надъ черными силами, романтическая пора, заставившая многихъ позабыть о томъ, что было перенесено еще недавно.

Съ объявленіемъ амнистіи парижская колонія мгновенно опустѣла. Остались лишь немногіе старожилы, слишкомъ привыкнувшіе къ французской жизни, чтобы сразу отказаться отъ нея, и слишкомъ долго наблюдавшіе издалека суровыя условія россійской жизни, чтобы легко увѣровать въ возможность близкаго и радикального ея перерожденія. Скептицизмъ не обманулъ этихъ осторожныхъ людей, и имъ вскорѣ пришлось быть свидѣтелями новаго прилива эмигрантовъ, «бломковъ крушенія», массы въ значительной степени сырой, рѣзко отличавшейся отъ былой эмиграціи и принесшей съ собою новые навыки, другія требованія, иные взгляды на жизнь.

Въ то время какъ въ Россіи, вскорѣ послѣ подавленія движенія 1905—1906 годовъ, интересъ къ соціально-политическимъ проблемамъ сталъ быстро падать, парижская колонія по инерціи и свободная отъ политическаго гнета продолжала еще переживать идейное содержаніе революціонныхъ дней. Вновь прибывавшіе элементы, успѣвшіе ускользнуть отъ суда или вырваться изъ ссылки, немедленно сгруппировались по организаціямъ, ожила эмигрантская касса, открылись библиотеки, появились всевозможныя «группы содѣйствія» вокругъ вновь появившихся заграничныхъ органовъ, которымъ въ романтическую весну 1905 года поторопились провозгласить отходную, закипѣли страсти по вопросамъ, неизбѣжно выплывшимъ на поверхность въ связи съ разгромомъ освободительного движенія, такъ какъ необходимо было прежде всего выяснить причины неудачи и сдѣлать соответствующіе выводы для будущаго.

И чѣмъ энергичнѣе велась эта работа, тѣмъ съ каждымъ днемъ все рѣзче и рѣзче обозначался разрывъ между сумерками россійской дѣйствительности и тою зарубежною свободой, въ которой продолжала по инерціи развиваться творческая мысль эмиграціи. А та глубокая симпатія, которую неизмѣнно обнаруживали по отношенію къ остаткамъ разбитой революціонной арміи не только крайніе лѣвые, но и просто приличные демокра-

тическіе элементы Франціі, еще болѣе поддерживала бодрое настроеніе въ эмигрантскихъ кругахъ, долго еще вѣрившихъ въ возможность скораго повторенія уже пережитыхъ событій въ еще болѣе грандіозномъ масштабѣ.

Время, однако, вѣрно и упорно дѣлало свое. Всльдь за короткимъ, но жесточайшимъ періодомъ реакціи, для сравненія съ которой немного найдется примѣровъ въ исторіи человѣчества, въ Россіи наступилъ легкій просвѣтъ, который былъ использованъ демократіей для укрѣпленія нѣкоторыхъ, правда, немногочисленныхъ и второстепенныхъ позицій. Именно въ эту пору въ нашихъ крупнѣйшихъ городскихъ центрахъ, главнымъ образомъ въ Петербургѣ, была начата кампанія въ культурно-просвѣтительныхъ обществахъ, агитациѳ вокругъ борьбы съ алкоголизмомъ, затѣмъ кооперативная, страховая кампанія и пр. Все это были настолько будничныя и прозаичныя формы пробуждающейся соціально-политической жизни, что смѣло и свободно несшейся впередъ теоретической эмигрантской мысли очень нелегко было разглядѣть скрывающуюся подъ ними сущность. И поэтому нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что между эмиграціей и Россіей образовался извѣстнаго рода разрывъ, который обозначился еще рѣзче къ тому времени, когдаrudиментарныя формы оживленія, о которыхъ мы только что говорили, смѣнились болѣе сложными и требовавшими непосредственнаго знакомства съ ними для правильнаго анализа.

Надвигалась новая знаменательная полоса, и въ то же время чувствовалось, что для парижской эмиграціи далеко не все является въ ней понятнымъ, и что во всякомъ случаѣ ей не суждена въ этотъ разъ роль духовнаго руководителя вновь начинающагося движенія. И симптомовъ для этого было болѣе, чѣмъ достаточно. То въ самый разгаръ обсужденія теоретическихъ вопросовъ вліятельная группа, центръ направленія внезапно ликвидируетъ свои дѣла и переѣзжаетъ на границу съ Россіей, чтобы быть поближе къ ея жизни, лучше ощущать ея пульсъ и легче ориентироваться въ новыхъ сложныхъ теченіяхъ общественности; то обсужденіе соціально-политическихъ вопросовъ круто соскакиваетъ съ реальсъ и переходитъ на темы, весьма интересныя по существу, но имѣющія мало отношенія къ проблемамъ, выдвинутымъ жизнью въ Россії; то рѣжуще вспыхиваетъ полоса лично-партийныхъ счетовъ явно упадочнаго характера, всегда характерныхъ для эмиграціи, когда она утрачиваетъ тѣсный kontaktъ съ родиной.

Пониженіе тонуса эмигрантской жизни чувствовалось отчетливо во всемъ, и поэтому нѣть ничего удивительнаго въ томъ,

что въ колоніи все болѣе и болѣе разросталась склонность къ занятію выжидательной позиціи, которая была и сама по себѣ тягостна для всегда активной мысли, а теперь становилась особенно трудной, такъ какъ изъ Россіи стали приходить вѣсти о подъемѣ въ рабочихъ массахъ, обѣ оживленіи въ широкихъ общественныхъ кругахъ, обѣ образованіи «пустоты» вокругъ правительства (*splendid isolation*). Эмигрантская публика усердно посѣщала рефераты, гдѣ весьма оживленно обсуждались вопросы пролетарской культуры, этики будущаго, различныя проблемы искусства, но отъ ея сознанія не могъ уйти тѣтъ простой фактъ, что для этого вовсе нѣтъ надобности нести огромное бремя эмиграціи, она никакъ не могла отදлаться отъ тяжелаго ощущенія ненужности пребыванія за рубежомъ, тѣмъ болѣе, что и рѣшенія выдвигавшихся въ то время въ колоніи теоретическихъ вопросовъ нисколько не предполагали en masse обязательности статей закона, по которымъ всякой консеквентно мыслящей гражданинъ земли русской долженъ обязательно отсидѣть извѣстный срокъ въ «одиночкѣ», потомъ побывать въ Сибири, чтобы оттуда попасть за границу. Ихъ съ успѣхомъ можно было обсуждать и въ Россіи, эти вопросы, выдвинутые моментомъ безвременія, полосой затишья передъ надвигавшейся бурей.

И лишь незадолго до войны, какъ бы въ силу особой соціально-политической интуиціи въ парижской колоніи рѣзко обозначился интересъ къ национальному и, конкретно, къ польскому вопросу. Можно было даже предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ ему предстояло произвести извѣстную перестановку въ групповыхъ соотношеніяхъ колоніи, тѣмъ болѣе, что его пришлось очень скоро привести въ контактъ съ общими вопросами, выдвинутыми политическимъ положеніемъ Россіи, внутреннимъ и международнымъ. Нелишнимъ, напр., будетъ отмѣтить, что за нѣсколько мѣсяцевъ до объявленія войны въ серьезномъ французскомъ журналь «Le Correspondant» появилась весьма любопытная статья, подписанная тремя звѣздочками, за которыми скрывался видный авторитетъ въ области военныхъ и дипломатическихъ отношеній. Содержаніе ея, въ свое время использованное Г. Алексинскимъ въ его статьѣ, напечатанной весною 1914 года въ «Современномъ Мирѣ», предуказывало необходимость планомѣрного расходованія пятимилліарднаго займа Россіи на постройку прежде всего параллельныхъ стратегическихъ желѣзодорожныхъ линій вдоль германской границы въ Царствѣ Польскомъ, и такимъ образомъ намѣчало будущую роль Польши въ возможномъ конфликѣ. Ни для кого не прошли безслѣдно и торжественные дни Базельскаго конгресса, который показалъ совершенно отчетливо, что

исторія готова повториться въ грандіозной попыткѣ столкнуть различныя національности для разрѣшенія сложнѣйшихъ противорѣчій современнааго капиталистического уклада.

Не были извѣстны широкимъ массамъ, но глубоко взволновали нѣкоторыхъ участниковъ конгресса пророческія слова Жореса, который отчетливо видѣлъ приближеніе ужасной катастрофы, зналъ, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ такъ называемыхъ національныхъ антагонизмовъ и, между прочимъ, въ частной бесѣдѣ заклиналъ секретаря Международнаго Соціалистического Бюро не оставлять своего поста, стараться поддерживать международнія связи даже въ томъ случаѣ, если угаръ шовинизма охватить всѣ партіи. «И если даже я самъ сдѣлаюсь жертвой націоналистическихъ страстей,—сказалъ онъ,— дѣлай свое дѣло, не обращая на меня вниманія, потому что только такимъ образомъ мы сможемъ спастись отъ полнаго разгрома».

Внезапно выдвинувшемуся на первый планъ національному вопросу уже не суждено было исчезнуть со сцены. Но мало кому, конечно, приходила въ голову мысль, что разрѣшеніе его въ такой ужасной, такой необычайной формѣ такъ близко. О томъ, что война возможна и что она способна вспыхнуть каждую минуту, въ колоніи знали и думали, конечно, такъ же, какъ и вездѣ, на основаніи достаточно отчетливаго знакомства съ сущностью колоніальной политики, съ тенденціями капиталистического милитаризма, успѣвшаго превратить войну въ весьма выгодную для поставщиковъ разновидность международнаго рынка, и съ психологіей командующихъ классовъ. Если въ ея средѣ и имѣлись оптимисты, которые вѣрили, что Интернаціональ окажется достаточно сильнымъ, для того чтобы подавить въ зародышѣ преступную попытку вовлечь человѣчество въ братоубийственную войну, то разоблаченія К. Либкнехта въ Германії, Жореса, Самба и др. во Франції, автора очень нашумѣвшаго памфлета «Международная военная индустрія» въ Англіи и пр., вскрывшія съ поразительной яркостью тайны пружины современной войны и, что возможно, содѣйствовавшія въ извѣстной мѣрѣ ея разнудзданію, въ значительной степени подорвали ихъ оптимизмъ. И тѣмъ не менѣе никто, даже такие прозорливые и освѣдомленные люди, какъ Жоресь, не осмѣливался допустить мысли, что возможность войны завтра претворится въ дѣйствительность.

Колонія смутно предчувствовала вѣроятность какихъ-то перемѣнъ, она подчеркнуто томилась въ своей вынужденной изолированности, не находя даже корректива въ усиленныхъ сношеніяхъ съ Россіей, какъ это было наканунѣ великихъ событий

1905 года, но она не предвидѣла наступленія грозы, а особенно въ такой необычайной, ужасной формѣ. И такъ же, какъ весь французскій народъ, она была захвачена врасплохъ, когда гроза разразилась.

Уже биржа начала обнаруживать признаки паническаго разстройства, золото стало исчезать изъ обращенія невѣдомыми путями, лица на улицахъ пріобрѣли тотъ озабоченно-суроый видъ, какой можно наблюдать всегда, когда людей постигаетъ тяжелое, неожиданное и незаслуженное горе, въ тайникахъ народной души зашевелились призраки франко-пруссской войны, уснувшіе за сорокъ пять лѣтъ, но всегда готовые воспрянуть, а парижскія массы все еще думали, что «это» пройдетъ, что «это» лишь конвульсія милитаризма, задыхающагося въ своей мози и не смѣющаго ее проявить передъ суверенной волей демократіи; и эмиграція думала въ униssonъ со всѣмъ населеніемъ, томилась съ нимъ вмѣстѣ въ тяжелыхъ предчувствіяхъ и въ усиленномъ скептицизмѣ искала отъ нихъ избавленія.

Воспитанная на рѣзко отрицательномъ отношеніи къ военщинѣ, въ силу условій совершенно специфическихъ и не требующихъ детальныхъ поясненій, русская эмиграція до войны не знала того раздвоенія по вопросу объ отношеніи къ современному милитаризму, въ которомъ такъ мучительно билась и продолжаетъ биться европейская соціалистическая мысль. Съ другой стороны, она была поставлена въ слишкомъ исключительныя условія, чтобы можно было разсчитывать на проявленіе особенно яркаго патріотизма съ ея стороны. И тѣмъ не менѣе извѣстную часть ея, хотя и далеко не всю, скорѣе меньшинство, охватило весьма повышенное боевое настроеніе, какъ только длительный моментъ предчувствія разрѣшился объявлениемъ всеобщей мобилизациіи и начала военныхъ дѣйствій. Сейчасть, конечно, еще очень трудно подойти вплотную къ выясненію причинъ этого настроенія; но «теперь можно указать на одно обстоятельство, весьма способствовавшее увлечению широкихъ массъ въ опредѣленномъ направленіи, уже задолго до войны намѣченномъ дирижирующими элементами страны, и безусловно сыгравшее значительную роль въ самоопределѣніи русской эмиграціі.

Съ момента объявленія мобилизациіи все населеніе Франціи сразу лишилось самаго главнаго источника информаціи, т.-е.: прессы. Она не исчезла фактически, но взятая подъ суроый контроль военной цензуры, совершенно утратила свое вліяніе, какъ критическій факторъ, и этимъ самымъ давала, противъ собственной воли, совершившимся событиямъ санкцію, которой, быть можетъ, они далеко не всегда заслуживали. О томъ, что рядъ орга-

новъ печати дѣлали это добровольно, по ряду соображеній весьма не высокаго свойства, говорить не стоитъ, но даже и та пресса, которая наканунѣ войны вела яростную борьбу съ милитаризмомъ, испытала такое потрясеніе, которое отняло у нея фактическую возможность излагать событія, какъ они есть. И поэтому, когда зазвучали первые пушечные выстрѣлы, вся страна была увѣренна, что она знаетъ прекрасно, кто виноватъ въ этомъ и немедленно почувствовала злобную рѣшиимость расправиться съ наслѣдственнымъ врагомъ. Впослѣдствіи, когда нѣкоторыя несовершенства *l'union sacr e* стали тревожить общественную мысль и наводить ее на нѣкоторыя размышенія отнюдь не офиціального свойства, у политическихъ дѣятелей и представителей прессы появилась потребность припомнить нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія объявление войны, но... бутылка была раскупорена, и нужно было пить, тѣмъ болѣе, что въ очень непродолжительномъ времени изъ-за спины информаціонно-военной цензуры появилась и общеполитическая, какъ прямой выводъ изъ нея и какъ ея служебный органъ.

Трудно дать даже приблизительное представление о томъ, что сдѣлала политическая цензура съ французской прессой во время войны, той самой прессой, которая еще такъ недавно не понимала, что значитъ возможность заставить кого-нибудь молчать, если онъ чувствуетъ потребность высказать свое мнѣніе. Конечно, и до войны французская печать была прекрасно знакома съ моральнымъ давленіемъ со стороны власти имущихъ, особенно тѣхъ, кто не жалѣлъ материальныхъ средствъ для обработки общественного мнѣнія. Всѣ хорошо знали, что прямо или косвенно подавляющее большинство наиболѣе распространенныхъ органовъ печати находятся въ извѣстной зависимости, одни отъ какой-нибудь иностранной державы, другіе отъ могущественнаго банковскаго консорціума или всесильного синдиката. Но всегда въ то же время находились отдѣльные органы, которые, преслѣдуя ли свои отнюдь не идеалистическія цѣли, или же побуждаемые искренними и честными побужденіями, вдругъ срывали съ заговора молчанія, лжи и укрывательства завѣсу своими разоблаченіями и такимъ путемъ вызывали бурю протesta.

Теперь это стало фактически невозможно. Убили Жореса, но никто, даже его собственный органъ *«L'Humanit »*, не смогъ поставить точку надъ і и сказать правды объ истинной причинѣ этого ужаснаго злодѣйства. Допустили, благодаря чудовищно нелогичной, но психологически весьма понятной стратегической диверсіи, разгромъ Бельгіи, но не смогли даже и поставить во-

проса, кто виновникъ этого ужаснаго шага, а между тѣмъ всѣ грамотные французы чувствовали, что случилось что-то неладное; устроили нашествіе на Эльзасъ съ такими результатами, которые въ нормальное время могли бы привести не только къ одному газетному восстанію, но и обѣ этомъ злополучномъ шагѣ дозволено было говорить лишь во хвалу, а не въ порицаніе; оставили Парижъ беззащитнымъ, тайкомъ бѣжали въ Бордо, гдѣ предались оргіямъ, скандализировавшимъ даже самыхъ вѣрныхъ сторонниковъ правительства, однако и обѣ этомъ вынуждены были молчать, потому что цензура орудовала не только ножницами, но и болѣе действительными средствами, вродѣ конфискацій, закрытія провинившейся газеты на нѣсколько дней и даже на всегда.

Во время крупныхъ соціально-политическихъ событий средніе люди всегда начинаютъ съ азовъ, совершенно игнорируя уроки прошлаго, и это обстоятельство очень облегчаетъ побѣду надъ ними даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объективно всѣ шансы какъ будто на ихъ сторонѣ. Избирательная кампанія во Франції наканунѣ войны, прошедшая цѣликомъ подъ знакомъ борьбы за и противъ удлиненія срока военной службы, вскрыла такіе пружины и мотивы современного милитаризма даже въ этой образцовой странѣ республиканской демократіи, что казалось совершенно немыслимымъ, чтобы широкія общественные массы, внимательно слѣдившія за всей кампаніей и отдавшія огромное количество голосовъ антимилитаристамъ, могли такъ основательно позабыть о свѣжихъ предметныхъ урокахъ; и, однако, это случилось, и притомъ съ гораздо большей легкостью, чѣмъ предполагали самые ярые оптимисты изъ заинтересованныхъ круговъ, о чёмъ можно было судить по слѣдующему характерному факту, разсказанному бывшимъ анархо-синдикалистомъ, другомъ Густава Эрвэ, организаторомъ «Молодой Гвардіи», нынѣ же ярымъ патріотомъ и сотрудникомъ сомнительной газетки «Bonnet rouge».

Наканунѣ объявлениія мобилизаціи въ правящихъ сферахъ было решено арестовать около 20.000 «неблагонадежныхъ» лицъ, занесенныхъ «охраннымъ отдѣлениемъ» (*Sûreté Generale*) въ пресловутый списокъ—*carnet B*. Эта солидная армія состояла изъ анархо- и просто синдикалистовъ, сторонниковъ всеобщей забастовки, саботажа и систематического, массового дезертирства въ случаѣ объявлениія войны, теоретиковъ и практиковъ антимилитаризма самыхъ различныхъ оттѣнковъ, соціалистовъ, скомпрометировавшихъ себя яростною борьбою противъ института постоянной арміи вообще и противъ «trois ans», т.-е. удлиненія срока военной службы до трехъ лѣтъ, въ частности, и могла бы

дѣйствительно надѣлать не мало хлопотъ, если бы правительство рискнуло осуществить свой планъ атаки на внутренняго врага. Когда Альмерейда узналь, что аресты по сагнет В должны начаться съ минуты на минуту, онъ отправился къ министру внутреннихъ дѣлъ Мальви, для того, чтобы освѣдомить его о настроенияхъ въ соціалистическихъ и синдикалистическихъ кругахъ и отговорить отъ опасной затѣи. На совѣщаніе былъ приглашенъ и начальникъ охраннаго отдѣленія, который поддержалъ своимъ авторитетомъ аргументацію бывшаго анархо-синдикалиста.

— Все это очень хорошо,—сказалъ Мальви,—и я очень радъ, что ошибся въ настроеніи соціалистическихъ круговъ. Но остаются еще анархисты, относительно которыхъ у меня нѣтъ никакихъ успокоительныхъ свѣдѣній. Можете ли вы поручиться, что они не устроять намъ сюрприза въ тылу?

— Я, конечно, не могъ дать ему никакихъ завѣреній на этотъ счетъ,—повѣствуетъ Альмерейда,—и попросилъ отерочки, чтобы повидаться съ лидерами анархическихъ организаций и переговорить съ ними, причемъ вскорѣ убѣдился, что они настроены не менѣе патріотично, чѣмъ соціалисты.

Трудно сказать, не приписываетъ ли себѣ Альмерейда слишкомъ много роли въ данномъ случаѣ, но такъ или иначе, соціалистические круги во Франціи обнаружили такую склонность къ усвоенію официальной точки зрењія, что предполагавшіеся массовые аресты свелись къ изъятію изъ употребленія лишь нѣсколькихъ непримиримыхъ анти милитаристовъ, среди которыхъ, къ великой неловкости соціалистовъ, вошедшихъ въ составъ министерства національной обороны, оказались двѣ женщины учительницы, Берtrandъ и Сомоло. Правительство убѣдилось въ своей безопасности съ тылу, и это была его первая осознательная побѣда.

Къ этому времени цензура, подкрѣпленная тщательнымъ контролемъ надъ телеграфомъ, телефонами и почтой, запрещеніемъ собраній, закрытиемъ кафэ, играющихъ очень важную политическую роль во Франціи, уже сдѣлала свое дѣло и успѣла погрузить общественную мысль въ безвоздушное пространство, лишивъ ее конкретнаго матеріала, кромѣ, разумѣется, одобренія правительствомъ. Знали только то, что опасность приближается быстрыми шагами, и этого было достаточно, чтобы отчасти умыслиенно, отчасти инстинктивно позабыть объ истинныхъ виновникахъ разыгравшейся бури. Но при этомъ благодаря мгновенно утраченному политическому чутью было выдано столько векселей вчерашимъ противникамъ, что когда непосредственная опасность миновала и выяснилось вполнѣ отчетливо, что даже въ моменты наивысшей напряженности ея, обычная закулисная борьба за

власть ни на минуту не прерывалась, хотя это въ корнѣ подрывало самую идею l'union sacrée, возвратъ къ прежнимъ позиціямъ для социалистическихъ и даже для нѣкоторыхъ демократическихъ группъ оказался совершенно отрѣзаннымъ.

Уже трагическая смерть Жореса показала совершенно отчетливо, по какому направлению намѣрена была повести свою политику цензура или, точнѣе, стоящая за нею реальная политическая сила. Пресса лишена была возможности коснуться истинныхъ причинъ этого трагического событія, потому что, какъ вѣрили всѣ, или какъ хотѣли вѣрить, это могло помѣшать объединенію народныхъ силъ вокругъ общей задачи, но зато ей съ избыткомъ былъ представленъ совершенно вымышленный матеріалъ о разстрѣлѣ въ Германіи К. Либкнекта, Розы Люксембургъ, Клары Цеткинъ и пр. Эти сенсационныя извѣстія должны были показать широкимъ массамъ, что «тамъ» обстоитъ дѣло неизмѣримо хуже, ибо если Жоресь и убитъ, то это дѣло руки фанатика-психопата, тогда какъ въ Германіи расправа съ лучшими вождями рабочихъ массъ произведена сознательно и неумолимо самимъ правительствомъ и т. д.

И въ общемъ съ помощью такого примитивнаго пріема весьма сложная цѣль отвлеченія всей французской демократіи отъ ужаснаго событія, которое въ надлежащемъ освѣщеніи могло бы очень многимъ открыть глаза на нѣкоторая глубоко запрятанныя пружины войны, была блестяще достигнута, какъ и въ длинномъ рядѣ другихъ случаевъ, терявшихъ всякую соціально-политическую характерность и показательность въ безвоздушномъ пространствѣ, созданномъ вокругъ демократической массы. Исчезла всякая возможность критически разбираться въ текущихъ дѣлахъ, люди сбились съ дороги, самая обыкновенная вещи внезапно приобрѣтали совершенно необычайныя формы, наступило царство догадокъ и фантастическихъ вымысловъ, рѣшеній, основанныхъ на ложныхъ слухахъ, политическихъ комбинацій, подсказанныхъ паникой, царство небывалаго импресіонизма, ломки самыхъ несокрушимыхъ принциповъ, крушенія самыхъ неприступныхъ позицій.

Въ этой сложной запутанности событій русская колонія чувствовала себя еще болѣе изолированной отъ дѣйствительности, чѣмъ французская демократическая масса. Притокъ извѣстій изъ Россіи совершенно прекратился. Уже и до войны эмиграція далеко не во всемъ имѣла возможность ориентироваться, благодаря отсутствію тѣснаго контакта съ политическими организациями, работавшими на родинѣ; теперь порвались и послѣднія связи, которыя поддерживались съ такимъ трудомъ, цѣною значитель-

ныхъ жертвъ. Приходилось строить гипотезы и дѣлать изъ нихъ практическіе выводы лишь на основаніи данныхъ французской прессы, которая изображала Россію въ видѣ свирѣпаго казака, готоваго ринуться на врага, превратить Германію въ груду развалинъ и въ три дня добраться до Берлина, съя повсюду панику своею безпощадностью. Все, что мѣщало этому представленію, отбрасывалось, какъ препятствіе, способное повредить достижению общей цѣли, и надо признаться, далеко не все было сдѣлано даже въ предѣлахъ, отведенныхъ прессѣ цензурой, чтобы, если не парализовать эту «священно-эгоистическую» тенденцію, то, по крайней мѣрѣ, обломать ея наиболѣе острые углы и затушевать наиболѣе отталкивающія краски.

Нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что на первыхъ порахъ и въ русской колоніи обнаружилась довольно сильная тенденція къ выводамъ, безспорность которыхъ, по крайней мѣрѣ, съ внешней стороны, подтверждалась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе извѣстіями съ театра войны. Не было даже времени остановиться внимательно на событіяхъ, смѣнявшихъ другъ друга съ головокружительной быстротой, рѣшенія принимались на скорую руку, безъ критической проверки данныхъ, которые съ такою же легкостью опровергались, съ какою наканунѣ выдавались за самыя достовѣрныя. И на фонѣ замѣшательства, осложненнаго полною нѣосвѣдомленностью, стали вырисовываться новыя группировки, которымъ приходилось сейчасъ же брать на себя серьезныя обязательства, прежде чѣмъ можно было выяснить обстановку, въ которой ихъ придется выполнять.

Элементы, входивши въ эти группировки, были очень разнородны и въ общемъ совершенно не совпадали со старыми фракціонными дѣленіями. Голубая солдатская форма объединила самыхъ твердокаменныхъ большевиковъ съ самыми заядлыми меньшевиками-ликвидаторами, соціал-демократовъ съ соціалистами революціонерами, анархо-синдикалистовъ съ тѣми и другими, и объединеніе это свершилось такъ неожиданно быстро, что уже одного этого было достаточно для того, чтобы a priori предположить въ немъ превалирующую роль непосредственного чувства или цѣлой гаммы чувствъ, въ зависимости отъ индивидуальныхъ настроений.

Съ самаго же начала военныхъ дѣйствій, покуда правящія сферы были заняты болѣе важными дѣлами по приведенію въ надлежащій порядокъ французского общественнаго мнѣнія, русскимъ эмигрантамъ удалось устроить нѣсколько публичныхъ собраний для выясненія общихъ положеній. Несмотря на значительный хѣсъ и основательную растерянность мысли на этихъ

собраніяхъ, удалось все же выявить двѣ основныя тенденціи, по которымъ произошло новое распределеніе эмигрантскихъ силъ: первое, объединившее разнородные элементы подъ знакомъ активнаго пріятія войны во имя защиты демократіи отъ нашествія варваровъ какою бы то ни было цѣною, второе, сгруппировавшее не менѣе разнообразные элементы вокругъ противопоставленія пріятію войны принциповъ интернаціонализма со всѣми непосредственными практическими выводами.

Положеніе вещей было таково, что къ практическому осуществленію обѣихъ тенденцій необходимо было прибѣгнуть немедленно. При этомъ преимущество пріявшихъ войну заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что ихъ выступленіе совпало съ моментомъ безусловнаго муссированія всенароднаго энтузіазма въ странѣ и, стало быть, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ не только не встрѣчало противодѣйствія, но наоборотъ всячески поощрялось властями. Обратная сторона этого поощренія выявилась лишь впослѣдствіи, когда облетѣли цвѣты и дрогорѣли огни нарочитой декорациі, и изъ-за кулисъ выглянула суровая неприглядная дѣйствительность; въ первые же дни, когда все казалось сдвинутымъ съ привычнаго мѣста, утратило обычную форму, когда жизнь заиграла до жуткости фантастическими красками, и люди метались, подавленные грандіозностью разыгравшихся событий, не зная, на чёмъ прочно зафиксировать свою мысль, трудно было даже достаточно ясно и отчетливо сформировать основные мотивы, по которымъ принципіально враждебные войнѣ еще вчера, пріяли ее сегодня съ энтузіазмомъ, за которымъ не было и не могло быть, благодаря ряду исключительныхъ мѣръ, критически провѣренного содержанія.

Въ это время я часто бывалъ въ эмигрантской столовой на Rue de la Glaci re, гдѣ все бурлило въ необычайномъ возбужденіи, кипѣли страсти, и за столиками и въ проходахъ между ними, всегда занятymi ожидающими очереди, рѣшались судьбы многихъ принциповъ и жизней. Здѣсь я и встрѣтился съ однимъ изъ видныхъ въ парижской колоніи эмигрантовъ—твердокаменнымъ большевикомъ Антоновымъ, записавшимся въ солдаты, несмотря на то, что по профессіи онъ былъ докторъ.

— Иду!..—закричалъ онъ еще издали, увидѣвъ меня и пробираясь къ моему столику.—Записался!.. Вотъ возвзваніе къ эмиграціи... Я подписалъ, Кузнецовъ, еще другіе!.. Посмотрите! Согласны?!

Прочиталъ. Обычная въ то время формула, близко подходящая къ официальной, но въ болѣе рѣзкихъ и выпуклыхъ выраженіяхъ оттѣняющая демократическій характеръ выступленія европей-

скихъ союзниковъ, безъ всякой, однако, попытки указать на тѣ условія, при которыхъ эта формула могла бы дѣйствительно дать народамъ Европы и, консеквентно, всему миру полное разрѣшеніе вопіющихъ противодѣйствій, созданныхъ капитализмомъ на почвѣ различія культуръ, политическихъ институтовъ и соціальныхъ отношеній. При такомъ умолчаніи возваніе къ колоніи было похоже на политический вексель, по которому платить рано или поздно придется, но подъ который не было и ничего не можетъ быть получено; и, конечно, всего больше такая возможность относилась къ Россіи, которая вступала въ международный конфліктъ подъ знакомъ существеннаго несогласія между возвѣщенными идеалистическими цѣлями и дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ области внутренней политики.

Излишне пояснять, что разговоръ на эту тему съ опредѣленными указаніями на тогда уже выявившіяся отношенія, которые способны были вызвать основательный скептицизмъ, привелъ насъ въ область гипотезъ, где непосредственное чувство играетъ безусловно большую роль, чѣмъ критическое отношеніе къ дѣйствительности.

Вяло и не особенно внимательно выслушивалъ меня мой собесѣдникъ, соглашался отрѣтушировать возваніе внесеніемъ въ него нѣкоторыхъ поправокъ, даже задержать его печатаніе до болѣе спокойнаго и всесторонняго обсужденія; но черезъ пару дней оно все же было отпечатано и распространено въ колоніи и притомъ въ первоначальной редакціи, а затѣмъ авторы его покинули Парижъ, откуда ихъ направили въ депо, а затѣмъ, послѣ подготовки, на фронтъ. Водоворотъ жизни оказался гораздо сильнѣе и теоретической выучки, и привычки проводить важныя решенія черезъ горнило коллективнаго обсужденія.

Необходимость немедленно же приняться за работу, потому что съ заключеніемъ договора съ правительствомъ волонтеръ немедленно превращался въ рядового, подчиненнаго общей дисциплинѣ, съ одной стороны значительно упрощала процессъ психологического приспособленія записавшихся во французскую армію эмигрантовъ къ совершенно необычной политической ситуациі, а съ другой лишало ихъ возможности сосредоточиться на теоретическомъ оформленіи своей новой позиціі. Распределенные подепо и водворенные въ казармы, они сразу окунулись въ военную жизнь, лихорадочную, всепоглощающую и не оставляющую времени для обсужденія даже насущнѣйшихъ вопросовъ. А вмѣсть съ тѣмъ для нихъ на первый планъ, по необходимости, выдвинулся рядъ специфически военныхъ интересовъ, которые были въ значи-

тельной мѣрѣ чужды и непонятны оставшимся въ тылу, но по понятнымъ причинамъ очень занимали волонтеровъ. И нерѣдко въ столовой или въ эмигрантскихъ библиотекахъ, куда заглядывали они передъ отъездомъ уже въ голубой солдатской формѣ, какъ-то странно преобразившіеся и утратившіе свою индивидуальность, возбужденные непривычною ролью, всегда спѣшащіе и волнующіеся, можно было услышать жаркія дискуссіи на темы, до этихъ порь столь необычайныя въ эмигрантской средѣ. Одни обсуждали вопросъ о преимуществахъ голубого защитнаго цвѣта по сравненію съ цвѣтомъ «хакі», другие спорили о перспективахъ военной авіаціи и о томъ, насколько французскіе авіаторы пре-восходятъ по смѣлости и опытности нѣмецкихъ, третьи авторитетно разбирали вопросъ о боевыхъ качествахъ французской пушки «75», слышны были и лебаты о томъ, какой штыкъ надежнѣе, русскій или французскій, и все это было странно и непривычно.

Сторонники непріятія войны, тоже принадлежавшіе до ея объявленія къ самимъ различнымъ направленіямъ, а теперь объединившіеся вокругъ основной тенденціи, въ первые дни лишь ощупью ориентировались въ потокѣ нахлынувшихъ событий. Сохранить равновѣсіе, заняться изученіемъ данныхыхъ, слишкомъ затмненныхыхъ внезапно наступившей изолированностью отъ всего міра, чтобы можно было съ ними считаться, какъ достовѣрными, пойти противъ общаго настроенія въ такую критическую минуту, было далеко не такъ легко, хотя времени для этого и было болѣе, чѣмъ достаточно. И только послѣ того, какъ на предварительныхъ собраніяхъ дискуссіоннымъ путемъ удалось намѣтить основныя, отправныя точки зреенія, сторонники этого теченія получили возможность приступить къ оформленію его въ теоретической формѣ.

Фактъ нѣсколько неожиданный, но вполнѣ объяснимый тѣмъ возбужденiemъ, тѣмъ кризисомъ мысли и чувства, который овладѣлъ эмиграціей: въ моментъ всеобщаго замѣшательства, когда такъ трудно было заняться систематической организаціонной работой, парижская колонія умудрилась обзавестись нѣсколькими періодическими органами печати и притомъ ежедневными, чего ей никакъ не удавалось добиться въ мирное время. Объясняется это, конечно, прежде всего тѣмъ, что потребность выяснить положеніе вещей была обострена до крайности, приходилось буквально спасать накопленныя цѣнности, теоретическія и организаціонныя, отъ разгрома, а между тѣмъ иные способы проявленія работы мысли, кроме печати, не существовали, благодаря введенію военнаго положенія въ Парижѣ. Поэтому, когда нѣ-

сколько эмигрантовъ, принадлежавшихъ до начала военныхъ дѣйствій къ самымъ разнороднымъ с.-д. направлениямъ, образовали литературную группу для изданія періодического органа, вниманіе всей колоніи было сразу завоевано смѣлой попыткой. Новая газета «Голосъ» съ первого номера приступила къ критической провѣркѣ тѣхъ данныхъ, которые съ такой скupостью удѣляла обществу скованная цензурой пресса. Это было нелегко не только въ силу техническихъ условій. При внезапно наступившей безработицѣ нужно было запастись большимъ количествомъ терпѣнія, проявить широкую склонность къ самопожертвованію, чтобы нести на своихъ плечахъ всю работу безъ всякой надежды на ея оплату; работали бесплатно наборщики, бесплатно писались статьи, бесплатно работала редакція, и успѣхъ предпріятія не замедлилъ привлечь къ себѣ не только сочувственное вниманіе колоніи, но и зоркую бдительность охранныхъ элементовъ, добровольныхъ и казенныхъ, которые, зная прекрасно, на какія средства существует газета, поторопились поставить въ то время способный надѣлать не мало бѣдъ вопросъ: на чьи деньги издается газета?

Этотъ маленький органъ эмигрантской жизни, вокругъ которого группировалось большинство колоніи, появившійся, несмотря на техническія затрудненія, очень регулярно въ видѣ большого листа, въ двѣ страницы, просуществовалъ недолго. Военная цензура, успѣвшая очень скоро превратиться въ политическую, не могла отказать въ любезности нѣкоторымъ обитателямъ Rue de Grenelle и въ одно прекрасное утро, вскорѣ послѣ выхода сего номера газеты, самымъ безжалостнымъ образомъ пресѣкла ея бытіе безъ всякой мотивировки.

Мѣсто «Голоса» было немедленно занято «Нашимъ Словомъ», которое продолжало отстаивать интернаціоналистическую точку зреянія подъ неусыпнымъ контролемъ специального цензора—французского офицера, недурно владѣющаго русскимъ языкомъ, во всякомъ случаѣ вполнѣ достаточно, чтобы уловить крамольный духъ и направить противъ него лезвіе ножницъ. Это былъ поединокъ, который, надо полагать, продолжается и до сихъ поръ между ничтожной группой эмигрантовъ и французской администрацией, зорко слѣдившей за тѣмъ, чтобы неосторожное перо журналиста не задѣло случайно польского вопроса, не слишкомъ долго останавливалось на событияхъ въ Галиціи, не придавало слишкомъ много значенія преслѣдованію одной націи въ предѣлахъ союзной державы, не увлекалось судьбами рабочаго вопроса, вмѣсто того чтобы подольше останавливаться на l'unions sacrée, не преувеличивало значенія мясобѣдовской исторіи, не

нападало слишкомъ рѣзко на дѣятельность нашей бюрократіи... Поединокъ, во время которого, я долженъ это отмѣтить, бравый цѣнзоръ-офицеръ, бывшій способнымъ оказать отечеству не малая услуги и на фронтѣ, гораздо спокойнѣе относился къ критикѣ своего правительства, чѣмъ къ выступленіемъ противъ одного изъ alliés.

Редакціей «Нашего Слова» интересовался не только цензоръ. Всѣмъ было извѣстно, что вокругъ нея заботливою предательской рукой разбрасываются ядовитыя сѣмена подозрѣнія, и бороться съ этимъ было тѣмъ болѣе трудно, что вся атмосфера была насыщена специфическою мнительностью, мастерски муссировавшеюся специалистами министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Символически этотъ интересъ овеществлялся въ видѣ безпечныхъ фигуръ въ котелкахъ, время отъ времени появлявшихъ у дверей типографіи и пристально разглядывавшихъ ея посѣтителей.

Точно въ такихъ же условіяхъ начала выходить и с.-р. газета «Жизнь», вокругъ которой объединились противники пріятія войны, исходившіе изъ того положенія, что послѣдняя доказала ошибочность многихъ основныхъ положеній соціаль-демократіи, и настаивавшіе на радикальномъ ихъ пересмотрѣ во имя новаго Интернаціонала, причемъ послѣдній долженъ лишить городской пролетаріатъ незаслуженной роли гегемона въ соціалистическомъ движеніи, объединить на равныхъ правахъ всѣ трудовые элементы современного общества и ввести въ матеріалистическое пониманіе соціально-политическихъ отношений революціонный этическій элементъ, отсутствіе котораго дало такие печальные результаты въ образѣ Шейдемановъ, Франковъ и имъ подобныхъ.

Само собой разумѣется, что такая позиція, даже при общиности основной задачи, не могла содѣйствовать сближенію обѣихъ редакцій, поддерживавшихъ дружественныя отношенія, но въ определенныхъ рамкахъ, въ значительной мѣрѣ предуказанныхъ уже задолго до войны окристаллизовавшимися точками зреїнія.

Благосклонное вниманіе министерства Внутреннихъ Дѣлъ къ «Жизни» закончилось и для нея внезапнымъ прекращеніемъ по всѣмъ правиламъ военнаго положенія. Тогда вместо «Жизни» появилась «Мысль», которая просуществовала до зимы прошлаго года, перекочевала затѣмъ отъ административныхъ скорпіоновъ въ Швейцарію, гдѣ превратилась въ еженедѣльный органъ и снова вернулась въ видѣ «Откликовъ Жизни» въ Парижъ.

Какъ я указалъ выше, сторонники пріятія войны, занятые по горло осуществленіемъ своей позиціи на практикѣ въ формѣ волонтерства, были въ первые дни слишкомъ заняты, для того чтобы найти возможность для всесторонняго теоретического ея

обоснованія. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько литераторовъ этого направлениія сдѣлали попытку изложить свою точку зренія на страницахъ тоже ежедневной информаціонной газетки «Новости», издававшейся небольшой группой, которая непосредственнаго отношенія къ политической эмиграціи не имѣла, придерживалась строгого официального истолкованія войны и не играла никакой роли въ теоретическомъ самоопредѣленіи партійныхъ группъ. Впрочемъ, этотъ симбіозъ, произведшій нѣсколько странное впечатлѣніе на эмиграцію, потому что общая редакція «Новостей» все же цѣликомъ находилась въ рукахъ, чуждыхъ политическимъ группамъ, продолжался недолго. Благодаря внутреннимъ треніямъ между соучастниками, редакція распалась, и газета должна была прекратить свое существованіе.

Однако безъ своего литературнаго органа сторонники пріятія войны долго существовать не могли. Потому что дѣло шло не только о томъ, что нѣсколько десятковъ людей рѣшительныхъ и готовыхъ пожертвовать собою записались въ волонтеры,— такой шагъ совершили сотни и тысячи лицъ, вовсе не принадлежавшихъ къ соціалистическимъ партіямъ,— а о томъ, чтобы обосновать теоретически пріятіе войны вообще, какъ тактическій выводъ изъ истинныхъ предпосылокъ соціализма, доказать, что только вмѣшавшись активно въ самую гущу военныхъ событий въ качествѣ силы, способной отбить нападеніе центральныхъ державъ пулей, штыкомъ, ударомъ приклада, гранатой, чѣмъ только можно, Интернаціональ добьется спасенія демократіи отъ угрожающаго ей разгрома.

Первый шагъ въ этомъ направленіи, если не считать слабой попытки сотрудничества въ «Новостяхъ», былъ сдѣланъ Г. Алексинскимъ. По нѣкоторымъ основаніямъ я не могу останавливаться на характеристикѣ его изданія, выходившаго немногого времени подъ заглавіемъ «Свобода и Россія» и весьма отмѣченаго индивидуальностью редактора. Отмѣчу лишь, что образованіе коллектива литераторовъ, пріемлюющихъ войну, какъ соціал-демократовъ (Г. В. Плехановъ, Г. Алексинскій), такъ и соціалистовъ-революціонеровъ (Авксентьевъ, Кубовъ и др.), привело къ замѣнѣ единоличнаго органа Г. Алексинскаго коллективнымъ, благодаря чему критикѣ противнаго теченія стало удѣляться больше мѣста, чѣмъ личнымъ впечатлѣніямъ. Новое изданіе носило название «Призывъ», выходило разъ въ недѣлю небольшими выпусками въ восемь страницъ и сравнительно очень рѣдко, особенно въ началѣ, носило на себѣ слѣды цензорскихъ ножницъ.

Для полноты слѣдуетъ еще упомянуть о выходившемъ одно-

время небольшомъ изданіи «Эхо», въ которомъ старательно и совершенно по-ученически проводилась линія дискредитированія соціализма путемъ личныхъ выпадовъ противъ его вождей лицами, тщательно укрывшимися подъ никому неизвѣстными псевдонимами.

Такимъ образомъ, если не считать случайныхъ и не имѣвшихъ никакого теоретического вѣса изданій, вродѣ «Новостей» или «Эха», жгучіе вопросы войны при условіяхъ неизмѣримо труднѣйшихъ, чѣмъ въ мирное время, заставили парижскую эмиграцію создать цѣлыкъ три регулярно выходившихъ органа. Каждый изъ нихъ немедленно сталъ ядромъ, вокругъ котораго начался процессъ кристаллизациіи сочувствующихъ элементовъ, причемъ наиболѣе энергично онъ шелъ у интернаціоналистовъ с.-д., которые съ самаго начала изданія создали редакціонную коллекцію, вступили въ тѣсную связь съ «группами содѣйствія» изданію «Голоса», а затѣмъ «Нашего Слова», какъ въ самомъ Парижѣ, такъ и въ провинціи, въ союзныхъ и нейтральныхъ странахъ. Къ зимѣ прошлаго года, благодаря поддержкѣ партійныхъ организацій, тиражъ газеты дошелъ до 3.000, цифра весьма солидная для ежедневнаго органа въ эмиграціи.

II.

До наступленія военныхъ дѣйствій русская эмиграція въ Парижѣ лишь въ незначительной мѣрѣ привлекла къ себѣ вниманіе французовъ и даже французскихъ властей. Въ извѣстные моменты парижская администрація оказывала немаловажныя услуги союзному сыску, но, во-первыхъ, всегда существовали опредѣленныя границы, установленныя демократическими традиціями страны, которая далеко не легко было перейти, не создавъ немедленного скандала, а во-вторыхъ, и не въ интересахъ власти было возстановливать противъ себя многочисленную колонію, которая въ общемъ въ спѣциальномъ французскія дѣла вмѣшивалась сравнительно мало.

Такое положеніе вещей рѣзко измѣнилось съ наступленіемъ военныхъ дѣйствій. Русская колонія въ Парижѣ сдѣлалась сразу объектомъ усиленного вниманія и со стороны префектуры, и со стороны печати, представлявшей интересы реакціонныхъ партій, а въ силу этого и со стороны широкихъ общественныхъ слоевъ, самихъ по себѣ совершенно равнодушныхъ къ эмиграціи, но привлеченныхъ къ ней шумомъ, созданнымъ союзнымъ выступленіемъ нашего правительства за границей, реакціонной прессы и префектуры.

Начался этотъ специальный интересъ къ русской колоніи съ первыхъ же дней войны, такъ какъ для декоративнаго выступленія национализма было очень важно инсценировать единодушное проявление солидарности со стороны различныхъ национальностей. Очень трудно изобразить тотъ своеобразный подъемъ, который вихремъ завертѣлъ нашу колонію, когда она стала, на мгновеніе—правда, въ центрѣ вниманія французскаго общества. Люди, до сихъ поръ спокойно влачившіе тихую, унылую эмигрантскую жизнь, вдругъ загорѣлись яркимъ боевымъ чувствомъ, которое многіе формулировали въ иѣсколькихъ простыхъ словахъ: «надо защищать тѣхъ, кто оказалъ намъ гостепріимство»; и необходимо отмѣтить, что среди волонтеровъ было и, надо думать, есть и до сихъ поръ, немало такихъ, которые заняли эту позицію, не порывая съ партійными теченіями, направившимися совершенно въ другое русло. Излишне пояснять, что волонтерство открывало широкую возможность для проявленія застоявшейся энергіи людямъ, которые были одарены сильно выраженнымъ темпераментомъ и буквально задыхались въ обстановкѣ мирнаго бытія, и притомъ они примѣняли эту энергію къ осуществленію задачъ, которая не только реабилитировали, но даже освящали въ ихъ глазахъ и въ представлениі сочувствовавшихъ добровольное примѣненіе оружія въ то время, когда массы приводились къ защитѣ лозунговъ войны все же путемъ обычнымъ, т.-е. принудительнымъ.

Благодаря этому обстоятельству, въ первые дни волонтерство оказалось окруженнymъ исключительною идеологическою увлекательностью, которая весьма импонирующее дѣйствовала на колеблющіеся элементы и рѣшала многіе спорные вопросы для эмигрантовъ не политическихъ, а бѣжавшихъ изъ Россіи отъ погромовъ, уклонявшихся отъ воинской повинности и т. п. Настроеніе было таково, что не требовалось даже особой агитациіи для привлеченія охотниковъ.

Но когда отряды ихъ съ пѣснями, полные воодушевленія, проходили по взволнованнымъ улицамъ Парижа, никто изъ волонтеровъ не думалъ, что за изысканною любезностью властей, такъ усиленно пользозвавшихся самыми соблазнительными лозунгами войны, кроется жестокая до преступности житейская практика, способная убить самый великодушный порывъ и опорочить самое глубокое идеалистическое настроеніе. А между тѣмъ уже тогда было рѣшено, что наши волонтеры будутъ присоединены къ иностранному легіону и отданы подъ команду офицеровъ и сержантовъ изъ французскихъ колоній, не отличающихся, по мягкому выражению газетъ, «особенной изысканностью манерь» и «дели-

катностью языка», «хотя по-своему и добрыхъ ребятъ». Волонтеры не даромъ прошли хорошую школу антимилитаризма до войны, чтобы разсчитывать на особенно сладкое житіе въ казармахъ и на фронтѣ, но то, что имъ было предуготовано превзошло всякия ожиданія. Волонтерамъ, намѣренно организовавшимся въ республиканскій отрядъ, предложено было начать борьбу съ германскимъ варварствомъ путемъ пріобщенія своего «я» къ варварству сенегальскому, туркесскому, подъ руководствомъ колоніального офицерства, извѣстнаго своею грубостью и жестокостью. Къ чему на практикѣ привела эта трагическая коллизія между идеологіей волонтерства и дѣйствительностью, созданною мудрымъ Мильераномъ, министромъ военныхъ дѣлъ, уже указывалось въ русской прессѣ. 9 волонтеровъ было разстрѣляно и нѣсколько десятковъ присуждено къ каторжнымъ работамъ за неподчиненіе распоряженію африканского сержанта, причемъ во время ареста нѣкоторыхъ изъ нихъ, предварительно связанныхъ по рукамъ и ногамъ, избили такъ, какъ это принято преимущественно въ нашихъ каторжныхъ тюрьмахъ. Всѣ попытки спасти осужденныхъ разбились о преступное разнодушіе «тыла», и съ этого времени волонтерство, какъ самое популярное проявленіе активнаго отношенія къ пріятію войны, стало быстро терять своихъ сторонниковъ въ эмигрантской средѣ.

Правда, французское общественное мнѣніе, а также и нѣкоторые russkie сторонники волонтерства упорно приписывали трагическую развязку его злоупотребленію и безтактности ближайшей военной власти, которая связала и поставила въ безвыходное положеніе и высшую власть, вынужденную считаться съ особенностями военного времени. Именно за эту аргументировку укрылись и министры-соціалисты, когда имъ пришлось стать лицомъ къ лицу съ казнью девяти русскихъ эмигрантовъ. Но въ дѣйствительности трагедія, разыгравшаяся на фронтѣ, являлась простымъ выводомъ изъ общихъ противорѣчій, создавшихся на фонѣ военныхъ дѣйствій, и вскорѣ получила «тыловое» дополненіе въ видѣ выступленія реакціонной части французского общества противъ массовой эмиграціи въ самой отталкивающей, казалось, невозможной во Франціи формѣ антисемитской агитациі.

За вычетомъ эмигрантовъ, ушедшихъ въ волонтеры, въ Парижѣ оставалась многочисленная основная масса эмиграціи, настроеніе которой тѣсно примыкало и во многихъ случаяхъ переплеталось съ настроеніемъ парижанъ. Вмѣстѣ съ парижскимъ населеніемъ эта масса волновалась и чувствовала себя на краю погибели, когда нѣмецкіе развѣдочные отряды появились въ

окрестностяхъ Парижа, и было вполнѣ достаточно основаній предполагать, что не сегодня—завтра на улицахъ его появятся остроконечныя каски; вмѣстѣ съ нимъ наиболѣе нервная часть ея удирала изъ Парижа, особенно послѣ того, какъ стало извѣстно, что правительство отказалось защищать городъ и переѣхало въ Бордо, чтобы оттуда «удобнѣе и дѣйствительнѣе руководить обороной отечества»; вмѣстѣ съ нимъ немногого пристыженно возвращались къ своимъ очагамъ, когда оказалось, что счастье измѣнило нѣмцамъ и перешло на сторону французской арміи.

Но при всей общности положенія и настроеній, у эмиграціи были и свои специфическія переживанія, вызванныя, главнымъ образомъ, отношеніемъ къ ней опредѣленной части французскаго общества, что въ то время особенно бросалось въ глаза. Не слѣдуетъ забывать, что основная масса эмиграціи въ Парижѣ, не политической, а общей, состоять изъ евреевъ, успѣвшихъ акклиматизироваться здѣсь въ различныхъ отрасляхъ промышленности и торговли, что сильно возстанавливаетъ противъ нихъ парижскихъ мелкихъ и среднихъ ремесленниковъ, лавочниковъ, торговцевъ и пр. На почвѣ этого антагонизма парижскимъ націоналистамъ не очень трудно было построить агитацию противъ эмиграціи вообще, какъ инородческаго элемента, который, пользуясь всѣми преимуществами французской жизни, въ то же время систематически уклоняется отъ тяготъ, налагаемыхъ на страну войной. И то обстоятельство, что и изъ этой среды не малое число эмигрантовъ ушло на войну добровольцами, никакъ не смущало націоналистовъ: ушли, но не всѣ, обнаружили патріотизмъ, но не въ полной мѣрѣ, значитъ надо оставшихся поставить подъ подозрѣніе и принудить сдѣлаться добровольцами.

Что такимъ путемъ предполагалось открыть походъ и противъ эмиграціи политической, которая къ тому времени уже успѣла слишкомъ отчетливо зарекомендовать себя своимъ критическимъ отношеніемъ къ официальнымъ лозунгамъ войны, въ этомъ мало кто сомнѣвался; чувствовали и нѣкоторые представители французской демократіи, что за этимъ А должно неизбѣжно послѣдовать Б, направленное уже противъ нея самой. Но такова была общая растерянность мысли, что націоналистамъ удалось заручиться если не активнымъ содѣйствиемъ, то молчаливымъ соглашеніемъ и попустительствомъ даже среди лѣвыхъ элементовъ общества. Походъ начался по всѣмъ правиламъ стратегического искусства. Реакціонныя газеты открыли клеветническую кампанію противъ эмигрантскаго населенія Бастильского района, доказывая съ пѣной у рта, что парижанъ и особенно парижанокъ нервируетъ видъ здоровыхъ фланирующихъ по улицамъ русскихъ эмигран-

товъ, въ то время какъ всѣ французы, способные носить оружіе, бются на фронтѣ. Въ виду этого онѣ предлагали одну принудительную мѣру за другой для возстановленія нарушенной эмигрантами справедливости, и чаще всего ссылку въ концентраціонные лагери или выдачу русскому правительству эмигрантовъ, не желающихъ «добровольно» ити сражаться.

Несмотря на то, что это выступленіе вносило диссонансъ въ l'union sacrée, правительство не обнаружило особой склонности ограничить рвение ура-патріотовъ и соблюдало внѣшній нейтралитетъ, давая въ то же время понять префектурѣ, что она можетъ при помощи комиссаровъ нажать на кнопку морального давленія. Это и было немедленно осуществлено, причемъ въ нѣсколькоихъ, правда единичныхъ случаяхъ, полиціи удалось запугать эмигрантовъ и заставить ихъ записаться въ добровольцы. Но увлеченные блестящей перспективой вызвать къ жизни еще одинъ призракъ реакціи, давно уже развѣянный дружными усилиями демократіи, французскіе націоналисты сдѣлали ошибку въ выборѣ общей коньюнктуры: травля «метэковъ» началась какъ разъ наканунѣ первого внутренняго займа, который долженъ былъ показать всему миру не только какими неистощимыми ресурсами располагаетъ Франція, но и какъ охотно предоставляетъ населеніе эти ресурсы своему правительству. Легко поэтому можно себѣ представить негодованіе и ужасъ дѣятелей сложной финансово-политической комбинаціи, когда на глазахъ у всѣхъ сотни еврейскихъ семей стали спѣшно распродавать свое имущество, направляясь въ Америку или Испанию и увозя съ собой капиталы, часть которыхъ, во всякомъ случаѣ, могла бы пойти на покрытіе патріотического займа.

«Въ то время, какъ я пишу эти строки,—такъ заканчивалъ свою посвященную еврейскому вопросу передовицу въ «La Guerre Sociale» Густавъ Эрвэ¹⁾,—меня запросилъ по телефону взволнованный женскій голосъ, правда ли, что противъ евреевъ предпринимаются репрессивныя мѣры?

— Я хотѣла бы подписаться, но не могу этого сдѣлать, такъ какъ не знаю, что насъ ожидаетъ завтра!

— Подписывайтесь обѣими руками,—отвѣтилъ я ей.— Вашихъ соотечественниковъ не тронутъ!.. А когда намъ удастся собрать достаточно денегъ, и если отъ нихъ что-нибудь останется, мы купимъ хорошую веревку для тѣхъ господъ, которые...

— Тутъ,—поясняетъ Эрвэ, говорившая со мною дама дала отбой, и разговоръ прекратился».

¹⁾ Цитирую статью на память, но за точность содержанія ручаюсь.

Этотъ выпадъ Г. Эрвэ противъ экцессовъ националистического человѣконенавистничества не прошелъ безъ отвѣта со стороны французской «черной сотни». На слѣдующій же день въ «L'Action Française» (органъ, во многомъ напоминающій смѣсь «Нового Времени» съ «Земщиной» и ведущій упорную агитацию за возвращеніе Франціи къ монархическому режиму съ Орлеанской династіей во главѣ) появилась отвѣтная статья, подписанная, если не ошибаюсь, Шарлемъ Маррасомъ, французскимъ Меньшиковымъ, которая была посвящена наемнымъ защитникамъ инородцевъ и заканчивалась слѣдующимъ образомъ: «Что же касается угрозы г. Эрвэ, то пусть онъ помнить, что всякая веревка имѣеть два конца, и что еще совершенно нѣизвѣстно, въ чьихъ рукахъ будетъ болѣе длинный»...

«L'Action Française» ошиблась въ своемъ прогнозѣ лишь частично. Густавъ Эрвэ, типичный политический импресіонистъ съ постояннымъ, впрочемъ, уклономъ вправо, забылъ о томъ, что писалъ въ защиту евреевъ, какъ только почувствовалъ себя задѣтымъ критикою слѣва, на которую не могъ отвѣтить по существу. И такъ какъ отвѣтать все же было необходимо, то онъ не нашелъ ничего болѣе лучшаго и достойнаго, какъ отвести аргументацію своихъ лѣвыхъ противниковъ указаніемъ на то, что они выступаютъ подъ руководствомъ «на четверть еврея», внука Карла Маркса, Жана Лонгэ. Это было позорное выступленіе, на которое, къ сожалѣнію, подавляющее большинство сторонниковъ общей линіи, выдержанной Г. Эрвэ, реагировали весьма слабо и формально. А между тѣмъ оно представляло собою весьма типичный образецъ перехода отъ националистической травли «инородцевъ» къ замаскированному нападенію на инакомыслящихъ, т.-е. не раздѣляющихъ точку зренія пріятія войны какъ въ условной, такъ и въ безусловной формѣ, и уже по одному этому нуждалось въ болѣе тщательной оценкѣ съ вынесеніемъ опредѣленнаго, рѣзко законченного приговора.

Съ теченіемъ времени националистическая политика подготовки «тихаго погрома» замѣтно ослабѣла. На широкіе общественные круги подействовало отрезвляющимъ образомъ не только то до извѣстной степени случайное обстоятельство, что паника среди евреевъ можетъ привести къ ослабленію эффекта внутренняго займа, но и совершенно основательное соображеніе, что эмигрирующіе въ Америку, Испанию и другія страны жертвы националистической травли своими жалобами и протестами создадутъ весьма невыгодное представление объ общей политической линіи французского правительства. Для многихъ стало также скоро, подъ вліяніемъ газетной полемики, очевидно, что въ случаѣ,

если вождѣнія націоналистовъ одержать побѣду, Франція потеряетъ значительное количество трудолюбивыхъ ремесленниковъ и тѣрговцевъ, которые оживляютъ ея промышленность и торговлю и замѣщаютъ тѣхъ, кто долженъ быть уйти на фронтъ. И что она потеряетъ именно ихъ, а не горсть космополитовъ еврейского происхожденія, гарантированныхъ отъ всякихъ націоналистическихъ выпадовъ, благодаря своему удѣльному вѣсу на биржѣ, можно было судить по той лихорадочной дѣятельности, которую развернуло Испанское посольство въ эти памятные дни, принимая бѣженцевъ, давая имъ самыя детальныя справки о томъ, въ какія мѣстности Испаніи имъ лучше всего отправиться, давая адреса промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, нуждающихся въ рабочихъ той или иной специальности, и стараясь использовать такимъ образомъ панику среди парижскаго трудового населенія въ цѣляхъ оживленія индустриальной и коммерческой дѣятельности въ своей странѣ, нѣкогда такъ жестоко поплатившейся за преслѣдованія евреевъ.

Но по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ этихъ соображеній воспріимчивость къ націоналистическимъ выступленіямъ противъ «метэковъ» среди широкихъ слоевъ населенія падала, изъ подъ специально еврейского вопроса началъ постепенно вырисовываться другой, о которомъ можно было говорить гораздо спокойнѣе и съ большей увѣренностью, потому что онъ касался не опредѣленной группы населенія, въ охраненіи интересовъ которой оказались заинтересованными слишкомъ многіе, а горсти идеологовъ, имѣвшихъ смѣлость подойти съ критикой къ официальнымъ лозунгамъ войны и этимъ самымъ сразу поставившихъ себя въ закона. Какимъ образомъ произошелъ этотъ переходъ, мы уже видѣли на примѣрѣ съ Г. Эрве, который не постыдился заявить въ своеемъ органѣ, что интернаціоналистическое теченіе въ французской соціалистической партіи представляетъ собою группу уставшихъ и бѣгущихъ съ поля сраженія неврастениковъ подъ предводительствомъ «на четверть еврея» Лонгѣ. На практикѣ этотъ переходъ одно время осуществлялся по отношенію къ русской колоніи усиленнымъ контролемъ документовъ, посыпленіемъ консьержей и хозяевъ квартиръ, гдѣ жили эмигранты, чинами охраны для наведенія подробныхъ справокъ объ образѣ жизни квартирантовъ. У домовъ, гдѣ жили русскіе, которыхъ подозревали въ пагубномъ интернаціонализмѣ и особенно во вредномъ вліяніи на французскихъ товарищѣ, время отъ времени появлялись загадочные фигуры. Бывали моменты, когда подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ специфическихъ мѣръ настроеніе въ колоніи сгущалось до крайней степени, начинались разговоры

о предстоящихъ арестахъ среди интернационалистовъ, о возможнѣй закрытіи ихъ газетъ, о выдачѣ Россіи эмигрантовъ, годныхъ къ отбыванію воинской повинности, но «уклоняющихся» отъ нея и т. д.

Въ концѣ-концовъ всѣ эти мѣропріятія не принесли никакихъ осязательныхъ плодовъ воинствующему націонализму, но они создали вокругъ эмиграціи совершенно нестерпимую атмосферу подозрительности и недовѣрія, дѣйствующую на средняго обывателя въ гораздо большей степени, чѣмъ на самый объектъ полицейскаго воздействиія, который уже на своей родинѣ успѣлъ пройти слишкомъ основательную школу, чтобы его можно было удивить аллюрами французскаго соглядата. И такъ какъ средній французскій гражданинъ вообще очень мало интересуется тѣмъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ Франціи, то внести свѣтъ въ махинаціи реакціоннаго лагеря явится очень труднымъ, особенно при усердномъ содѣйствіи этому лагерю со стороны цензуры.

То обстоятельство, что основная масса русской эмиграціи не сразу ринулась въ бой съ «sales boches», а заняла отчасти выжидательное, а отчасти и прямо отрицательное отношеніе къ войнѣ, вообще поразило и задѣло чувство среднихъ парижанъ.

— Не хотите сражаться здѣсь, уѣзжайте на родину... Каждый воленъ выбирать, гдѣ ему удобнѣе... Но не сидите здѣсь, сложа руки, въ безопасности, не нервируйте насъ, отправившихъ на фронтъ всю свою молодежь, даже старииковъ! ...

И такую аргументацію гораздо легче было, какъ это ни странно, отвергнуть какому-нибудь заядлому интернационалисту, не приемлющему данной войны, оспаривающему самые основные лозунги ея и поэтому глубоко враждебному, ненавистному, заслуживающему самой суровой кары, но совершенно ясному и понятному, чѣмъ стороннику обороны и волонтерства, готовому отдать свою жизнь отечеству, но только своему, и поэтому поставленному въ полную невозможность это сдѣлать.

— Охотно бы уѣхалъ, охотно бы поступилъ въ нашу армію, но...

— Но?..

— Но я эмигрантъ...

— Ну, такъ что же изъ этого?

— А то, что если я вернусь, то вмѣсто фронта, я попаду въ тюрьму или на каторгу... Къ тому же я лишенъ правъ по суду и, значитъ, вообще не могу быть принятъ въ армію.

Лицо собесѣдника-француза выражаетъ сильнѣйшее напряженіе мысли. Онъ ничего не можетъ понять. Есть человѣкъ,

который хочетъ пойти сражаться за отечество, и ему это воспрещаютъ, потому что когда-то онъ выразилъ недовольство политическимъ режимомъ. Что за парадоксъ? И онъ очень тонко и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ спрашиваетъ:

— Но послушайте, у васъ въ Россіи есть *l'union sacrée* или это только сказки?

И весь трагизмъ положенія заключается въ томъ, что получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ проводить параллель между нашимъ отечественнымъ *l'union sacrée* и своимъ, и съ чувствомъ глубокой удовлетворенности приходить къ выводу, что послѣдній сдѣланъ изъ куда болѣе солиднаго матеріала, въ то самое время, когда националисты, опираясь на специфическое безправіе и полную беззащитность «инородцевъ» россійского происхожденія, дѣлаютъ подкопы подъ свое французское «священное единеніе», возставляя плохо ориентирующіяся въ тонкостяхъ политики массы противъ всѣхъ инакомыслящихъ и непріемлющихъ офиціального истолкованія войны.

Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что и французское правительство, провозгласивъ столь популярный въ началѣ войны и затѣмъ основательно потускнѣвшій лозунгъ *l'union sacrée*, не очень торопилось съ восстановленіемъ въ правахъ многочисленныхъ категорій гражданъ, выбывшихъ изъ строя во время до-военной внутренней войны. Такъ, напр., сотни желѣзнодорожныхъ рабочихъ и служащихъ, уволенныхъ безъ права на обратное поступленіе на службу во время послѣдней всеобщей желѣзнодорожной забастовки по распоряженію Бріана, лишь съ большими трудами, послѣ ожесточенной газетной кампаниі, получили возможность стать снова на свои мѣста и такимъ путемъ «содѣйствовать оборонѣ своего отечества». Но... вѣрно и то, что все-таки они этого добились, тогда какъ усиленная кампанія и русской, и европейской союзной прессы въ пользу амнистіи по политическимъ преступленіямъ въ Россіи до сихъ поръ привела къ помилованію одного лишь В. Бурцева и къ разрѣшенію перевести старѣлаго Свинхувуда въ болѣе сносное, хотя и достаточно укромное мѣсто ссылки.

Одно время отмѣченный нами парадоксъ, повидимому, удивлялъ и беспокоилъ не только французовъ, что было совершенно естественно, но и нѣкоторую часть русской эмиграціи, кристаллизовавшейся вокругъ обороны и волонтерства, какъ одной изъ ея конкретныхъ формъ. Увлеченіе общими офиціальными лозунгами войны было такъ велико въ этомъ кругу, что въ немъ время отъ времени, надо думать, совершенно непроизвольно, въ силу простой психологической ассоціаціи, зарождались предполо-

женія и слухи о близкой амністії, которые немедленно же распространялись по всей колонії, приводя ее въ весьма понятное возбуждение. Былъ даже случай, когда эта ассоціація привела къ известному конкретному выступлению съ цѣлью ускорить наступление амністії, которая развязала бы руки сторонникамъ обороны, дала бы имъ возможность вернуться въ Россію и послужить дѣлу защиты страны. Я говорю о надѣлавшемъ не мало шуму обращеніи б. депутатовъ Г. Алексинскаго и Бѣлоусова къ предсѣдателю Государственной Думы Родзянко по вопросу обѣ амністії, которое было сдѣлано по ихъ личной ініциативѣ и на ихъ личную ответственность, но могло быть легко истолковано, какъ выраженіе воли и желанія всей или части эмиграціи и совершенно ложно. Съ другой стороны было нѣсколько случаевъ и довольно находчивой подмѣны идеи общей амністії частично, точнѣе—индивидуально, путемъ подачи прошенія съ соответствующею мотивировкой; этотъ пріемъ оказался значительно плодотворнѣе, и довольно значительное количество эмигрантовъ (относительно, конечно) использовало его вполнѣ удачно для возвращенія въ Россію.

Все это, однако, были частичные эпизоды, не характерные для общаго настроенія эмиграціи. Вообще же колонія давала себѣ совершенно ясный отчетъ въ истинномъ положеніи вещей, которое находило себѣ достаточное выраженіе даже и въ подцензурной прессѣ, и въ тонѣ, который усвоило себѣ уже давно наше политическое представительство во Франціи по отношенію къ эмиграціи и который оно не считало необходимымъ измѣнять въ теченіе войны.

Уже съ самаго начала военныхъ дѣйствій, когда у русскаго посольства было болѣе чѣмъ необходимо подходящихъ случаевъ доказать, что оно является не только охранительнымъ, но и распорядительнымъ органомъ власти и способно проявить достаточно энергіи и организационной предусмотрительности, не только выдавшіе на своею вѣку виды и кое въ чемъ разбирающіеся элементы эмиграціи, но даже и самые малосознательные сразу убѣдились, что здѣсь все остается по старому.

У воротъ посольства стояли тысячи жалкихъ, запуганныхъ, потерявшихъ всякуюувѣренность въ грядущемъ днѣ русскихъ выходцевъ подъ грубымъ надзоромъ «ажановъ» и «циклистовъ» (пѣшихъ и велосипедныхъ городовыхъ), иска совѣта и помощи, но наталкиваясь неизмѣнно на раздражительное пренебреженіе. Необходимо, впрочемъ, въ интересахъ справедливости отмѣтить, что въ данномъ случаѣ наше посольство проявило чрезвычайную нервность, которую по недоразумѣнію сближали съ грубостью

и даже жестокостью, не столько потому, что ему пришлось имѣть дѣло съ оборванной, жалкой массой какихъ-то ремесленниковъ и рабочихъ, къ тому же преимущественно еврейского происхожденія, сколько въ силу одного очень простого и весьма смягчающаго вину обстоятельства: оно само потеряло голову и нуждалось въ добромъ совѣтѣ, который не такъ-то легко было получить изъ Петрограда въ эти сумасшедшия дни.

Эта вполнѣ понятная растерянность нашего политического представительства росла прямо пропорціонально ухудшенію общей конъюнктуры на фронтѣ, и выразилась въ крайне нервномъ укладываніи дипломатическихъ сундуковъ и бауловъ, когда стало извѣстно, что Парижъ началъ готовиться къ «осадѣ», ибо, какъ это ни парадоксально, но даже паденіе такихъ могучихъ крѣпостей, какъ Намюръ, Льежъ и Антверпенъ ни малѣйшимъ образомъ не поколебали всеобщаго мнѣнія, что Парижъ можно взять только осадой.

И именно тогда, когда наше посольство было занято этимъ дѣломъ приведенія себя въ состояніе обороны, наплыть нуждающейся въ средствахъ и совѣтѣ эмигрантской массы, не политической, конечно, ибо эта категорія вообще избѣгає общенія съ посольствомъ, кромѣ такихъ неизбѣжныхъ случаевъ, какъ виза паспорта и т. п., оказался настолько великъ и создалъ такую нервную напряженность, что служащимъ его пришлось прибѣгнуть къ самому радикальному успокоительному средству: они стали раздавать просителямъ деньги. Вскорѣ, однако, оказалось, что даже и это простое дѣло требуетъ извѣстной системы, а стало быть и извѣстной затраты времени, но такъ какъ въ то же время посольство стояло передъ такой неотложной задачей, какъ немедленный отѣзду въ Бордо, то въ одно утро, которое никакъ нельзя назвать прекраснымъ, чиновникъ посольства, войдя въ залъ, где плотной беспокойной массой стояли просители, сталъ бросать деньги въ толпу, вызывавъ этимъ взрывъ дикой некультурности, проявившейся въ самыхъ отталкивающихъ сценахъ. Таковъ былъ финалъ недолговременнаго общенія между российскими гражданами и органомъ ихъ политического представительства въ союзной странѣ. А затѣмъ посольство уѣхало въ Бордо, опередивъ въ своей стремительности даже самое французское правительство, а русская колонія принялась за устройство своей участіи собственными средствами.

Подумать было во всякомъ случаѣ надѣчѣмъ въ это серьезное время. Прежде всего русскіе разсчитывали, что если нѣмецкая армія возьметъ Парижъ, то ихъ будутъ разстрѣливать беспощадно; и это убѣжденіе господствовало не только среди нихъ,

но и среди французовъ. Такъ, напр., я хорошо помню, что, когда правдоподобность близкаго занятія Парижа достигла своего апогея, полиція предложила администрації Тургеневской библіотеки снять вывѣску, написанную по-русски, чтобы не раздразнить нѣмцевъ, и вывѣска была дѣйствительно снята. Затѣмъ необходимо было подумать и о хлѣбѣ насущномъ. Парижъ внезапно оказался отрѣзаннымъ отъ всего міра въ эти жестокіе дни, и многіе изъ эмигрантовъ, получавшихъ средства изъ Россіи, очутились въ весьма затруднительномъ положеніи; но и тѣмъ, кто зарабатывалъ средства существованія въ Парижѣ, было вовсе не легче, такъ какъ первые же дни военныхъ дѣйствій привели къ полной дезорганизаціи дѣловой жизни этого огромнаго центра и создали безработицу въ никогда еще невиданномъ масштабѣ. Парижане нашли выходъ изъ этого тяжелаго положенія, на которое, впрочемъ, всѣ смотрѣли съ большою увѣренностью, какъ на кратковременное, въ массовомъ отѣздѣ изъ города. Въ теченіе нѣсколькихъ самыхъ тревожныхъ дней миллионъ людей, вспугнутыхъ съ насиженныхъ мѣстъ, безумная павина, сорвавшаяся однимъ ударомъ, ринулась черезъ широкія горла вокзаловъ въ провинцію въ поискахъ за покоемъ и пропитаніемъ. Бѣжали въ большой тревогѣ, нерѣдко словно обезумѣвшіе, захвативъ, что попалось впопыхахъ подъ руку, но все же сохрания порядокъ, стараясь всячески держать себя въ рукахъ. И естественно, что этимъ могучимъ потокомъ людей оказались увлечены и многіе русскіе эмигранты, особенно семейные, тѣмъ болѣе, что они были увѣрены въ неизбѣжности разстрѣла, если бы нѣмецкой арміи удалось взять Парижъ.

Провинція быстро вобрала въ себя и распредѣлила всю эту массу взволнованнаго народа, причемъ русскимъ, бѣжавшимъ изъ Парижа, вездѣ оказывали очень радушный пріемъ, отводили бесплатно комнаты въ отеляхъ, даже выдавали пособіе изъ коммунальныхъ средствъ. Но когда непосредственная опасность, угрожавшая Парижу, миновала, почти всѣ русскіе вернулись обратно, главнымъ образомъ потому, что жизнь въ провинціи требуетъ особыхъ психологическихъ навыковъ, которые трудно пріобрѣсти въ теченіе короткаго времени, но безъ которыхъ человѣкомъ овладѣваетъ очень быстро особая разновидность провинціального сплита.

Къ этому времени Парижъ значительно успокоился. Правительство постепенно вернулось на старыя мѣста, администрація снова пріобрѣла спокойно-увѣренный видъ, какъ будто ничего не случилось, и хотя нѣмецкая армія все еще стояла угрозой въ двухъ переходахъ отъ столицы, но между нею и Парижемъ

прочно укрѣпилась компактная масса французскихъ войскъ, зарывшихся въ глубокія траншеи и выдвинувшихъ передъ ними спутанныя сѣти проволочныхъ загражденій. Это было гораздо успокоительнѣе, чѣмъ игрушечная загражденія на парижскихъ фортификаціяхъ, которыми правительство разсчитывало заставить встревоженныхъ парижанъ повѣрить въ свою безопасность.

Началось устройство жизни на новыхъ началахъ. Матеріальныя условія эмиграціи въ Парижъ никогда не отличались ни устойчивостью, ни нормальностью. За исключеніемъ небольшой группы «правобережниковъ», успѣвшихъ, благодаря своимъ специальнымъ познаніямъ, личной энергіи, связямъ съ дѣловымъ міромъ и умѣнью ладить съ нимъ, способности въ необходимости случаяхъ вступать въ компромиссы съ житейской суетою, не только обеспечить себя, но даже устроить свое бытіе на широкую ногу, вся масса эмиграціи въ общемъ колеблется между минимумомъ случайного достатка. Попадая за границу, бѣглецъ и здѣсь продолжаетъ жить такъ, какъ жилъ въ ссылкѣ, «даромъ Божьей пищи», по бывучному, словно разсчитывая на то, что вдругъ измѣнятся обстоятельства, и можно будетъ вернуться обратно на родину. Это настроеніе, несмотря на всю его несообразность и необоснованность, властно держитъ въ своихъ рукахъ даже наиболѣе разсудочныхъ эмигрантовъ и въ концѣ концовъ приводить къ особому типу богемнаго существованія, дѣйствующаго на психику самымъ разрушительнымъ образомъ, такъ какъ въ цѣломъ эмиграція въ то же время прекрасно разбирается въ современному положеніи вещей и умомъ неожиданныхъ переворотовъ отъ него не ждетъ.

Глубокое противорѣчіе въ основныхъ проявленіяхъ западной и русской культуры и относительно недостаточное знаніе языка подчеркиваетъ эту стихійную тягу чувства на родину и нерѣдко совершенно уносить его отъ контроля разсудка, высвобождаетъ отъ желѣзныхъ тисковъ воли, и тогда начинается, и, необходимо это твердо помнить, начинается для всякаго эмигранта, какъ бы силенъ духомъ онъ ни былъ, ужасная борьба между сознаніемъ дѣйствительности, почти или совершенно безвыходной, и гашащемъ всѣмъ доступныхъ воспоминаній о свѣтломъ прошломъ, потому что путь къ будущему прегражденъ. Исторія эмиграціи знаетъ очень мало примѣровъ, когда воля и разсудокъ побѣждали въ этой коллизіи; но если даже это и бывало, то покупалось очень дорогою цѣной: эмигрантъ переставалъ быть русскимъ, превращался въ жителя той страны, которая его пріютила, насквозь пропитывался ея культурой и начиналъ смотрѣть на прежнее отчество сквозь призму ея отношеній. Въ подавляю-

щемъ же числѣ случаевъ пребываніе въ эмиграціи, какъ это ни странно, приводить къ тѣмъ же результатамъ, къ какимъ приводить и ссылка: человѣкъ, полный силы и энергіи, взвужденный освобожденіемъ отъ неволи, бросается въ бурный потокъ европейской культуры, жадно пьетъ его опьяняющую влагу, вскорѣ пресытившись внѣшними впечатлѣніями, потому что до внутренней интимной жизни европейца не такъ-то легко добраться, начинаетъ ощущать свою несвободность, потребность вернуться на родину, и во многихъ отношеніяхъ самая лучшая мѣста европейской ссылки постепенно въ его мысли окрашиваются въ безнадежные туруханскіе или нарымскіе тона. Въ дальнѣйшемъ наступаетъ преувеличенно критическое отношеніе ко всему западному и безграничное идеализированіе своего, русскаго, особенно природы. Тоскуютъ по снѣгу, по грустнымъ краскамъ нашей осени, по приволью въ лѣсахъ и поляхъ, жадно лѣнуть ко всякой случайной мелочи, способной вызвать въ памяти болѣе яркое воспоминаніе о родинѣ, переживая постоянно муки затяжной, затаенной ностальгіи...

Въ такой обстановкѣ человѣку не до основательного устройства на новыхъ мѣстахъ и живеть онъ кое-какъ, нерѣдко растрачивая большія способности и недюжинную волю на малыя дѣла, потому что нѣть подходящихъ условій, «не стонть». Однако наступленіе военныхъ дѣйствій на первыхъ порахъ сильно встрѣхнуло эмиграцію и заставило сосредоточиться на рядѣ вопросовъ, какъ будто подошедшихъ вплотную къ разрѣшенію важнѣйшихъ противорѣчій ея бытія. Для тѣхъ, кто бѣжалъ отъ административной расправы и влакилъ свою жизнь за границей съ сознаніемъ, что можно было бы вернуться, но съ волей, нѣсколько ослабленной неизвѣстностью, появилась возможность попытать счастье, использовать подъемъ въ Россіи, и они сдѣлали это, прибѣгнувъ къ пособію консульства, щедро выдававшаго билеты на Марсель и дальше—пароходомъ. Уѣзжали торопливо, кое-какъ снаряжаясь въ дальнюю дорогу, только бы вырваться, захватить моментъ, который могъ, и это понимали многіе, оборвавшись очень легко. А спустя нѣкоторое время изъ Россіи стали приходить извѣстія о томъ, что «бѣженцевъ» приняли со строгимъ разборомъ: иныхъ благодушно пропустили, другихъ отправили этапомъ на родину для установленія личности, третьихъ прямо въ тюрьму; и это подействовало расхолаживающе на многихъ изъ оставшихся, но подумывавшихъ объ отъѣздѣ, хотя бы и съ рискомъ.

Для тѣхъ, кто бѣжалъ отъ суда или послѣ него съ поселенія, такого исхода не было, но и остававшимся во время тревожныхъ дней въ Парижѣ, и вернувшимся сюда послѣ бѣгства въ провин-

цио стало ясно, что надо взяться за что-нибудь, однимъ, чтобы заполнить сразу образовавшуюся запустѣлость жизни, другимъ для заработка, третьимъ для того и другого. Это было очень нелегко сначала, когда внезапнымъ нарушеніемъ нормального хода вещей весь сѣверъ Франціи, а особенно Парижъ, оказались отрѣзанными отъ провинціи и вынуждены были сократить, а чаще всего совершенно прекратить промышленность и торговлю. Многія сотни тысячъ искусствъ рабочихъ выброшены были на мостовую налетѣвшую бурей, и долго еще общественная и государственная благотворительность сдерживала ихъ отчаяніе, покуда постепенно эта огромная масса не разоспалась по провинціи, постройкамъ шоссе, по предпріятіямъ, постепенно приспособливавшимся къ оборонѣ страны. Въ такихъ условіяхъ и русскимъ эмигрантамъ приходилось «затягивать свои пояса», усиленно посѣщать очень популярную эмигрантскую столовую на Rue de la Glaci re, заглядывать въ soupes populaires, организованные въ то время по всему городу «Комитетомъ Национальной Помощи» при непосредственномъ участіи партійныхъ соціалистическихъ и синдикалистскихъ группъ и мѣстныхъ ячеекъ и даже пользоваться денежной помощью мэрій.

Но этотъ безработный и голодный періодъ продолжался относительно недолго. Уже въ октябрѣ и особенно въ ноябрѣ, когда выяснилось, что Парижъ огражденъ отъ непосредственной опасности, въ промышленности и торговлѣ его началась быстро нароставшая тяга къ *reprise du travail*. Военный рынокъ, рынокъ фронта вскорѣ послѣ Марнскай поворотной битвы, т.-е. послѣ перехода французской арміи отъ маневренной войны къ позиціонной, предъявилъ такія огромныя требованія, что дезорганизованный тылъ съ трудомъ успѣвалъ ихъ удовлетворять. И тогда началась гигантская работа по милитаризаціи промышленности, которая потребовала многочисленные кадры интеллигентныхъ самостоятельныхъ рабочихъ, техниковъ, инженеровъ, способныхъ уловить идею этой трансформаціи производительныхъ силъ въ связи съ внезапно измѣнившимся характеромъ спроса. Специалисты, особенно химики, электротехники и инженеры стали повсюду желанными людьми, за ними охотились, какъ за рѣдкую дичью, многихъ переводили съ фронта въ тылъ на заводы и фабрики, работающіе на фронтъ, но все же ихъ было мало, и поэтому любому изъ эмигрантовъ, не окончательно забывшему свои специальныя познанія, легко находилось мѣсто за станкомъ въ лабораторіи, въ чертежной и т. д. И они шли, обнаруживая нерѣдко въ работѣ недюжинныя способности, большую трудоспособность и выдержанку.

Промышленный организмъ мало-по-малу, съ перебоями, остановками, вызванными недостаточною координированностью дѣйствій отдельныхъ отраслей, началъ работать. И вмѣстѣ съ нимъ оживилась сначала робко, съ оглядкой, потомъ все увѣреніе торговля. Поднялись желѣзныя вѣки витринъ, засверкали заново прочищенные стекла, засуетились автомобили, развозящіе по домамъ товары, загрохотали повозки... На улицахъ снова появилась мода, немного присмирѣвшая, тоже милитаризованная, но все же потребовавшая новыхъ тканей, новой обуви, перчатокъ и шляпокъ. И все, что могло работать, что умѣло держать въ рукахъ иглу, пошло въ мастерскія. Прежняя эмиграція, работавшая кое-какъ, потому что въ мирное время очень и очень не легко найти вообще иностранцу, а особенно русскому, работу въ Парижѣ, перебивавшаяся случайными заработками, отбросами промышленной жизни, заняла теперь прочное мѣсто, вошла решительно во французскую мастерскую и такимъ образомъ рѣшила для себя вопросъ о материальномъ существованіи.

И это было тѣмъ болѣе насущно, что многіе изъ нихъ, получавшіе поддержку отъ родныхъ и друзей, потеряли ее, а обращаться за помощью въ благотворительныя учрежденія, хотя бы и общественные или государственные, не могли по соображеніямъ вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что этотъ процессъ приспособленія эмиграціи проходилъ вполнѣ ровно и безпрепятственно. Какъ я уже показалъ выше, притавившіяся силы реакціи во Франціи весьма энергично использовали благопріятную коньюнктуру соціально-политическаго запрета для своихъ антиобщественныхъ замысловъ, и если непосредственно имъ не удалось осуществить то, что они намѣтили въ законодательной формѣ, все же косвенными путями имъ удалось въ достаточной мѣрѣ отравить атмосферу вокругъ эмиграціи. Началось съ того, что эмигрантовъ перестали принимать въ отряды землекоповъ, окружавшихъ Парижъ широкимъ поясомъ траншей. Трудъ этотъ былъ не изъ очень легкихъ, но давалъ недурный заработокъ, не требуя специальной подготовки. Затѣмъ начали беспокоить и въ предпріятіяхъ, работающихъ на оборону. По фабрикамъ и заводамъ засновали типичскія фигуры агентовъ за справками, отбывавъ ли такой-то воинскую повинность, почему не ѻдетъ въ Россію, не дезертиръ ли онъ, почему до войны такъ долго жилъ въ Германіи, почему во время налета цеппелиновъ часто зажигалъ и гасилъ у себя на квартирѣ огонь, не завѣсивъ окна, и т. д., и т. д.

А такъ какъ у подавляющаго большинства эмигрантовъ никакихъ документовъ не имѣется, и многіе изъ нихъ живутъ подъ

чужими именами, то совершенно понятно, что любознательность людей сыска нашла довольно обильную пищу, тѣмъ болѣе, что въ силу общихъ условій, они вездѣ чувствовали себя непринужденно. Въ результатѣ получилось то, что для прямого воздействиа на эмигрантовъ въ мымрецовскомъ стилѣ не оказалось достаточныхъ оснований: одного, другого упрятали, пару выслали—изъ-за этого, конечно, не стоило поднимать столько шума; но зато, и это гораздо хуже, эмигрантовъ стала немного побаиваться среда, въ которой они работали. Французы, въ общемъ, не любятъ полиціи. Не то, чтобы они ее боялись, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ отъ одного вида городового у гражданина мучительно сжимается сердце, но они ее хорошо знаютъ и поэтому не уважаютъ и, не уважая, всячески избѣгаютъ. Въ такихъ же сложныхъ и точныхъ аппаратахъ, какъ современная фабрика или заводъ, появленіе агентовъ считается совсѣмъ, ужъ неудобнымъ. И опять-таки не потому, что это «наводить тѣнь» на предпріятіе, а просто потому, что агентъ задаетъ вопросы, на которые надо отвѣтить, т.-е. терять время, создаетъ атмосферу подозрительности и возбуждаетъ любопытство, развлекающее рабочихъ и мѣшающее имъ работать, не говоря уже о томъ, что объекты справокъ нерѣдко должны оставлять свою работу для визитовъ въ комиссариатъ, что вовсе не такъ удобно для предпріятій, которые должны работать очень интенсивно, безъ малѣйшихъ задержекъ.

Утомленные постоянными посѣщеніями и запросами охраны, предприниматели и сами, наконецъ, стали интересоваться документами нанимающихъся, и такъ какъ послѣдніе оказывались сплошь и рядомъ не очень богато снабженными въ этомъ отношеніи, то случаи отказа имъ въ работѣ начали происходить все чаще и чаще: «Весьма сожалѣемъ, мсье, весьма сожалѣемъ, но вы должны понять—администрація насть вынуждаетъ» и т. д.... Несмотря, однако, на всѣ эти затрудненія, эмиграціи въ общемъ удалось выйти изъ затруднительного положенія, создавшагося войной, собственными силами. Она почти не пользовалась пособіями отъ казны, не обращалась въ Фондъ для безработныхъ, и когда ей предоставилась возможность получать деньги въ кредитъ изъ консульства, прибѣгала къ этому лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напримѣръ, когда необходимо было вернуться на родину и неоткуда было достать нѣсколькихъ сотъ франковъ, безъ которыхъ немыслимо двинуться въ путь. И насколько колонія была щепетильна въ этомъ отношеніи, можно судить по слѣдующему факту. Я уже упомянулъ въ началѣ статьи объ эмигрантской столовой, которая обслуживаетъ немалое число

«стѣвобережныхъ» эмигрантовъ. Какъ и всякое учрежденіе, поддерживающее малоимущіе элементы населенія, эта столовая имѣла право на субсидію отъ «Комитета Национальной Помощи», роль котораго и состояла, главнымъ образомъ, въ снабженіи необходимыми средствами, продуктами и предметами обозрудованія народныхъ столовыхъ. И, однако, администрація столовой рѣшила воздержаться отъ осуществленія этого права и преодолѣла многочисленныя затрудненія своими силами. Это было приблизительно въ то самое время, когда эмигрантовъ-волонтеровъ, попавшихъ въ пресловутый «иностранный легіонъ», упрекали въ томъ, что они пошли на войну, разсчитывая, что ихъ будутъ «жирно» кормить на фронтѣ.

Къ началу текущаго года эмиграція, пережившая нѣсколько бурныхъ мониторовъ и потерявшая не мало своихъ членовъ, однихъ ушедшихъ на войну, другихъ уѣхавшихъ въ Россію, третьихъ въ Швейцарію, откуда ихъ обратно уже не пустили, какъ людей завѣдомо подозрительныхъ, окончательно отстоялась. Снова наладили свою работу эмигрантскія учрежденія, организаціи, «группы содѣйствія»; появились новыя для обслуживанія волонтеровъ, которымъ посылаютъ газеты, книги, посылки; стали время отъ времени устраивать традиціонныя вечеринки, концерты; словомъ, машина жизни заработала вѣщне какъ будто по прежнему, но огромный переломъ пережила за истекшіе два года эмиграція, ибо никогда еще не случалось ей подойти такъ близко къ сознанію моральной слабости своей родины, не сумѣвшей выручить своихъ изъ плѣна тѣмъ болѣе тяжелаго, что онъ находится въ одной изъ свободнѣйшихъ странъ.

Г. Цыпировичъ.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Т - в о „З А Д Р У Г А“.

Москва, М. Никитская, д. 29.

Мельчуновъ, С. П. Наши монастыри. (Къ вопросу о секуляризациі монастырскихъ земель). Цѣна 30 коп.

Мельчуновъ, С. П. Послѣдній самодержецъ. Ц. 30 коп.

Мякотинъ, В. А. Революція и ея ближайшія задачи. Цѣна 20 коп.

Мякотинъ, В. А. Великій переворотъ и задачи момента. Цѣна 20 коп.

Полянскій, Н. Н. Революція—торжество права. Ц. 25 к.

Розенбергъ, В. А. Крестьянскій вопросъ въ наши дни. Цѣна 50 коп.

Н О В Ы Я И З Д А Н I Я.

Владимиръ Розенбергъ.

ЖУРНАЛИСТЫ БЕЗВРЕМЕНЬЯ.

Съ 16 портретами 4 автографами 439 стр. Цѣна 4 руб. 50 коп.

А. А. Крубергъ.

ХОЗЯЙСТВО, КАКЪ ЭКСПЛОАТАЦІЯ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ БОГАТСТВЪ.

(Антрапогеографический этюдъ).

Цѣна 2 руб. 10 коп.

Т-во „ЗАДРУГА“.

(Москва, М. Никитская, 29, кв. 6).

„СВОБОДНЫЙ НАРОДЪ“.

(Подъ редакціей Е. Н. Ефимова, М. А. Осоргина, Т. И. Полнера и Б. Е. Сыро-
чковского).

Великіе дни. А. М. Шубертъ. Ц. 20 к.

Какъ старое правительство довело Россію до революціи. К. В. Сивковъ. Ц. 20 к.
Николай II и его слуги. В. Е. Сыро-чковский.

Временное правительство. Б. Е. Сыро-чковский.

Предстоящее Учредительное Собраніе. Е. Н. Ефимовъ. Ц. 30 к.

Всеобщее избирательное право. Е. М. Побѣдина. Ц. 20 к.

О свободахъ въ свободныхъ странахъ. Н. А. Кабановъ. Ц. 20 к.

Какъ защищалось самодержавіе. Б. Д. Федоровъ. Ц. 30 к.

Министры, отвѣтственные передъ страной. Н. П. Губскій. Ц. 20 к.

Одна или двѣ палаты. Н. А. Кабановъ. Ц. 20 к.

Церковь въ новой Россіи. С. П. Мельгуновъ. Ц. 20 к.

Свобода совѣсти. Н. Д. Шаховская.

Свобода, равенство, братство. Н. И. Тимковскій. Ц. 30 к.

Свободный пародъ. В. А. Розенбергъ. Ц. 12 к.

Какъ нужно преобразовать наши городскія думы. Е. А. Звягинцевъ. Ц. 25 к.

Мелкая земская единица или волостное земство. Е. А. Звягинцевъ. Ц. 25 к.

Темные силы (Распутинъ и др.). А. Михайловъ. Ц. 20 к.

Романовъ въ исторіи. В. В. Филатовъ.

На чёмъ держалась дружба русскихъ и нѣмецкихъ царей. В. Н. Перцевъ.

Писсии о свободѣ. И. Н. Розановъ. Ц. 35 к.

Отчего загорѣлась великая европейская война. Н. П. Огановскій. Ц. 30 к.

Война сто лѣть назадъ и теперь. К. В. Сивковъ. Ц. 30 к.

Враги-ли евреи русскому народу. Н. П. Огановскій. Ц. 40 к.

Будемъ трезвы. С. И. Бондаревъ. Ц. 30 к.

Народъ—хозяинъ. А. Б. Петрищевъ.

Падение царской власти. В. Г. Короленко. Ц. 20 к.

Про нынѣшнюю войну и вѣчный миръ. М. А. Осоргинъ. Ц. 20 к.

Новый законъ о выборахъ уѣздныхъ земскихъ гласныхъ. Е. А. Звягинцевъ. Ц. 25 к.

Какъ будутъ избираться волостные земельные гласные. Е. А. Звягинцева. Ц. 20 к.

„ЗЕМЛЯ—НАРОДУ“.

Въ эту серію включаются слѣдующія популярныя книги Н. П. Огановскаго.

Земельный вопросъ въ Учредительномъ Собраніи. Ц. 25 к.

Земельный вопросъ и земельная политика. Ц. 35 к.

Война и земельная кооперация. Ц. 35 к.

ЗАДРУГА

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

А. С. Пругавинъ. Бунтъ противъ природы. (О хлыстахъ и хлыстовщинѣ). Вып. I. Ц. 1 р. 50 к.

Печатаются того же автора:

«Старецъ» Григорій Распутинъ и его поклонницы. В. I. Изд. 2.

Непріемлющіе міра. Очерки религіозныхъ исканій.

«Религіозные отщепенцы». Вып. III.

Книгоиздательство «З А Д Р У Г А»,
Москва, М. Никитская. 29, Петроградъ,
Гончарная 24.

ИМѢЕТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ КНИГА
бывшаго іерманаха ИЛЮДОРА.

СВЯТОЙ ЧОРТЪ

(ЗАПИСКИ О РАСПУТИНЪ).

Цѣна 3 РУБ.

Издание журнала
„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую ежедневную демократическую и социалистическую газету

„ВЛАСТЬ НАРОДА“.

Издание „Кооперативного Товарищества Издательского Дела“.
ЗАДАЧИ ГАЗЕТЫ.

Въ области политической—укрѣпленіе демократической республики, про-
веденіе ідей народовластия въ сознаніи широкихъ массъ населенія; въ области
соціальной—защиты интересовъ трудящихся классовъ и объединеніе трудовыхъ
массъ на творческой работѣ преобразованія всего хозяйственного строя на осно-
вахъ соціализма. Газета будетъ удѣлять особое вниманіе вопросамъ коопераціи.

ВЪ ГАЗЕТЪ ОБЪЩАЛИ СВОЕ УЧАСТИЕ:

Л. И. Аксельродъ (Ортодоксъ), А. И. Авраамовъ, доцентъ В. И. Анисимовъ,
С. С. Анисимовъ, Л. М. Армандъ, Анна Ахматова, Л. И. Бахъ, А. М. Беркенгеймъ,
Н. Я. Быховскій, И. А. Бунинъ, Ю. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. В. Вален-
тиновъ, А. М. Васютинскій, В. В. Вересаевъ, Б. А. Витмеръ, М. В. Вишнякъ, В. В.
Водовозовъ, В. П. Волгинъ, А. М. Винаверъ, В. А. Гердъ, проф. М. Н. Гернетъ,
Д. И. Голенищевъ-Кутузовъ (Илимскій), проф. А. В. Горбуновъ, М. Горький,
В. Г. Громуанъ, проф. М. С. Грушевскій, Н. В. Гумилевъ, А. Б. Дерманъ, А. М.
Домниковскій, А. Дунинъ, А. Н. Жекулинъ, проф. М. Д. Загряцковъ, С. О. Загор-
скій, Д. О. Заславскій, Е. А. Звягинцевъ, А. И. Зеленко, В. Н. Зельгеймъ, С. А.
Ефремовъ, И. И. Евтихіевъ, Н. И. Йорданскій, В. В. Каррикъ, Л. Б. Кафангаузъ,
Л. С. Козловскій, Б. А. Колыцовъ, проф. Н. К. Кольцовъ, В. В. Костинъ, В. П.
Краухельдъ, К. И. Крыловъ, прив.-доц. Д. В. Кузовковъ, А. Е. Кульянскій,
Л. П. Купріянова, Н. Н. Куренныхъ, Е. Д. Кускова, Лафонъ—депутатъ-соціалистъ
(Франція), Е. О. Ленская, З. Ленскій, А. Е. Лосицкій, В. Л. Львовъ-Рогачевскій,
Н. П. Макаровъ, В. Е. Максимовъ (Евгеньевъ), Н. В. Малолѣтенковъ, П. Н. Малян-
товичъ, В. Н. Малютовичъ, П. П. Масловъ, К. А. Маціевичъ, Д. А. Мегеровскій,
С. П. Мельгуновъ, А. В. Меркуловъ, А. Н. Мининъ, Н. К. Муравьевъ, В. Я. Му-
риновъ, Муте—деп.-соц. (Франція), М. П. Невѣдомскій, Н. П. Огановскій, А. С.
Орловъ, М. А. Осоргинъ, В. Н. Перцевъ, А. Б. Петрищевъ, А. А. Петровъ, Г. В.
Плехановъ, проф. Н. Н. Полянскій, А. Н. Потресовъ, С. Н. Прокоповичъ, А. С.
Пругавинъ, Л. М. Пумпянскій, А. В. Пѣщехоновъ, Ф. В. Радванскій, Н. А. Рож-
ковъ, Н. Рыбацкій (Чирковъ), А. А. Рыбниковъ, Б. В. Савинковъ (Ропшинъ),
А. Ф. Саликовскій, С. Г. Сбитниковъ, Н. А. Славицкій, Т. И. Семеновъ, Д. Д.
Семеновъ, В. К. Сѣрежниковъ, Е. Смирновъ (Э. Л. Гуревичъ), В. Н. Сторожевъ,
А. С. Тагеръ, А. А. Тарасевичъ, проф. Л. А. Тарасевичъ, прив.-доц. А. А. Титовъ,
К. Н. Успенскій, В. М. Фриче, В. В. Хижняковъ, А. М. Хирьяковъ, М. А. Цявлов-
скій, Н. В. Чайковскій, А. В. Чаяновъ, Е. Я. Черномордикъ, В. М. Черновъ,
В. И. Цедербаумъ, С. И. Цедербаумъ (В. Ежовъ), И. С. Шмелевъ, Ф. П. Шипулин-
скій, В. Е. Якушкинъ, Л. О. Эберлинъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) въ Главной конторѣ: Москва, Моховая (уг. Тверской), 28; 2) въ Москов-
скомъ Народномъ Банкѣ—Мясницкая, 15 и 3) въ Московскомъ Союзѣ Потреби-
тельныхъ Обществъ—Новая Переведеновка, с. д.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ доставкой и пересылкой въ Москву и въ провинцію: съ 1 юля до конца
года 12 р. 50 к. и 3 мѣсяца 6 р. 50 к., на 1 мѣс 2 р. 25 к.

Комплектъ 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Льготная подписка: кооперативамъ, социалистическимъ организаціямъ, профес-
сиональнымъ союзамъ, рабочимъ клубамъ, народнымъ домамъ, народнымъ библіоте-
камъ и народнымъ учителямъ и учащимся при непосредственномъ обращеніи въ
Главную контору съ 1 юля до конца года 11 р., на 3 мѣсяца 5 р. 50 к., на
1 мѣсяцъ 2 р.

Отъ РЕДАКЦИИ.

Слѣдующая книга „Голоса Минувшаго“ выйдетъ въ августѣ въ двойномъ размѣрѣ и будетъ посвящена русскому освободительному движению.

Отъ Конторы.

Въ виду расхожденія первыхъ двухъ книжекъ журнала, подписка принимается только съ № 3.

Цѣна на годъ (безъ № 1 и № 2) 20 руб.

на $\frac{1}{2}$ года	12 "
на 3 мѣс.	6 "

Контора просить полугодовыхъ подписчиковъ возобновить подписку до 1 августа, предупреждая, что въ виду дорговизны печатанія и бумаги журналъ печатается въ ограниченномъ количествѣ.

Новый адресъ конторы съ 1 июня:

МОСѢВА.

Крестовоздвиженскій пер. д. 9, кв. 8.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1917 г.

— НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“ (5-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ истории и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей истории, исторіи литературы, философіи, искусства и археологии.	V. Біографии русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библиографія.
III. Материалы по истории, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая белледрамтика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ (съ 1-го мая) съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 20 руб., на $\frac{1}{2}$ года 12 руб., на 3 мѣсяца 6 руб. 50 к., за границу 25 руб.

Перемѣна адреса 40 коп.

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ книга журнала 3 руб.

ПОДПИСЧИКИ на 1917 г. имѣютъ право пріобрѣсти на льготныхъ условіяхъ историческія изданія „ЗАДРУГИ“.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала: Воззвиженка, Крестовозвіженскій пер., д. 9, кв. 8.

Въ отдѣленіи конторы: Петроградъ, Гончарная, 24. Кнг. «ЗАДРУГА».

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРИЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 3 до 5 час.
Отд. Редакціи въ Петроградѣ: В. О., 3 линія, д. 59., кв. 12. Приемъ ежедневно отъ 6 до 7 ч. веч.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Цѣна 3 руб.

Типъ Т-ва Рабушинскихъ. Москва.